

Musica Poeb

Duc

16+

Тима Феев

Дис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28073633

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-97244-5

Аннотация

Не всё в этом мире можно увидеть, измерить или определить. Но это вовсе не означает, что таких вещей не существует. Мы не можем видеть, например, дружбу или любовь. Измерить страх или привязанности. Духовный мир почти полностью скрыт от нас, вызывая подчас сомнения в самом факте своего существования. Однако именно об этом невидимом мире духа и идет речь в мистическом романе «Дис», который в совершенно новом свете представляет всё то, о чем мы можем лишь смутно догадываться.

Содержание

1. Пустыня	5
2. Крест	14
3. Яма	24
4. Трансцендентность	35
5. Земная жизнь	44
6. Последний день	54
7. Столкновение	64
8. Звезда	74
9. Мертвица	84
10. Объяснение	96
11. Безумец	107
12. Опять на работу?	117
13. Алмаз	128
14. Отдел кадров	139
15. Мнимая смерть	150
16. Эхо	161
17. Тайный проход	172
18. Стационарная орбита	183
19. Свобода	195
20. В гостях	206
21. Стекло	217
22. Конференция	228
23. Совпадение	239

24. В заточении	251
25. Просьба Люн	262
26. Поиски	273
27. Пирамида	285
28. На высоте	296
29. Космос	307
30. Пустота	318
31. И снова пустота	329
32. Сатурн	340
33. В гостях у Люн	351
34. Высший совет	362
35. Вниз	374
36. Узел жизни	386
37. Бездна	396
38. Назад на Землю	408
39. Из глубины	419
40. Дома	430
41. Первые успехи	442
42. «Нет» отверженных	453
43. Отчаяние	464
44. Дис	476
45. Свет	486
46. Заключение	497

Тима Феев

Дис

1. Пустыня

Это была пустыня. Бескрайняя, жаркая. А ночью холодная. Она была такой огромной, что в ней, как казалось, могла уместиться вся Вселенная. Но в ней ничего не было. Ни примечательного, ни даже такого, на чем бы мог хоть как-то задержаться внимательный, живой, осмысленный взор. Пески и барханы, барханы и пески. Жара еще, но только днем. Жара, впрочем, была там, пожалуй, и примечательной. Поскольку казалась совершенно невыносимой. И даже песок, который и без того был очень сильно, страшно истерзан миллионами лет чудовищных перепадов дневных температур, в светлое время суток едва слышно потрескивал и словно бы скрипел. Или даже пищал. Но все же не плавился. Совсем немного не хватало жару, чтобы переплавить этот вечно пересыпающийся, измельченный едва ли не до состояния кукурузной муки кварц, в прозрачное, холодное, плавно изогнутое стекло. Но нет, неожиданно и словно бы нарочно налетал неведь откуда взявшийся ветер и приносил с собой едва заметную, но уже вовсе никому не нужную прохладу. После чего с почти упрямой настойчивостью сдувал наиболее разо-

гретые слои песка куда-то вглубь, в тень, подальше от нестерпимого жара, где те хотя и немного, но остывали. Впрочем, тени в этой пустыне появлялись лишь ближе к вечеру, когда дневная жара начинала уже слабеть, а местное светило почти вертикально скатывалось за дымчатую, подернутую легкими призрачными миражами линию горизонта. Тогда песчаные барханы, освещенные пылающей звездой лишь только с одной, западной их стороны, становились невероятно похожими на огромные морские валы, застывшие в монументальной неподвижности в абсолютном, хрупком и сдержанно-напряженном молчании.

Легкомысленный ветер, закручиваясь поземными вихрями, сдувал с покатых склонов барханов и с их гребней шелестевший словно сухая осенняя листва песок и распылял его по впадинам. Там песок скапливался небольшими покатыми горками и перемещался к новому бархану или укреплял основу старого. Сами же барханы также едва заметно перемещались, но очень незначительно. Они словно бы целиком, вовсе не меняя своей изначальной формы, переползали со скоростью куда меньшей, чем скорость их же собственных теней, вперед, в сторону и по направлению дуновений ветра. Ветер же, в свою очередь, дул то сильнее, то слабее, а иногда и вовсе менял направление. Все это превращало равномерное, вялое, едва уловимое для глаза движение сыпучего, гладкого песка в совершеннейший хаос. И тем не менее пустыня эта не была уродливо-хаотичной. Но и красивой она

тоже не была. Она была словно бы какой-то равнодушной, безразличной ко всему. К тому что было за ней, под ней и перед ней. Вот только что это там было, да и было ли что, кто знает. Впрочем, какого внимательного участия можно ожидать от такого мертвого, пустого, бездушного места. Какого живого сочувствия можно вообще предполагать от неживой природы? Да и к чему. Ведь там ничего не было. А даже если и было что, то уж наверняка бы никто не смог об этом ничего рассказать. Поскольку никто ничего не знал об этом месте, да и не был здесь никогда. Неведомое это было место, таинственное. Чуть загадочное, конечно, но при этом совсем не пугающее.

Наступало утро. И вместе с рассветом начинался новый день. Вот заново принимался дуть едва заметный ветерок, еще прохладный с минувшей ночи, которая, как казалось, всего несколько часов назад совсем его заморозила и уже навсегда. Возвращалось извечное движение песка и его предательские путешествия от бархана к бархану. Свет восходящей звезды озарял поверхность пустыни чуть бледно-розовым. И тогда она, едва ли не в первый и единственный раз за все светлое время суток становилась, пожалуй, чуть менее некрасивой. Но вскоре и эта розовая дымка бесследно рассеивалась, и в свои полные и нерушимые права снова вступала жара. Свет становился сначала желтоватым, потом, очень ненадолго, фиолетовым, а затем и абсолютно белым. Песок, еще несколько минут назад казавшийся едва ли не уютным

и мягко согревающим после свирепо обжигающей своим адским холодом ночи, вновь начинал едва заметно шипеть, а затем, прогревшись уже основательно, и потрескивать. Звук этот разносился над поверхностью пустыни словно шипение не до конца погасшего, залитого водой гигантского костра. Его вполне можно было бы спутать даже с шумом ветра. Но это было, конечно же, не так. Песок осыпался и потрескивал. Потрескивал и от этого осыпался. И над всем этим слабыми, но уже обжигающими дуновениями начинал метаться слегка завывающий порывистый утренний ветер.

Но вот приближался полдень и местное светило, поднявшись почти вертикально над линией горизонта, начинало припекать уже по-настоящему. Песок из туманно-белого становился сначала дымчато-серым, с чуть золотистым отблеском, а затем, будто по чьему-то волшебному мановению, начинал отражать свет, отчего и делался нестерпимо ярким. В это время на пустыню трудно было даже смотреть. Да и невозможно, пожалуй. Едва начавшие свое утреннее переползание барханы теперь застывали полностью без движения, словно бы придавленные тяжелым грузом нестерпимого жара. Песку теперь уже вовсе некуда было деться. Полуденный зной палил и жарил его, раскаляя едва ли не до температуры плавления. Но нет. Опять нет. Песок не плавился. Каким-то непостижимым образом жара не раскаляла его до предела, лишая даже этой, пусть и весьма иллюзорной возможности от нее укрыться. Ведь тогда переплавленный

в прозрачное стекло бывший уже песок смог бы куда больше отражать полуденного света. Он не прогревался бы столь сильно и его «участь» не казалась такой безнадежной. Да и то, что находилось под ним, не страдало бы столь жестоко. Вот только что это там было, да и было ли что? Бог ведает.

Жара все сильнее сдавливала поверхность пустыни. Она казалась теперь уже просто невозможной. Она становилась на вид кристально прозрачной, а по действию словно бы каменно-твердой, сжимавшей песок неумолимым, чудовищным прессом. Поэтому даже потоки воздуха, поднимавшиеся с поверхности пустыни, не могли более исказить ее вида своими миражами, поскольку с невероятной скоростью уносились туда, где власть жары не была такой беспредельной. Наверх, подальше от раскаленных барханов. К покою, к прохладе, к сумраку блуждающих теней. Однако, едва достигнув спасительной высоты, воздух начинал там очень быстро остывать, отчего вновь, подчиняясь непреложным законам природы, медленно, плавно, многочисленными изгибающимися потоками соскальзывал назад вниз, к поверхности, попадая в конце концов все в тот же пылающий ад, из которого еще совсем недавно с таким трудом вырвался. Как ни странно, но законы природы не нарушались даже здесь, в этом месте.

Наконец полдень оставался позади и наступало время, когда пламя местного светила начинало постепенно ослабевать. Оно, конечно, все еще оставалось нестерпимо жарким,

однако лучи его достигали поверхности пустыни уже под некоторым углом. И хотя от этого было несколько не легче, но тем не менее там, у самой раскаленной добела поверхности начиналось едва заметное, но движение. Первым начал просыпаться ветер. Он, объединяя незначительные массы воздуха, которые вовремя не успели подняться вверх, отчего и были на несколько часов придавлены нестерпимым жаром, начинал теперь как будто слегка оживать и шевелиться. От этого на поверхности пустыни возникала почти незаметная, едва различимая возня. Слабые движения ветерка, небольшие смерчки и тихие хлопки от столкновений воздушных потоков начинали сдувать песок в разные стороны, а иногда на самом деле отрывать его от склонов барханов. Со временем этот процесс только усиливался. Поэтому по прошествии нескольких часов все эти разросшиеся теперь уже до солидных размеров смерчи, потоки воздуха и порывы ветра сбивали, сдували и взвинчивали вверх уже довольно крупные и объемные массы песка. Пока наконец, уже ближе к вечеру, процесс этот не перерастал в самую настоящую пустынную бурю. Но вдруг, перед самым закатом, когда местное светило касалось линии горизонта, а еще через несколько минут и вовсе исчезало за ней, все это движение со смерчами и вихрями прекращалось. Ветер, словно бы ударившись о незримую, бесконечно-протяженную вверх и в стороны прозрачную стену стихал, свет мерк, а песок, более уже не поддерживаемый воздушными потоками, просто-таки па-

дал огромными ошметками и целыми ливнями с неба. Становилось темно. И с последним рухнувшим с небесных просторов водопадом песка на пустыню опускалась долгожданная, холодная, темная ночь. Вечеров в этом месте практически не было.

Однако ночь не приносила с собой особого облегчения. Температура воздуха, в точности как и еще несколько минут назад осыпавшийся с неба шумящий песок, падала просто катастрофически. Нуля градусов она достигала примерно через полтора часа после заката, а затем все так и продолжала понижаться. Вот уже и двадцать градусов мороза минуло, и тридцать. А вот уже и все семьдесят. Наконец процесс этот начинал постепенно замедляться и холод более не усиливался. Впрочем и того, что сейчас было, хватало с избытком. Песок остывал очень быстро. Конечно, не так быстро, как воздух, однако это незначительное отставание буквально через пару часов сокращалось до минимума. Поэтому примерно к полуночи в этой пустыне устанавливалась совершенно иная, но также невыносимая температура, – холод. И он был повсеместно.

Даже на глубине нескольких метров он начинал уже ощущаться, хотя и не так, как на поверхности. И тогда из этой сыпучей, темной, пугающей глубины доносился едва заметный то ли стон, то ли вздох облегчения. А может это сам многострадальный песок начинал там как-то перемещаться, подчиняясь непреложным законам природы и динамике раз-

ности температур. Но тем не менее, пусть даже и ненадолго, и только здесь, в этой беззвучной, крошечной, сдавливающей темноте все же устанавливалась почти нормальная температура.

Ветер в это время совсем не дул. Лишь только изредка, да и то очень слабо. Этого не хватало даже для того, чтобы сдвинуть с гребней барханов самые малые и легкие толки песка. Поэтому никакого движения ночью в этой пустыне не было. Отчего над ней повисала совершенно немислимая, почти невозможная, не прерываемая ни единым, даже самым слабым звуком, тишина. Едва ли не благословенная. Звезды светили так, что совершенно ясно освещали гребни барханов. И хотя никакой луны в этом месте не было, но тем не менее ночью здесь все было очень хорошо видно. Удивительные были ночи в этом месте. Холодные, темные, но прекрасные. Песчаный кварц отражал переливчатыми бликами мириады тонких лучей ниспадавшего на него света от далеких звезд. Причем свет этот был нежнейшего, бело-голубого оттенка. Очень красивый. Вот только кто бы мог посмотреть на все это, кто бы мог увидеть эту красоту? Песок от мороза теперь словно бы опять оживал и начинал искриться, поблескивая колотыми гранями своих песчинок. Однако движение это было почти незаметным. И только по легкой световой ряби, которая морозным туманом нависала над поверхностью пустыни, можно было все это предположить.

Ночь длилась в этом месте очень долго и едва ли не вечно.

Но это было лишь одно впечатление. Ночь была не длиннее дня, просто она была холодна, темна и невероятно спокойна. Поэтому очень странным казалось, когда по прошествии всего нескольких часов после полуночи, зыбко и чуть заметно, на востоке начинало как будто бы светать. И хотя это была еще совсем не заря даже и уж тем более не восход звезды, но тем не менее это был уже вполне ясный, прозрачный намек на то, что и бесконечность также имеет свои пределы и что ночь, казавшаяся еще несколько часов назад нескончаемой, тоже заканчивается. И тогда в этой пустыне снова словно бы слышался слабый стон. Далекый, тяжкий, безнадежный. Как вздох ветра или шум пересыпавшегося, шелестевшего подобно сухой осенней листве песка. Он доносился откуда-то издалека, оттуда, из-за линии горизонта, где ничего не было. Да и быть не могло. Никогда. Бескрайней была эта пустыня, беспредельной. И она была везде и нигде одновременно. И не было у нее ни начала, ни конца.

Странное это было место, таинственное. Но почему-то совсем не пугающее. Почти сверхъестественное. Такое, каким бы только мог его вообразить себе человек. Но вообразив, тут же позабыл бы, утратив его печальный образ где-то в глубинах памяти навсегда. Он позабыл бы даже самую мысль о нем, намеренно укрыв малейшее воспоминание насколько возможно глубоко. Там в неизведанной области своего существования, где не было ни мыслей, ни чувств, ни даже самих воспоминаний. В туманной бесконечности души.

2. Крест

*«ибо, где выросло худшее из всех деревьев – крест,
– в такой земле хвалить нечего!» (Ф. Ницше)*

Это была пустыня. Бескрайняя, жаркая. А ночью холодная. Она была такой огромной, что, как казалось, целого мира мало, чтобы уместить ее в себе. В ней ничего не было. Ни примечательного, ни даже такого, на чем бы мог хоть как-то задержать свой взгляд внимательный, живой, разумный человек. И так было всегда. Долгие годы. Сотни, тысячи лет. Во всяком случае до тех самых пор, пока обыкновенная, ничем не примечательная, тихая безлунная ночь, в очередной раз не сменилась ярко вспыхнувшим красно-оранжевым рассветом. И все в том рассвете было как обычно, как всегда. Почти все. И тем не менее, в пустыне этой появилось тогда нечто, оставшееся будто от самой, той, предшествующей, морозной, темной ночи. Маленький кусочек ее, не канувший с восходом звезды в небытие. Нечто, удержавшееся на поверхности. Холодное, бездушное, черное. Словно бы вобравшее в себя все то беспредельное и таинственное, что скрывалось в исчезнувшем ночном полумраке, а также том, давно позабытом первозданном черном хаосе. Той крошечной мгле, предшествовавшей зарождению самого мира. Когда зыбко и как будто неуверенно начало течь бесконечно-протяженное неумолимое время. Когда часы мира про-

били первую секунду его существования, когда свет родился из тьмы, а тьма распалась на мелкие, едва различимые фрагменты, мгновенно выброшенные невероятным взрывом в только что возникшее, расширяющееся трехмерное пространство. Впрочем, та мгла не исчезла тогда совсем. Она словно бы затаилась в молчаливом, холодном, терпеливом ожидании того далекого часа, когда ее сила вновь превзошла бы силу первородной генезисной вспышки. Когда свет, зажатый гравитационным давлением исказился бы, закружился исполинским белым вихрем, после чего был бы навеки поглощен все той же мглой, из цепких объятий которой очень давно, десятки миллиардов лет назад, вырвался.

И это была частица той мглы. Она была даже еще чернее самой той минувшей темной ночи, из цепких объятий которой совсем недавно как будто бы вышла. Вот только откуда она взялась здесь в этой пустыне, трудно было определенно сказать. Так же как нельзя было и установить точное время ее возникновения. Ведь она не отражала свет, а поэтому оставалась совершенно незаметной даже в призрачном сиянии далеких звезд. Однако сейчас, когда взошедшая над горизонтом близкая уже звезда осветила поверхность пустыни своими лучами, она, на фоне розовеющих барханов и нежно-голубого, а местами и ярко-бирюзового чистого неба проявилась очень четко. И это был крест.

Он был большим. Метров десяти в высоту. Поверхности пустыни он не касался, а просто висел в воздухе неподвижно

безо всякой опоры. Ни дуновения ветра, ни свет восходящей звезды никак на него не действовали. Он выглядел словно навсегда застывшим не только в пространстве, но и во времени. Не будучи ни в малейшей степени подвластным им. Ничто, очевидно, не могло поколебать строго вертикального его положения, а также замутить идеально-черного цвета его граней. Тонкие, почти с абстрактной точностью выточенные ребра, могли, как казалось, своими ровными прямыми углами резать сталь. Вот только пустым был этот крест. И не было в нем ничего ни живого, ни теплого. Одно небытие. Холодное, лишённое всякого смысла, и куда как не благословенное.

И все же появление этого креста не осталось в пустыне совсем незамеченным. Сразу, едва лишь взошедшая над горизонтом звезда осветила своими лучами это чудовище, как вокруг него и непосредственно под его основанием, стало происходить нечто. Послышались слабые, едва различимые стоны. Тяжкие вздохи и причитания. Словно бы это уже сами барханы вдруг и очень робко вознамерились обратиться к кресту. То, что находилось в них самих, очень медленно, почти незримо тянулось вперед, простирая свои невидимые длинные руки как можно дальше, так, чтобы хоть как-то до него дотронуться. Хотя, это было отчасти и неудивительно. Ведь в этой пустыне как и в любой другой день очень быстро поднималась температура и становилось нестерпимо жарко. Еще несколько часов или даже минут, и песок снова бы

начал привычно пищать, шипеть и потрескивать. А рядом с крестом было прохладно или даже совсем холодно. Причем холод этот был настолько сильным, что под самым основанием креста на песчаной поверхности бархана образовался и удерживался самый настоящий искрящийся белый иней. В это трудно было, конечно, поверить, но это было именно так.

Разыгравшийся утренний ветер налетал и насакивал на крест, принося с собой уже довольно сильно разогретые облачка кварцевого песка. Но это не имело ни малейших последствий. Ничто не действовало на крест. Ни ветер, ни свет восходящей звезды, ни даже сам песок, который от столкновения с ним буквально кололся и лопался, разлетаясь мелкой снежной пылью в разные стороны. Слишком уж большим был перепад температур, кварц просто не выдерживал. Стоны и голоса, доносившиеся с разных сторон, тем временем только усиливались. Вот уже действительно, хотя и с определенным трудом, стало возможным различить некоторые слова. То, – это нечто, что, как казалось, еще совсем недавно тянулось к кресту, также стало постепенно обретать вполне определенную, хотя и призрачную форму. Форму человеческих рук. И эти руки тянулись к кресту. Они словно бы гладили его на расстоянии, превозносили. Но отчего-то не благословляли. Они тянулись к нему так, как будто от этого зависело все, что с ними когда-либо было, есть, и еще будет. Как мог бы только смертельно уставший от долгого, тяжелого перехода путник тянуться к холодному, журчащему, искря-

щемуся своей живительной влагой и свежестью ручью.

Крест же оставался неподвижным. Эти руки и голоса никак на него не действовали. А ведь они начинали уже почти доставать до него и иногда на самом деле легонечко к нему прикасаться. Однако прикоснувшись, тут же, словно от термического ожога, сначала резко отдергивались назад, но затем снова неумолимо к нему тянулись. Вот уже и головы показались над поверхностью пустыни, и плечи. Вот уже кто-то из этих бесплотных призраков весь, целиком выбрался на поверхность бархана и встал на колени. А затем истово, всем телом и прижался к кресту. И это была женщина.

– Милый мой, любимый, единственный, – были первые ее слова. – Почему я так долго тебя ждала? Ведь я всегда очень сильно любила тебя и знаю кто ты. Ты всегда был со мной. В тихих грезах ночных и фантазиях при свете дня. Ради тебя я здесь. Ради нашей любви, вечной, нерушимой. Я убила своего мужа и тем заслужила проклятие отца. Детей своих оставила умирать голодной смертью. Но теперь я здесь и ты мой. Навеки.

– Дура, тварь, – слышалось с разных сторон, – прочь от него! Ты не одна здесь страдаешь. Мы тоже имеем право. Законное право, мы заслужили его.

После этого еще несколько обнаженных призрачных женских тел поднялись над поверхностью бархана и, кто на карачках, а кто и так, по-пластунски, быстро поползли к кресту.

– Как хорошо! Как же хорошо здесь в этом месте... – они смеялись и плакали. Переворачивались на живот и подпрыгивали, встав на ноги. – Нет большего блаженства, чем вкушать прохладу после стольких лет страшных пыток. Ненавистный песок, будь ты проклят! У нас теперь есть защита от тебя. Своя защита. Он укроет нас. Мы не дадимся тебе больше. И впредь ты уже не властен над нами, гадина.

Женские тела, призрачные и обнаженные, немного утолив свою тягу к прохладе, теперь распростерлись под парящим в воздухе крестом на покрытой инеем поверхности бархана. Они явно наслаждались. Несколько мужских тел, таких же призрачных и полупрозрачных, показались через некоторое время над поверхностью соседнего бархана. Они, очевидно, также хотели подползти к кресту и насладиться его прохладой. Но были тут же забиты и затоптаны, в мгновение ока обратившимися в настоящих фурий, призраками женщин. Когда же жестокая расправа была завершена, счастливые победительницы вновь вернулись на свои места и приняли прежнее, полное невыразимого и неистового блаженства распростертое положение. Они не собирались никуда уходить с этого места. Они не уступили бы его никому и ни за что. Решив, пожалуй, провести рядом с этим крестом остаток самой вечности. Они теперь разговаривали друг с другом и больше уже не ссорились. Они были счастливы.

Остальные же призраки мужские и женские, которые тоже томились от нестерпимого жара полыхавшей уже полу-

денным зноем звезды, находились довольно далеко от креста, отчего и не ощутили его присутствия. Видеть же его с большого расстояния да еще и с глубины из-под тяжелого сыпучего песка они просто не могли. И участь их была все так же незавидна.

– Нийя, – обратилась одна из призрачных женщин ко все еще прильнувшей к кресту девушке, – вот ты много чего сделала в миру, когда жива была. И мне даже неинтересно зачем. Но мне все же любопытно узнать, как ты поняла, что это именно он, твой милый и единственный. Когда ты впервые увидела его?

– Я увидела его перед алтарем, когда выходила замуж. Он стоял прямо передо мной, то есть, между мной и тем другим... моим мужем. И когда я надевала обручальное кольцо на тот жирный его палец, то надевала это кольцо своему любимому. И целовала я его, и в верности клялась ему же. Поэтому я никаких клятв не нарушала. И я до сих пор не понимаю, зачем я здесь, – она с удивлением посмотрела по сторонам.

– Но ведь мужа-то своего ты же не просто так не любила, ты еще и убила его. Как это, по-твоему, хороший поступок?

– Нет, конечно, – ответила девушка тихо, – но ведь он хотел близости со мной. А я принадлежала только моему любимому. Что мне оставалось делать? Да и отец мой, как оказалось, тогда обо всем узнал и проклял меня. А дети... Ну, они не были моими. То есть не теми, желанными, каких я

хотела. Они были от того скота, который называл меня своей женой. Но я никогда не была женой ему и никогда его не любила.

– Понятно, – ответила призрачная женщина спокойно. – После чего зевнула и перевернулась на другой бок. – Но хорошо же, – продолжила она, – вот ты сейчас говоришь – «любимый». А ты хотя бы знаешь его имя?

– Нет, – чуть даже всхлипнув, ответила девушка. – Раньше я знала его, но потом отчего-то забыла. Я все помню, а вот этого нет. Это все проклятые пески! Они отнимают мою память, специально. – Тут она ненадолго отвернулась от креста, и что было сил топнула своей маленькой изящной ножкой по поверхности бархана. – Но ведь это все равно, не так ли? – она вновь обратилась к кресту. – Ты все равно помнишь меня и узнал? Я вот тебя узнала. И хотя ты сейчас в таком, – она чуть отстранилась назад и окинула крест несколько удивленным взглядом, – образе, но я все равно узнаю тебя. И вижу, как прежде. Таким, каким ты был на нашей с тобой свадьбе. И я всегда тебя узнаю и везде, даже с закрытыми глазами.

– Идиотка, – зашептались другие женские призраки между собой, – она всегда была чокнутой. – Даже имени его не знает, а все туда же, в невесты. – Тут они, даже не договариваясь, все разом накинулись на девушку, оторвали ее от креста и с диким хохотом швырнули подальше в раскаленный и шипящий песок пустыни.

То, что произошло потом, довольно трудно описать нормальным языком обычной человеческой речи. Однако, если опустить подробности, – то в мгновение ока эти женские призраки были ну просто-таки разорваны на части осатаневшей до беспредельного безумия девушкой. Она била их и рвала ногтями, грызла зубами. Терзала с силой непостижимой. словно бы не то, чтобы она сама в ту минуту сошла с ума, а еще несколько таких же буйных, впавших в неистовый маниакальный припадок безумцев, оказывали ей помощь. Со стороны вся эта молниеносная схватка вполне напоминала драку диких кошек. Вот только последствия ее были куда более ужасными. Разорванные на части женские призраки не могли более существовать в виде цельных, хотя и бесплотных субстанций, отчего, обратившись в некую полупрозрачную, такую же как и они сами, вязкую жидкость, плавно стекли на покрытый инеем песок пустыни. Девушка же, не обращая ни малейшего внимания ни на душераздирающие вопли своих подруг, ни на сами последствия своего бешеного припадка, вновь прильнула к кресту. Да так и застыла у него в абсолютной неподвижности. Она была счастлива.

День тем временем постепенно заканчивался и приближалась ночь. Местное светило быстро и как всегда почти вертикально скатилось за зыбкую, подернутую призрачными миражами линию горизонта. После чего на пустыню непроницаемым саваном опустилась крошечная мгла. Она укрыла и тот крест, и девушку, которая все так и стояла, прильнув

к нему всем телом. И даже звезды, засверкавшие бриллиантовой россыпью в ночном безоблачном небе, не смогли осветить их беспредельной, счастливой, но абсолютно черной любви.

3. Яма

Наступило утро. И пустыня быстро озарилась яркими лучами нового рассвета. И прекрасен был этот рассвет, как и всегда. Сама же пустыня в тот день совсем не изменилась. Она была, пожалуй, даже какой-то по-особому некрасивой. Серый цвет буквально царствовал над ней, однообразно растекаясь по матовым, волнистым, изменчивым ее формам. А только что проявившиеся черно-серые тени, ниспадавшие со склонов барханов, вполне завершали этот безрадостный, полный неопишуемого уныния пейзаж.

Однако рассвет этот как, впрочем, и предыдущий, не был вполне обыкновенным. И если бы только кто-нибудь мог все это увидеть, то заметил бы, что и после этой, второй уже подряд минувшей ночи, в таинственной пустыне вновь появилось нечто. Причем на этот раз не одно. Несколько, ровно восемь таких же черных крестов, как и тот, что появился вчера, темнели мрачными, вызывающими украшениями расплывчатой линии ее горизонта. Кресты эти находились очень далеко от предыдущего и располагались вокруг него. Отличий в них заметно не было никаких: все одинаково черные и совершенно не отражавшие свет. Да к тому же еще, судя по всему, и очень холодные. Что же касалось вчерашнего креста, то он все по-прежнему неподвижно висел над поверхностью пустыни. А несчастная, или счастливая девушка так и

стояла на месте не шевелясь, прильнув к нему всем телом. Вот только заметно было, что она очень замерзла. Ведь прошедшая ночь, как и любая другая здесь, была невероятно холодной, да и сам крест был не теплее. Однако она не роптала, не отошла от него, не спряталась под согревающей толщей тяжелого песка. Она его очень любила. И никакие силы природы, как казалось, не могли оторвать ее от этого бездушного, жестокого, но бесконечно любимого ею существа. Но неумолимая судьба распорядилась, как это почти всегда и бывает, по-своему.

Не прошло и нескольких минут после рассвета, как девушка, словно бы очнувшись от того полузабытья, в котором пребывала, стала оглядываться по сторонам. А затем и неуверенно посмотрела на крест. После чего робким, непонимающе-удивленным голосом спросила: «А почему ты поднимаешься, милый? Ведь я теперь почти не достаю до тебя». И действительно, ноги девушки стали сначала медленно выпрямляться, потому что до сих пор она стояла едва ли не на коленях, а затем и вовсе оторвались от песка. Она попыталась было дотянуться до верхушки бархана хотя бы на цыпочках, но не смогла. Вот она уже полностью повисла на кресте и вновь, словно бы в недоумении проговорила: «Милый мой, прости, но долго я так не смогу». После чего опять и изо всех сил прижалась к кресту. Однако крест не опускался. Но и не поднимался. Он все по-прежнему висел в воздухе неподвижно. Как оказалось, это сама поверхность пусты-

ни стала медленно, почти незаметно для глаза проседать под ним. словно бы некая таинственная, но очень могущественная сила не то чтобы вдавливала песок вглубь. Она словно бы убирала из-под него опору. Отчего и песок, и барханы из него состоявшие, стали постепенно осыпаться туда вниз и все сильнее проваливаться.

В самой же пустыне помимо этого странного катаклизма не происходило ничего необычного. Местное светило все так же пылало, ветер дул, а стон терзаемых дневным жаром призраков постепенно стихал. Ведь иную боль невозможно выразить даже стоном. Впрочем, хотя это и могло показаться немного странным, но именно призраки тогда первыми заметили нечто особенное, поскольку ощутили своими бесплотными телами едва уловимые, глубинные движения сыпучего песка. Некоторые из них из-за этого высунули свои полупрозрачные головы на самое пекло и стали оглядываться. Когда же они увидали кресты на горизонте, то уже не смогли более оторвать от них взгляда. Уж слишком велико было их удивление. Сами же кресты почти незаметно, поскольку находились еще очень далеко друг от друга, стали приближаться к кресту, который находился посередине. И поскольку они не парили над поверхностью пустыни, то передвигаясь, сами словно бы смещали эту поверхность по направлению к центру того огромного, идеально-очерченного круга, по дальним краям которого располагались. В результате же всего этого, ровно под центральным крестом и при-

льнувшей к нему девушкой, начала образовываться огромных размеров глубокая яма.

Девушка смотрела на все происходящее и молчала. Она была удивлена. Призраки, высунувшие из-под песка свои головы, также помалкивали и только лишь время от времени в немом изумлении открывали рты. Они никогда не видели здесь ничего подобного. А ведь некоторые из них находились в этой пустыне уже очень давно. Сама же яма тем временем лишь расширялась и углублялась. Впрочем, вширь она не уходила дальше восьми приближавшихся друг к другу крестов. А вот вглубь она проваливалась все больше и дальше. Песок с поверхности, да и с глубинных ее слоев начал постепенно сваливаться гулко шумящими водопадами вниз, оголяя все новых, еще ничего не подозревавших призраков, которые находились чуть выше центра ямы. Призраки эти озирались по сторонам и также, не произнося ни единого слова, в беспредельном изумлении открывали рты. Вот только вниз они отчего-то не соскальзывали вместе с песком. Какая-то неведомая сила не позволяла им туда упасть. Возможно, такова была их судьба.

Два призрака, один мужского, другой женского пола, которые находились у подножия одного из восьми сходящихся друг к другу крестов, наконец не выдержали и разговорились.

– Я уже тридцать лет тут, – произнес дрожащим голосом женский призрак, – но еще ни разу ничего подобного не ви-

дела.

– Тридцать, это еще не много, – ответил ей мужской призраком. – Я тут уже все семьдесят, но пока даже и на метр вглубь не продвинулся.

– Да, я знаю, – неуверенно проговорила «женщина», – там внизу есть выход. Мне другие призраки рассказывали. Что отсюда есть выход и он там, в самом центре под толщей песка.

– Да, – ответил ей «мужчина», – выход есть. Но он очень глубоко. И пока ты до него доберешься, много времени пройдет.

– Меня зовут Лора, – представилась «женщина», – а вы кто?

– Де Ливьери, – ответил «мужчина». – Впрочем, какое значение сейчас имеют имена. Все равно нам долго тут еще оставаться. Успеем познакомиться.

– Да, конечно, – произнесла «женщина» посмотрев куда-то в сторону. – Но я все равно не понимаю, зачем я здесь. Ведь я никогда не делала ничего плохого. Я всегда приносила людям только добро, как учили меня отец и мать. Да и священник наш меня тоже очень любил. Ведь я, когда еще совсем маленькой была, даже пела в нашем церковном хоре.

– Чушь, – спокойно ответил «мужчина», – твое добро ничего не значит. Ведь ты хотела совсем иного, а поэтому, то что ты делала, было притворством. В рай захотела? – мужчина криво усмехнулся.

– А почему бы не в рай? – тихо проговорила «женщина». Она почему-то теперь очень сильно погрузилась, и почти невидящим взглядом смотрела на все углубляющуюся впереди нее округлую яму.

– Своей притворной добротой ты здесь никого не обманешь, – фыркнул «мужчина». – Добро только тогда чего-нибудь да стоит, когда идет от сердца. Твои же фарисейские штучки в миру здесь не стоят ничего. Уж сколько я повидал тут таких как ты...

– Сколько? – спросила «женщина» спокойным голосом. Она словно бы действительно понимала, что «мужчина» прав, да и вообще, что обманывать ей в этом месте было некого. Да и бессмысленно. Все видели все насквозь.

– Много, – ответил «мужчина» спокойно. – Уж поверь. Да и сама-то ты разве ничего не замечаешь?

– А что я должна заметить? – спросила «женщина».

– Да то, что ты некрасивая, – «мужчина» опять усмехнулся. – И эдакое-то пугало, которым только людей по ночам в лесу пугать, еще на что-то там претендует, – он покачал головой.

– И только поэтому? – глаза «женщины» округлились.

– Да, – спокойно ответил ей «мужчина». – У тебя душа некрасивая. А значит не будет тебе еще долго покоя. И в мир тебе выйти не скоро. И забвения не видать. Ведь мир по-настоящему велик и прекрасен, и в нем нет места таким как ты. Такое страшилище, – «мужчина» вновь искоса глянул на

«женщину», – уж лучше, поверь мне, держать здесь. Так оно всем спокойней будет.

– Но... – неуверенно проговорила «женщина», – что ж с того? Ну некрасивая, – она посмотрела на себя, – но ведь не заслужила же я этим, чтобы попасть в ад.

– В ад? – на этот раз «мужчина» даже рассмеялся. – Ну ты даешь. Какой ад? Ты пляши и пой, что ты здесь. Несколько лет на поверхности, потом пару сотен в глубине, и вот ты уже у центра. А там выход. Да, выход в мир. И вечное забвение! Что ты, «в ад»!?

– А-а, ну это тогда хорошо, – на губах женского призрака мелькнула некая тень улыбки, – а то я уж испугалась. Ну, вот ты только представь себе, – всю жизнь старалась быть хорошей и вдруг, что я вижу? Жара, песок и дикий холод ночью. И нет покоя.

– Ерунда, – ответил Де Ливьери, – нам повезло. Мне, так даже вообще здесь почти что нравится. Правда, – он грустно поглядел по сторонам, – что-то я подзадержался на поверхности. Уж сколько времени прошло, а все еще ни на метр вглубь не продвинулся. Велики, видимо, мои грехи.

Призраки одновременно вздохнули. Они оба теперь уже спокойно наблюдали за все углубляющейся впереди них ямой. Находясь у подножья одного из приближавшихся друг к другу крестов, они плавно перемещались по направлению к центру все более сужающегося идеально-ровного круга.

Центральный же крест все по-прежнему неподвижно па-

рил в воздухе, что стало приводить девушку, которая за него все с большим трудом держалась, уже в настоящий ужас. Силы ее покидали, отчего она все чаще и тревожней поглядывала то на крест, то на бездонную пропасть, что разверзлась под ее ногами. Бесплотные призраки там внизу кишели на округлых стенках ямы словно полупрозрачные черви. Некоторые из них пытались даже спрыгнуть вниз, но безуспешно. Остальные же, пожалуй, едва ли не в первый раз за целые столетия увидав белый свет, истово пытались продрать глаза, отчего и бешено терли их руками. Иные же просто негромко покрикивали или тихо плакали, превращая все это отвратительное действие в некое подобие ужасного, абсурдного спектакля.

Но вот, через какое-то время, и уже ближе к полудню, на самом дне этой, едва ли не бесконечно-глубокой теперь ямы, показалось нечто более определенное. Ни живое, ни мертвое, но именно то, что сразу привлекло внимание всех призраков вокруг. Отчего они все разом сначала затихли, а затем стали бешено рваться вперед и вниз, расталкивая и едва ли не раздирая друг друга руками. И это был свет. Тот самый свет, достичь которого они все так стремились. Тот выход в мир, в небытие, которого они жаждали более всего на свете. Белый свет, живой, яркий, струящийся подобно чистой родниковой воде в самом центре этой вечной, иссушенной, бесплодной пустыни. Свет этот действительно переливался и словно бы плескался там, внизу. Вполне могло бы даже по-

казаться, что оттуда, из этой бесконечной глубины доносился какой-то странный, раскатистый гул. То ли звук прибоя, то ли шум водопада, то ли действительно журчания обыкновенного горного ручья. Каждый из призраков слышал в нем именно свое. Отчего был просто не в состоянии насытиться если не самим вкусом, то хотя бы звуком или даже просто видом такого манящего, прекрасного, светлого забвения.

Наверху же все шло своим чередом. Восемь черных крестов находились уже в непосредственной близости от центрального и, сомкнувшись, образовали вокруг него своими поперечными перекладинами изломанное кольцо. Сама же яма также сузилась у горловины и была теперь больше похожа на обыкновенный, хотя и невероятно глубокий колодец. Причем все эти перемещения крестов, соприкосновение их перекладин и последующая остановка, происходили очень медленно и едва ли не с методичной точностью. Словно бы некий гигантский бездушный механизм выполнял свою заранее просчитанную и выверенную работу. Однако теперь, когда кресты полностью остановились, плавно и также беззвучно начал свое движение уже центральный крест. Он стал медленно поворачиваться вокруг вертикальной оси. Горизонтальная же его перекладина с легким свистом рассекала разгоряченный воздух и отбрасывала на северную сторону округлой ямы темные всполохи резко очерченных теней. Несчастливая же девушка теперь уже просто была не в состоянии хоть как-то держаться за крест. Силы ее покинули. А

теперь еще и это вращение ослабило ее хватку. Да она и упала бы уже давно, наверное, если бы не ее пальцы. Они, как оказалось, намертво примерзли к кресту и никак не хотели от него отлепляться. Девушка теперь уже ничего не говорила, а только смотрела на своего возлюбленного совершенно округлившимися от бессилия и ужаса глазами, полными слез и отчаяния.

Наконец пальцы ее все-таки не выдержали и, на обледеневших сгибах самых крайних фаланг, оторвались. И тогда девушка уже не смогла промолчать. Она вскрикнула и... вспомнила. «Аластор, – возопила она, – Аластор. Я знаю твое имя. И ты теперь мой, навеки. Я никогда тебя не забуду...» Но она уже падала. Туда, вниз, в яму, к самому центру чистилища. К тому месту, куда так стремились попасть все призраки. К свету, к счастью, к забвению. Поэтому не прошло и нескольких минут, как она вовсе скрылась из виду. Пропала и теперь уже навсегда. Отчего и вновь позабыла имя своего возлюбленного. И на этот раз, похоже, навечно.

– Это несправедливо, – тихо проговорила Лора. – Так не должно быть. Она убила человека, была проклята и так мало мучилась.

– Она достаточно мучилась, – возразил Де Ливьери, – уж поверь мне. И не тебе ее судить. К тому же, она была красивой.

– «Красивая убийца», – усмехнулась «женщина», – ну уж нет. Там, наверху, – она посмотрела на небо, – совсем уже

обезумели, если таким тварям даруют прощение.

– Сама ты тварь, – холодно ответил ей «мужчина», – и когда-нибудь ты это поймешь. А девушку мне жаль. Она была бы, наверное, святой, если б не этот выродок, – «мужчина» указал пальцем на плавно поворачивающийся в воздухе крест. – И он всегда так, и я его тоже знаю. Аластор, сказала она... Да-а, это он. Отморозок, выродок, мразь. Вечно ищет светлых и чистых душ на пропитание. Ненавижу его, – «мужчина» отвернулся.

– Ну, а если ты сам-то такой хороший, – ехидно проговорила «женщина», – и так все хорошо знаешь, что же ты-то тут делаешь в этом месте?

– Знать и делать, – разные вещи, – ответил ей «мужчина», понурив голову. – Я, возможно, и был когда-то в миру прекрасен и умен, но в душе я был ничем не лучше этого, – и он вновь указал, даже не повернув головы, на уже опускавшийся в бездонную яму черный крест.

4. Трансцендентность

Крест опускался. Он, словно бы ввинчиваясь в теперь уже свободное от песка открытое цилиндрическое пространство, уходил все глубже. Плавно поворачиваясь, он едва не задевал концами своей горизонтальной перекладины округлых стенок ямы. Эта перекладина проносилась мимо бесплотных призраков, почти перед самым их носом. Последние же неотрывно следили за ней, не в силах почему-то вытянуть вперед своих рук. Они наблюдали за крестом так, как будто это не он сейчас, а они сами опускались вниз, избавленные от мук терзавшего их раскаленного песка, а также от казавшегося бесконечным здесь времени. Словно некое вещественное воплощение самой главной, прекрасной и сокровеннейшей их мечты медленно ускользало навсегда, оставляя позади себя одну лишь надежду. Только надежду, что и их муки пусть даже не скоро, но тоже закончатся. Однако сейчас почти несбыточная, непередаваемо далекая и завораживающая мечта находилась совсем рядом. Так рядом, что казалось, достаточно было всего лишь вытянуть вперед руку, чтобы до нее дотронуться. Но нет, они не могли этого сделать. Какая-то неведомая сила не позволяла им. Возможно, такова была их судьба.

На глубине примерно ста метров крест ненадолго остановился. Он, конечно, все еще продолжал свое вращение, од-

нако вглубь он на некоторое время продвигаться перестал. И трудно было назвать причину этого. Возможно, эта остановка была связана с тем, что здесь находилось стекло. По виду, самое обыкновенное кварцевое стекло. А точнее та, почти бесконечная по протяженности, а толщиной примерно в десять метров, полупрозрачная гигантская сфера, опоясывавшая всю пустыню целиком. Когда-то очень давно, здесь, по всей видимости, и была как раз поверхность пустыни, и местное светило все же переплавил тогда песок в стекло. Но главной особенностью этого места было все же не это. Здесь находилась та условная точка, которую некоторые призраки, из тех что постарше, называли «точкой невозврата». Они рассказывали друг другу, да и более молодым призракам также, попавшим в эту пустыню относительно недавно, что именно здесь, у этого стекла, каждый призрак должен был для себя решить, опускаться ли ему дальше или все же оставаться наверху. Выбор был трудным. С одной стороны, все призраки стремились к забвению, а оно находилось именно там, на глубине. В самом центре того почти безразмерного, гигантского, раскаленного шара, который и представляла из себя эта пустыня. Но с другой стороны, мало кто знал, что ожидало их там. Однако, вполне обоснованно, «старые» призраки предполагали, что, – ничего хорошего. Поэтому Де Ливьери, конечно же, лукавил, когда выражал сожаление по поводу того, что так долго задержался на поверхности. Все было в его власти. И это было его осознанным

решением. В действительности же он попросту боялся. Боялся того, что находилось под стеклянной сферой, там, откуда ни один призрак еще не возвращался. Иногда, пожалуй, действительно все же лучше оставаться пусть и немного глупым, и не иметь слишком уж развитого воображения, но при этом и быть решительным. Своим же бесконечным сомнением он лишь оттягивал момент, который рано или поздно все равно бы наступил. Потому что с неизбежностью бороться бесполезно.

Но вот, примерно через час, крест возобновил свое движение. Миновав стеклянную сферу, он теперь не останавливался, а продвигался вглубь чистилища плавно и размеренно. Вот он миновал тех призраков, которые, приняв для себя роковое решение, находились непосредственно под точкой невозврата. Эти призраки были очень веселыми. Ведь сразу под стеклянной сферой не было ничего пугающего. Там все было в точности так же, как и над ней. Они переговаривались друг с другом и едва ли не посмеивались над теми, кто никак не мог решиться на то, на что решились они. Конечно, они тогда еще не знали, что ждет их впереди. Однако сейчас они были почти что счастливы.

Через пару сотен метров ниже этой области находились призраки, которые уже начинали понемногу утрачивать свой веселый настрой. Точнее, они уже весьма сильно беспокоились, отчего, выпучив глаза, вертели головами в разные стороны, без умолку при этом болтая друг с другом. Ведь на

этой глубине было уже довольно тесно, да и сам колючий песок все с большей силой давил на них. А кроме того они начинали чувствовать и кое что совсем иное, неожиданное и очень неприятное. Когда-то много лет тому назад, еще лишь только опустившись под поверхность пустыни, они надеялись, что здесь, на глубине, пусть, возможно, будет и темно, и даже очень тесно, но по крайней мере они будут избавлены от того нестерпимого жара, который терзал их наверху. Да и сильнейший ночной холод там тоже был не из приятных. Однако сейчас, на глубине, они начинали чувствовать уже совсем другой жар. Не тот, что каждый день шел сверху, от полыхавшей ярчайшим светом звезды, а другой, не менее сильный, но который шел уже снизу, с той стороны, где были их ноги. То есть именно оттуда, куда все они и направлялись. И это обстоятельство очень сильно их беспокоило. Ведь если там, внизу, было что-то настолько горячее, что даже здесь, не видя еще ничего, они чувствовали его обжигающее присутствие, то что же с ними будет, когда они вплотную приблизятся к источнику этого жара? Подобные мысли пугали призраков и начисто лишали той едва ли не игривой веселости, которую они испытывали находясь чуть выше.

Наконец крест миновал и их. Он теперь уже находился на расстоянии примерно километра под поверхностью пустыни. А до конечной точки его путешествия было еще очень далеко. Расстояние это измерялось причем даже не километрами или десятками километров. А сотнями их, если не тыся-

чами. Да-да, именно тысячами. И яма, образовавшаяся там наверху, была примерно столь же глубокой. Но как же тогда призраки, находившиеся почти у самой поверхности, могли видеть то, что было на таком удалении от них, – в самом низу этой едва ли не бездонной теперь ямы? Ведь на таком гигантском расстоянии рассмотреть было вообще ничего нельзя. Да, конечно, за исключением лишь одного, – света. Яркого, пылающего, невообразимо горячего света, который шел из самого центра чистилища. И насколько же была печальна участь тех призраков, которые приближались сейчас к нему? Каковы же были их страдания, не шедшие ни в какое сравнение с тем, что они испытывали на поверхности. Но спасение, к несчастью, было именно там, в самом центре этого огромного, раскаленного, пылающего шара, в ужасных пучинах которого они все сейчас находились.

Крест опускался. Он теперь двигался с довольно приличным ускорением, поскольку, сохраняя прежнюю скорость, не смог бы достичь дна ямы даже, наверное, до окончания времен. Круговое же вращение его также усиливалось, поскольку горизонтальная перекладина, сохраняя момент движения, стала постепенно укорачиваться. Она, буквально сантиметр за сантиметром словно бы вжималась в вертикальную стойку креста, делая последнюю несколько длиннее. Это изоморфная трансформация происходила очень медленно и почти незаметно. Она длилась до тех пор, пока горизонтальная перекладина не исчезла совсем, а вертикальная стойка

не приняла форму тонкой, вытянутой, острой иглы. Сам же, бывший теперь уже крест, не столько ввинчивался в пространство ямы, – он просто-таки падал в нее, рассекая очень сильно разогретый, плотный воздух, сжатый едва ли не до консистенции киселя.

Сама же яма во время этого стремительного падения практически не менялась, впрочем, как и то, что находилось на ее стенках. Это были все те же призраки, правда теперь уже не то чтобы задумчивые или встревоженные, а дико перепуганные и жутко кричащие. Да и действительно, страдали они ужасно. И от нестерпимого жара, который доходил до них снизу, и от чудовищного давления песка, сжимавшего их со всех сторон, да и от себя самих. Поскольку все они теперь вынужденно прижимались друг к другу, принимая при этом самые невообразимые позы.

Еще чуть ниже призраки эти переставали даже кричать, а просто медленно поворачивались на месте, шевеля при этом то руками, то ногами, то лишь одними пальцами. У некоторых из них были вывернуты все части тела, отчего они являли собой зрелище весьма отвратительное. Еще через пару сотен километров призраки эти переставали даже шевелиться и только лишь в невыразимом ужасе смотрели куда-то вперед в пространство, прямо перед собой. Они были теперь уже едва ли не сплавлены друг с другом. А некоторые части их тел действительно, пожалуй, срослись.

Потом был пояс неожиданно красивый. То отвратитель-

ное зрелище слипшихся и кое-как шевелящихся в своей же собственной жидкости призраков миновало. А вместо него возникла область кристаллов. Здесь призраки, уже почти полностью лишенные своей индивидуальности, представляли в виде то ли кораллов, то ли кристаллических разветвлений. Эти разветвления тянулись вглубь на сотни, если не тысячи километров. Они были разного цвета и размера. Причем, чем дальше в глубину, тем более прозрачными они становились. Весьма похожие на разветвленные узоры на окнах в морозный зимний день, они представляли из себя нечто поистине завораживающее. Поскольку были на удивление красивы, причем не только по форме, но и по цвету, который был, однако, чаще всего либо фиолетовым, либо красным.

И вот наконец, этот бывший теперь уже крест, а сейчас летящая с невообразимой скоростью игла, приблизился к уровню коконов. Здесь призраки, давно уже не являясь тем, чем были прежде, то ли от невообразимого жара, то ли от давления, то ли от иных напастей, обрушившихся на них, покрывались твердой, непрозрачной, напоминавшей хитин оболочкой. Они, словно бы окончательно умерев, безропотно ждали завершающего этапа своего бесконечно-долгого путешествия к забвению. И это был центр чистилища. Пылал он светом невообразимым. Ничто, даже эти бесплотные призраки, не могло долго находиться рядом с ним. Все плавилось вокруг него и все кипело. И только лишь та уродливая защитная оболочка, которой призраки покрылись за сто-

летия своего пыточного путешествия вниз, не позволяла им сгореть сразу. Но все же из-за чудовищного давления сверху они постепенно приближались к этому свету, отчего словно начинали сперва оттаивать и разворачиваться, а затем, соприкоснувшись с самим светом, в долю секунды сгорали. И это был конец. Всего. И их мучений, и памяти, и той полупрозрачной субстанции, которую они представляли из себя изначально. Эта субстанция теперь, как казалось, даже питала свет чистилища. И хотя он, конечно, не делался от этого более ярким или горячим, поскольку пылал так, что колебаний светимости там, пожалуй, и невозможно было бы различить. Однако это был, наверное, тот единственный и почти неисчерпаемый источник энергии, который с ним соприкасался.

Сам же крест не остановился перед центром чистилища и даже не снизил скорости. Он на полном ходу вонзился в него и... исчез. Его больше не было здесь. Не осталось от него и следа даже, поскольку круглая яма, едва лишь этот крест-игла вылетел за ее пределы, мгновенно схлопнулась. Находившиеся же наверху кресты, подобно лепесткам огромного черного цветка, медленно опустились в разные стороны, после чего, плавно взмыли в воздух и унеслись в восьми равноудаленных друг относительно друга направлениях в неведомое призрачное пространство. Путь же креста-иглы теперь лежал к цели, которая находилась совсем близко от него. Однако, вылетел он из того, иного, живого измерения на такой

гигантской скорости, что еще около трехсот лет ему понадобится, чтобы постепенно затормозить и остановиться, и еще примерно столько же, чтобы наконец достичь места своего назначения. И этим местом была Земля.

5. Земная жизнь

Жизнь на Земле была прекрасной. Цивилизация процветала. Науки развивались, культурные достижения едва ли не превосходили в изяществе друг друга, численность же населения только росла. После двух мировых войн люди Земли словно бы одумались и стали оценивать себя более реалистично, без идеализирования. Они уже не считали себя богам равными или хотя бы приближающимися к этому идеалу. Не считали они себя и непогрешимыми, поскольку обнаружили, что в природе таких вообще не существует. Не мыслили они себя и слишком добрыми, поскольку воочию убедились, на что способны. И жизнь после этого весьма упростилась. Проекты социального равенства были отброшены, так как ровнять можно было лишь по худшим. Ведь худших почти невозможно было сделать лучшими, а вот лучших весьма легко было низвести до любого уровня. И даже до уровня тупой скотины, что вполне доказали известного рода лагеря. Идеи всеобщего благоденствия были забыты. Ведь всем не может быть одинаково хорошо. Поскольку есть такие вещи, как пресыщение или привычка. А именно к хорошему люди как раз и привыкают быстрее всего и перестают видеть в нем хорошее. Да к тому же еще, если всем одинаково хорошо, то это уже и не хорошо вовсе, а просто нормально. И гордиться или, наоборот, завидовать некому. В общем

же, все эти сложные преобразования и социальные эволюции вполне можно было охарактеризовать, как довольно успешные и сугубо положительные. Поскольку люди в результате них пришли к одному очень хорошему для себя итогу: они стали более реалистичными.

А что может быть практичнее реализма? Да пожалуй, что и ничего. Ведь реализм – есть способность видеть вещи такими, какие они есть, без прикрас или очернения. В некотором же роде реализм вполне можно определить даже, как способность видеть правду. И отличать ее от лжи. А там где видна правда, там почти всегда исчезает и насилие. Ведь даже те, прошедшие мировые войны, были бы совершенно невозможны без лжи. Когда людям все время твердили то о полном превосходстве их расы над другими, то об упорядочивающем влиянии абсолютной анархии, то о руководящей роли рабочего класса в истории. Но теперь все это было уже в прошлом. И хотя некоторые отголоски тех, минувших потрясений все еще докатывались иногда до цивилизации людей то в виде неофашизма, то расизма, то еще какого-нибудь «изма», но все это было теперь уже совсем не то, что прежде. И заметного влияния такие реваншистские поветрия ни на политику, ни на социальную среду не оказывали.

Люди, наконец, стали уделять повышенное внимание природе, да и вообще всей окружающей среде. Казавшиеся еще совсем недавно неисчерпаемыми природные ресурсы оказались на поверку очень даже исчерпаемыми. А незыб-

лемая устойчивость всевозможных биогеоценозов оказалась настолько хрупкой, что подчас приходилось прилагать немалые усилия, чтобы ненароком ее не нарушить. Люди увлеклись так называемой «зеленой» энергией. Они строили огромные ветряки и приливно-отливные гидроэлектростанции. Они даже стали отказываться от двигателей внутреннего сгорания и переходить на более экологичные, работающие либо на водороде, либо на простом электричестве. Сзывались разного рода международные научные конференции, посвященные общим проблемам климата и окружающей среды. Были определены как важные и подлежащие скорейшему разрешению проблемы озоновых дыр, а также потепления климата. В крупных городах люди в массовом порядке пересаживались на велосипеды, самокаты и прочие, едва ли не примитивные механические устройства. Им даже нравилось подчас пользоваться такими, в сущности средневековыми механизмами, живя при этом в двадцать первом веке. Поскольку все это добавляло в их, иногда все же несколько скучноватую жизнь, элемент экзотики. Да к тому же еще и физические упражнения вместо периодического однообразного нажатия на кнопки и рычаги также не приносили никому никакого вреда.

Люди справились со многими болезнями. Хотя, сделали в процессе этого одну весьма серьезную ошибку, которую, правда, вовремя сумели исправить. А именно, увлеклись антибиотиками. Был даже такой, довольно продолжительный

период, когда им казалось, что все проблемы в медицине уже решены, и что оставалось лишь только открыть еще несколько новых антибиотиков, чтобы и с оставшимися недугами справиться. Однако все оказалось значительно сложнее. Поскольку болезнетворные микроорганизмы, изначально чувствительные к подобным лекарствам, через некоторое время мутировали и начинали этими лекарствами едва ли не питаться. А несчастные пациенты, напрочь лишенные в результате слишком частого медикаментозного вмешательства своего собственного иммунитета, очень сильно страдали от такого лечения и погибали даже иногда. Но в конце концов врачи все же поняли, что слишком уж упорствовать, пусть даже и в привлекательных своей простотой заблуждениях, им, наверное, все-таки не стоит, и что нужно позволять организмам больных самостоятельно бороться с недугами. Конечно, до определенного предела. Поскольку при острых формах болезни без антибиотиков по-прежнему обойтись было нельзя. Но если человек заболел чем-то простым, то лекарства ему только вредили. Среди врачей тогда даже появилось некое неписаное правило, что пока температура больного не поднималась выше тридцати восьми, а некоторые говорили, что и тридцати девяти градусов, то и лечить его медицинскими препаратами было не нужно. «Пусть чай с малиной пьет», – говорили они.

Любопытно было еще и то, что в сфере борьбы с преступностью человечество также достигло большого прогресс-

са. Хотя на некоторое время люди и здесь поддались практически тем же заблуждениям, что и в медицине. «Бороться с преступностью нещадно» – вот был их главный лозунг тогда. Однако, по прошествии нескольких десятилетий, люди убедились, что подобный жестокий подход, «на уничтожение», не дает почти никаких положительных результатов. Преступность приспособлялась к новым условиям и прекрасно существовала при них. Она даже поражала иногда сами правоохранительные органы, поскольку общество в результате такого бесконтрольного вмешательства в свою повседневную жизнь напрочь переставало бороться с преступностью. Некий своего рода «общественный иммунитет» ослабевал, а иногда и вовсе отказывал. И тогда появлялись формы преступности воистину ужасные: немотивированные, садистские, непредсказуемые. Но люди и здесь вовремя спохватились и решили, что на некоторые виды правонарушений государственным органам вообще лучше не реагировать, предоставляя обществу самому справляться с подобными проблемами. Но естественно, лишь только до тех пор, пока, условно говоря, «температура» конфликта не достигала «тридцати восьми градусов».

И спустя некоторое время общество выздоровело. Многие виды правонарушений, в особенности самые страшные, исчезли совсем, а мелкие... ну от них была подчас даже определенная польза. Поскольку незначительная преступность приводила общество к самоочищению. Так же как и неко-

торые микробы – нормальный здоровый организм, которому иногда бывает просто необходимо переболеть какой-либо инфекционной болезнью, чтобы потом никогда уже к ней не возвращаться.

И все же некоторые проблемы человеческой цивилизации сохранялись. И связаны они были прежде всего с чрезмерной зарегулированностью общества. Дети, например, даже с учетом мнения родителей, не могли выбирать учиться им или нет. Они обязаны были учиться. И хотя от такой учебы пользы было мало, поскольку от долгого завуалированного насилия дети только тупели, но все же обязательное среднее образование сохранялось еще во многих странах мира. Иногда людей, напротив, принуждали искусственно заботиться о своей старости. Поскольку пенсионная система также не была добровольной. Люди не могли самостоятельно выбирать, копить им или не копить. Они обязаны были платить налоги для реализации весьма призрачной возможности пожить на старости лет за чужой счет. Не были решены также и проблемы с гонкой вооружений. Которая постепенно привела к накоплению такого огромного количества смертоносного оружия, что всю Землю можно было уничтожить, да еще и не один раз. И хотя некоторые шаги по нераспространению самых опасных видов вооружения все же предпринимались, так же как и меры по демилитаризации некоторых стран, но тем не менее, меры эти не носили массового характера и имели весьма ограниченный эффект.

Не были решены проблемы и экономические. И прежде всего финансовые. Поскольку власти приняли на себя полную ответственность за функционирование всей финансовой системы в виде Центральных банков, то есть контролировали всю систему целиком. Отчего она постепенно перестала отвечать интересам общества, и обслуживала лишь правящую верхушку. А поскольку тот, кто печатает деньги, опосредованно печатает и ценники, то и вся экономика Земного шара во многом оказалась строго регулируемой и подконтрольной. Это лишало ее здоровых и подчас не до конца понятных путей развития. Что приводило время от времени, причем всю экономику Земли, к тяжелейшим кризисам. Со временем эти кризисы только разрастались, а влияние на них властей, так же как и их возможности по регулированию финансовой сферы, сокращались. Да и вообще, в двадцать первом веке вся финансовая сфера полностью оторвалась от реальной экономики. Отчего витала где-то высоко в облаках, лишь изредка и не всегда снисходительно «поглядывая» на реальное производство.

Единственной, пожалуй, сферой деятельности, в которой человечество не сбавляло темпов развития, была наука. Многие загадки как микро, так и макромира были разрешены. Была построена удивительно красивая теория тяготения, релятивистских скоростей и инерционных систем. Был открыт странный, завораживающий мир квантовой механики и электродинамики. Математические выкладки сде-

лались настолько сложными и разветвленными, что подчас не уступали в красоте и изяществе гуманитарным дисциплинам. Сложнейшие и удивительные уравнения, ряды, функции, мерная топология и прочие разделы математики, описывали как при помощи точных, так и вероятностных величин практически весь окружающий мир целиком. Физики же, благодаря совершенно запредельным по чувствительности приборам, смогли заглянуть не только в глубины атомов и молекул, но даже и самого атомного ядра. Были предсказаны теоретически, а затем открыты экспериментально бозоны и фермионы. Кварковая теория нашла свое подтверждение. Была обнаружена даже частица, отвечающая за появление массы у вещества. Генетики вплотную подошли к созданию и конструированию живых организмов. Они частично даже научились исправлять генетические дефекты, то есть непосредственно формировать будущие поколения. Которые, по всей видимости, вскоре должны были полностью избавиться от тяжелого груза генетических ошибок, накопленных человечеством за долгие годы, когда оно вышло из-под очищающего влияния естественного отбора.

Появлялись новые науки. И хотя они нередко представляли из себя лишь некую гибридную смесь наук уже известных, но тем не менее дисциплины эти также приносили подчас удивительные плоды. Биохимия и астрофизика, социолингвистика и многие другие направления познания обогащали людей новой информацией и позволяли загля-

нуть за все более удаленные горизонты. Люди вообще знали очень многое, поскольку информационные технологии развивались, пожалуй, динамичнее всех остальных. Информация стала рассматриваться едва ли не как жизненно-необходимый элемент повседневного быта, а не просто как один из курьезных парадоксов квантовой теории.

Люди заглянули далеко в космос. Так далеко, как никогда прежде и не помышляли. Были открыты не то чтобы малые планеты Солнечной системы или далекие звезды. А скопления звезд, Галактики и скопления Галактик. Люди увидели свет, идущий чуть ли не с самого края видимой Вселенной: невероятные квази-звездные радиоисточники такого света, поражавшие своей светимостью и мощностью. А ведь некоторые из них были намного ярче даже самых крупных Галактик, в огромных водоворотах которых насчитывались сотни, если не тысячи миллиардов звезд. Были открыты и объекты противоположные, то есть запредельно темные. Не выпускавшие из себя даже света. И только по ярким аккреационным дискам или поведению близлежащих газа и звезд можно было эти объекты обнаружить. Не были, правда, изобретены еще способы передвижения, которые могли бы позволить людям добраться до этих страшно удаленных объектов. Но можно было не сомневаться, что с учетом уже проявленного упорства и едва ли не запредельного любопытства, людям в конечном итоге удалось бы и эти проблемы разрешить.

Многое теперь видели люди, знали они многое, многое

могли. А то, что не могли сейчас, то почти наверняка смогли бы в недалеком будущем. Вот только не предполагали они, каким окажется это будущее. Не научились они его предсказывать. Сколько ни старались, но так и не овладели они искусством прогнозирования. Не вышло у них. Да и не могло. Одно обстоятельство все время незаметно мешало им. Важное и очень существенное. Ведь, в определенном смысле, они не то чтобы не могли заглянуть за временной рубеж, отделявший настоящее от грядущего, но также не могли они в полной мере увидеть и само настоящее. Поскольку были слепы. Безнадёжно и неизлечимо слепы. Так слепы, что должно было произойти действительно нечто невообразимое, чтобы они наконец прозрели. И увидели мир таким, каков он есть. Живым, удивительным и многообразным. Чтобы перестали, подобно примитивным кротам, без устали роющим в крошечной темноте сырую землю, всю свою жизнь копать в беспредельных сферах бесплодных знаний об окружающей их неживой природе.

6. Последний день

Ничто так не веселит, как скука. Иногда, находясь в поразительно скучной компании или обстановке, вы вдруг замечаете, что вам стало нестерпимо смешно. Достаточно лишь вспомнить некоторые случаи из своей собственной жизни, когда, например, в кино или даже еще просто в школе на уроке кто-нибудь делает что-то неожиданное или хотя бы громкое. Например, роняет что-либо на пол или чихает. И тогда все разражаются едва ли не гомерическим хохотом. Все смеются так, как будто этого они лишь только и ждали, как раз такого вот случая, чтобы наконец выразить то, что накопилось внутри. Что же касалось человечества вообще, то оно также словно бы чего-то ожидало, довольно изрядно скучая в последние несколько десятилетий. Отдельные личности, города, да подчас даже и целые страны буквально, как казалось, не знали куда себя деть. От этого они, естественно, время от времени впадали в разного рода крайности. То в чрезмерную угрюмость или застой, которые в свою очередь почти всегда заканчивались разного рода безобразиями. То, напротив, в беспричинные веселье или ажиотаж. И хотя подобные выкрутасы в общем-то мало чем помогали, однако они позволяли людям хотя бы ненадолго забыть о той едва ли не всепоглощающей скуке, которая накрепко оплела своими призрачными серыми щупальцами большую часть всего

человечества.

Поэтому, если смотреть на вещи с этой, самой общей точки зрения, то многие города да и целые страны двадцать первого века мало чем отличались друг от друга. И совершенно очевидно, что земное продолжение всей этой довольно странной истории могло случиться в любом из этих городов. Но так уж вышло, что все произошло именно в Москве, в офисе одной из самых заурядных компаний. Уж чем эта компания конкретно занималась не суть важно. Так же как и неважно, какие именно люди в ней работали. За исключением, пожалуй, лишь одного, особенного.

Тот, последний, более или менее спокойный в истории человечества день в офисе этой фирмы начался с обычной, ставшей уже рутинной получасовой летучки в кабинете у директора. После чего сотрудники компании спокойно разошлись по своим рабочим местам. Трудились они в тот день так же, как и обычно: без излишнего энтузиазма, но и без лени. Добровольно позволяя всезнающему руководству самому решать за них все. Самостоятельно думать в этой фирме было как-то не принято. И только на так называемых «мозговых штурмах» сотрудникам все же предоставлялось право что-то там еще и предлагать от своего имени.

Наталья Сергеевна – секретарь руководителя компании – была в тот день, пожалуй, немного более обычного раздражительна и резка. Однако, поскольку она представляла из себя создание поистине удивительное и очень милое, то все от-

носились к подобным ее недостаткам весьма снисходительно. А мужчины за них ее, пожалуй, даже еще и любили. Работала она в этой фирме не слишком давно, примерно с полгода. Однако коллектив принял ее как-то сразу, как свою. С директором у нее были также вполне деловые отношения. И хотя злые языки все же позволяли себе иногда делать определенные намеки. Но более или менее достоверных фактов припомнить не мог никто.

– Антон, – едва ли не взвизгнула Наталья Сергеевна в портативный коммутатор, соединявший ее комнатку с отделом программного обеспечения, – у меня тут опять одна клавиша западает и компьютер не грузится. И выскочило еще какое-то зеленое сообщение, так что я ничего не могу сделать.

На это один из программистов компании, по всей видимости, как раз тот самый Антон, – довольно безликий, щуплый молодой человек, через такой же коммутатор, установленный уже в его комнате, ответил:

– Да, да, Наталья Сергеевна, уже иду, – после чего неспешно поднялся с кресла, отхлебнул немного черного кофе, который в силу давно приобретенной привычки очень любил, и едва ли не шаркая стоптанными ботинками по полу, направился в помещение секретарши.

Там он провел минут двадцать. Неожиданно долго для такой простой или даже глупой компьютерной поломки. Однако Наталья Сергеевна была хотя и немного старше Антона, но тем не менее весьма ему симпатизировала, отчего и

не отпускала от себя все то время, забрасывая то нелепыми вопросами, то просто бессмысленными репликами. Молодой же человек все терпел, хотя и выказывал иногда признаки нервозности и пусть и не сильного, но вполне определенного желания побыстрее уйти в свою комнату. Наконец это ему удалось. А Наталья Сергеевна лишь только и успела, что бросить ему вслед какую-то очередную свою бессмысленную реплику, наподобие: «Ты и сам о себе позаботиться не можешь», после чего дверь за молодым программистом закрылась.

Вернувшись на рабочее место, Антон еще какое-то время приходил в себя от этой, пожалуй, несколько преувеличенной энергетике секретарши шефа. Однако он знал, что Наталья Сергеевна, – а именно так он к ней всегда обращался, – была существом все же добрым, хотя временами и ветреным. Иногда ему даже казалось, что она относилась к нему с какой-то особенной теплотой. А возможно и с определенного рода интересом, как он однажды, пусть и довольно давно, но все же подумал. Но нет, привязанности там, пожалуй, не было никакой, а о самом, пусть и весьма отдаленном намеке на любовь речь не шла и подавно. И тем не менее Наталья Сергеевна всякий раз ставила Антона чуть ли не в тупик своим поведением. Да и странные фразы, которые он время от времени от нее слышал, также путали его мысли и едва ли не отталкивали от нее.

Наконец настало время обеда. Сотрудники компании все

как один отправились в столовую. Там сегодня приготовили что-то особенное, отчего мужская часть коллектива, совершенно позабыв об учтивости, пролезла к столу раздачи вперед дам, лишь иногда и чуть досадливо извиняясь перед последними. Антон спокойно поглядел на всю эту толчею и собирался было уже уходить, как под руку его подхватил его давнишний знакомый, Василий, который работал в этой компании уже очень давно. Они тогда с Антоном, еще лет семь тому назад, почти одновременно пришли сюда устраиваться. Причем рассматривали это место, и также оба, как временное. Но попритерпевшись к коллективу и свыкнувшись с трудовыми обязанностями, так здесь и остались.

– Антонио, – обратился Василий к приятелю, – предлагаю сегодня, – тут он перешел на заговорщицкий шепот, – свалить с работы пораньше. В кафешке, ну той, где мы были в прошлый раз, сегодня скидки. За полцены можно купить все и даже выпивку. Но это у них начнется только после шести вечера. И приходить, думаю, тоже нужно заранее. А то там толпа будет.

Антон задумался над предложением. «Нет, – ответил он наконец, – мне ехать далеко. А ночевать у тебя на кухне мне что-то больше не хочется, так что иди один. Только без обид, ладно?»

– Ладно, как знаешь, – Василий, похоже, совсем и не обиделся. – Я тогда кого-нибудь другого позову, или другую.

– Кого же это? – Антон хмыкнул.

– Да кого угодно, – бросил Василий непринужденно. – У нас тут народ хотя и зарабатывает прилично, но до халявы всегда жадный. Многие пойдут, если узнают. Только ты само, смотри, никому не проболтайся.

На этом разговор был завершен. И после обеда все вновь, и теперь уже явно без желания, разошлись по своим рабочим местам.

Тот день действительно был каким-то по-особому скучным. Ничего и нигде не происходило. Даже сотрудники компании все как-то вяло и словно бы преодолевая все более овладевавшую ими лень, переговаривались друг с другом. Поэтому, когда вечером в офис их фирмы пришел некий неизвестный посетитель, все восприняли это обстоятельство едва ли не как спасение.

Человек этот пришел почти перед самым окончанием рабочего дня. Одет он был довольно хорошо и с изрядным вкусом. Внешность его была, пожалуй, несколько прозаичной, хотя эта его прозаичность все же выглядела почему-то странно. Он, прямо сказать, не был идеалом красоты, хотя и сложен был весьма неплохо. Однако, что-то в нем выдавало человека совсем не спортивного. То ли эти его телодвижения, весьма тяжеловесные, то ли какие-то нескладные манеры. Лицом же он был также, пожалуй, красив. Хотя и здесь присутствовало нечто такое, что не позволяло назвать его привлекательным. И это была его мимика. Причем она не то, чтобы казалась неприятной или, к примеру, отталкиваю-

щей, она словно бы отсутствовала напрочь. И даже когда этот человек говорил, то, – хотя в это и трудно было даже поверить, – двигались одни только его губы. Уголки же рта и глаза не двигались совсем. Все это производило весьма неприятное и именно отталкивающее впечатление. Охранник компании, который некоторое время беседовал с ним, глядя на все эти несуразности, так растерялся, что даже забыл спросить у незнакомца пропуск или паспорт, что случалось с ним довольно редко. Вот только на женщин этот запоздалый посетитель произвел в тот вечер поистине неизгладимое впечатление.

Сотрудницы компании, едва лишь увидели этого припозднившегося гостя, как сразу оставили в покое все свои дела и, – что было уж и вовсе неслыханным, – оборвали на полуслове обычно не прекращавшиеся разговоры. Они смотрели на гостя так, как будто он шел в ту минуту по коридору их фирмы абсолютно голым, да еще и на личную встречу с кем-то из них. И хотя это было, конечно же, не так, а на женские взгляды гость и вовсе не обращал никакого внимания, однако более работать в тот день представительницы фирмы оказались не способными совершенно. И никакая сила в мире, как казалось, не смогла бы их заставить вернуться к начисто позабытым трудовым обязанностям. Вот только на Наталью Сергеевну неизвестный гость не произвел поначалу никакого впечатления, потому что она сперва его не заметила, закопавшись с какой-то ерундой у себя под столом. Но зато по-

том, когда гость выходил уже из кабинета шефа, так на него уставилась, что нечаянно опрокинула на свой стол открытый пузырек с лаком для ногтей. Последний же не преминул тут же растечься густой ярко-красной лужей по ее, как назло, весьма важным документам.

Наконец гость ушел. А еще через несколько минут закончился и рабочий день. Все, едва лишь часы пробили шесть вечера, тут же повскакивали со своих мест и буквально ринулись к проходной, напяливая прямо на ходу верхнюю одежду. Вышел из здания фирмы и Антон. Ему предстояло еще некоторое время ехать сначала на метро до железнодорожного вокзала, а затем, в набитой битком душной электричке, около часа добираться до своей подмосковной станции. Жил Антон в пригороде. Не слишком далеко от Москвы. В этом были, конечно, и свои неоспоримые преимущества в виде свежего воздуха и потрясающей тишины. Но были и недостатки, самым главным из которых была именно дорога. Впрочем, он уже почти привык к ней и не замечал ни долгого пути до работы утром, ни назад до дома вечером. Вот и сегодня Антон доехал до своей станции и сам в точности не заметив как. Выйдя из полупустого теперь уже вагона, он направился по тускло освещенной тропинке, которая вела через неширокую лесополосу к большому полю, ограниченному по дальнему краю асфальтовой дорогой, у которой как раз и находился его дом. Идти там было совсем недалеко, минут пятнадцать. Вот только никогда уже не забудет Антон

того пути, да и вообще того вечера. Поскольку едва лишь он углубился в затененную и поросшую непроходимым бурьяном лесополосу, как из-за кустов прямо ему навстречу, словно бесплотная тень, вышел некий человек.

И если бы только знал Антон, кто стоял тогда перед ним, то, наверное, наложил бы на себя руки прямо там, на месте. И не сожалел бы об этом никогда, провались он после этого хоть в самую преисподнюю. Однако, он не знал кем был тот незнакомец, да и не мог знать. А был это все тот же посетитель их компании, который заходил к ним этим вечером в офис. Сейчас же человек этот почти незаметно, плавно и словно вовсе не переступая ногами, приблизился к Антону. Да так и замер неподвижно напротив него. Своими холодными серыми глазами, которых почти невозможно было рассмотреть в полумраке позднего вечера, незнакомец смотрел куда-то вперед в пустое пространство. А потом вдруг взял и, как казалось, ни с того ни с сего, резко размахнулся левой рукой назад и ударил.

Удар этот, беззвучный и почти незаметный, не смог бы выдержать никто. По крайней мере из простых смертных. Но ведь Антон тоже был человеком? Да, конечно, – человеком он именно был. Однако до этого, когда-то довольно давно, он человеком этим и стал, хотя сейчас и не помнил этого. Но в тот момент, по прошествии почти двадцати шести лет своей земной жизни, он вновь стал таким, каким был прежде. Когда завершил свои бесконечно долгие, бесцельные блуж-

дания по холодным и мрачным просторам космоса. Когда подошел к случайному финалу тот невообразимо протяженный период его неосознанного существования без мыслей, без чувств и воспоминаний. Вот только все, что с ним происходило тогда, теперь уже нельзя описать достоверно. Поскольку давно это было. Так давно, что и вообразить себе невозможно. Впрочем, не случись с ним этой обратной метаморфозы, ничего в мире людей и не изменилось бы. Все шло бы как прежде. Пусть, возможно, и несколько вяло или даже скучновато, но зато без серьезных потрясений. Вот только сам бы Антон, к сожалению, в этом случае погиб бы сразу. Но он устоял, он выдержал удар и выжил. Он даже почти и не сдвинулся с места, на котором несколько секунд назад остановился, недоуменно взирая на странного незнакомца. Однако теперь ничего уже исправить было нельзя. Потому что эти двое непримиримых противников, сошедшихся друг с другом в смертельной схватке, не могли более владеть собой. Да и вообще все события после этого, как казалось, самого обыкновенного осеннего вечера стали развиваться неумолимо, непредсказуемо и стремительно. И, как это ни странно, все преопределил лишь один, пусть и чудовищной силы удар, который одно весьма странное существо из этого мира нанесло, а другое выдержало.

7. Столкновение

Вам когда-нибудь было больно или страшно? А холодно? Да? Нет? Какое это имеет значение? Совершенно верно, никакого. Потому что ни одно живое существо на земле и никогда не испытывало ничего даже отдаленно похожего на то, что почувствовал тогда Антон. Ему показалось даже, что наступил конец света. Что не то чтобы одно лишь тело его, а саму душу его сжали холодные, твердые, мощные тиски. Что кромешная мгла буквально обрушилась на весь мир, и что он был в центре этого мира. Он не мог тогда даже закричать, хотя этого ему и очень хотелось. Не мог он и умереть, поскольку смерть была бы избавлением. Ему оставалось только терпеть. Но и терпеть он тоже не мог. Так что же, что ему было делать, о чем думать, что чувствовать? Что могло бы хоть как-то, причем не то чтобы совсем избавить его от страданий, но пусть лишь ненамного облегчить их. Знание и память, – вот все, что ему оставалось. Думать и помнить, вот все, что он мог. И это было то единственное, что помогло тогда Антону не обезуметь от боли и ужаса, не превратиться в такое же бездушное, жестокое существо, которое стояло сейчас перед ним. Да, он знал, он помнил. Сейчас вот вспомнил, что бывает в мире такой черный лед. Такой ужас: твердый, неизбывный, от которого не спастись и даже не скрыться. Что когда-то давно он уже сталкивался с подобным льдом

и выжил. А раз выжил тогда, то выживет и сейчас.

Впрочем, сейчас ему было, пожалуй, и несколько легче. Ведь ему не нужно было думать о спасении, когда ни о чем другом, кроме как о собственной невыносимой боли думать почти невозможно. Не нужно было идти наугад, причем лишь только в одном из всех случайно-возможных пространственных направлений. Не нужно было тратить всю свою энергию на один совсем незначительный шаг, а потом еще столетиями копить ее, чтобы сделать шаг новый. Не нужно было проделывать весь тот страшный путь, пройти который могло, наверное, лишь одно живое существо из миллиарда. Он уже знал этот путь, помнил его. Сейчас вот вспомнил: только знания, только они одни были его светом, давали надежду. И вот теперь, во второй раз уже, спустя очень долгие годы они снова спасли его.

Некоторое время после полученного удара Антон стоял неподвижно. Незнакомец же находился в нескольких шагах от него и, как казалось, слегка улыбаясь, с интересом разглядывал свою жертву. Но постепенно взгляд его стал как будто чуть мутнеть, потом делаться напряженным и словно бы колючим, и вдруг вспыхнул: невероятной, бешеной злобой. Он едва ли не с ужасом обнаружил, что его противник не погиб, не обратился в прах, и главное, не стал таким же, как и он сам: холодным, бездушным, злым. Что вся та ненависть, которую он вложил в тот единственный и сокрушительный удар, не перешла тогда к Антону. Она, конечно, очень силь-

но травмировала его. Но при этом все же и не проникла в его душу, в самую глубину. А значит теперь уже он сам, что казалось и попросту невозможным, был слабее своего противника, мягче его. И такого не случалось еще никогда. Ему явно противостояла сила, которая, быть может, и не была такой же мощной. Но она, в отличие от его собственной, пусть и запредельной, но при этом все же и какой-то тупой, была, напротив, словно бы острой. С областью приложения почти равной простой геометрической точке. А оттого породила воздействие не менее разрушительное. И это было воздействие алмазного резца на кремень. Тонкое, глубокое, болезненное. Что-то неведомое стало овладевать незнакомцем, темное, могущественное и, к его несчастью, совершенно ему не подконтрольное. Он уже не мог более владеть собой. Не в силах был. Последним, что он еще помнил, была земля, засыпанная сухими опавшими листьями, которая медленно уходила у него из-под ног.

Сам Антон в тот момент, ни живой ни мертвый, тоже плавно поднялся в воздух. И им овладела некая сила, и также ему не подконтрольная. Но то была сила иная: яркая, светлая. Вот только свет этот был, хотя и абсолютно невесомым, но при этом невероятно жестким, как сжатая пружина, острым, словно правда, и запредельно горячим. Даже само тело Антона в тот момент раскалилось так, что его одежда не то чтобы сначала почернела, а затем сгорела. Она словно бы в миллионную долю секунды истлела от безумно высокой тем-

пературы, после чего и распалась почти на отдельные атомы. Одежды на незнакомце также не было. Но она напротив, стала сначала белой подобно снегу, а затем как тысячелетний тлен была унесена прочь и развеяна по ветру.

Двое противников, а точнее два ни живых ни мертвых тела, несколько секунд просто висели в воздухе неподвижно. Они оба уже ничего не могли ни видеть, ни чувствовать. Поскольку подчинялись силам внешним, хотя, возможно, и самым мощным изо всех существующих во Вселенной. И, как это ни странно, но в чем-то эти две противоположно-направленные силы были даже схожи друг с другом. Но вот только в чем? Ответ на этот вопрос мог бы дать, наверное, лишь тот, кто их контролировал. Но кто же это был? Неужели же тот, кто сейчас медленно развел эти два полностью лишенных своей собственной воли инертных тела в разные стороны на расстояние примерно ста метров, а затем с запредельной силой и столкнул их.

Да, и это было столкновение. Света и тьмы, холода и жара, лжи и правды. Непримируемое, бескомпромиссное, смертоносное. Один из этих двух противников должен был в тот вечер непременно погибнуть. Но пока гило лишь все вокруг. Все, что находилось в радиусе нескольких километров. Сначала вспыхнула ярким пламенем лесополоса. Потом как будто бы замерзла. А затем загорелась снова. После чего, обратившись в невесомый серый пепел, была развеяна налетевшим ветром по близлежащим полям. Еще через некоторое

время, но напротив, словно бы замерзли жилые дома. Весь поселок, в котором как раз и жил Антон, в мгновение ока покрылся сначала толстым слоем снега, который, правда, почти тут же растаял, но затем замерз опять. Сами же противники тем временем вновь разошлись в разные стороны, но уже на большее расстояние. Между ними было теперь уже километра два-три. И снова сошлись. И это столкновение было еще сильнее предыдущего. И теперь уже во все стороны полетели искры. Яркие, разноцветные. Словно взмыла вверх, вылупившись из своего жесткого овального кокона, первая весенняя бабочка. Которая, взмахнув своими огромными легкими крыльями, на несколько секунд ярко осветила все вокруг. Правда, из-за этих искр вспыхнул вокруг и сам воздух, потом погас и затем загорелся снова. К счастью, все это происходило уже на довольно значительном расстоянии от земли. Поэтому люди, жившие в непосредственной близости от падающих здесь и там искр, почти не пострадали. Они лишь слышали невероятно громкий звук, как от мощного взрыва или от удара грома. Поскольку воздух над ними из-за образовавшейся гигантской пустоты, мгновенно схлопнулся.

Антон и его противник находились теперь уже довольно высоко. В нескольких километрах над землей. Там было исключительно холодно, но зато и невероятно красиво. Звезды над облаками светили очень ярко, почти не замутненные атмосферой Земли. Луна освещала белесым светом верхнюю кромку облаков, а в просветах между ними и саму землю.

Вот только Антон и незнакомец ничего этого не видели. Поскольку были полностью подчинены той таинственной силе, которая сначала разводила их в разные стороны, а затем с запредельной жестокостью соударяла. Она, несмотря ни на что, все так и продолжала действовать. И ничто в целом мире, как казалось, не могло бы теперь ее остановить. Все это походило, как если бы некий невидимый великан разводил свои огромные длинные руки в разные стороны, а затем с невероятным грохотом хлопал ими.

Наконец, противники поднялись едва ли не в открытый космос, на высоту свыше двадцати километров. Расстояние между ними, до этого возраставшее с каждым хлопком-столкновением в геометрической прогрессии, стало еще более значительным. Им требовалось уже довольно продолжительное время, чтобы снова сойтись. Хотя и передвигались они со скоростью невероятной. Такой, что не то что современные самолеты, но даже и космические корабли не смогли бы подобной скорости развить. И каковы же были инерционные перегрузки, которым подвергались эти два лишенных своей собственной воли тела, каковы же были невероятные перепады их температур. Нет, они не были людьми, конечно же, не были.

Но все когда-либо заканчивается. И этот поединок не мог длиться вечно. Находясь уже в нескольких тысячах километрах от того места, где изначально сошлись, Антон с незнакомцем стали снова сближаться. И теперь уже в последний

раз. Но им не суждено было столкнуться. Потому что незнакомец во время этого головокружительного параболического полета начал постепенно, за несколько сотен километров до места столкновения, буквально рассыпаться. Внешне это выглядело, как если бы он обратился в черную рыхлую пыль, которую, хотя и сильно разряженный, но все же мощнейший ветер постепенно сдувал с него. Вот уже рассыпались тонкие длинные пальцы его рук, а затем и сами руки. Ноги также едва ли не до колен были оставлены где-то позади. Вот его грудь и спина, и плечи обратились в невесомый чернильный порошок, тут же развеянный встречным ветром. Наконец, осталось лишь только одно его лицо. Причем, оно почти даже и достигло места столкновения, но все-таки, буквально за километр до этого медленно распалось также. И тогда над всей Землей пронесся легкий, едва слышный вздох то ли облегчения, то ли напротив горя. «Аластор», – прошумел порывистый ветер. «Аластор», – прогудели высокие горы. «Аластор», – вздохнули глубокие моря. И, да, – в тот момент все было кончено. Один из вечных и самых страшных демонов Земли был повержен, а его прах развеян по ветру.

Антон же, теперь уже лишенный своего противника, медленно спланировал по наклонной траектории вниз и опустился на то самое место, откуда еще несколько часов назад поднялся в воздух. На нем не было одежды, но он не замерз. Он перенес тяжелейшее испытание, но он не чувствовал себя опустошенным. Ему были нанесены страшные раны и уве-

чья, но он не чувствовал боли. Он теперь вообще почти ничего не чувствовал. Но зато он прозрел и мог видеть. Видеть все то, чего ни один человек на Земле не смог бы никогда. И тем не менее Антон, а точнее тот, кем он стал теперь, лежал еще некоторое время неподвижно. Он словно бы размышлял, в каком направлении ему теперь идти. Что выбрать. Когда-то давно он уже думал о подобных вещах и сделал тогда правильный выбор. Вот и сейчас он должен был для себя решить, опираться ли ему на внутреннюю силу движения или на внешнюю. И так же, как и в прошлый раз, он выбрал путь изнутри. Этот путь был, конечно, несколько более эгоистичным, но он также вел к свету. К вечному свету и выходу из тьмы. Он давал силы и желание жить даже в самых трудных и опасных ситуациях. Единственное вот только, чего не мог теперь Антон, так это оставаться инертным. Неподвижность, остановка, застой означали бы для него смерть. Но зато в движении он был почти неуязвим. И мало какая сила в мире могла бы теперь ему повредить.

Тем временем все вокруг постепенно приходило в свое нормальное состояние. Конечно, насколько это вообще было возможно. Вот где-то вдалеке пробежала взъерошенная серая кошка, словно бы собственным примером подтверждая поверье о наличии у этих пушистых хвостатых тварей девяти жизней. Вот что-то где-то словно бы скрипнуло. Это некая едва очухавшаяся от только что схлынувшего запредельного ужаса лесная птица попыталась исполнить свою позабы-

тую на время ночную песню. А тут даже и проползло что-то по полю, насекомое какое-то. Вот только люди из соседнего поселка никак не приходили в себя. Нет, они, конечно, были живы. Однако духовная катастрофа, разразившаяся в тот поздний вечер так близко от них, слишком уж сильно на них подействовала. Залаяла где-то собака, потом завывала. Зазвенела сигнализация поселкового магазина. Да так и звенела без умолку, пока что-то не коротнуло в ее старой, давно проржавевшей электропроводке. Застрекотал вертолет, и возник посреди ночного неба блуждающий луч мощного прожектора.

И все же, хотя это и могло показаться немного странным, последствия минувшего столкновения ощущались не только поблизости, но и в весьма удаленных от этого тихого подмосковного поселка местах. Даже в иных странах, да и вообще по всей Земле произошло тогда нечто удивительное. Люди, которые до этого крепко спали и видели сны, все вдруг проснулись, причем разом. А те, которые не спали, ощутили сильнейший припадок меланхолии. Они даже на некоторое время словно бы опьянели, хотя и не пили до этого ничего. По той же причине случилось в разных районах земного шара несколько незначительных техногенных катастроф. Но все обошлось благополучно, без человеческих жертв. Так что материальный ущерб от произошедшего был, в общем-то, невелик. Чего нельзя было, конечно, сказать об ущербе моральном. Точнее, и правильнее даже в этом слу-

чае, наверное, было бы говорить и не об ущербе как таковом. А скорее о чем-то ином, быть может, даже противоположном. Поскольку в тот момент люди Земли словно бы освободились от крепких невидимых пут, сжимавших их тысячами и мешавших им свободно жить и дышать. Всеми теми долгими, однообразно сменяющимися веками, в течение которых существовала и с огромным трудом развивалась человеческая цивилизация. Они вдруг почувствовали невероятный, пьянящий, головокружительный всплеск творческого вдохновения и едва ли не восторга. Ощутили себя морально свободными.

8. Звезда

Антон лежал на тропинке лицом вниз. Правда, эта, бывшая теперь уже тропинка, была покрыта толстым слоем пепла, так что Антону пришлось даже немного разгрести его руками, чтобы свободно дышать. Глаз он не открывал и даже не шевелился. Ему и так сейчас было очень хорошо, в полном покое. Голова все еще немного кружилась и в ней хаотичным вихрем носились разные мысли наподобие: «Что это такое было» и «что с ним будет теперь». Однако одно Антон знал наверняка: он был жив. Он еще мог двигаться и дышать, а значит все было не так уж и плохо. Мысли об исчезнувшем незнакомце он гнал от себя, поскольку они причиняли ему едва ли не физическую боль. И все-таки нужно было сейчас что-то предпринимать. И вне зависимости от пережитого как-то продолжать думать и жить. Да и не лежать же ему тут, в самом деле, в таком вот виде, на совершенно открытом месте.

Антон чуть приподнялся на локтях и, слегка помотав головой, спокойно открыл глаза. Вспышка! Он увидел ярчайшую вспышку, как будто перед ним зажгли целую гору азотнокислого магния. И это опять была боль. Он зажмурился и, даже как-то невольно скрючившись, прижал ладони к закрытым уже глазам. «Да, так было немного легче, – причем не столько подумал, сколько почувствовал он. – Но что же

это, что же это опять? Что со мной и когда все это закончилось? – только и успевал он задавать себе эти невольные вопросы. – Почему все напасти мира и опять на него, на него одного?» Антон теперь уже лежал не шевелясь и все в такой же скрюченной позе, не отводя ладоней от своих глаз. Мысли вновь стали путаться. Однако посреди всего этого невероятного сумбура все яснее и отчетливее стала проступать одна из них. Неприятная, болезненная и очень пугающая: «Я ослеп». Да и действительно, что могло случиться такого, причем не с ним даже, а с одними лишь его глазами, чтобы он не мог и на секунду их открыть. И откуда взялся весь этот яркий свет, ведь сейчас была поздняя ночь, а, значит, напротив, вокруг должно было быть темно. Объяснение, впрочем, не заставило себя долго ждать: «Я сжег себе сетчатку, вот и все. Вот так все просто. И страшно. И теперь навеки останусь убогим инвалидом, влачащим жалкое существование. Не могу увидеть ни любимого лица, ни цвета, ничего». Слезы хлынули у него из глаз. От обиды, несправедливости жизни и от собственного бессилия что-либо изменить. Антон чуть слышно завыл.

К нему прикоснулась чья-то рука. «Наверно, спасатели, – подумал он поначалу. – Ан нет, уж больно маленькая что-то». И действительно, по телу Антона, по его голове, волосам и спине скользила чья-то маленькая, совсем еще детская ручка. Вот уже и вторая рука до него дотронулась. А потом вдруг возник и голос:

– Потерпи, «кротик», потерпи. Сейчас станет легче.

Да, и точно, Антону вдруг на миг показалось, что ему стало немного лучше. И что даже боль в глазах, которую он все еще испытывал, стала как будто слегка проходить. Он вновь попробовал их открыть. И опять – вспышка. Он снова с усилием сжался в комок и опять чуть слышно завыл.

– Нет, «кротик», нет, не открывай глаза...

Потом последовала пауза. Некто, тот кто сейчас трогал его руками, руки эти внезапно отдернул назад и более уже к нему не прикасался. Антон попытался было поводить рукой по воздуху, чтобы хоть как-то нащупать того, кто с ним говорил, но не смог.

– Лежи, лежи смирно, – услышал он тот же голос, – не шевелись.

Это был явно детский голос. Это чувствовалось по интонациям и тембру. «Но почему здесь, и откуда? – подумал Антон. – И что этой девочке тут надо? Неужели же она пришла из нашего поселка, чтобы помочь?» Он вновь поводил рукой. И на этот раз его рука действительно натолкнулась на что-то мягкое и теплое. Он отдернул руку.

– «Кротик», не мешай, – сказала девочка, – а то я тут долго с тобой провожусь. А мне и другим помочь надо.

– А пострадавших много? – сквозь запекшиеся губы кое-как процедил Антон.

И вновь последовала пауза.

– Мама, мамочка! – на этот раз девочка почти закричала, –

тут «кротик» живой, и он меня слышит!

Потом послышалось некое невнятное шебуршание и вновь наступила тишина.

– Ах да... – как-то досадливо проговорила девочка, – здесь же не ловит. – И она вновь пробормотала что-то, но уже про себя, Антон не разобрал. – Но ведь, – девочка обратилась теперь уже к нему, – ты же не можешь меня слышать.

– Почему не могу, – вновь с трудом прохрипел Антон, – очень даже могу и слышать, и... – он на миг вдруг запнулся, но продолжил, – вот только глаза болят. Ничего не вижу, один яркий свет.

– Ой-ей-ей, мама! – девочка опять обратилась к кому-то и, по всей видимости, вновь безуспешно. – Мама, – продолжила она почти что кричать, – тут «кротик»... видит...

Антон ничего на это не сказал. Он не понимал, о чем этот ребенок. «Ну да, – „мама“, это понятно. Все дети зовут маму, когда их что-нибудь пугает. Но почему „видит“? Или она со страху все перепутала?» Тем временем девочка стала водить своими ручками по его рукам, а потом, чуть отодвинув их, дотронулась до его век.

– Что ты сейчас видишь? – спросила она его уже более серьезным тоном и почти спокойно.

– Ничего, – ответил Антон, – только красное что-то, словно свет бьет прямо сквозь веки.

– Погоди, «кротик», – проговорила девочка, – сейчас...

Тут она что-то там у себя поделала, Антон не разобрал, и

вновь дотронулась руками до его пальцев.

– Подними глаза, посмотри как будто наверх, я сейчас постараюсь тебе помочь, – сказала она. – Не бойся, это не больно. Это лепестки Аолы, они как линзы, они помогут тебе. Я совсем немного приподниму твои веки и установлю их. Ты только не дергайся. И руки убери, – проговорила она наконец уже почти строгим тоном.

Антон подчинился. Потом закатил глаза. А девочка, действительно вставила ему что-то под веки, тонкое гибкое и очень мягкое. Потом она веки его аккуратно поправила и отпустила.

– Все, «кротик», – проговорила она с чувством, – смотри!

И Антон открыл глаза. Никогда еще, никогда в своей жизни он не видел ничего подобного. Сказать, что он удивился, это не сказать ничего. Он был ошеломлен, поражен, раздавлен. Он даже невольно открыл рот от изумления. А глаза его, словно и вовсе уже не подчиняясь его воле, просто-таки стреляли в разные стороны то туда, то сюда. Он смотрел и не мог насмотреться. Он любовался и не мог даже осознать того, что видел. Он наконец по-настоящему понял, о чем говорила эта девочка, – он прозрел.

Антон даже не сомневался в увиденном, он отчего-то знал, что все это не могло быть галлюцинацией. Какой-то внутренний голос говорил ему, что он видел реальный мир, полный мир, мир во всей своей красе. Потому что не бывает таких оптических иллюзий, просто не может быть. Что ника-

кое сознание даже и близко не способно воспроизвести того, что было сейчас перед ним.

Девочка стояла неподалеку и молчала. Она даже не улыбалась, а просто смотрела на своего пациента спокойно и очень внимательно. В ее взгляде был и испуг, и восхищение, и еще что-то. Трудно было сказать что именно. Но она была поражена явно не меньше, чем сам Антон. Наконец пауза завершилась.

– Что это? – тихо произнес Антон дрожащим от страха и волнения голосом.

– Звезда, – спокойно ответила девочка.

– Мы на звезде? – уточнил Антон.

– Да, – ответила девочка, – и очень хорошо, что ты, «кротик», ее видишь. Это Арон, центральная звезда нашей системы. Она очень яркая и без защиты здесь вообще нельзя, – девочка указала на свой костюм.

Антон пригляделся. Да, ребенок и вправду был одет во что-то... во что-то странное. Словно бы сотканное из листьев и цветов. «Фея», – подумал про себя Антон чуть улыбнувшись. Девочка действительно в тот момент очень походила на маленькую, чудесную, волшебную фею из детских сказок. Но вообще, как ни странно, выглядела она почти так же, как и обыкновенные, простые дети, которые стайками бегали по их поселку летом, а зимой катались на санках и коньках. Вот только глаза у нее были чуть другие. Зеленые какие-то. То есть совершенно зеленые, да еще и с ярко вы-

раженным салатовым отливом.

– Ты меня видишь, «кротик»? – вновь спросила девочка.

И хотя она точно уже знала, что Антон видит ее, – просто ей хотелось уточнить.

– Да, хорошо вижу, – ответил Антон. – Но я все-таки еще не совсем понимаю, что это. Мне даже показалось что ты сказала... – он посмотрел по сторонам.

– Звезда, – повторила девочка. – Мы на звезде. И это – то место, куда большинство из вас попадает после смерти. А потом сгорает внутри. Но... – она посмотрела куда-то вниз, – вы ничего этого не видите и не знаете. Потому что вы слепые. У вас иммунитет к ее свету и теплу. Вы ничего не чувствуете и поэтому не понимаете. Да вы и ослепли бы сразу, – она с явной жалостью посмотрела на Антона, – если бы вдруг прозрели. А так, – живете себе спокойно в неведении.

– Но ведь, – задумался Антон – он теперь мог уже более или менее нормально соображать, – звезды же большие. Как же эта, как ты говоришь, звезда Арон, может быть тут в Земле?

– Ой, «кротик», какой ты глупый, – девочка тихо засмеялась. – Ну как же можно сравнивать живое и неживое? Да разве и правильно судить по размерам о том, что внутри? Ведь даже вы сами, люди, – ну как вас можно оценивать по вашей величине? Здесь же на Земле обитает много животных, которые намного крупнее вас. Однако по знаниям и внутреннему миру вы по сравнению с ними просто гиганты.

– То есть ты хочешь сказать, что этот Арон живой?

– Конечно, живой, – ответила девочка, – потому-то он и помещается в Земле. В смысле же знаний и души – это настоящая звезда. И она действительно огромная.

– И люди попадают на нее после смерти? – Антон не переставал задавать вопросы.

– Да, – ответила девочка. – Когда они умирают, они начинают видеть и даже чувствовать немножко. Не сразу, конечно, а постепенно. Однако, – она вновь внимательно посмотрела на Антона, – я никогда не слышала, чтобы вы могли прозреть при жизни.

Антон промолчал. Все это было так странно и даже нелепо, что у него просто не было слов. Как же он, простой, ничем не примечательный служащий мог вот так запросто взять и увидеть все то, чего не видел никто и никогда. Весь этот чудесный свет, что шел из-под земли. Все то сияние, яркое, прекрасное, удивительное. И почему никто не видел этого сияния прежде, и не мог? Много еще вопросов было у него в голове, а задавать их сейчас, в таком месте, да еще, с позволения сказать, таком вот виде он попросту постеснялся. Но девочка разрешила за него все сама.

– Прощай, «кротик», – произнесла она тихо. – Я не могу более здесь оставаться, нельзя мне. У нас, элов нет иммунитета к свету звезд, а здесь очень жарко. Но прошу тебя, – она внимательно посмотрела на Антона, – помоги другим. Их много еще тут, – она указала в сторону поселка. – Ты мо-

жешь теперь.

Тут она вплотную подошла к Антону, взяла его за руку и прикоснулась к ней своими губами.

– Да, – продолжила она, – ты можешь теперь лечить, я чувствую. Помоги им, «кротик».

После этого девочка повернулась немного в сторону и, с усилием сложив губы, громко свистнула. И тут же послышались очень мощные взмахи гигантских крыльев. А вот уже и ветер с весьма приличной силой толкнул Антона в спину, и наконец откуда-то сверху чуть ли не камнем спикировало вниз огромное серое чудище. По виду так настоящий доисторический птеродактиль. Девочка ловко запрыгнула на него, посмотрела на Антона еще раз и, коротко присвистнув, взмыла в воздух.

– Люн, меня зовут Люн, – крикнула она уже издалека и даже не обернувшись.

Сам же Антон, провожая ее взглядом, отчего-то размышлял теперь лишь об одном. Он вот никак не мог для себя понять, чего же в этой девочке было не так. Ну, ребенок как ребенок. Конечно, не человек явно, хотя и выглядит как нормальная девочка. Однако сейчас, почти уже не видя ее, он вдруг осознал, что это было. Девочка была полупрозрачной.

Наконец она совсем скрылась из виду, затерявшись где-то высоко в облаках, а сам Антон, чуть понутив голову, пошел по направлению к своему поселку. Он теперь специально вздымал босыми ногами клубы пепла и мягкой выгоревшей

пыли. А откуда-то из под нее, снизу, с невероятной глубины, прорезая неживую земную твердь, сияла яркими, разноцветными, но теперь уже вовсе не слепящими лучами огромная, горячая, живая звезда.

9. Мертвица

Антон посмотрел по сторонам. Вокруг было темно. То есть за исключением, конечно, того света, что шел снизу. Но фонари вдалеке по сторонам асфальтовой дороги не горели, да и сам весь поселок был погружен в темноту. «Электричества, наверное, нет, – подумал Антон. – Хорошо еще, что я теперь могу вот просто так видеть. А то бы, наверное, вообще не знал куда идти». Да и действительно, небо к тому времени уже совсем заволкло взявшимися невесть откуда облаками, поэтому ни звезд, ни луны видно не было. Даже вертолет, который еще несколько минут тому назад разрезал своим прожектором непроглядный сумрак осенней ночи, тоже куда-то улетел.

Антон остановился. С тропинки, по которой каждый вечер шел от станции до дома, он сбился уже давным-давно. Да сейчас и не было никакой тропинки. Лесополоса тоже совершенно пропала, выгорев, по всей видимости, дотла. А поле, обычно сырое и ухабистое, все было покрыто ровным слоем серого пепла. Так что по какому пути было сейчас идти, казалось совершенно безразличным. Антон пошел просто, напрямки, даже не пытаясь разобрать дороги. Под мягким слоем теплого пепла чувствовались все те же ухабы давным-давно перепаханного под пары и какого-то заскорузлого поля. Однако они были совсем не жесткими. И когда Антон насту-

пал на них, крошились и рассыпались мелким песком под босыми его ногами. И тут он неожиданно наступил на что-то твердое или даже острое, отчего и отдернул ногу. «Вот черт, камень что ли?» – выругался он про себя. После чего посмотрел на то место, куда только что наступил. Да, действительно камень. Он поднял его, очистил от пепла и пригляделся. В флуоресцирующем сиянии подземной звезды камень выглядел как-то странно. Он казался почти полностью прозрачным, отчего, слегка искрясь, переливался различными цветовыми оттенками. «Стекло, – решил Антон поначалу, – но откуда здесь? Странно». Он поглядел по сторонам. Нет, других таких стекол что-то нигде видно не было. «Хотя, нет... вон там еще какое-то светлое пятно виднелось из-под слоя пепла. И вон там еще». Антон пошел посмотреть.

Собирая все эти стекла, он не переставал удивляться какой-то странной, словно внутренней их красоте. Впрочем, стекол вокруг было не слишком много. Поэтому, набрав две полные горсти, он еще раз огляделся по сторонам и, удовлетворенно хмыкнув, пошел уже не останавливаясь по направлению к дому. Там он быстро нашел запасной ключ, который прятал под собачьей конурой. Сам же пес, Дружок, сейчас где-то пропал. Хотя Антон никогда и не сажал его на цепь и даже не всегда надевал ошейник, за что пес был ему всегда очень признателен. Отперев входную дверь, он прошел на терраску. Потом была еще одна дверь, на кухню, потом коридор и наконец зал. В зале он вывалил подобранные в по-

ле стекла на стол и полез в платяной шкаф поискать свечи. «Они же здесь где-то все были», – ворчал он про себя, некоторое время копаясь во всяком тряпье на средних и нижних полках шкафа. Наконец он нашел, что искал. И даже некое подобие подсвечника в виде маленького железного блюдца обнаружилось тут же. За спичками он сходил на кухню, после чего вернулся в большую комнату и зажег наконец свет.

Комната осветилась тусклым сиянием парафиновой свечки. Но сейчас и этого было вполне достаточно, поскольку вокруг была кромешная темнота. Да еще и тихо так. Антон чуть поежился, и вместе с этой, слегка вздрагивающей от движений воздуха свечей, прошел на кухню к умывальнику, где и глянул на себя в зеркало. Оттуда на него посмотрело совершенно незнакомое ему лицо. Он никогда еще не видел себя таким, даже в детстве, когда лазил с мальчишками по разным интересным и не очень местам. Его мать, весьма умная и добрая женщина, всегда очень терпеливо относилась к подобным его вылазкам и почти никогда не ругала. Даже когда он и возвращался домой совсем уж чумазым. Но такого вот как сейчас он не видел еще никогда. Он был грязен как черт. И только глаза его выделялись яркими белыми пятнами на фоне совершенно чернящей, посыпанной серым пеплом физиономии. Антон открыл воду. Ура, вода была. Он немного опасался, что вода вместе со светом пропала также, но этого, к счастью, не произошло.

Мылся он долго и с наслаждением. Несколько раз ему

пришлось даже сходить на терраску, чтобы принести оттуда сначала таз, потом тряпку, потом мочалку и еще какую-то мелочь. В общем же, он устроил себе на кухне почти настоящий душ. Он даже помыл голову с мылом, поскольку волосы его, теперь все слипшиеся и какие-то заскорузлые, более походили на взъерошенную дворовую метлу. Наконец процедура закончилась. Антон тщательно вытерся полотенцем, натянул на себя что-то из одежды и прошел обратно в зал. По дороге он несколько раз пощелкал в комнатах выключателями. Но нет, света по-прежнему не было. В зале он поставил свечку на стол, поудобнее устроился в кресле, в котором обычно смотрел телевизор, и стал размышлять.

Воспоминания о столкновении с незнакомцем он все еще гнал от себя. Но вот эта девочка, Люн, его очень занимала. «Странное существо, – думал он. – И не человек, вроде, а выглядит как человек. Летает еще на какой-то крылатой зверюге, тоже явно неземного происхождения. Руками лечит. Ведь она – тут он потрогал свои бока – действительно помогла мне. Ведь и не болит уже совсем ничего, даже если и болело. Потом, этот ее голос, добрый такой, словно бы знакомый. Да и сам язык. Ведь он каким-то образом понимал ее тогда, хотя и говорила девочка явно на незнакомом наречии. Или на знакомом?» Он не мог точно вспомнить. Уж слишком быстро все произошло, отчего в голове у него был по-прежнему какой-то сумбур. О звезде, которая находилась глубоко под землей и слабо светила даже сейчас, прямо сквозь пол его до-

ма, Антон решил пока не размышлять, ограничившись лишь соображением, что древние, похоже, все-таки были правы, утверждая, что преисподняя находится где-то там, в глубине.

Делать было совсем нечего. Дождаться ли рассвета или пойти все же спать? Антон не знал, что лучше. Конечно, с одной стороны, сон был бы сейчас ему очень полезен. Но как он мог? Как мог он уснуть после всего, что с ним произошло? Ведь ни один человек на свете не смог бы выдержать этого. Но ведь он тоже был человеком? Да, верно, человеком он именно был, вот уже как двадцать шесть лет. А прежде? Что с ним было до того, как он стал человеком? «Космос, черный лед, свет, опять космос, что-то еще...» – Антон не мог вспомнить. Что-то мешало ему. И это была не столько даже память, а точнее ее отсутствие. Это было что-то иное... Он попытался было вспомнить еще раз, но уже с усилием, и вдруг почувствовал, – резкую боль. Это опять была боль. И тогда, очень давно, тоже была сильная боль, отчего он просто не в состоянии был сейчас вспомнить все. Эта боль словно бы затуманивала его разум, делая те, очень далекие теперь уже воспоминания просто невыносимыми. А значит ему ничего другого не оставалось, кроме как оставить их на время в покое, не бередить. Но – и это он теперь уже знал наверняка, – тогда тоже что-то было.

Антон встал, пару раз прошелся по комнате, потом остановился, подумал еще о чем-то и задул свечку. После чего спокойно прошел к своей кровати – он мог бы найти ее да-

же с закрытыми глазами, – скинул с себя одежду и залез под такое привычное, легкое, но вполне удобное одеяло. И почти сразу уснул. Хотя, прежде чем успел уснуть, ему на миг вдруг показалось, что в комнате с ним кто-то был. Но кто это был, Антон не знал, конечно. Возможно, он на самом деле уже спал тогда. А приснилась ему просто его мама, которая стояла там, в дальнем углу и спокойно на него смотрела. Потом, и это уже точно во сне, он видел зеленый лес и речку с каким-то чудным названием. Они тогда, давно еще, вместе с отцом ездили к его тетке в деревню в какую-то область, он не помнил точно в какую, но где-то на северо-западе. Кажется, в ленинградскую. Там все время было довольно сыро и очень свежо. Хотя, почему так, он догадался даже во сне. Потому, что там как раз и находилась та самая речка с таким вот чудным названием – «Мертвица». Вот уж глупость какая. Антон повернулся прямо во сне. И долго потом они еще добирались на старой скрипучей лодке с одним поломанным веслом до небольшого лесного озера, в которое та речка впадала. И ловили там рыбу. После чего жарили ее прямо на костре, а точнее запекали в углях. А потом... Антон проснулся.

Он не знал почему так. Что его разбудило. В комнате было все так же темно. Тикали настенные часы да что-то где-то поскрипывало в старом, давно не отремонтированном доме. Дом этот Антону еще от бабки достался, когда та померла. А он все только и собирался, что сделать в нем хоть какой-то ремонт или хотя бы немного подновить. Да все что-

то недосуг было. Поэтому ничего удивительного в том, что дом поскрипывал, конечно же не было. Антон прислушался. Нет, теперь даже поскрипывание пропало. Ан нет, вот опять. «Ну что же, – подумал он, пытаюсь себя успокоить, – скрипит старая развалюха и пусть себе. Не мучиться же мне теперь из-за этого до утра? Спать нужно». Антон перевернулся на другой бок лицом к стене. «Нет, так было еще страшнее», – он все-таки, пусть и не нарочно, но произнес это слово, видимо, постепенно начиная осознавать, что именно мешало ему уснуть и почему он проснулся. Он чего-то боялся. Трудно было сказать чего именно. Он повернулся назад. Открыл глаза, огляделся. И ему вновь показалось, что в комнате с ним кто-то был. Он закрыл глаза.

Нет, это было просто невыносимо. Вот так лежать и думать, что в комнате еще кто-то есть, что он стоит там в углу и смотрит на тебя. А может быть в дверном проеме? А может ему лучше было просто плюнуть на все и спать. А может взять и выпить? «Вот, – обрадовался Антон, – вот хорошая мысль, выпить! И это нужно было сделать прямо сейчас. А то так и вправду можно до самого утра проворочаться. Да к тому же еще после всего, что с ним произошло этим вечером, расслабиться было бы, наверное, даже полезно». И он открыл глаза.

Антон не закричал и даже не шевельнулся, хотя этого ему и очень хотелось. Он так и остался лежать в своей постели без движения, и словно бы чего-то ожидать. Или это было

просто оцепенение? Ему почему-то даже и не было в тот момент особенно страшно, поскольку он увидел именно то, что и предполагал, и отчего так и не смог в тот поздний час как следует заснуть. С ним в комнате кто-то был.

Это было нечто едва различимое в ночной темноте, чуть более светлое, чем сама темнота. Некая белесая тень словно бы нависала над полом в дальнем пустом углу его комнаты. Антон пригляделся. Ему очень хотелось протереть глаза, но он не решался пошевелить руками. Он просто медленно поднимал и опускал веки, надеясь, что это видение как-то само-собой исчезнет, растает как дым. Ему даже пришлось один раз сильно ущипнуть себя за ногу, чтобы убедиться, что все-таки не спит. Но нет, он не спал. А этот призрачный посетитель все так и продолжал стоять в дальнем углу неподвижно. Глаза Антона теперь уже совсем привыкли к ночному сумраку, отчего он смог наконец более или менее отчетливо разглядеть своего гостя. Это была женщина. Обыкновенная, простая, каких очень много было в городе, да и здесь в его поселке. Довольно изящная и хорошо сложенная. Одета она была во что-то светлое. Лица ее Антон, конечно, не мог в подробностях разглядеть, но оно, и в этом он был почему-то абсолютно уверен, было красивым.

Наконец Антон, превозмогая все еще мешавший двигаться страх, приподнялся на одном локте и слегка вытянул вперед голову. Женщина не шелохнулась. «Надо бы зажечь свечку, – подумал он, а то мы так с ней и впрямь до само-

го утра тут будем смотреть друг на друга». То обстоятельство, что его посетителем оказалась именно женщина, его почему-то немного успокоило. «Ведь женщины, существа в большинстве своем довольно покладистые и мягкосердечные, а значит нельзя от них ожидать чего-то совсем уж плохого», – продолжил он как-то глупо размышлять. Однако то, что произошло через несколько секунд, буквально заставило его, причем не то чтобы переменить свои мысли, а на некоторое время и вовсе отказаться от них. Да он, на самом деле, и не мог тогда нормально соображать, не мог он по-прежнему и пошевелиться. Жуткий страх, холодный и безжалостный буквально сковал его по рукам и ногам, потому что женщина эта начала двигаться. И это было такое движение, от одного которого можно было легко сойти с ума и прямо там на месте. Что-то внутри ее тонкого изящного тела приглушенно хрустнуло и она, совершенно раскоординировано, переступая с одной ноги на другую, стала медленно продвигаться по направлению к его кровати. Она даже делала отмашки руками как-то неправильно. То есть правая ее рука шла вперед вместе с правой ногой, а левая с левой. Все движения женщины были похожи на движения большой кукольной марионетки, управляемой кем-то извне. Даже голова ее как-то резко, короткими рывками наклонялась сначала в одну сторону, а затем в противоположную.

Наконец Антон не выдержал. Он вскочил на свою кровать и, крепко прижав руками к груди одеяло, попытался бы-

ло закричать, но вместо этого вдруг как-то глупо заскулил. А потом, пару раз сухо сглотнув, совершенно неестественным, почти свистящим хрипом все же смог выговорить: «Да что же ты за тварь-то такая!» Женщина в тот же миг на секунду остановилась, повернула наискось свою разлохмаченную голову и посмотрела на Антона. И вот уже после этого и сам Антон не смог бы, наверное, даже закричать. Потому, что смог наконец разглядеть лицо женщины. Ведь она теперь стояла уже совсем близко от него, почти вплотную к его кровати. И это было неживое лицо. Да, женщина была мертвой. «Тварь, тварь, гадина», – бешено носились у него в голове хаотичные мысли. Но он уже не мог ничего: не кричать, не пошевелиться. Он просто смотрел в оцепенении на все приближающуюся к нему белесую тень. Вот он уже ощутил слабый холодок, а вот и запах: мерзкий, затхлый, словно из давно заброшенного, прогнившего старого колодца. А вот и прикосновение, – ледяное. Женщина теперь уже вся взобралась к нему на постель и, почти нежно взяв одной рукой за его руку, в упор посмотрела на него. А потом, тихо выдохнув, прижалась к нему всем телом. И это было сырое тело, холодное, отвратительное. В тот же миг Антон почувствовал, как словно бы несколько твердых скользких щупалец буквально обхватили его. Они сжимали его все сильнее и сильнее, пытаясь как удав задушить и раздавить свою жертву. Женщина закинула ему на бедра свои ноги, а руками обхватила за шею. И вот этого уже Антон не перенес.

Он вдруг почувствовал, что в нем что-то переменялось. Он уже не мог больше вот так просто стоять и ждать пока его убьют. А его хотели убить. Он почувствовал это. Отчего молча, спокойно, не издавая ни единого даже шороха, развел руки сначала в стороны, а затем и изо всех сил ударил ладонями женщину в грудь. Удар этот оказался сильным. Неожиданно сильным. Поскольку даже сам он в результате обратной отдачи буквально врезался в стену, что была за его спиной. Страшная же посетительница его дома отлетела к стене противоположной. То есть сразу метров на пять. И это было явно неожиданным для нее. Поскольку ударившись о стену, она издала такой мерзкий и протяжный вой, что даже сам Антон невольно зажал уши руками. После этого женщина, или то, что казалось ей, вся как-то неестественно изогнулась и словно огромное мерзкое насекомое прижалась сначала руками и ногами к противоположной стене, а затем и поползла по ней. Эта тварь залезла сначала под самый потолок. Потом посмотрела своими пустыми водянистыми глазами на Антона, вывернув едва ли не на пол оборота назад свою шею. После чего спрыгнула на пол и стала вновь к нему приближаться.

Однако Антон теперь уже отчего-то совсем не боялся. Какое-то странное чувство больше похожее на боевой раж овладело им. Он даже принял некое подобие боевой стойки, приготовившись отразить новое нападение. После чего стал спокойно думать и одновременно, не сводя глаз с твари, по-

тихоньку отходить боком по направлению к столу. Там он аккуратно нащупал коробок со спичками, и совсем уже не дрожащими пальцами зажег свечку.

В тот же миг тварь вся буквально ошетибилась, вспрыгнула на ноги и начала такими же мелкими рывками отходить в сторону от центра комнаты и подальше от света. Антон сразу понял, чего боится существо, отчего, взяв в руку свечу, быстро пошел прямо навстречу опасности. Тварь явно не ожидала такого агрессивного поведения от своей жертвы, отчего снова завывала. И на этот раз это было похоже на некое протяжное «мяууу», что заставило Антона даже хмыкнуть. Он теперь уже совсем не боялся твари. Теперь она боялась его. Отчего забились сначала в дальний затененный угол комнаты, за шкафом, потом опять полезла на стену и наконец, видимо от безысходности, сквозь эту стену словно бы просочилась и исчезла. Антон поставил свечку на стол.

После этого он подошел к своей измятой и испачканной какой-то гадостью кровати, сел на нее и попытался было хоть о чем-то подумать. Не важно о чем, лишь бы просто думать, думать и не сойти наконец с ума. Но в голове у него крутилось лишь одно только это дурацкое название той небольшой речушки в какой-то там области, которое он теперь, наверное, никогда уже не сможет забыть: «Мертвица, мертвица, мертвица».

10. Объяснение

Антон проснулся поздним утром. На улице было уже совсем светло и солнце, поднявшееся высоко над деревьями, ярко светило сквозь так и не зашторенное еще с вечера окно комнаты. Часы, которые ночью так страшно тикали, вызывая одним своим звуком всякие нехорошие предчувствия, показывали теперь уже почти половину одиннадцатого. «Ого, – сказал Антон сам себе, – и как это я умудрился так долго проспать?» Он действительно был немало удивлен, что все-таки смог, несмотря на все ужасы минувшей ночи, каким-то чудом уснуть. Хотя, наверное, все это и нельзя было назвать вполне нормальным сном. Если только вообще не нервным обмороком, который как раз сном без сновидений и завершился. Об этом говорила хотя бы сама та поза в которой он спал, – полусидя. Видимо, тогда еще, посреди ночи, он как сидел на своей истоптанной и измятой постели, так, даже не разогнувшись, и завалился головой на подушку. Сама же подушка была сейчас немного влажной, причем явно не от пота. Антон, похоже, плакал этой ночью и прямо во сне. Измотанные запредельным напряжением нервы все-таки давали о себе знать.

Но теперь все было совсем по-другому. Наполненная яркими лучами просторная комната, посвежевшая голова и даже какое-то игривое настроение. Все это было так непо-

хоже на то, что происходило вчера. Антон бодро потянулся и встал. Он еще какое-то время осматривался по сторонам, словно не до конца веря в реальность происходящего, а также в то, что все ужасы минувшей ночи остались позади. И тут он вдруг опять почувствовал, и снова почти инстинктивно, что на него кто-то смотрел. Однако на этот раз Антон не испугался. Видимо, и у страха тоже есть какой-то свой непреодолимый предел, когда человек уже просто не может бояться больше. Так и он, уверенно и очень спокойно посмотрел сначала в тот злополучный угол комнаты, потом в другой угол, за шкафом, потом в дверной проем, а затем в окно. И точно, чуть повыше подоконника, затененные косым выступом от угла дома, на него смотрели два прищуренных зеленоватых глаза. Но эти глаза были совсем не такими, как ночью. Это были глаза добродушные, озорные и радостные. Антон буквально подскочил к окну:

– Люн, – едва не закричал он, – когда с высоты своего роста разглядел всю девочку целиком. Она, похоже, пряталась там у стены, решив немного подшутить над ним.

Девочка же, увидав, что ее наконец обнаружили и более того очень ей рады, также выпрямилась и, немного приподняв правую руку, приветливо помахала ему в ответ. Антон тут же быстро прошел через коридор на кухню, а за ней уже и на терраску, где открыл входную дверь. Однако девочки на пороге не оказалось. Тогда он вышел прямо босиком во двор на мощеную камнем дорожку, что шла по его участку вокруг

дома. Но и у окна девочки тоже не было. «Вот уж еще, – как-то внутренне заулыбался Антон, – она тут теперь в прятки со мной играть будет». После чего все таким же быстрым шагом вернулся назад к себе в комнату.

То, что он там увидел, его несколько озадачило. Нет, он был даже очень сильно удивлен, если не сказать, – шокирован. Люн уже сидела в его комнате за столом и разглядывала стекла, которые он подобрал этой ночью в поле.

– Слушай, кротик, – начала она спокойно и без малейших предисловий, – подари мне один такой камень, – она указала на кучу стекол на столе. – Уж больно они у тебя красивые.

– Это простые стекла, Люн, – возразил ей Антон с легкой укоризной, – и они не стоят ничего. Но если хочешь, то бери. Бери их все.

– Спасибо, – ответила девочка вежливо, – но я только одно на память возьму, можно?

Антон пожал плечами. А затем подошел к столу, сел напротив нее и, подперев одной рукой голову, с чувством произнес:

– Ты даже не представляешь себе, как я тебе рад!

На это девочка как-то недовольно фыркнула, после чего посмотрела немного в сторону, в окно. Однако щеки ее, несмотря на такую неодобрительную реакцию, все же слегка порозовели в тот момент, явно свидетельствуя, что такое простодушное признание было ей очень приятным.

– Ты даже представить себе не можешь, – продолжил Ан-

тон, с трудом сдерживая буквально накатывавшие на него подобно морским волнам эмоции, – что со мной вчера было!

– А что с тобой было? – осведомилась Люн спокойно. Она явно умела владеть собой, отчего и не позволила эмоциям разыграться. – Ты мне лучше вот что скажи, кротик, – продолжила она все тем же прохладным тоном, – почему ты никому не помог вчера, я же просила.

На это Антон не нашелся, что ответить. Он лишь в немом изумлении смотрел на Люн и как-то глупо хлопал глазами. Ему очень хотелось рассказать ей все, или даже нет, просто выпалить ей то, что произошло с ним этой ночью. Однако слова буквально застряли у него в горле. К тому же, несмотря на свою относительную молодость, он все-таки был уже вполне состоявшимся мужчиной, почти взрослым. Поэтому немного засомневался, стоит ли ему пересказывать ей все то, что, возможно, было просто ночным кошмаром.

– Люн, – произнес он наконец, – давай лучше о чем-нибудь другом поговорим. Да вот о тебе хотя бы. Ведь ты мне так ничего толком и не рассказала вчера. А мне все же интересно узнать, что это такое было и почему я теперь вижу тебя.

– Так ты обо мне или о себе все же хочешь поговорить? – осведомилась Люн, слегка улыбнувшись. Она, конечно, совсем не сердилась сейчас на Антона за то, что он не исполнил ее просьбу. Ведь она не могла не понимать, что хотя он и не был вполне обыкновенным человеком, но все же он и

не был таким как она. А значит те события, произошедшие всего-навсего несколько часов тому назад, не могли не оказаться для него сильнейшим потрясением. – Тут вот что, – продолжила она все так же спокойно после короткой паузы, – то что ты видишь: и меня, и звезду под землей, да и много чего еще, не могло тебе открыться случайно. Какая-то неведомая метаморфоза произошла в тебе. Признаться, я и сама не знаю какая. И все это очень странно, – она посмотрела на Антона внимательно и задумчиво. – Однако, если оставить причины, то все, что произошло с тобой, просто нельзя назвать чем-то иным, кроме как чудом, и чудом хорошим. Потому что, согласишься, лучше все-таки видеть, чем оставаться слепым.

Антон был несколько удивлен или даже озадачен такими рассуждениями. Причем, не столько именно смыслом их, который он все еще никак не мог для себя постичь, а самим характером. Ведь эта, совсем еще юная девочка, говорила с ним почти на равных и даже здраво так, умно. У нее была речь совершенно взрослой женщины, не ребенка.

– Так вот, – продолжила Люн спокойно, – вы люди, конечно многое можете видеть, по-своему. Хотя, как многое, – не слишком. Ведь даже в простом, неживом спектре, вам доступна всего лишь малая его часть, процентов десять. Все же остальное вне этих пределов вы не видите. Хотя, конечно, вы и изобрели уже много всяких сложных приборов, чтобы регистрировать и инфракрасное излучение, и ультрафиолет,

и прочие, еще более жесткие или мягкие виды волн. Но все это, повторяюсь, излучение неживое. Живое же вы не видите совсем. Ну вот как тебе это объяснить, – Люн на секунду задумалась и посмотрела в окно. – Вот кошка, например. Вон она идет там у тебя по огороду. Вот если взять эту кошку и посадить неподвижно, то есть сделать так, чтобы она не двигалась совсем, а рядом посадить такую же кошку, но другую, не настоящую. Ведь вы даже и не сможете отличить одну кошку от другой. Или, например, еще дерево, что растет у тебя перед окном. Ведь если сделать такое же дерево, но искусственное, то вы не сможете отличить его также. У вас совершенно отсутствует непосредственное восприятие. У вас как бы живое наглухо запечатано в неживое и неживое вы только и видите.

– А-а, – протянул Антон задумчиво, прервав это, едва ли не научное повествование, – то есть мы, люди, не видим именно живое. Но, если так, то выходит, что живое это имеет какие-то свои, уникальные свойства, что-то, что позволяет отличать его от неживого.

– Конечно, – ответила Люн. – И я ведь не случайно сейчас заговорила о невидимых областях спектра. Потому что живое, так же как и те, невидимые волны, имеет свою волну. Правда, она совсем не похожа ни на ультрафиолет, ни на рентгеновское излучение, да и вообще ни на что. Поскольку в основе своей другая. Но если тот мир, в котором вы живете, можно представить в виде колеблющихся волн или мембран,

то мир живой, также можно представить в виде еще одной такой мембраны, которая с неживыми мембранами иногда соприкасается. В такой вот момент как раз и рождаются люди. Поэтому вы есть не что иное, как простое соприкосновение этих двух мембран. И когда вы умираете, то мембраны эти расходятся и все. Неживое остается неживым, а живое живым. Однако, если в процессе жизни вы не тратите всю свою энергию, которая дается вам при рождении, а потом при жизни, то и после смерти, ваша, как вы ее называете «душа», все еще продолжает существовать в виде так и не распутанного энергетического сгустка. А поскольку энергия, как ты, наверное, сам знаешь, имеет вес, то такие души и притягиваются на Арон. Они там, правда, еще некоторое время могут видеть и ваше обыкновенное Солнце, и звезды, чувствовать холод и жар, не понимая при этом, что то место, куда они попали, уже само по себе есть звезда. Но потом, немного приблизившись к ее центру, они начинают чувствовать уже живое тепло и видеть живой свет. А дальше, – тут Люн как-то грустно вздохнула, – уж лучше я пока не буду тебе рассказывать.

– Ну хорошо, – наконец проговорил Антон, – пусть так. Допустим, что жизнь, это всего лишь некая, невидимая людьми мембрана...

– Очень упрощенно, – тут же поправила его Люн. – Это очень упрощенное представление, ну, чтобы понятней было. На самом же деле эта мембрана трехмерная и она везде. Она

вокруг тебя, внутри, – там ее сгусток или плотно закрученный энергетический клубок. Он, правда, не круглый, конечно, а именно такой, как ты сам и есть, то есть с руками, ногами и головой, – девочка улыбнулась.

– Это я приблизительно понял, – продолжил все еще неуверенно рассуждать Антон. – Но вот ты сказала, что энергию эту, которая дается людям от рождения и поступает при жизни, можно еще и не потратить до конца. И тогда даже после смерти человек, то есть душа его так и остается в живом мире.

– Именно так. И эта душа, полная непотраченной энергии, так и блуждает по миру, если только не будет притянута гравитацией – а у живого тоже есть своя гравитация – к какому-нибудь более или менее крупному объекту. Звезде например. И там уже такая душа сгорает и обращается в свет. Который ты, кстати, и видел вчера пока я не помогла тебе.

– Да я и сейчас его вижу, – произнес Антон. – Но, конечно, уже не таким ярким. А те, значит, люди, которые, получается, израсходовали всю данную им энергию, не попадают на звезду? Они, выходит, исчезают сразу?

– Ну, не исчезают, конечно, а просто, как бы растворяются в живом пространстве, обретают покой и вечное забвение. И это счастье, уж поверь мне, по крайней мере по сравнению с тем, что испытывают души умерших, которые попали на Арон.

– Но почему же тогда не все люди расходуют свою энергию

при жизни, и что это за энергия такая, кстати?

– Простая энергия ваших желаний и чувств. Чувства любви, например, или чувства долга. То есть именно того, что заставляет вас двигаться и что-либо делать. Страх, ненависть, привязанности, увлечения – все это и есть та самая энергия, которую людям так хочется потратить при жизни. А мешают им обычно другие люди. То есть общество. Или, бывает, обстоятельства всякие. Хотя, конечно, если у тебя желания хорошие и благоприятные для окружающих, то тебе и намного легче. Поэтому почти все хорошие люди обретают забвение после смерти. Плохим же все дается намного сложнее. Но ведь они не виноваты, что они плохие. И тем не менее, почти все их желания остаются при жизни не исполненными и они попадают на Арон.

– А если плохой человек, например, все же сможет реализовать все свои желания при жизни. Ему что, тоже будет даровано забвение? Как-то это неправильно, по-моему.

– Ой, кротик, – Люн усмехнулась, – не путай все. Если какой-нибудь вор или насильник сможет реализовать себя при жизни, он, конечно, обретет покой. Но, скорее всего, люди ему не позволят. И он попадет в тюрьму. А там уж какая реализация? Так он и будет там сидеть, мучаясь от несбывшихся желаний и надежд. А потом на Арон попадет. Хотя я, например, – тут Люн как-то грустно вздохнула, – считаю все это очень несправедливым. Ведь злодеи не виноваты, что они злодеи. И кроме того, – что есть добро, а что зло опре-

деляет само общество. А оттого зла в мире никак не меньше добра. Общество просто делит все на хорошее и плохое. Это почти как инерционная система. Если ты движешься вместе с ней, то ты сразу хороший, если же против – плохой. И все же, даже у злодеев есть шанс. А правильно это или нет, не нам с тобой судить.

– Спасибо Люн, – Антон даже встал из-за стола, чувствуя, что разговор, по всей видимости, заканчивается. – Ты очень доходчиво все объяснила и многое мне теперь стало понятней в нашей земной жизни. Одного я вот только не могу понять. Что же я то тогда такое. И почему я теперь, – он глянул на девочку, – вот даже хотя бы просто разговариваю с тобой?

– Признаться, я и сама этого не понимаю, – Люн вновь задумчиво посмотрела на Антона. – Но, надеюсь, что и этот вопрос мы с тобой разрешим. Ведь не один же ты такой во Вселенной. Где-нибудь наверняка что-то подобное уже происходило. Быть может на других звездах или в других планетарных системах.

– А что, есть и другие такие звезды? – Антон почему-то очень удивился подобной возможности, хотя она и явно проистекала из того, о чем говорила девочка.

– Конечно есть. И их много. Не меньше, чем ваших обычных, неживых звезд. Мир полон жизни и только вы, люди, этого не видите. Вы, конечно, эндемики, то есть обитаете только вокруг Арона. Но, неужели же вам никогда не казалось странным, что вы так и не смогли найти другой жизни

в космосе. Ведь он такой большой, почти бесконечный.

– Да-а, казалось, – Антон опять сел. – Все это было как-то нелогично и необъяснимо. И как жаль, что я теперь один изо всей человеческой цивилизации знаю правду. Я, конечно, могу и другим рассказать. Но кто мне поверит.

После этих слов Антон опять поднялся со стула и подошел к окну. Там он увидел свой мир: деревья, огород, забор. Облака, небо и Солнце. Но как же этот мир был теперь непохож на тот, что он знал когда-то и который, как ему казалось, понимал. Нет, он, конечно, ничего не понимал и даже не видел. «Кротик» – все время говорила ему Люн. Да, он был кротом. Слепым, несчастным и беспомощным. Как и все те миллиарды людей, живущих вокруг него на этой уютной, красивой, но такой одинокой и затерянной в бесконечном космосе неживой планете.

11. Безумец

– Так что же мне теперь делать? – спросил наконец Антон, после того как наверное минут десять молча смотрел в окно. – Ведь мне теперь совершенно невозможно жить как прежде. Как после всего того что было, я могу на людей смотреть? О чем мне сейчас думать, что говорить? Ведь не могу же я как и ты улететь отсюда на какой-нибудь доисторической зверюге и жить... – он обернулся и с тревогой посмотрел на девочку, – в космосе.

– Я не живу в космосе, – ответила на этот, не вполне ясно сформулированный вопрос Люн. – Я тоже живу на планете и даже почти рядом. То есть не слишком далеко, по крайней мере. В этой звездной системе, вы ее еще Солнечной называете. У нас, конечно, все совсем не так как на Земле, но многое похоже. Поэтому ты сильно не расстраивайся. Ведь при желании, вполне неплохо можно жить и здесь. К тому же ты теперь единственный по-настоящему зрячий человек на свете. Хотя, как мне кажется, ты этому совсем не рад.

– «Не рад», – чуть даже раздраженно повторил Антон, – конечно. Я никогда еще не чувствовал себя настолько одиноким. И это несмотря на то, что там, – он указал на окно, – полно людей. Но ни с одним из них, даже из самых близких, я не могу теперь всем поделиться. Какая уж тут радость. Ты вот сейчас вспорхнешь как бабочка и улетишь в свой мир. А

я-то здесь останусь.

– Да погоди ты, кротик, не расстраивайся так, – попыталась успокоить его Люн. Ей на миг вдруг показалось, что этот, почти взрослый уже мужчина сейчас, наверное, заплачет. Да и было, признаться, от чего. – Я постараюсь очень часто прилетать к тебе и по возможности помогать. И кстати, – тут она сделала подчеркнуто серьезное лицо, – ты ведь тоже можешь мне помочь, и даже очень.

– Это чем же? – Антона последние слова девочки немного заинтересовали.

– А тем, что у тебя иммунитет к живому свету звезд, и ты легко можешь собирать для меня информацию, бывать везде, читать. Я то, несмотря на всю свою защиту, не могу здесь долго оставаться. Потому что тут ужасно жарко, да еще и свет такой, что...

– Да-да, ты говорила, – Антон стал проявлять нетерпение, – я помню. Но все же, что вообще могу я делать, чем помогать? Ведь я же обыкновенный человек и ничего особенного не умею.

– Ну, «не умеешь», – на этот раз повторила за ним уже Люн, – так я тебя научу. Да тут и просто все. Нужно только иногда ходить в музеи, посещать исследовательские центры. На раскопки ездить и в научные экспедиции. Все записывать. Ведь не случайно же я вчера нашла тебя. Ну, то есть случайно, конечно, но только лишь отчасти. Поскольку давно уже занимаюсь этой вашей Землей. И она меня очень интересует.

Я много изучала вашу историю и то, что происходит сейчас. А будущее, – я совершенно уверена, что оно у вас все-таки есть. Хотя, признаться, и не знаю какое. Ты вот не знаешь, конечно, но из нас, из элов, вами кроме меня вообще больше никто не интересуется, считая всю вашу цивилизацию случайной, нелепой и абсолютно тупиковой ветвью эволюции. Все думают, что вы ни на что существенное не способны. Лишь на бесконечное копание в неживом и иногда, очень редко, на слабые интуитивные прозрения. Но я никогда не соглашалась с такими выводами и мне всегда было очень вас жаль. Ведь вы же такие бедные.

«Жаль, бедные, такими выводами», – Антон продолжал повторять про себя эти последние слова девочки. Действительно, он в очередной раз убеждался, что перед ним был во-все не ребенок. Ну, то есть ребенок, конечно, но по каким-то иным, инопланетным меркам. С точки же зрения простого современного человека эта Люн была вполне сформировавшейся личностью. Разносторонней, умной и развитой.

– Так сколько же тебе лет? – спросил он как-то неожиданно, причем, по всей видимости, и для себя самого.

Девочка аж вздрогнула. Она никак не ожидала от Антона такого резкого и прямого вопроса «в лоб». Но тут же быстро спохватилась и ответила:

– Триста.

И тут вздрогнул уже Антон. Нет, он, конечно, предполагал нечто подобное, но все же и не ожидал такого. «Триста, – по-

вторил он про себя, задумавшись, – так это что же, когда же она, получается, родилась? Еще до Наполеона и Екатерины Второй? Задолго до отмены крепостного права? Боже мой, да я так с ума, наверное, скоро сойду». И эта мысль, преисполненная удивления и растерянности, так ясно отразилось на его лице, что даже Люн не выдержала.

– Ну что ты, кротик, не пугайся уж так, – она чуть приснула, – ведь не настолько я и старая. Просто мы живем довольно долго, намного дольше вашего. Да к тому же мне еще и не триста в точности, а чуточку меньше.

Антон улыбнулся. «Вот уж велика разница, – подумал он, – триста или чуточку меньше». Хотя, как это ни странно, но последнее замечание девочки его почему-то успокоило. Он даже стал хотя и медленно, и словно все еще пребывая в задумчивой нерешительности, ходить по комнате, лишь иногда и искоса поглядывая на Люн.

– А мне вот двадцать шесть, – продолжил он рассуждать, фактически уже разговаривая сам с собой. – Но за последние два дня я, похоже, прибавил к своему возрасту примерно столько же. Ведь мало того, что вчера вечером я видел того, как его... темного человека... не помню точно. Потом был взрыв, невероятно мощный. Потом удар, полет, падение. Ты вот тоже еще появилась, но через какое-то время, – он мельком глянул на девочку. – Да в добавок ко всему, после того как к себе домой вернулся, и здесь тоже кое-что произошло. Ведь этой ночью я чуть было не помер тут со страха. И это

прямо здесь, в своей постели. Да и сейчас, – он посмотрел по сторонам, – мне все еще слегка не по себе. Но вот не знаю, – он с сомнением поглядел на Люн, – даже не знаю, стоит ли тебе все это рассказывать.

Люн положила на стол кусок стекла, которым до сих пор легко поигрывала в руке и посмотрела на Антона. Она не понимала о чем он говорил. Однако его интонация да и сам голос, который отчего-то вдруг переменялся, ее немного расшевелили.

– Тебе приснилось что-то страшное? – произнесла она с улыбкой. – Ты знаешь, кротик, плохие сны у всех случаются. Поэтому переживать тут не о чем. К тому же, если я теперь, как ты примерно выразился, единственное близкое тебе живое существо, то может быть тебе и стоит рассказать мне все? Я, правда, не могу уже здесь долго оставаться, а значит и выслушивать тебя. Но все-таки попробую помочь. Ведь мы теперь с тобой почти друзья, как ты считаешь? – девочка тихонько засмеялась.

Но вот Антону было вовсе не до смеха. Поскольку он и сам уже засомневался в своих воспоминаниях. Конечно, он буквально жаждал рассказать ей все. И тем не менее, насмешливый настрой, да и само все поведение девочки отвадили его от этой мысли. Да и вообще, как мог он рассказать о том, чему и сам теперь почти не верил. Когда в его сознании привычная реальность и ночной кошмар почти перемешались. А так бывает лишь во снах.

– Нет, Люн, прости, я что-то не могу. Я вижу, что тебе все это интересно. Но, может, как-нибудь потом поговорим? Тем более, что все это скорее просто бред, чем что-то важное.

Но он уже не мог оставить все как есть, поскольку Люн из-за своей природной склонности, была весьма настойчивой. А значит шансов промолчать и удержаться у Антона просто не было. Сама же девочка решила проявить терпение и повела себя весьма по-умному:

– Как хочешь, – произнесла она спокойно, – тогда я улетаю. Ты только, знаешь, если уж вчера не сделал ничего, то хоть сегодня выясни, как у кого дела. А я, когда потом к тебе наведаюсь, так ты мне все расскажешь. И если все же были пострадавшие, то полечи их. Ведь, помнишь, я тебе сказала, что ты можешь? Вот, дай мне свои руки.

Антон вытянул руки вперед. А девочка взяла их и поднесла к своим щекам.

– Очень хорошо, – произнесла она, – греют. Да ты и сам-то попробуй. Только смотри, когда лечить будешь, руки держи на некотором расстоянии от того места, где болит. А то обжечь можешь. У тебя теперь большая сила в руках есть. Почти такая же, как и у меня, да и вообще у всего живого. Ты теперь способен лечить ими и восстанавливать даже сильно поврежденные места. А все потому, что у тебя не только восприятие непосредственное, но и воздействие. Ты теперь можешь безо всяких посторонних предметов или других приспособлений, чем обычно люди пользуются, видеть других

людей, причем самую их сущность и воздействовать на нее. И кстати, даже на сны. Поэтому, полечи их, кротик.

Антон поднес ладони к своим щекам. Да, действительно теплые, даже горячие. И что же, он способен теперь ими лечить и избавлять людей от кошмаров? Не верилось ему как-то. Нужно было как-нибудь попробовать при случае. Хотя, конечно, сама Люн вряд ли могла его обманывать. Ведь даже та, ужасная женщина этой ночью, которая пыталась его задушить, такая холодная и скользкая, тоже пострадала от его рук.

– Вон она прямо как к стенке отлетела, даже след остался. А я-то не так уж сильно ее и ударил. А она мало того, что неживая была, так все равно силу почувствовала. И тепло. А потом еще зажженной свечки испугалась, тоже горячей. И за шкаф платяной спряталась, а до этого по потолку ползала...

Антон посмотрел на Люн. Он и сам не заметил, как невольно разговорился вслух и случайно выболтал ей кое-что из того, что произошло сегодня ночью. Но ведь он так не хотел об этом говорить. Да, очень не хотел, но рассказал. Да еще и напугал ее едва ли не до полусмерти. Потому что девочка смотрела на него такими глазами, что у него у самого заныло сердце.

– Люн, прости, – попытался он все исправить, – ничего этого не было. Это я просто так, – мысли вслух. Не видел я эту женщину, не трогал ее. Да это все ночной кошмар. Она... да я... да ее вообще здесь не было.

Но девочка его уже не слушала. Она немного отодвинулась на стуле от стола и словно бы плотнее вжалась в его спинку. Лицо ее вдруг стало неподвижным и, несмотря на легкую флуоресцирующую прозрачность, побледнело. Нижняя губа ее слегка дрожала, а маленькая ручка невольно потянулась ближе к ней, как будто бы в отчаянной попытке сдержать крик. Так она и сидела около минуты, а затем неторопливо встала и приблизилась к окну. Антон сразу догадался, что Люн сейчас уйдет.

– Нет, – едва не закричал он, – нет, прошу, выслушай меня! Я не хотел тебя пугать всеми теми ужасами, что были этой ночью. Просто как-то само-собой вырвалось. Да ты, быть может, и не веришь, что эта женщина действительно тут была. Да ты глянь только. Вот, – он подбежал к кровати и разгладил простынь. – Вот, смотри, видишь следы грязные. А вон там, на стене, где она... та пропала, тоже след остался белый. И на потолке, наверное, тоже должны быть следы. Да и не было здесь ночью ничего. Люн, не уходи!

– Я столько лет искала того, кто увидит меня, – тихим и ровным голосом произнесла девочка даже не оборачиваясь. – Я просмотрела миллионы людей. Везде бывала, все видела. Изучила море записей о Земле и прослушала тысячи часов информационных курсов. Я верила, я всего лишь одна изо всей нашей цивилизации верила, что вы все-таки что-то можете. Пусть даже не сейчас, пусть когда-нибудь потом. Но сможете. И видеть, и понимать. Я ждала. Я так долго ждала

этого момента. Мечтала как о счастливом дне, что вы говорите со мной, видите меня и не отправляетесь как неразумные животные на эту бойню, на Арон. И вот, спустя почти сто лет я наконец нашла тебя. И ты мог видеть меня, и говорить со мной. Понимать все. И ты ведь совсем неплохой человек, Антон, – она неожиданно назвала его по имени, как будто бы знала, – добрый и умный. Ты умеешь слушать и понимать, воспринимать новое. А сейчас я потеряла тебя. Утратила навсегда, потому что ты безумен. И не спорь, и не говори ничего. Я просто не могу тебя больше ни видеть, ни слышать, – Люн по-прежнему говорила повернувшись лицом к окну. – Забудь обо мне, пожалуйста, а я... я тоже постараюсь. И не надо прощаний. Вы люди, похоже, и вправду должны по-настоящему сойти с ума, чтобы прозреть. Все, это конец, я ухажу.

После этих слов девочка плавно прошла сквозь стену комнаты, где было окно. Потом громко свистнула, и опять, как и в прошлый раз откуда-то с неба камнем спикировало вниз и приземлилось рядом с ней все то же крылатое чудище. Но на этот раз Люн не запрыгнула на него сразу. Она еще какое-то время стояла рядом с этим «птеродактилем» и гладила его по шее и спине. А затем залезла на него, поднялась в воздух и, не произнеся ни единого слова, неспешно скрылась где-то за далекими деревьями.

Антон же молча провожал ее взглядом. Доказывать ей что-то было бесполезно, он и сам это понимал. Ведь та ноч-

ная история действительно больше походила на бред сумасшедшего, чем на рассказ нормального человека. И Люн, наверное, правильно сделала, что вот так все порвала. Уж слишком тяжело это было для них обоих. А в таких случаях лучше резать сразу. Пусть это и больно, пусть по живому, но зато и не мучиться долго. А больно-то было. Так больно, что Антон, едва не скрючившись, как и в тот, прошлый раз, когда впервые увидел свет, медленно подошел к своей кровати и, плашмя рухнув на нее, тихо завыл. Так он лежал очень долго. Час, два, а может и дольше, он забыл тогда о времени. Это продолжалось до тех пор, пока абсолютную тишину его старого деревенского дома не разрезал резкий, дребезжащий и, как казалось, невероятно громкий звук. Кто-то звонил ему в дверь.

12. Опять на работу?

Антон с трудом поднялся и медленно, шаркая босыми ногами по полу, прошел к двери. Но еще выходя из кухни, он уже увидел через зашторенное тюлем окно терраски, что на асфальтовой дороге напротив его дома был припаркован чей-то автомобиль. Машина была новой, красивой и явно дорогой. «Интересно, – подумал про себя Антон, – кого это еще черт принес в такой день». После чего отомкнул входную дверь и в немом изумлении замер на месте как вкопанный. Перед ним стояла Наталья Сергеевна.

Женщина выглядела чудесно, особенно в лучах мягко подсвечивающего ее изящный силуэт послеполуденного солнца. Впрочем, секретарша шефа всегда отличалась довольно изысканным вкусом, хотя, возможно, и немного странным. Но сегодня Наталья Сергеевна постаралась действительно на славу. Длинное, почти в пол нежно-розовое платье в цветочек. Коричневая жилетка, сделанная из какого-то грубого, чуть ли не медвежьего меха, тонкий шифоновый шарфик и замшевые, на высокой тупоносой платформе фиолетовые туфли. Все это являлось весьма удачным дополнением естественной, хотя и не слишком утонченной ее красоты. Антон посмотрел на это чудо природы и, невольно улыбнувшись, отошел немного назад, пропуская неожиданную посетительницу к себе в дом. Сам-то он был одет весьма

прозаично: в светлые джинсовые брюки да в старую, сильно растянутую бледно-оранжевую футболку. Но Наталья Сергеевна ничего не сказала ему по поводу внешнего вида, а быстро и даже не разуваясь прошла через кухню в коридор, а за ним и в большую комнату, где и уселась на тот самый стул, на котором еще совсем недавно сидела Люн. Она с интересом разглядывала это убогое холостяцкое жилище, в котором оказалась и все так же молчала. Антон заговорил первым:

– Здравствуйте Наталья Сергеевна, – произнес он с каким-то особенным трудом и чуть склонив вперед голову.

На это Наталья Сергеевна ничего ему не ответила, а только продолжила спокойно, видимо все еще не до конца свыкнувшись с обстановкой, осматриваться по сторонам. Наконец это ей явно надоело и она сосредоточенно посмотрела на Антона. А тот, немного растерявшись и словно даже и не зная куда себя деть, начал ходить по комнате, пытаясь хоть как-то прибраться или хотя бы распахать по углам разбросанные здесь и там вещи. Процесс уборки занял у него несколько минут, после чего он еще раз окинул комнату придирчивым взглядом и, ловко свернув в рулон свою многострадальную постель, уселся на кровати. Он был теперь вполне доволен полученным результатом, отчего даже немного попрыгал на месте. Пружины под ним слабо заскрипели.

– Ну замечательно, – наконец проговорила Наталья Сер-

геевна, приветливо улыбнувшись, – вот примерно так я все себе и представляла. – Однако тут она отчего-то погрузилась и посмотрела в окно. – И все же, Антон, – продолжила она с едва заметной укоризной в голосе, – я, конечно, все понимаю: что загородный дом там, деревня и прочее. Но, как же можно опускаться до такого, – она мельком посмотрела в дальний затененный конец коридора, где тоже что-то валялось. – Ведь здесь хорошо старикам жить, а не тебе, молодому парню. У тебя ведь тут даже, знаешь, запах какой-то... – она немного поводила носом словно принюхиваясь, – стариковский. Трухой пахнет, пылью и еще чем-то противным. Вещами старыми, наверно. Ну, и не стыдно тебе?

– Да тут как раз моя бабка и жила, – пытаюсь хоть как-то оправдаться, ответил Антон. – А я все что-то с ремонтом никак не соберусь. Да и прибираться тоже лень. Что в старье-то прибираться? Тут если уж делать, так делать...

– А лучше ничего не делать, – закончила за него фразу Наталья Сергеевна. – Таким как ты и вправду, наверное, лучше ничего не делать. Валяться себе на диване целыми днями, а потом еще на работе сидеть, тоже лодырничать. Работа-то ведь у тебя, так скажем, совсем не пыльная: наладил себе компьютеры и сиди, мух считай. А вот у других не так, – Наталья Сергеевна грустно вздохнула. – Но, впрочем, я не за этим к тебе ехала.

– А зачем? – Антон в последнее время действительно как-то уж слишком прямо стал задавать вопросы, без обиняков.

– А ты будто не знаешь?! Да у нас сегодня весь офис просто на ушах стоит. То, что у вас тут ночью произошло, ведь об этом теперь все только и пишут, и по телевизору говорят. Неужели же не видел?

– У меня света нет, – ответил на этот, второй уже подряд не слишком удобный вопрос Антон. – Вчера еще отключили. Ну, как только все произошло, так сразу и вырубили. Вода вот, правда, почему-то есть.

– Понятно тогда. А телефон что, тоже не работает? Я то тебе несколько раз сейчас звонила пока ехала. Меня шеф прислал. А ему еще утром из отдела кадров доложили: кто ты и откуда. А у нас ведь сам знаешь как: «Где такой-то, почему на работе нет? Ах, это он самый и есть? И еще живет там-то? Ну, Наталья Сергеевна, чешите тогда к нему, все равно нам послать больше некого». Так и приехала. И все же, – женщина грациозно потянулась, вытянув вперед обе руки и скрестив пальцы, – я даже рада, что меня послали. Так уж надоел наш офис. Да и как ты сам здесь живешь тоже давно хотела посмотреть.

– Да тут и смотреть-то не на что, – бросил через плечо Антон. Он уже все понял и поэтому пошел в другую комнату переодеваться. – Говорю же, как бабка померла, так я сразу сюда и переехал. Надоело, знаете, все время квартиру снимать, пусть даже и в Москве. А тут хоть и ехать далеко, но зато никто не беспокоит, сам себе хозяин.

– Хозяин, – повторила за ним Наталья Сергеевна много-

значительно. – Впрочем, твое дело, живи как знаешь. Мне вот сказали тебя на работу доставить, я и доставлю, а остальное меня не касается. Мало ли кто как живет.

И все же посетительница Антона во время последней своей реплики еще раз и как-то уж слишком тоскливо посмотрела вокруг. Она, конечно, все понимала. И что этот парень живет один, и что ему нет никакого дела до всего этого бардака. И что хозяйку бы ему надо. А она как раз и согласилась бы стать такой хозяйкой. Вот только слишком далеко от Москвы он живет, да и дом плохой. Деревня. А она как-то не очень любила всю эту провинциальную жизнь, где все друг друга знают и всем до всего есть дело. В общем, не складывалось у нее. Опять не складывалось и уже в который раз.

– Все, Наталья Сергеевна, я готов, – отрапортовался Антон, выйдя из соседней комнаты. – Можем ехать.

И тем не менее, прежде чем уйти, он еще раз подошел к столу, на котором лежали подобранные им в поле куски стекла и взял один из них, чистый. Ведь именно его, похоже, и держала в своей маленькой детской ручке Люн до того момента, как он ее испугал. Ему показалось даже, что это стекло было еще немного теплым, отчего он, чтобы убедиться, поднес его к своей щеке. Наталья Сергеевна же, глядя на все эти странные его манипуляции, как-то неодобрительно фыркнула, прибавив что-то наподобие: «Фу, грязь какая». После чего прошла через коридор на кухню, а за ней и на терраску, из которой наконец вышла на улицу. Антон после-

довал за ней. Ему с одной стороны, конечно, вообще не хотелось сегодня никуда ехать, но с другой, он понимал, что вернуться хотя бы и отчасти к привычному укладу жизни, было бы для него сейчас очень полезно. «А то так и вправду можно с ума сойти», – подытожил он свои не вполне ясные умственные рассуждения.

Однако, оказавшись на улице, он вдруг остановился и невольно посмотрел по сторонам. То, что он там увидел, ну никак, то есть ни в малейшей степени не соотносилось с такой уместной и вполне разумной его идеей вернуться к нормальной человеческой жизни. Поскольку вокруг него творилось нечто невообразимое. Такое, что даже и описать-то это было сложно. Яркие лучи, широкие и узкие, мощные и слабые от скрытой где-то на невероятной глубине звезды, вырывались разноцветными всполохами из-под земной поверхности. Лучи эти то прерывались, пропадая где-то на головокружительной высоте, то возникали снова. И хотя почти все они были не слишком четко выраженного цветового оттенка и не слепили совсем, но тем не менее безучастно смотреть на все это светопредставление было почти невозможно. Помимо этих лучей и так же из-под земли вырывались некие, как Антон тогда сразу догадался, протуберанцы. Они гигантскими полупрозрачными дугами медленно скользили то вверх, то вниз, словно бы перетекая из одного невидимого подземного сосуда в другой. Антон даже подставил руку под один такой поток. Отчего малая толика его, тонкой струйкой плавно

отошла сначала в сторону, после чего закружилась неспешным изогнутым вихрем и наконец, словно бы нехотя, стекла куда-то под землю, вниз.

Конечно, все то, что он сейчас видел, происходило также и в пределах его дома, и даже в его комнате. Однако по-настоящему разглядеть все эти гигантские проявления невероятной активности полыхавшей живым светом звезды, можно было лишь на открытом пространстве. Наталья Сергеевна тем временем, открыв было дверь машины, тоже невольно задержала взгляд, но уже на самом Антоне, чье поведение показалось ей немного странным. Однако, через пару секунд молодой человек словно бы очнулся от этого своего ступора и перестал смотреть вдаль в, как ей тогда показалось, совершенно пустое пространство.

– Ну, хватит уже ворон считать, – поторопила его Наталья Сергеевна, – садись в машину, а то мы и так тут с тобой слишком долго собираемся.

На это Антон, словно бы спохватившись, пошел быстрее. Он, конечно, еще успел тогда посмотреть назад и даже подумать, что находиться ему теперь в этом доме после той ночной истории будет, пожалуй, весьма затруднительно. На счет же того, чтобы хоть как-то здесь еще и уснуть, так об этом можно было и не мечтать даже. Не знал он вот только, где ему придется ночевать уже сегодня, а то бы, наверное, предпочел бы остаться дома. Он быстро закрыл и запер за собой калитку и уже собирался было идти к машине, как внимание

его привлекла небольшая толпа народа, собравшаяся на соседнем участке.

– Я сейчас, – крикнул он Наталье Сергеевне, – еще минутку. Спрошу только, что у них там происходит.

После чего направился по дорожке, идущей параллельно асфальтовой, к соседнему дому. Там он поздоровался с соседями и стал их расспрашивать, как у кого дела. Жители поселка наперебой рассказывали ему да и друг-другу тоже о ночном происшествии. Как они все разом потеряли сознание, а до этого погас свет и как все вокруг замерзло. Кто-то утверждал, что видел настоящие сугробы рядом со своим домом, а кто-то – полыхавший везде огонь. Нашлись даже такие, которые говорили, что видели в небе след от огромного метеора, и что он-то, метеор этот, как раз все и поджег. «А как же тогда снег?» – вновь вступали в разговор те, которые именно снег и видели. «Да не было никакого снега, – отвечали им видевшие огонь, – это вам показалось». Наконец кто-то из жителей обратился и к Антону, и стал его расспрашивать, что было непосредственно с ним. На это Антон ответил, что ничего толком не помнит. А помнит лишь поле, засыпанное пеплом и свою одежду, которой на нем почему-то не было. О своей встрече с Люн и подземной звезде он благоразумно умолчал. «Да уж, ну и чепуха», – отозвался на это его собеседник, после чего вновь присоединился к спорящим о снеге и огне. Сам Антон остался теперь несколько в стороне ото всей этой взбудораженной компании, отче-

го, немного подумав, собирался было уже уходить, как вдруг вспомнил о просьбе Люн. И хотя эта просьба сейчас, по всей видимости, не имела никакого значения, но тем не менее он все же поинтересовался у соседей: «Все ли живы и все ли у всех в порядке». На это ему был дан разрозненный ответ, что, мол, все живы, вот только Валентину Ивановну из дома, что ближе всех к реке, этим утром увезли на скорой в райбольницу с сердечным приступом. И этого было вполне достаточно. Антон тут же развернулся, вышел со двора и пошел не останавливаясь более по направлению к машине.

– Ну наконец-то, – несколько раздраженным тоном произнесла Наталья Сергеевна, когда они выехали за пределы поселка и понеслись по уже скоростному шоссе в сторону Москвы. – А то я уж начала думать, что мы там с тобой до вечера застрянем, в деревне твоей.

– Это поселок, – тут же поправил ее Антон.

Ему почему-то не понравился этот, несколько пренебрежительный тон, с которым его спутница отозвалась о месте, где он жил. Конечно, там у них все было совсем не так, как в городе. Не слишком изящно и прибрано, но зато люди вот были просто золотые. И дело было даже не в том, что они казались более добрыми или отзывчивыми. Нет, они были люди как люди. Однако у них имелось одно очень важное качество, которого в городе, по всей видимости, было совсем не сыскать. А именно – искренность. То есть, если, например, кто-то кому-то не нравился, то об этом так прямо и говори-

лось, если же наоборот, то тоже, без обиняков. Это сильно упрощало все и делало такую провинциальную жизнь по-настоящему легкой. Все про всех все знали и старались не задевать при общении слишком уж острых углов. Но зато и не ожидали друг от друга чего-то совсем уж плохого. Камня за пазухой не держал никто. Бывали, конечно, и здесь разного рода случаи. Однако они не были слишком частыми и не носили такого разрушительного характера, как в городе.

– На вот, почитай, – прервала наконец это несколько затянувшееся молчание Наталья Сергеевна. Она, не отрывая взгляда от дороги, протянула Антону небольшой планшетный компьютер, который вытащила из своего бардачка. – Это просто смех да и только, что пишут. Про инопланетян я уж и не говорю. Тут версии и поинтересней есть, – она потыкала пальцем по заголовкам новостей, которые высветились на планшете.

Антон стал читать. В основном все, конечно, писали о некоем крупном метеоре, который взорвался ночью над подмосковным поселком. Но встречались статьи и действительно забавные. Особенно понравились ему заголовки в Рейтерс и Блумберг. «Русские вусмерть напились водки и уронили с телеги новый тип психотронной бомбы», – вещал Рейтерс. Блумберг же писал еще проще: «Проклятые русские, ну почему от вас в мире одни проблемы!» И так далее, и тому подобное. Антон хмыкнул и, чуть помешкав, положил планшет на заднее сиденье автомобиля. «Да уж, сочинители, – поду-

мал он про себя, – знали бы они правду, интересно, как бы тогда запели».

Наконец автомобиль въехал в город. Вокруг замелькали высокие дома, магазины и толпы прохожих. Антон смотрел на весь этот серый урбанистический пейзаж совершенно равнодушным взглядом. Как ни странно, но город не вызывал у него совсем никаких чувств. И все же на перекрестке, где они стояли несколько минут на светофоре, он вдруг обратил внимание на одну небольшую табличку, отчего и попросил Наталью Сергеевну высадить его где-нибудь поблизости. А та лишь в очередной раз произнесла одну из своих неуместных реплик, наподобие: «Эк ведь тебя приспичило», после чего, и даже не возмущаясь, припарковалась в ближайшем переулке. Она, конечно, еще некоторое время наблюдала за своим пассажиром, высматривая, куда это он пошел. Однако глаза ее явно округлились, когда она прочла на вывеске, под которой находился вход в некий темный подвальныйчик, и куда, собственно, и спустился Антон, довольно крупными буквами выведенное слово «Ломбард».

13. Алмаз

Лестница была крутой. Да еще и с весьма истертыми ступенями. Поэтому Антону пришлось проявить немалую осторожность, чтобы ненароком не оступиться и не скатиться кубарем вниз. Внизу же вместо ожидаемого прохода в сам ломбард оказалась еще одна дверь и на этот раз закрытая. Дверь эта была решетчатой, отчего, хотя и не позволяла пройти дальше, но вовсе и не мешала видеть то, что находилось внутри. В самом же ломбарде, прежде всего, бросалась в глаза довольно потрепанная, длинная деревянная стойка, тянувшаяся вдоль всей задней стены помещения. По сторонам от этой стойки стояли стеклянные шкафы-витрины, в которых были выставлены всякие вещи, по всей видимости, на продажу. Самого хозяина заведения что-то нигде видно не было, однако Антон не успел еще толком осмотреться во круг, как неожиданно услышал его голос.

– Здравствуйте, молодой человек, – проговорило некое невидимое устройство, находившееся, судя по звуку, где-то сбоку на уровне головы. – Чем могу помочь?

– Да я вот спросить хотел, – неуверенно проговорил Антон. – У меня тут одна, – он немного замялся, – вещь, так я хотел узнать, что это.

– Ну, вещи мы не оцениваем, – продолжило вещать устройство, – если только вы не хотите что-нибудь продать

или заложить.

– Нет, закладывать я пока ничего не хочу. А вот продать, это можно. Вот только...

Тут что-то где-то внутри решетчатой двери хрустнуло, щелкнуло и она с металлическим лязгом открылась. Антон вошел внутрь. Он с любопытством поглядывал на все те мыслимые и немыслимые предметы, которые красовались на стеклянных полках шкафов-витрин, мимо которых он сейчас шел. Там были вещи самые разные, но именно такие, какие люди чаще всего, по-видимому, и закладывают в ломбард. Прежде всего там были часы. Всех форм и размеров, мужские и женские, старые и не очень. Потом, – портсигары, подсвечники и редкие книги. Украшения из золота и серебра, столовые приборы, а также иные, немного странные предметы, назначения которых Антон не мог даже сразу и понять. Особенно ему приглянулось одно необычное кольцо, лежавшее на верхней полке витрины, которая стояла ближе всех к прилавку. Это кольцо было явно старинным, поскольку серебро, из которого оно было изготовлено, в местах углублений извилистых узоров, тонкой вязью оплетавших его со всех сторон, довольно сильно окислилось. В передней части кольца, в самом центре, сверкал крупный, прозрачный, изящно обрамленный камень. Он был очень красивым да еще и весьма необычной огранки. Над этим камнем явно поработала рука искусного мастера. «Бриллиант», – беззвучно одними губами произнес Антон, разглядывая это произве-

дение ювелирного искусства. Однако мысли его по поводу возраста кольца и его стоимости были тут же прерваны появившимся наконец своей собственной персоной хозяином ломбарда. Это был довольно пожилой уже еврей в потертой конторской жилетке и черных бархатных нарукавниках. Пострижен он был, правда, на вполне современный манер, без пейсов по бокам и на косой пробор. Рубашку он носил какого-то неопределенного цвета: то ли серую, то ли в прежние времена белую, а потом посеревшую от долгой носки и неисчислимого количества стирок. Брюки с ботинками из-за прилавка Антон не разглядел, но он был почему-то уверен, что они также были не новыми, а скорее всего изрядно потертыми, хотя и опрятными. «И почему это все хозяева ломбардов непременно еврей?» – подумал про себя Антон, разглядывая этого не совсем заурядного человека. Впрочем, отчего ему пришла в голову такая мысль трудно было сказать наверняка, поскольку в ломбард Антон зашел в первый раз в жизни.

– Ну те-с, слушаю вас, молодой человек, – произнес хозяин ломбарда вместо приветствия. – Показывайте, что у вас есть. Но предупреждаю сразу, пустяками меньше пяти тысяч рублей мы не занимаемся. И комиссия у нас пятнадцать процентов за выкуп. Хотя... вы, кажется, говорили, что ничего закладывать не собираетесь.

– Да, – Антон чувствовал себя в этом месте как-то неловко, отчего уже несколько сожалел, что вообще сюда при-

шел. – Вот, – он положил на прилавок кусок стекла, который так и лежал у него в кармане с того момента, как он сначала взял его со стола, потом вынес зачем-то на улицу, а затем, не зная куда бы деть, так к себе в карман и положил. – Это, вроде, стекло, кажется, но все же... не знаю. Я вчера вечером его, ну...

– Ничего ничего, – поспешил прийти ему на помощь пожилой еврей, видя, что его посетитель совсем уже растерялся и того и гляди уйдет. – Сейчас посмотрим, что это у вас там за стекло такое, не переживайте.

После чего развернулся и прошел куда-то к себе в каморку, спрятанную за маленькой оргалитной дверью. Там он находился некоторое время, копаясь в каких-то вещах, после чего снова появился перед Антоном. В руке он теперь держал довольно увесистый прибор, представлявший из себя огромное, сантиметров в тридцать в диаметре увеличительное стекло, закрепленное на мощном бронзовом штативе с подставкой.

– Сейчас, молодой человек, – вновь успокаивающе проговорил еврей, – Натан Шаломович вам сейчас все расскажет, не переживайте так.

После чего установил прибор на стойке и стал изучать предмет. А Антон уже почему-то совсем и не переживал. То ли этот еврей действительно как-то его успокоил, то ли сам он просто так уж быстро освоился на месте. Он, конечно, еще некоторое время по-озирался по сторонам, после чего стал

неспешно прохаживаться вдоль шкафов-витрин, изучая их содержимое, словно бы в музее. Его собственная вещь, которую хозяин ломбарда сейчас с интересом разглядывал, его отчего-то уже совсем не интересовала. Обойдя все витрины, и не найдя на них ничего примечательного, Антон вновь подошел к тому кольцу, на которое еще в самом начале обратил внимание. Да, действительно, кольцо было необычным. А камень, как ему тогда показалось, весьма дорогой и изящный, ну просто-таки приковывал к себе его внимание. Он даже обошел витрину сбоку, чтобы получше все рассмотреть.

– Скажите, – обратился он к хозяину ломбарда, – а это правда алмаз?

Однако старый еврей ничего ему на это не ответил, видимо, слишком уж увлекшись изучением предмета, который лежал сейчас перед ним. Антон повторил вопрос. Потом еще, посмотрев при этом на хозяина ломбарда уже пристально и несколько недоуменно. Но тот лишь пробормотал что-то неразборчивое и, как и прежде, ничего не сказал. Наконец, по прошествии нескольких минут, он все же поднял свои, чуть замутненные теперь глаза и тихо переспросил.

– Простите, молодой человек, я плохо расслышал. Вы, кажется, что-то спросили?

– Да, – ответил Антон тоже рассеянно, поскольку уже отошел от витрины с кольцом и рассматривал другую с портсигарами. – Я хотел узнать вот про это, – он указал пальцем на старинное кольцо, – это алмаз?

– Да, алмаз, – ответил ему старый еврей, – и у вас, между прочим, тоже.

Антон и Натан Шаломович одновременно уставились друг на друга. Они оба совершенно не представляли, что им сейчас делать и о чем говорить, поскольку очень остро почувствовали, что случилось нечто невероятное. Один никак не мог понять, как это он, дурак, до сих пор еще не потерял этот камень и не выкинул его. А другой, который тоже вдруг осознал, что чего-то в этом мире все же не понимает, пытался сообразить откуда у этого простофили такой камень. Ведь камень-то действительно был потрясающим. И по весу, и по чистоте. О цене такого камня Натан Шаломович в тот момент забыл даже и подумать. И это уже одно многого стоило.

Немая сцена продолжалась несколько секунд, после чего Антон все же нашел в себе силы подойти к прилавку и посмотреть на камень. Он действительно показался ему теперь каким-то очень красивым. Старый еврей, видимо, аккуратно обтер его тряпочкой, чтобы получше рассмотреть. Да и Люн, еще утром у него дома, наверное, тоже не зря обратила на него внимание. «Вот уж точно, женский глаз, – подумал Антон про себя, – видит красоту даже сквозь пепел». Наконец он оторвал взгляд от камня и посмотрел на еврея. Еврей тоже посмотрел на него.

– Так... и что же теперь делать? – как-то риторически спросил Антон.

– Продайте, – коротко и четко ответил еврей, после чего

очень внимательно посмотрел на своего собеседника.

– А за сколько? – Антон все еще пребывал в некоем ступоре, отчего и задал этот, теперь уже вовсе ненужный вопрос.

Ведь любой торговец, да и вообще более или менее опытный в хозяйственных делах человек, услышав такое, невольно схватился бы за голову: «Ну кто же так торгуется?!» – возопил бы он. Однако старый еврей был, похоже, поражен не меньше самого Антона, отчего также совершил непростительнейшую ошибку, сразу назвав цену.

– Сто тысяч, – после чего как-то неловко кашлянул, но тут же собрался и добавил, – долларов. Сразу.

– Сто пятьдесят, – почти мгновенно, хотя и с некоторым трудом парировал Антон. Он и сам не мог бы сейчас сказать, как это ему хватило наглости, ничего не понимая ни в камнях, ни в торговле, вступить в этот, совершенно безнадежный торг с этим, явно более опытным чем он сам соперником.

Впрочем, последняя фраза, несколько необдуманно произнесенная им, весьма благотворно подействовала и на него, и на старого еврея, поскольку разом отрезвила их обоих.

– До свиданья, молодой человек, – произнес Натан Шаломович. – Рад, что зашли, прощайте.

После чего нарочито равнодушно оперся о свою стойку и с какой-то невыразимой тоской посмотрел на входную дверь. Все это было сделано так искусно и естественно, что любой другой посетитель этого денежно-вещевого заведения,

непременно клюнул бы на эту удочку, решив, что, пожалуй, явно погорячился. Отчего тут же и согласился бы с условиями хозяина. Однако Антон был все же не вполне обыкновенным человеком, отчего и разглядел в выражении лица еврея... он даже и не смог бы точно определить, что именно. Но словно некую двуличность, раздвоенность. Ему в один момент показалось даже, что перед ним было сразу два лица: одно – обыкновенное, из плоти и крови, которое он прекрасно видел, а другое, словно бы эфемерное, состоящее из некой полупрозрачной субстанции. И это лицо было совсем другим. Это было лицо хитрого, умного и очень внимательного человека. И все же, выражение этого, второго лица, явно, ну просто едва ли не вслух говорило о том, что еврей притворялся. Что ему очень нужен был этот камень, и что даже та цена, едва ли не наугад названная Антоном, вполне бы его устроила. Видя все это, Антон не стал более спорить, поскольку понял все. Торг был за ним. А весь этот блеф, который хозяин ломбарда сейчас разыгрывал перед ним, призван был лишь одурачить его. Поэтому он спокойно взял со стойки свой камень, небрежно сунул его в карман брюк и собирался было уже уходить, как вдруг услышал позади себя, причем не то чтобы писк или скрип, а словно бы некое блеяние:

– Сто пятьдесят, – произнес Натан Шаломович уже и во все не своим голосом. И тут же, но уже нормальным тоном с укоризной добавил, – ах, молодой человек, молодой чело-

век, вот не цените вы честность. Я же мог вас сейчас легко обмануть, сказав, что это хрусталь или стекло, выкупив все за бесценок. А вы мне, с позволения сказать, руки выкручиваете.

– Ничего я вам не выкручиваю, – ответил на это Антон спокойно. Он теперь видел этого человека насквозь и мог совершенно свободно общаться с ним. – У вас на лице все было написано, ну, что камень стоит дороже. И даже больше ста пятидесяти тысяч. Но да бог с вами, берите так, я не стану торговаться. Тем более, что и сам, признаться, еще с час назад чуть было его не выкинул. Так что надо и честь знать. Если уж повезло, так повезло.

Несчастный еврей аж побледнел, когда услышал, что камень чуть было не выкинули. «Как, ну как же тогда он попал к этому недотепе», – все еще продолжал он размышлять. Однако, некое чувство, сродни, пожалуй, даже профессиональной щепетильности, все же не позволило ему задать этот, вполне естественный в данной ситуации вопрос. Вместо этого он, немного поведив рукой у себя под стойкой, нажал некую потайную кнопку, после чего, слегка нагнувшись, проговорил: «Да, да, сто пятьдесят тысяч... вы все видели. Камень настоящий. Прекрасной...» Но тут он глянул на своего посетителя и осекся.

– Вот вам, молодой человек, лист бумаги, – обратился он через несколько секунд теперь уже к Антону, после того как прервал этот странный разговор неизвестно с кем, – извольте

расписочку написать.

– Расписочку? – повторил за ним Антон, – это за что же. Денег-то я от вас пока еще не получил.

– Нет, ну что вы, – едва ли не ласково проговорил еврей, – расписочку, что вы никому не расскажете об этой нашей с вами сделке. Она, конечно, не будет иметь официальной силы. Но в некоторых кругах и такая бумага может быть принята к сведению.

– Ну хорошо, – Антон взял ручку и бумагу, – что писать?

– Пишите, – начал диктовать еврей, – что я, такой-то такой-то, обязуюсь хранить условия совершенной тогда-то, то есть здесь и сейчас сделки в тайне от третьих лиц. В случае же нарушения данного условия, обязуюсь вернуть все полученные средства Натану Шаломовичу Эринсону, то есть мне, – еврей улыбнулся, – со всеми причитающимися пенями и штрафом в размере...

– Каким еще штрафом, – тут же вспыхнул Антон, – вообще ничего не буду писать. Идите вы к черту.

– Ну хорошо, хорошо, – попытался успокоить его еврей, – пишите, без пеней и штрафа, а только полученную сумму. Все. Число, подпись, вот.

В этот момент в помещение ломбарда вошел некий молодой человек, которому Натан Шаломович услужливо отпер дверь, нажав на другую потайную кнопку у себя под стойкой. Человек этот оставил на дальнем конце прилавка небольшого размера черный полиэтиленовый пакет и, даже ни на кого

не взглянув, быстро удалился.

– Вот, молодой человек, – протянул Натан Шаломович пакет Антону, – это деньги. А камень, с вашего позволения и расписочку, я оставляю у себя. Ну как, вы всем довольны?

– Вполне, – у Антона в тот момент тоже как-то отлегло от сердца.

Он, правда, еще раскрыл пакет, собираясь, видимо, пересчитать его содержимое. Однако старый еврей стал его уверять, что все точно и проверять ничего не следует. И тем не менее Антон, памятуя эту двойственную натуру своего собеседника, которую еще совсем недавно разглядел во всей красе, все же вывалил все эти пачки долларовых купюр прямо на стойку и пересчитал все до единой, благо, что купюры в них оказались крупными. После этого он, действительно уже довольный и даже с какой-то глуповатой улыбкой на лице, которую несмотря на все свои старания так и не сумел скрыть, поблагодарил хозяина ломбарда, собрал назад в пакет полученные деньги и, развернувшись, быстро вышел на улицу.

14. Отдел кадров

Сказать, что Наталья Сергеевна была рассержена – это не сказать ничего. Она была просто в шоке, в ступоре от такой наглости. Как, ну как же этот мальчишка вообще посмел так с ней обойтись. Ведь он же ее вынудил, по сути, дожидаться его тут, в этом дурацком переулке битых полчаса, пока сам обдελывал свои делишки. Да и что там у него могли быть за дела в ломбарде. Закладывал наверное что-то или выкупал. Не важно. Важно было то, что она, Наталья Сергеевна, уже пару раз, не сдержавшись, подходила к этому ломбарду и даже заглядывала внутрь. Она, конечно, не стала спускаться вниз, решив, что это будет уж чересчур. Тем более что и без того уже считала себя достаточно оскорбленной, а значит и имевшей полное право сердиться на этого любителя поиграть с деньгами или даже обругать его при случае. И вот теперь, когда этот невежа соизволил наконец появился здесь перед ней, он стоит тут еще, как ни в чем ни бывало и, глядя по сторонам, лыбится словно последний идиот. Нет, у нее просто не было слов.

Антон же выйдя из ломбарда, действительно как-то немного растерялся. Он опять увидел дневной свет и почувствовал свежий воздух улицы. А это было совсем неплохо после искусственного освещения и какой-то эмоциональной тесноты только что покинутого им заведения. Да вот еще и

Наталья Сергеевна тут тоже стояла, правда, рассерженная на что-то. Впрочем, почему секретарша шефа так сердилась, его не сильно беспокоило. Потому что он и сам был в немалой степени шокирован результатом своего получасового визита в этот ничем не примечательный подвальчик. А беспокоил его совсем другой вопрос, хотя, наверное, и очень важный: куда ему теперь идти. То есть назад домой возвращаться, добравшись сначала на метро до пригородной электрички, или лезть в машину к этой, ну прямо-таки не на шутку рассерженной секретарше. А что потом, ехать на работу? «Вот уж, и на работу, – подумал он, внутренне усмехнувшись, – очень она ему теперь нужна». Да и действительно, нужна ли была сейчас ему работа, трудно было определенно сказать. Поскольку в пакете, что он как-то неловко держал в своей руке, находилась его заработная плата, причем со всеми надбавками и премиями, едва ли не за целых десять лет. А ведь он продал всего лишь один камень из тех, что оставались у него дома. «Дома на столе», – повторил он про себя эту последнюю фразу. И этакое-то, действительно огромное богатство лежало у него просто так на виду в большой комнате, да еще и перед не зашторенным окном! Однако Антон все же несколько успокоил себя мыслью, что перепачканные пеплом бесформенные камни, по виду, так простые стекляшки, вряд ли кто мог принять за настоящие алмазы. Он, конечно, еще долго бы мог вот так размышлять о том о сем, если бы его не отвлекла от всех этих мыслей На-

тальяя Сергеевна.

– Ты что, дурак? – чуть даже прикрикнув, произнесла она неизвестно какую уже по счету дежурно-странную реплику.

После чего молча развернулась, прошла к машине и включила мотор. Антон словно бы очнулся. Секретарша шефа таким образом разрешила за него сразу все его сомнения, поскольку он просто не мог, и опять-таки в силу своего провинциального воспитания, совсем уж нетактично обойтись с женщиной. А Наталья Сергеевна была именно женщиной, настоящей. Это было заметно в каждом ее слове и движении. Ну, что ему оставалось, – только послушно лезть в машину.

До офиса ехали молча. Наталья Сергеевна, теперь уже окончательно убедившись, что Антон не тот человек, что ей нужен, думала о чем-то своем, отвлеченном. А Антон также вполне буднично размышлял на весьма общие темы, пожалуй даже философские. О превратностях судьбы и о смысле бытия. Не отрывая глаз от происходящего на улице, он не переставал удивляться своему недавно открывшемуся удивительному везению и той почти непоколебимой уверенности, которая все более и более овладевала им. Ну вот, взять хотя бы даже сам тот поход в ломбард. Ведь если разобраться, – раньше-то он просто и не решился бы на такое. Сейчас же он отчего-то словно знал, что именно туда ему и нужно, а следовательно, он просто должен был туда зайти. И что в результате? Удивительная удача, куча денег и абсолютная свобода впереди. Ведь теперь, при желании, он мог вообще

не работать. Да он и не станет! И эта мысль с такой четкой определенностью буквально вспыхнула у него в голове, что он, радостно улыбнувшись, даже посмотрел на секретаршу шефа.

Наконец они прибыли. Выйдя из автомобиля, Антон со своей спутницей прямиком направились к посту охраны, с волнением ожидая, что же сейчас будет. Им обоим казалось, что едва они переступят порог фирмы, как все, ну просто-таки накинется на них со всевозможными расспросами. Что да как, да по какой причине. Однако, к невероятному удивлению их обоих, на проходной их никто не встречал. И только дежуривший сегодня охранник вполне буднично проверил переданные ему пропуска, после чего занялся своими делами. Они поднялись на свой этаж. Но и здесь ничего не произошло. По крайней мере из того, чего они ожидали. О них, как казалось, теперь вообще все забыли, поскольку были явно заняты чем-то совсем иным. Все сотрудники компании буквально носились по коридорам фирмы словно оглашенные, выпучив глаза и только лишь изредка перебрасываясь фразами друг с другом. Антону, после нескольких неудачных попыток, все же удалось выцепить кого-то из этой толпы галдящих и носящихся туда-сюда людей и спросить у него, что, собственно, происходит. А тот, хотел было сначала увернуться, но заметив строгое лицо Натальи Сергеевны, тут же ответил, что почти пол фирмы уже подали заявление на увольнение, а вторая половина, вот пока еще размышляет

как поступить. Антон был настолько поражен услышанным, что тут же отпустил спешащего. Тот же не преминул мгновенно скрыться в жужжащей как потревоженный пчелиный улей толпе.

– Они тут что все с ума посходили? – обратился он к секретарше шефа. – Все увольняются, а куда? И почему, собственно?

Наталья Сергеевна, по своему обыкновению, ничего на это не сказала, но стала искать в толпе уже кого-нибудь из своих знакомых, чтобы более подробно его расспросить. И этим человеком оказалась некая молодая девушка из отдела кадров, которая подтвердила, что, да действительно, в офисе сегодня дурдом, и что все прямо как с утра появились на работе, так сразу и решили начать новую жизнь. Почему же все увольняются, она, тем не менее не знала, а знала, что и сама в этой фирме оставаться больше не желает. Еще же она сказала, что поскольку всю бухгалтерию в прошлом месяце перевели в другое подразделение, чуть ли не за пределами Москвы, то и отдел кадров теперь находился там же. А сама она сюда приехала по каким-то иным, вовсе не кадровым вопросам. Выслушав все это, Наталья Сергеевна обратилась теперь уже непосредственно к Антону.

– Ну и что нам теперь делать? Я что-то ничего не понимаю. Если все увольняются, то что будет с фирмой, и где нам самим после этого работать?

На это Антон заявил, что судьба фирмы его теперь и не

очень-то волнуется. И что при желании Павел Иванович легко новых сотрудников наберет, а сам он для себя уже все решил. И поэтому отправляется прямо сейчас в то подмосковное подразделение в отдел кадров. У Натальи Сергеевны от этого даже что-то заняло под ложечкой. Она и сама не смогла бы сказать почему. Ведь она уже для себя все решила. И на счет Антона, и его дома, да и вообще всех этих глупых поисков своей второй половинки. И все же, ей отчего-то было очень жаль. Нравился ей, видимо, Антон, а уж чем, она и сама не могла бы сказать. В этот момент сам виновник ее расстройства выловил из толпы еще одного сотрудника, который, как и все остальные, тоже куда-то спешил. Это был Василий.

– Ну что Васька, – обратился к нему Антон по-свойски, – валим отсюда?

– Нее, – Василий, похоже, тоже огорчился, что Антон собрался уходить, – я еще чутка поработаю. Да ты и сам-то подумай. Может все-таки не стоит. Тут у нас, конечно, все словно взбесились. Но ты-то, Тош, вроде нормальный человек. Куда пойдешь-то и на что жить будешь?

– Жить есть на что, – ответил ему Антон уверенно.

Он даже немного приподнял свой пакет с деньгами, который все еще держал в руке. Но вовремя спохватился.

– Средства имеются, – повторил он ту же мысль, но иными словами. – Я тогда сейчас в отдел кадров поеду. Вот только добираться туда неудобно. Может ты подбросишь?

– Не, я не могу, – ответил Василий еще более грустно, – я пока, как бы, на работе. Может вот Наталья Сергеевна тебя отвезет? – он посмотрел на секретаршу шефа, – если уж она и так тебя сюда доставила.

На это Наталья Сергеевна опять промолчала. Ей, признаться, и без того досталось сегодня, – одни разочарования. А теперь еще и этот, с позволения сказать, щенок, пытался ею распорядиться. Нет, не уважали ее в этой фирме и не ценили даже совсем, если уж позволяли себе такие предложения делать. «Может и вправду, и мне рвануть отсюда», – пришла ей вдруг в голову крамольная мысль. Она посмотрела на Антона, потом на Василия. «Нет, детский сад какой-то, – решила она наконец, – пусть эти ребятки сами тут разбираются как хотят. Она будет выше этого». После чего все так же молча, и даже не подав вида, что вполне поняла предложение Василия на счет «подбросить», отправилась к себе в кабинет. Тому же оставалось лишь красноречиво развести руками.

В подмосковное подразделение компании Антон приехал уже ближе к вечеру. Он даже немного опасался, что не успеет до закрытия и в отделе кадров никого не будет. Но этого не произошло. Все находились на своих местах и усердно работали, тем более, что работы в тот день у кадровиков было предостаточно. Антон быстро написал нужное заявление. Потом еще подписал какие-то требуемые документы и даже оставил расписку, что выходного пособия ему не надо

и что он не желает отрабатывать на фирме положенные по закону две недели. После чего довольный и теперь уже совершенно свободный вышел во двор. Подразделение компании, где теперь уже не работал Антон, представляло из себя огромный, огороженный бетонным забором склад, в центральном здании которого, на втором этаже, как раз и находилась бухгалтерия со всеми ее отделами. Здание это состояло из двух смежных строений: одного административного из белого кирпича. А второго, ну просто-таки гигантских размеров ангара, где хранились складские запасы компании. Вокруг этих двух смежных строений простирался обширный пустырь, на котором тут и там валялись всякие железяки, густо произрастала полынь да стояли в хаотичном порядке припаркованные машины сотрудников. По периметру же всего этого хозяйства тянулся забор, в одном лишь месте прерываемый широченными железными воротами с железной же дверью сбоку. Еще там стояла небольшая деревянная будка, в которой находилось помещение охраны и проходная. Антон направился к ней.

Однако на проходной, показывая свой, не действующий теперь уже пропуск, он на миг вдруг почувствовал, что внутри него что-то словно похолодело. Причем, он сразу даже и не понял, чем это было вызвано. Но тут же случайно и мельком взглянув на охранника, который в этот момент проверял его документы, сразу все понял. Пару часов назад, когда еще только приехал сюда, весь измотанный и буквально взбала-

мученный долгой дорогой, этого охранника здесь не было. По всей видимости, он совсем недавно заступил на смену. Сейчас же, когда как следует все рассмотрел, Антон едва не отшатнулся назад, в ужасе осознав, что увидел нечто невообразимое.

Он, конечно, и ранее днем, когда еще только вышел из ломбарда, начал уже потихоньку приглядываться к людям на улице, пытаясь разглядеть в них нечто похожее на то, что увидел у старого еврея внизу. А именно, истинную их сущность. По крайней мере он так для себя это определил. И, в общем-то, это ему удалось. Практически у всех людей, которых Антон видел в окно машины, было нечто иное во внешности, незаметное дня него прежде и, конечно же, всеми тщательно скрываемое. Кто-то был явным хитрецом и интриганом, кто-то карьеристом, а кто и влюблен был в кого-то. Антон теперь мог все это видеть и читать людей почти как открытую книгу. Однако то, что он увидел здесь на этой проходной, его уже по-настоящему испугало. Да и не просто испугало, а заставило сначала побледнеть как полотно и едва ли не убежать прочь от этого человека.

По виду, это был самый обыкновенный человек. Довольно пожилой, лет шестидесяти. Седые волосы его, по крайней мере, вполне красноречиво говорили о том, что он, как и многие другие в его возрасте, просто подрабатывал на пенсии. Вот только сам Антон уже никогда не смог бы поверить в это. Поскольку разглядел истинное лицо этого человека. То,

второе его лицо. И это лицо было просто ужасным. Словно бы некое черное пятно, клякса какая-то сидела сейчас на посту охраны перед ним. Да еще и с несколькими алыми пятнами в придачу. Будто кто-то пролил сначала расплавленный гудрон прямо на кресло, а затем еще и побрызгал все это сверху красной краской. Так что в итоге зрелище получилось просто отвратительное.

И все же Антон, насколько мог не подал вида и, получив назад свой пропуск, внешне совершенно спокойно покинул проходную. Он даже прошел еще метров триста через поле, которое отделяло это подразделение-склад от асфальтовой дороги, у которой находилась единственная в данной местности автобусная остановка. Однако, немного не доходя до нее, резко свернул вправо и пошел по этому полю уже пригнувшись. Потом прокрался мимо ограды старого кладбища, вплотную примыкавшего к территории склада и, вдоль бетонного забора приблизился наконец к нужному месту. Там он затаился в кустах и стал наблюдать. Проходная была теперь впереди него, метрах в пятидесяти. Через нее ходили туда и сюда разные люди. Иногда еще проезжали легковые автомобили, очевидно, сотрудников подразделения. Да однажды, перед самым окончанием рабочего дня въехала во двор огромная двадцатитонная фура.

Так прошло около трех часов. День к тому времени уже давно закончился, по крайней мере световая его часть. Становилось зябко, поскольку осень, хотя и медленно, но все же

вступала в свои права. Через некоторое время стал накрапывать еще и слабый дождик, что уже совсем вывело Антона из равновесия. «Что он тут делал в этих кустах, чего ждал? Ну мало ли у кого какая душа, – а это именно душу охранника он как раз и видел, Антон был почему-то в этом убежден. – Ну, может грешил человек, наделал чего плохого в жизни. Может и в тюрьме ему даже пришлось посидеть, Что ж с того?» – не переставал он задавать себе эти, вполне резонные вопросы. И все же, не мог он как-то вот так все оставить. Не в силах был. Потому что почувствовал нечто такое, уже почти для него знакомое. А именно холод. Тот жуткий, смертельный холод, с которым сталкивался уже давно. Да на самом-то деле, он и не смог бы его спутать ни с чем, при всем желании. Это было как запах, как цвет, как ощущение. Нет, он не ошибался. А значит этот, ничем не примечательный человек, был, возможно, той единственной и конечно же случайной ниточкой, которая могла привести его к раскрытию тайны его собственного далекого прошлого. Тайны, причинившей ему такую боль.

15. Мнимая смерть

Дождь прекратился, но от этого было совсем не легче. Вокруг все было мокрое и холодное. Трава, кусты, сам воздух. Антон встал – сидеть на корточках он уже просто не мог – и начал думать. Сомнения закрались ему в душу. Что было делать? Дождаться и далее появления этого странного охранника ему совсем не хотелось. Да и мало ли что там было с ним. Ну, может, вообще все было вовсе не так, как показалось. Ведь это был самый простой, ничем не примечательный человек. Мог ли он хоть как-то вывести его на след из далекого прошлого или не мог, оставалось совершенно непонятным. А вот то, что последний автобус должен был скоро уйти, это Антон знал наверняка. Он еще днем, когда только приехал сюда, на эту богом забытую автобусную остановку, сразу же посмотрел на расписание. Последний рейс там значился примерно в двадцать три часа с минутами. А сейчас, – Антон посмотрел на часы на своем мобильном – как раз те самые двадцать три часа и были. А значит он должен был срочно для себя что-то решить: следить ли ему и дальше за этим загадочным субъектом или все-таки ехать домой. «Домой, – повторил он про себя совсем уж неуверенно, – но куда?» Ехать сначала на автобусе, потом на метро, да вдобавок еще и на электричке? И что в результате? Его дом, в котором он теперь не то чтобы уснуть, а просто и находиться бы по-

боялся. Антон чуть поежился. Но выбора, похоже, не было никакого. Охранник мог там сидеть, в этой своей сторожке, еще хоть целые сутки. Ведь неизвестно же, как долго длилась его смена, а значит и далее оставаться здесь в этих кустах было просто неразумно.

До остановки Антон шел не спеша. Несколько раз он оглядывался и смотрел в сторону проходной. Нет, там все было тихо. Ни людей, ни машин, ни даже света в окне. «Ну конечно, – с некоторым разочарованием подумал он, – чего ждать, ведь все нормальные люди сейчас спят уже давным-давно, а не шляются по кустам и полям в поисках неизвестно чего». Он теперь даже на самого себя стал удивляться: как это ему вообще пришла в голову такая идея, – за кем-то следить. Он ведь и делать-то этого не умел. А потом, из-за чего все. Из-за того, что ему что-то там почудилось? «Нет, бред какой-то», – Антон нахмурился и, чуть поежившись теперь уже от ночного холода, поплотнее закутался в куртку. И вдруг, кто-то, кого он совсем не видел, откуда-то сбоку, но чуть сзади, очень вежливо обратился к нему с вопросом:

– Скажите, а автобус был?

Антон повернулся. Рядом с ним, чуть в стороне, в паре метров от проржавевшей почти до дыр автобусной остановки, стоял охранник. Антон даже и не заметил, как тот сюда пришел. Это было довольно странно, ведь еще пару минут назад он смотрел по сторонам и точно видел, что никого вокруг не было. И вдруг, этот человек стоит здесь, совсем ря-

дом и что-то у него спрашивает.

– Что, простите? – Антон настолько растерялся, что даже не понял сути вопроса.

– Автобус был уже? – спокойно повторил охранник. У него, как оказалось, был на удивление тихий и мелодичный голос. Этот голос словно бы очень мягко и совсем ненавязчиво вкрадывался вам в самую душу, развеивая любые, даже самые нехорошие предчувствия. Поэтому Антон, несмотря на всю свою настороженность, невольно и как-то сразу поддался этому поразительному и прямо-таки бархатному очарованию.

– Нет, не было еще. Вот сам стою, жду, – ответил он дружелюбно.

– Да-а, а я вот тоже жду, – произнес охранник, – сменщик должен скоро приехать. Я ведь вон там, – он указал рукой на проходную, – совсем недалеко работаю. Да я вас, кстати, – он посмотрел на Антона, – кажется, и видел сегодня. Вы, вроде, со склада выходили.

– Ну да, выходил, – улыбнувшись ответил Антон. Он уже совсем успокоился, видя, что этот человек ничего от него не скрывает, а наоборот все подробно рассказывает.

– А как же вы тогда до сих пор на остановке стоите? – поинтересовался охранник. Однако тут его что-то отвлекло и он посмотрел назад, в сторону проходной. – Ух, зря я, наверное, ушел, – начал он рассуждать вслух, – кажется, телефон звонит. Нас ведь знаете, проверяют иногда. Даже ночью. Так

что хочешь не хочешь, можешь даже прикорнуть в свободное время, но на рабочем месте все же будь. Уходить нельзя. Так что я пойду, наверное. Жаль, а то бы еще поболтали, там ведь скучно одному сидеть-то.

– Еще бы не скучно, – добродушно ответил Антон. – Он уже совсем не боялся этого человека, списав все увиденное этим вечером на некий странный обман чувств. – До свидания, – прибавил он уже вслед исчезающему во тьме охраннику.

Но тот ничего ему не ответил. «Вот уж дурак, – заругался на себя Антон, – и чего это мне взбрело в голову сидеть тут в кустах до полуночи, выслеживая этого старикашку. Ведь это абсолютно нормальный человек. Болтливый, правда немного, но это-то как раз и понятно. С его работой и не так по живым разговорам соскучишься». Тут наконец, где-то вдалеке едва заметно блеснули две круглые желтые фары. Потом пропали и затем появились снова. А еще через пару минут подъехал и сам автобус. Антон влез в него, купил у водителя билет и уселся на заднем сиденье. Автобус был совершенно пустой. «И все же, – продолжил он размышлять, – что же это я такое видел сегодня? Душу его или может так, мысли тайные или еще что. Может судьба у человека так выглядит, а может карма какая-нибудь? – Антон улыбнулся. – И как это он там сказал, – попытался он вспомнить, – что, вроде, сменщика ждет? Сменщика... – Антон насторожился, – да ведь не было в автобусе никакого сменщика. Да и вообще, какая

смена посреди ночи? Сам-то он как отсюда выбираться станет». У Антона буквально похолодело сердце. И не столько даже оттого, что ничего подобного, о чем говорил охранник просто быть не могло, и не потому, что он сам вот так легко ему поверил. А потому, что охранник врал. Таким-то голосом, – врал. И это было просто ужасно. Антон вспомнил его голос: откровенный такой, мягкий, душевный. И вдруг – ложь. Нет, это было просто непостижимо. И страшно. Антон сам не заметил, как вышел на следующей остановке.

До склада, где так неожиданно долго задержался сегодня, ему пришлось добираться по сильно заросшей грунтовой дороге, которая шла вдоль территории кладбища. Антон изредка поглядывал на старую кладбищенскую ограду и на могилы, черневшие неопределенными прямоугольниками где-то там, вдалеке. Тишина вокруг была невероятная. И только ночной ветер, теперь уже совсем без дождя, словно бы нехотя шевелил голые ветви деревьев да слегка пожухлую осеннюю траву. Расстояние между остановками здесь было весьма значительным, потому что простым людям среди всех этих пустырей вообще нечего было делать. Остановка, где он вышел сейчас, находилась прямо у главного входа на кладбище. То есть там, где люди чаще всего и ходили. А где вошел, – неподалеку от склада. Так что идти ему пришлось довольно долго, минут пятнадцать. Вот он уже увидел между деревьев белеющий вдалеке знакомый до боли бетонный забор, а вон там, чуть подалее, должны были быть и ворота

склада. А еще... И тут произошло то, чего Антон даже сразу как-то и не разобрал. А тот или те, кто это совершил, посчитали за самое обыкновенное, почти рутинное, хладнокровно совершенное убийство.

Чудовищный по силе удар чем-то тупым, но при этом и довольно твердым обрушился сзади на затылок Антона, отчего он сначала невольно вскрикнул, а затем, как подкошенный упал плашмя вперед, уткнувшись лицом в мокрую пожухлую траву. Все это произошло так внезапно и быстро, что он совершенно потерялся, а оттого, не зная, что ему сейчас делать, так и остался лежать неподвижно.

– Ну что, дышит? – услышал он откуда-то сзади почти неразличимый тихий шепот. И тут же некто подошел к нему и поднес ладонь к лицу.

– Неа, готов, – произнес тот, кто как раз ладонь и подносил. – Я его со всей силы ударил. Никто бы не выжил. Так что все нормально.

– А крови нет? – снова поинтересовался первый.

– Неа, – так же коротко ответил второй. – Все чисто. Да ты не сомневайся. Что я, не впервой небось.

После этого две пары рук, очень крепко ухватили Антона за ноги и поволокли куда-то в сторону, по направлению к кладбищу. Потом были кусты, потом овраг, грязный, да еще и с глубокой лужей посередине. А потом опять трава. Антон спокойно наблюдал за всем этим. Он уже понял, что его хотели убить, а почему не убили, бог знает. Он ведь почув-

ствовал удар и даже завалился вперед. Вот только боли почему-то не было. И голова совсем не кружилась. Что с ним, почему все так странно, он не знал. Но чтобы хоть как-то себя успокоить, все списал на некую очередную свою удивительную способность, которые открывались у него одна за одной вот уже в который раз. Он, конечно, догадался тогда, и затаил дыхание, когда тот, второй проверял умер он или нет. И вот сейчас он вел себя точно так же, как неживой, безвольно предоставляя этим двум субъектам полную свободу делать с ним все, что пожелают. Его протащили через какую-то дыру в ограде кладбища, благо что Антон был довольно худым человеком. Сами же злодеи, были вынуждены перелезть сверху. Потом пошли могилы с обеих сторон, потом склепы. Памятник небольшой, но интересный, потом опять могилы. И наконец асфальт. Злодеи вытащили тело Антона на дорогу и несколько десятков метров волокли прямо по ней. После чего затащили в какое-то темное сухое помещение, закрыли за собой дверь и бросили там. А сами, открыв другую дверь, зажгли в соседней комнате свет и на некоторое время отошли от дверного проема в сторону. Антон совсем чуть-чуть, чтобы никто на свету не заметил, приоткрыл один глаз.

Он увидел самую обыкновенную просторную комнату с одним прямоугольным окном с занавесками, столом посередине и заставленными всяким хламом стенными полками. Там находились разного вида таблички, по всей видимости для надгробий, искусственные цветы, большие папки с бу-

магами и рисунками (один такой рисунок красовался, высу- нувшись из папки почти наполовину) и прочие разнообраз- ные предметы кладбищенского обихода. «Сторожка или до- мик рабочих и могильщиков», – подумал Антон. Он с инте- ресом разглядывал все это убранство освещенной комнаты, не преминув скользнуть взглядом и по своей, неосвещенной. Его комната была скорее похожа на место, где хранили вся- кие инструменты. Лопаты, кирки и грабли. Здоровенная чу- гунная болванка, завернутая с одного края в мешковину, ко- торой его, по всей видимости, и ударили по голове, лежала тут же.

Но вот наконец в освещенной комнате мелькнули и силу- эты его обидчиков. Они явно ходили переодеваться, пото- му что выглядели сейчас вполне прилично. Без тех огром- ных плащей, ватников и кирзовых сапог, что были на них прежде. Одеты они были теперь в тщательно выстиранные и выглаженные синие комбинезоны, байковые рубашки и гру- бые, но чистые ботинки. Ни дать ни взять, образцовые ра- ботники сферы похоронных услуг. Лица у них были также чистые, видимо, после умывания. Оба они были какого-то неопределенного возраста, что-то между тридцатью и соро- ка годами. Один был кудрявый и худой, а второй такой же худой, но белобрысый.

– Ну что Ванек, – обратился белобрысый к кудрявому, – давай пить чаек, – он гоготнул.

– Давай давай, – ответил ему Иван, – чайник вскипит толь-

ко, а у меня, сам знаешь, все остальное припасено.

Тут он вынул из брезентовой сумки, что была при нем, несколько аккуратно упакованных бумажных свертков и стал их медленно разворачивать. Там оказались бутерброды с колбасой, огурцы, вареные яйца и даже жареная курица.

– Во-от, – по-хозяйски произнес Иван, – вишь, сколько мне наготовили. Но я поделюсь с тобой, конечно, одному это не съесть. Вот только сахару у меня нет. Ты-то часом не взял?

– Есть, есть сахар, – ответил ему белобрысый, после чего полез поискать где-то по шкафам в дальнем углу комнаты, Антон не разобрал. – Вот, – произнес он с чувством, когда наконец нашел, что искал. – Сахарок, чтобы в ночь попить чаек, – он опять гоготнул.

– Давай давай, тащи его сюда, – ответил ему Иван.

Он к тому времени уже сходил за вскипевшим чайником и, насыпав в кружки чаю, стал наливать. Второй же с неподдельным интересом наблюдал за происходящим. Наконец все закончилось и оба злодея стали пить чай. На Антона они не обращали ровным счетом никакого внимания, словно это не только что убитый ими человек лежал сейчас у них в прихожей, а какой-то мешок картошки. Сам Антон все по-прежнему продолжал тихонько подглядывать за этой парочкой и по возможности все запоминать.

– Не знаю даже, – продолжил говорить белобрысый после долгой паузы, – ждать ли нам Степана Игнатьевича или так все оставить?

– Надо подождать, – ответил ему Ваня. – Ведь он сам же сказал, что ему этого надо, – тут кудрявый небрежно махнул рукой в сторону комнаты, где лежал Антон. – Что он ему и по какому делу, не знаю. Но только негоже тут у кладбища шляться по ночам, так я думаю. Плохие, знать, мысли были у человека. А может и выслеживал кого.

– Точно, точно, выслеживал, – согласился с ним белобрысый. – Мне Степан Игнатьевич сам рассказывал, что он тут за ним вечером еще следил. А потом ночью на остановке был, у нас вот вышел, а дальше, – он улыбнулся, – ты знаешь.

– Как же не знать, – ответил ему Ваня. Он, по-видимому, был немного слабоумным и поэтому говорил как-то тяжело и медленно. Все его фразы строились как каменные дома, увесисто, надежно, солидно. – Я же его и приголубил. Вот только Степушка все же не объяснил, что нам с ним теперь делать.

– Ничего ничего, – успокоил его белобрысый. – Он скоро сам здесь будет и все объяснит.

– Степушка – голова, – солидно и с чувством произнес Ваня. – Вон он как всю их фирму в руках держит, мало того, что охранником работает.

– Да знаю я, – подтвердил белобрысый. – Ты вот только сам бы лучше не распространялся об этом. Не твоего ума это дело, кто там чего держит, и что кому принадлежит. Наше дело исполнять, что велено. Сказали доставить, – белобрысый махнул рукой в сторону темной комнаты, – вот мы и до-

ставили. А дальше уж не наше дело.

– Хорошо хорошо, – послушно согласился с ним Ваня. Он, как казалось, был вполне добродушным и неконфликтным малым, хотя и убийцей. – Вечная жизнь уж и этого стоит.

– А вот о «вечной жизни», – вновь оборвал его на полуслове белобрысый, – ты бы вообще помолчал. А то твоя вечность очень скоро может и прерваться.

– Да-а, Степушка строгий бывает, – вновь согласился с ним Иван. – Но он все же добрый. И рисует хорошо. Вон, рисунок торчит с папки. Видишь? Его работа. Красивые цветы, правда?

Антон пригляделся к рисунку. Он все это время, не отрываясь ни на секунду, наблюдал за сценой, которая неспешно разыгрывалась перед ним. А рисунок этот... он даже подумал отчего-то, что уже где-то видел такие цветы. «Да, точно. И хризантемы эти, и розы, и фиалки, – точно видел где-то, но где?» И тут, несмотря на все пережитое, а также на то, что уже почти привык ничему не удивляться, у него словно холодок пробежал по спине. Потому что он точно вспомнил, где раньше видел эти, по-своему, действительно прекрасные цветы. Такими цветами, но уже в виде законченных масляных работ, здесь и там были увешены стены его родного, привычного и такого, как ему казалось, до боли знакомого офиса.

16. Эхо

Это было как афтершоки после землетрясения, как затухающее в высоких горах эхо. Как едва уловимые движения памяти, лишь призрачными намеками воспроизводящей события давно минувших времен. И это были голоса: тихие и громкие, призывающие и скорбящие, вопрошающие и кающееся. Они доносились отовсюду. С разных сторон: слева и справа, спереди и сзади. То есть именно оттуда, где как раз и находились свежие могилы. И хотя это кладбище было уже довольно-таки старым, однако на нем все еще продолжали время от времени хоронить людей. От этого оно, естественно, разрослось до совершенно невероятных размеров: примерно до десяти километров в ширину вдоль асфальтовой дороги, и километров трех-четырех в глубину в сторону леса. В самом центре этого, действительно огромного теперь кладбища, но все же ближе к дальнему краю, находилась небольшая действующая церковь. В которой иногда отпевали покойников, проводили службы и обряды, и даже, хотя и крайне редко венчали молодоженов. И еще поговаривали, что изначально на этом месте находилось здание мужского православного монастыря. Но так ли это было или нет, никто не знал в точности, поскольку никаких иных строений под основанием фундамента церкви обнаружено не было. Люди вообще много говорили об этом месте. И разные слухи хо-

дили о нем. Но все это были, по большей части, лишь одни нелепые выдумки, и передавались подобные рода истории из уст в уста также с известной долей скептицизма, а подчас даже и черного юмора.

Однако Антон ничего этого не знал, конечно. Да сейчас ему было и не до этого. Поскольку он слышал голоса. И эти голоса, что могло показаться даже немного странным, отвлекали его и успокаивали. В любом случае, они не позволяли ему совсем уж погрузиться в ту бездну ужаса и мрака, где он сейчас, пусть только и физически, но находился. Ибо что может быть хуже могилы. И даже не именно самой могилы, а еще и раскопанного дна ее, то есть места еще более темного и глубокого. Такого, где Антон как раз и был сейчас. Посреди ужаса, холода, тьмы. Да еще и жуткой сырости. Поскольку дождь, который шел этим вечером, все вокруг основательно намочил. И когда его тут закапывали, он ощутил это на себе в полной мере. Ведь его же, по сути, даже и положили не просто в саму землю, а в какую-то холодную грязную жижу. После чего тщательно засыпали землей, которую потом утрамбовали. Сверху, со стороны могильного края, всего того, что находилось сейчас под дном могильной ямы видно не было. И те двое злодеев, которые Антона туда зарыли, могли быть собой вполне довольны.

Впрочем, они довольно долго разговаривали до этого и советовались. Друг с другом и со Степушкой, как ласково называл его Ваня. Он отчего-то испытывал особую теплоту к

этому живодеру, воспринимая последнего почти как духовного наставника. Второй же из этой парочки, белобрысый, напротив, разговаривал со Степаном Игнатьевичем вполне спокойно и по-деловому. Он был, в некотором роде, профессионал своего дела, то есть именно рытья могил и помещения в них покойников. Но вот в деле сокрытия следов преступлений, которые эти два душегуба время от времени совершали, он был полным профаном. И тут уже за дело брался Степушка. Он всегда знал где и как лучше прятать. И поэтому иногда, с некоторых заезжих «молодцов», которые тоже весьма интересовались этими его «услугами», брал за это еще и деньги. Он поговаривал иногда, что на этом кладбище, где они все вместе так успешно работали, вряд ли можно было найти хотя бы одну могилку, в которую хоть кого-нибудь, как он выражался, да не «подселили». Обычно, подобным подселением называлась процедура помещения тела в только что вырытую, свежую могилу. Но иногда подселяли и в старые. Стоило это, конечно же, дороже, но в экстренных случаях и такая услуга пользовалась немалым спросом.

Сам Антон, конечно, Степушке вовсе не нужен был. Однако он, в силу давно уже приобретенной крайней осторожности, посчитал, что избавиться от этого “любопытствующего малыша”, как он его называл в разговоре со своими подручными, было бы очень даже правильно. Степушка вообще не слишком любил выяснять детали. Что, да как, да по какой причине. Он любил рубить сразу, после чего прятать концы

в воду. Так ему было проще и, возможно, спокойней.

– Говорю вам, – обстоятельно произнес он, когда пришел спустя некоторое время в кладбищенский домик весь взбудораженный словно куда-то спешил, – этот малыш следил за мной. Он чего-то там вынюхивал, чего не знаю. Да и не хочу знать. Так что вы, ребятки, все правильно сделали. Нечего тут посторонним шляться, да еще и посреди ночи.

– Молодец Степушка, – отвечивал ему Ваня, – все верно рассудил. Ну а мы-то свою работу тоже ладно справили. Но куда нам его теперь девать-то? Схоронить или в крематории сжечь?

– Похороните, – чуть подумав, ответил Степан Игнатьевич. – Крематорий растапливать надо, а кроме того, я не знаю, кто там сегодня дежурит. Может и вообще не получится договориться. И лишние свидетели нам тоже не нужны.

– Да-а не нужны, – охотно согласился с ним Ваня. – У них там своя история и свои порядки. Ну а мы-то тут как-нибудь сами управимся. Вон, сегодня как раз новую могилку выкопали. Там, чуть левее седьмого ряда, сразу в сторону. Вот, – он указал на белобрысого, – он и копал.

– А ты бы мог мне и помочь, – недовольно пробурчал на это белобрысый. – Я ведь здесь не один работаю, а все рытье на мне. Это несправедливо.

Тут злодеи отчего-то задумались и замолчали. Они вместе продолжали пить чай, услужливо подливаемый белобрысым и с аппетитом уплетать ванины бутерброды. На самого Ан-

тона они все по-прежнему не обращали никакого внимания. Наконец трапеза закончилась и белобрысый отправился куда-то вглубь освещенной комнаты мыть чашки, а Ваня вновь заговорил со Степушкой. Так прошло еще полчаса. Наконец Ваня и белобрысый опять переоделись в свои ватники и плащи, а Степан Игнатьевич, дав еще пару незначительных указаний, собрался уходить назад к себе на проходную досиживать смену. Зачем ему это было нужно никто не знал в точности. Да и вообще, зачем такая или хотя бы какая другая работа человеку, который и так владел весьма крупной компанией, приносящей немалые доходы? Был даже такой момент во время чаепития, когда Степан Игнатьевич, весьма по-деловому так, похлопал себя по карману, показывая, где у него находился Павел Иванович, генеральный директор фирмы, в которой еще совсем недавно работал Антон. И это было просто ужасно. «Боже мой, – подумал Антон, внутренне содрогнувшись, поскольку все еще продолжал следить за происходящим в светлой комнате. – Где же я, получается, работал-то все это время! Что за люди, и куда шли все те деньги, что мы так усердно зарабатывали? Ведь это же не бандиты какие-нибудь, которым только деньги и нужны. Это что-то намного более страшное, маньяки просто».

Но тут вся троица прошла в неосвещенную комнату, в которой и разделилась. Степан Игнатьевич вышел на улицу и направился к воротам кладбища, а двое его сподручных, ухватив Антона за ноги, вновь поволокли того куда-то в тем-

ноту. Тащили они его на этот раз не очень долго и, бросив в густых зарослях высохшего репейника, спрыгнули один за другим вниз. По всей видимости, в ту самую могилу, о которой говорили у себя в домике. Там они находились некоторое время пыхтя и бормоча что-то невнятное. Наконец они вылезли наружу и, совсем уже бесцеремонно, ногами стали подталкивать Антона к краю. И вот – падение. Антон упал с высоты примерно двух с половиной метров, плашмя. Он так смачно шлепнулся на сырое дно свежерытой могилы, что брызги от выкопанной в центре нее ямы разлетелись в разные стороны едва не намочив самих злодеев. После этого кто-то из них снова спустился вниз, все как следует поправил и засыпал тело землей. Подровнял образовавшийся бугорок, похлопал еще лопатой, потопал ногами и выбрался на поверхность. «Покойся с миром, мил человек», – произнес на это сверху Ваня. С какой целью это было сказано, Антон не разобрал. То ли этот слабоумный действительно все еще верил в бога, то ли так уж неудачно пошутил, понять было невозможно. Наконец они собрались уходить. Однако в итоге ушел лишь только один из них, поскольку второй остался охранять место захоронения. У них даже завязался небольшой, но эмоциональный спор по поводу того, кто будет охранять могилу. Один утверждал, что тут и охранять нечего, и что на кладбище ночью никто не придет. Однако второй твердо стоял на своем, упрямо повторяя слова Степана Игнатьевича, что «стеречь надо». Да Антон и сам помнил, как

еще около часа назад разглагольствовал Степушка:

– Стерегите могилку молодцы. А то, неравен час, кого-нибудь еще в нее «подселить» попробуют. У нас ведь известия быстро разносятся. Узнают ребятки с города, что могилка свежая есть, так и привезут мертвяка. А тут этот, – он указал на Антона. – Вот уж конфуз будет.

И все же, тот, кому выпало охранять могилу, не стал сидеть рядом с ней до самого утра, как и полагалось. Этот некто, но по всей видимости, как раз белобрысый, еще некоторое время, конечно, походил туда-сюда вокруг захоронения, но наконец не утерпев, и смачно плюнув в самую яму, все же направился куда-то прочь по своим делам. И это было, безусловно, очень кстати, поскольку Антон как раз такого момента и ждал.

Ему к тому времени уже совсем надоело изображать из себя покойника. «Да и действительно, – говорил он себе, – сколько можно уже издеваться надо мной и над моим телом». Ведь все, что хотел, он уже давно узнал, а для всего остального, что он успел себе на-планировать, нужно было проявлять активность. Он, на самом деле, очень хотел еще раз попытаться проследить за Степушкой, но уже, естественно, более осторожно. Все-таки не давал он ему покоя. А теперь, после всего произошедшего, у Антона появились к нему еще и новые вопросы и даже некоторая обида накопилась. Двое же сподручных Степана Игнатьевича Антона совсем не интересовали. Он, правда, за время своего нахождения в моги-

ле выяснил еще кое-что и на этот раз совсем неожиданное. Но это не касалось ни Степушки, ни его молодцов.

И это были голоса, что он слышал. Ведь сначала, едва только завалившись на дно могильной ямы, он так сильно их испугался, что чуть было не выпрыгнул назад. И эта ситуация, правда намного позже, показалась ему довольно трагикомичной. Он просто представил себе лица тех двух молодчиков, которые его закапывали. И что бы с ними случилось, когда бы они увидели, что их мертвец вот так неожиданно ожил. Но тем не менее, он все же сумел тогда сдержаться. А еще через некоторое время, эти голоса его уже по-настоящему заинтересовали.

Сначала он услышал лишь слабый стон. И это был явно женский голос, причем молодой. Эта девушка словно бы просила о чем-то, потом стонала. После чего следовала пауза и все повторялось опять.

– Марья Степановна, – просила девушка, – возьмите меня к себе, возьмите, возьмите.

После чего снова раздавался стон. Антон, услышав такое под землей, буквально, как ему тогда показалось, затаил дыхание. Хотя, конечно, все это было лишь одно только его намерение, поскольку не дышал он уже довольно давно. С того самого момента, когда его сначала погрузили в эту перебаламученную грязную жижу, а потом еще и засыпали землей. А он этого даже и не заметил. Тут вдруг опять:

– Марья Степановна, возьмите меня к себе...

«Что это, – подумал Антон, – уж не брежу ли я в самом деле?» Но нет, он не бредил. А еще через пару минут и уже с другой стороны послышался грубый мужской хрип и тоже стон. А еще, чуть погодя, послышались и другие голоса. Они, как казалось, тоже о чем-то просили, спрашивали или просто стонали. Причем, все они постоянно и с одинаковой интонацией повторяли одни и те же фразы. И еще, они явно не слышали друг друга. То есть их фразы, ну никак не скрадывались в единый последовательный разговор. Антон задумался над новой загадкой. Он уже к тому времени примерно понял, откуда доносились эти звуки. Они шли не из-под низу, то есть откуда-то совсем уж из глубины, но и не сверху, с поверхности кладбища. Они шли примерно с того же уровня, где находился сейчас он сам. Таким образом, сопоставив все факты, Антон пришел к выводу, – а он почему-то именно так, холодно и здраво и размышлял в тот момент, – что голоса эти доносились из других могил.

«Но ведь покойники не могут говорить, – продолжил он размышлять, – они вообще ничего не могут. Или это какие-то иные, не физические движения, а оттого и не физические же звуки?» Тут он отчего-то вспомнил свои прежние, весьма редкие посещения кладбища. Когда на выходных с друзьями или родственниками приходил к кому-нибудь на могилку возложить цветы или просто постоять там, отдать долг памяти. Вспомнить о ком-то, кого прежде знал или просто видел. И ему иногда действительно казалось, что те, по-

гребенные в могилах люди его тоже слышат и даже, возможно, тихо говорят ему о чем-то. Но нет, изo всего того, что происходило сейчас вокруг, Антон мог сделать лишь один вывод, что покойники ничего не слышат. А вот на счет говорить... Тут уже совсем непонятно. Раньше – да, он не слышал ничего, что бы там ему ни казалось. А сейчас? Сейчас-то что произошло? Ведь все эти звуки не могли быть обычными, поскольку их тогда бы услышали все. Получалось, что он один только слышал их, а значит, звуки эти были как-то связаны с той, иной жизнью, настоящей, которой никто из простых людей не видел, и о которой рассказывала ему Люн.

Он попробовал вспомнить еще что-нибудь из того, о чем говорила ему девочка, когда сидела у него дома за столом. Она говорила тогда о каких-то там волнах или мембранах, кажется. «И когда эти мембраны расходятся, вы умираете», – вроде так. И еще, что: «Мертвое остается мертвым, а живое живым». Да, точно. Антон был сейчас совершенно уверен, что воспроизвел все слова правильно. И что изo всего этого следовало? Трудно сказать. «Но ведь смерть, – продолжил он размышлять, – все-таки сильнейший шок для человека. Хотя и последний. И кто знает, быть может, что не только для тела, но и для души...» Антон прислушался. О чем говорили эти мертвецы? Вот, похоже, кто-то медсестру звал, кажется. Кто эта Мария Степановна, интересно? А вот кто-то маму звал. Про сына своего вспоминал, а кто-то просто страдал. «Точно, – у Антона уже в который раз за этот день

пробежал холодок по спине, – именно так. Это последние их слова и мысли, которые эти, теперь уже бездушные тела продолжали без устали повторять снова и снова. И они уже не слышали никого, в том числе и самих себя. Они вообще теперь не были живыми. А значит произносимые ими слова – всего лишь эхо. Одно только далекое повторяющееся эхо навсегда покинувшей их тела прекрасной жизни. Как тоска по безвозвратно утраченному, как затухающая боль, как афтершоки после землетрясения, круги на воде».

Антон напряг все мышцы своего тела и сел. Однако над поверхностью земли показалась лишь одна его голова и совсем немного плечи. Но это было и не важно. Он знал, что теперь будет делать. Он был убежден, что ему просто необходимо остановить весь тот ужас, который творился на этом кладбище. Но до этого, прежде всего, ему нужно было проследить за Степушкой и узнать, зачем ему все. Зачем он убивает людей даже при малейшей попытке хоть что-нибудь о нем узнать. А потом... Антон решил, что все остальное пусть будет, как бог даст. По справедливости.

17. Тайный проход

Настроение у Степана Игнатьевича было хорошее. У него почему-то всегда было очень хорошее настроение, когда вокруг него становилось просторней, то есть меньше людей. По-крайней мере он так для себя это понимал. «Меньше народу – больше кислороду», – частенько говаривал он. И мало кто догадывался, какой ужасный смысл вкладывал этот, на вид вполне добродушный человек, в эту совсем безобидную фразу. Помимо прочего, он в эту ночь умудрился еще и прекрасно выспаться, поскольку вернулся в свою сторожку не слишком поздно. Ну, то есть поздно, конечно, но все же и не к самому утру. Его подручные должны были и без него со всеми своими делами управиться. Так что его присутствия на кладбище – втором официальном месте его работы, – совершенно не требовалось.

И тем не менее проснулся Степан Игнатьевич в тот день относительно рано, часов в семь. Аккурат ко времени, когда приходящая уборщица административного здания постучалась к нему в сторожку. Тогда он неспешно поднялся со своего раскладного кресла, на котором спал прямо одетым и, сладко потягиваясь, пошел открывать входную дверь. Перебросившись парой фраз с женщиной, он быстро сложил свою постель, после чего направился в помещение бухгалтерии, где находился санузел и где он мог привести себя в порядок.

Часов в девять, как и полагалось, приехал его сменщик Николай, которому Степан Игнатьевич охотно передал ключи, после чего расписался в журнале дежурств и, теперь уже совершенно свободный, покинул проходную. Он, правда, направился поначалу к остановке, намереваясь доехать до кладбища на автобусе. Однако, чуть поразмыслив, решил все же прогуляться пешком, благо что погода в то утро была просто чудесная. Шел он по той же грунтовой дороге, по которой еще вчера ночью шел Антон до того момента, как его ударили по голове, но только в обратном направлении. Слева и справа от него росли аккуратно высаженные большие разлапистые деревья. Правда сейчас эти деревья были уже почти без листьев, но от этого они казались еще более красивыми. Светло-голубое небо проглядывало сквозь них, а утреннее солнце подсвечивало золотистыми бликами их ветви. Желтая и красная листва тихо шебуршала под ногами Степана Игнатьевича, а воздух был почти как родниковая вода, прохладен и чист. Этот воздух можно было, как казалось, даже просто пить, настолько он был свежим. Степан Игнатьевич остановился и принюхался. Он действительно был немало поражен красотой сегодняшнего утра. А к красоте он, как ни удивительно, всегда питал необъяснимую слабость. Он даже когда-то, в стародавние времена, и рисовать-то начал именно из-за этого, потому что не мог сдерживать своих возвышенных чувств. И так было всегда. Даже тогда, когда он всего лишь учился разводить сухие краски,

работая подмастерьем у писца икон местного православного монастыря. «Вот только когда же все это было, – попытался он вспомнить, – четыреста, пятьсот лет тому назад? Да, так примерно».

Степан Игнатъевич поежился и собирался было уже идти дальше, как вдруг заметил в траве черный полиэтиленовый пакет, который валялся неподалеку от грунтовой дороги. Видимо, как раз на этом вот самом месте и был вчера «убит» Антон, который этот пакет и обронил. Степан Игнатъевич подошел к пакету, поднял его и заглянул вовнутрь. Это было странно, – он отчего-то совсем не обрадовался находке. У него даже появилось некое смутное, очень нехорошее предчувствие, а возможно и легкая тень страха неуловимой птицей скользнула по его черной душе. А ведь это были деньги и деньги немалые. А деньги-то как раз Степан Игнатъевич всегда и любил. Но сейчас нечто, словно действительно какое-то шестое чувство, а скорее всего, просто звериное чутье подсказало ему, что тут было что-то не так. Он, конечно, сразу тогда догадался откуда здесь взялся этот пакет, а также подумал, что ему следовало бы молодцов своих пожурить за то, что ночью они его не заметили. Но все это нужно было сделать после, а сейчас-то что? «Братъ, не братъ», – думал он. И тем не менее, уж не известно точно по какой причине, но он все-таки аккуратно положил этот пакет на место, чуть прикрыв его, правда, сухой травой. Он, конечно, все равно потом бы сюда вернулся и взял его, но через некоторое

время, когда все поуляжется. А сейчас, кто знает, возможно, это была даже ловушка. И он опять, но уже действительно серьезно нахмурясь, подумал о том, зачем этот малыш тут вчера следил за ним, и главное, был ли он здесь один и не выполнял ли чье-нибудь нехорошее поручение. Планы Степана Игнатьевича переменялись. Он решил пока не заходить в домик рабочих и могильщиков, а направиться напрямик к церкви. А там... он знал что там есть. Нечто скрытое, тайное, одному только ему известное.

Подойдя к церкви, он привычно обошел ее вокруг, внимательно поглядывая при этом по сторонам, после чего направился напрямик к ее подвалу, вход в который находился в задней части строения. Но Степан Игнатьевич не вошел в подвал. Он ненадолго, правда, остановился перед запертой его железной дверью, огляделся еще разок и аккуратно, как бы нечаянно, пнул ногой некий маленький ржавый рычажок, который на полвершка торчал из-под земли. И тут же, но уже немного в сторону от железной двери, распахнулась другая дверь, кирпичная, и до этого совсем незаметная. Степан Игнатьевич ловко скользнул за нее и тут же за собой затворил. Он оказался в темном узком проходе, обложенном со всех сторон кирпичом. Проход этот был очень длинным. И даже после того как Степан Игнатьевич зажег в нем свет, остался на дальнем конце неясно утопающим в зыбком призрачном полумраке. Сам же кирпич, из которого были сложены стены и полукруглый потолок прохода, был также весьма необыч-

ным: плоским и длинным. Такого кирпича давно уже не делали. Пол же прохода был земляным.

Степан Игнатьевич взял при входе в углу некий слесарный инструмент, по виду так простую ножовку по металлу и пошел неторопливо вперед. Шел он долго. А проход, который был построен с небольшим уклоном в дальнюю сторону, градусов в пять, уходил все глубже и дальше в землю. Наконец, спустя минут десять, он закончился сплошной кирпичной стеной, отчего Степану Игнатьевичу вновь пришлось нажать на некий скрытый рычажок, вследствие чего и эта стена, так же как и предыдущая, растворилась. Далее он пользовался уже электрическим фонариком, который подобрал на маленькой полочке за второй кирпичной дверью, поскольку света впереди не было никакого. Яркий пляшущий луч освещал теперь стены большой карстовой пещеры или промоины, проделанной здесь в незапамятные времена грунтовой водой. Наконец Степан Игнатьевич остановился. Он опустил луч фонарика и слегка пнул ногой нечто мягкое и грузное, что лежало сейчас перед ним на земле. И это было человеческое тело. Степан Игнатьевич опустился на корточки и стал с ним что-то делать. Совершая однообразные ритмичные движения правой рукой, он, как казалось, что-то там пилил, тем более что ножовку по металлу он держал в той же руке. Так прошло несколько минут. После чего он, видимо закончив свою работу, обтер рукавом со лба пот, подобрал с пола отвалившийся от тела увесистый предмет, и

продолжил свой путь.

Наконец он дошел до места, которое, очевидно, посещал уже не в первый раз, поскольку земля здесь была довольно плотно утоптана. Степан Игнатьевич посветил фонариком вдаль в темноту и пару раз тихо аукнул, словно призывая кого-то. В ответ на это поначалу ничего не произошло. Но затем, как будто бы некий, очень легкий ветерок подул из дальнего края пещеры. А еще через несколько секунд перед Степаном Игнатьевичем из совершенно беспросветной темноты вдруг возник и призрак. И это было похоже, как если бы кто-то плавно поднялся плашмя из-под темной воды на освещенную солнцем спокойную поверхность.

Призрак этот был совершенно белым, словно обсыпанным с головы до ног чистым меловым порошком. Росту он был среднего, а виду совершенно обыкновенного, человеческого. Призрак этот хотя и не парил над поверхностью дна пещеры, но тем не менее, стоя на ногах, а точнее на одних лишь пальцах, слегка этой поверхности касался. Глаз его в царившем вокруг полумраке рассмотреть было почти нельзя, однако они, по всей видимости, были какими-то водянистыми и совершенно бесцветными. Степан Игнатьевич и этот призрак некоторое время молча смотрели друг на друга. Но затем призрак, чуть шевельнувшись и слегка кивнув головой, тихо проговорил:

– Добрый день, Степушка, как дела твои, расскажи мне. Не видел тебя здесь давно, почему не приходил?

На это Степан Игнатьевич охотно ответил:

– Да вот все заботы одолевают, да локоть болит. Ты посмотрел бы, я ведь давно просил, почему не хочешь помочь?

– Мы же договорились, – ответил ему призрак, – прине-
сешь материал, помогу. А так могу лишь воспаление снять,
да боль облегчить.

– На вот, возьми, пожалуйста. Руки-то, небось, хватит? Я
ее совсем свежую принес, сильно старался, для себя же.

– Да уж, постарался, – недовольно проговорил призрак, –
а для меня когда постараться? Мне тут что, целую вечность
сидеть? Я ведь так и рассердиться могу.

– Так я для тебя и стараюсь, – перейдя на привычно уже
ласковый тон, проговорил Степан Игнатьевич. – Ведь если
ты станешь нормальным человеком, так сразу и уйдешь от-
сюда. А как уйдешь, так баланс и нарушишь. Вытянется то-
гда орбита твоя эллипсом и попадешь ты назад, в чистилище
свое. Неужели же этого хочешь?

– Это не твое дело, – хмуро ответил ему призрак, – я и сам
о себе позаботиться могу, и все продумаю не хуже твоего. Ты
мне вот уже как пятьсот лет только все обещаешь, да все...
врешь!

И это последнее слово было сказано с такой яростью, что
если бы кто-нибудь мог его услышать, то, наверное, замер
бы на месте в ужасе. Много злобы было в этом слове и по-
чти-что ненависти. Даже сам призрак весь как-то дернулся
тогда вперед, словно в намерении напасть на Степана Игна-

тьевича. Но, что-то его удержало. Словно некие невидимые пути, которых он то ли не мог, то ли не смел в тот момент порвать.

– Ты это брось, – чуть даже усмехнувшись ответил ему на это Степан Игнатьевич. – Я ведь не зря тут линию золотом выложил, как считаешь. Да-а, знаешь ты, что нельзя тебе за эту линию переступать, потому что ты и сейчас уже на пределе своей орбиты. Нарушишь ее, и все, пиши – пропал.

– Тебе тогда тоже «пиши – пропал» будет, – ответил ему на это призрак немного успокоившись. – Кто лечить-то тебя будет, восстанавливать тело твоё стариковское. Ты-то вот мне сейчас руку принес, а я даже не спрашиваю тебя, чья она. Кого ты на этот-то раз убил, Степушка? Что же ты с душой-то своей делаешь, зачем терзаешь? Думаешь, вечная жизнь того стоит? Ведь тебе теперь уже и не в чистилище дорога заказана, а прямиком в ад. Знаешь ты это, душегуб ты проклятый.

– Это не твоя забота, – Степана Игнатьевича последние слова призрака, по всей видимости, совсем не беспокоили. – Да и где он, ад-то твой? Видел ты его? Если побывал в чистилище, так думаешь все уже и узнал? Нет, мил человек, в ад я не попаду и все для этого сделаю. А я многое могу, и здесь на земле, и там у вас смогу. Будь уверен.

– «У нас?» – повторил за ним призрак с издевательской интонацией, – да ты у нас вообще ничего не стоишь, червь ты могильный, вша собачья, гниль болотная. Я же тебя на-

сквозь вижу. Думаешь, за грехи твои тебя в чистилище с распростертыми объятиями примут, да еще и место получше найдут, как для гостя дорогого. Нет, «мил человек», – передразнил он опять своего посетителя, – не выйдет у тебя. И не надейся.

– Ладно, – прервал его Степан Игнатьевич, – чего зря воздух сотрясать, давай-ка лучше, лечи меня. Держи руку.

Тут он протянул призраку предмет, который, по всей видимости, отпилил у трупа, и, закатав рукав, вытянул свою руку локтем вперед поближе к той линии, которая была выложена мелкими золотыми квадратиками на полу пещеры. Призрак послушно руку эту принял и начал лечить. Он сначала пальцами вынимал куски плоти из этой руки, а потом разминал их, как будто это была и не рука вовсе, а кусок топленого масла. После чего он передавал полученную субстанцию Степану Игнатьевичу, но так, чтобы тот мог взять ее, при этом не высовывая даже пальца за незримую дугу, очерченную золотом. Последний же аккуратно принимал все и накладывал эту массу себе на локоть. Призраку же оставалось лишь только совершить некие, почти магические пассы. В результате же всех этих манипуляций, используемая масса постепенно всасывалась в локоть Степана Игнатьевича, делая последнего все более и более счастливым. Наконец процедура закончилась.

– Ну что, – поинтересовался призрак, – теперь не болит? Степан Игнатьевич подвигал рукой: «Нет, все прекрасно.

Словно новенький, как у молодого. Ни хруста, ни боли. Спасибо тебе большое!»

– Да не за что, – ответил ему призрак, – всегда милости просим. Так, кажется, у вас говорят?

– Почти так.

– Ну а раз так, то давай, рассказывай мне, зачем ты сегодня сюда пришел, ведь не для того же только, чтобы локоть свой полечить. Зачем я тебе понадобился?

– Да видишь ли в чем дело, – начал свое повествование Степан Игнатьевич. – Мы тут вчера ночью одного малыша схоронили. Ну, это уже, как говорится, дело наше. Так что там все чисто сработали, даже не думай. Но вот в чем загвоздка. Я утром, тут возле кладбища пакет нашел. В пакете деньги. Много. Ну вот, знаешь, – не могу я как-то себе представить, чтоб у малыша этого такие деньги были. Не его уровня сумма. Да еще и в валюте. А ведь вчера вечером он за мной здесь около склада следил, и это я точно знаю. Ну а если так, то почему с деньгами? На наемника он не похож, да и не берут с собой наемники денег, да и вообще их не касаются. Им зачем. Или это были чужие деньги. Тогда чьи? Это кто-то, должно быть, очень серьезный человек был, чтоб такую сумму просто так в пакете держать. И что самое худшее, не ловушку ли мне эти люди подстроили. Может они специально тот пакет на дорогу подложили, чтобы я взял.

– Ну, а от меня-то ты что хочешь? – спросил его призрак. – Ты же знаешь, что я с этого места никуда уйти не могу, чтобы

не нарушить орбиты.

– Я тебе тело свежее принесу, – ответил на это Степан Игнатьевич. – Да вот хочешь, того самого малыша откапаю и принесу. И на этот раз все по-честному. Понимаешь, нехорошее предчувствие у меня, очень нехорошее. Никогда еще такого раньше не было. Мне почти... – он на миг вдруг запнулся, – даже страшно, что ли. Не могу сказать. Не идет у меня из головы этот малыш, хоть ты тресни.

– Не нужно мне от тебя больше никаких тел, – ответил ему на это призрак, посмотрев за спину своему собеседнику. – Тело твое, которое ты мне вот только что наобещал, самостоятельно сюда пришло. Вон оно там стоит возле камня. Да ты и сам-то глянь.

Степан Игнатьевич, ни живой ни мертвый, медленно повернулся, а потом, подсветив фонариком, просто застыл на месте как вкопанный. Метрах в пятнадцати от него, и ранее совсем незамеченный, облокотившись на огромный мокрый камень, стоял в полный рост тот самый малыш, которого его хлопцы этой ночью сначала убили, а затем закопали. И это было ужасно. Это было невозможно. И это был конец. У Степушки похолодело сердце.

18. Стационарная орбита

– Меня зовут Коррадо, бывший житель прекрасного города Неаполя, – в изящном жесте склонив голову, представился призрак. – О-о, какой это был чудесный город, как прекрасен был его залив. Вид Везувия на горизонте и умопомрачительные закаты. Я любил этот город и сейчас очень люблю. Ничто не сможет затмить в моей памяти его запахов и видов. Золотистого песка и лазурного моря, каменных мостовых и высоких стен, черепичных крыш и божественных храмов. Все краски мира в тебе, все звуки природы в твоих окрестностях. Все лучшие голоса мира родом из Неаполя. Эти голоса как воздух, как само море с его неизмеримой глубиной и ласковым прибоем. Шум, гам, торговля, люди. Прекрасные дворцы вельмож и лачуги нищих. Страсть, любовь и ненависть. Все было в этом городе. И это было там, в Неаполе. А потом я умер.

Тут призрак ненадолго замолчал и посмотрел на Антона. Потом искоса глянул на неподвижное тело Степушки, вздохнул и продолжил.

– Да, я был христианином, одним из первых. Мы собирались глубоко в катакомбах под городом и проводили там свои обряды. Нам не разрешалось молиться нашему богу наверху. Рим был безжалостен. Но мы не роптали. Мы и так были очень счастливы в тишине и уединении подземных хра-

мов. И вот эта темная, глубокая пещера, – призраком огляделся по сторонам, – тоже своего рода храм. Но храм нечестивый, противный богу и вере. Но я вынужден был здесь находиться, потому что я трус. И всегда им был. Как жалкая мышь я помогал этому гаду, – тут призраком слегка пнул ногой тело Степушки, – продлевать его никчемную жизнь. А он пользовался. Пользовался тем, что я не мог переносить одиночества. А что такое настоящее одиночество понимаешь лишь через тысячу лет. Не мог я и уйти отсюда, если только не назад в чистилище. И все это время я находился на стационарной орбите над ним. И оно всегда там, подо мной, ждет и призывает меня.

Давно еще, около двух тысяч лет назад, невероятный катаклизм сотряс это узилище огня и скорби. И я, вместе со многими другими призраками был выброшен за его пределы. Но я не покинул этого места навсегда, так же как и не был притянут назад, как остальные. Я остановился на нейтральной орбите и замер между двумя мирами так и не выбрав свой путь. И вот теперь я здесь вращаюсь вокруг раскаленной его поверхности, боясь даже на несколько шагов отойти в сторону. Мне нельзя уйти ни вперед, ни назад, потому что моя орбита тогда станет эллипсом и на узкой его части зацепит песок. А там уж – вновь муки холода и жара, и бесконечный путь вниз к пылающему центру. Так я и кручусь вокруг него, не имея ни смелости, ни сил принять хоть какое-нибудь решение. Но вот, около пятисот лет назад, этот, – при-

зрак указал на Степушку, – бывший послушник православного монастыря, ух-х, – призрак поморщился, – при строительстве подземного хода для своих братьев, обнаружил эту пещеру. А за ней и меня. А я к тому времени уже совершенно отчаялся и полагал, что так и проведу здесь целую вечность во тьме и полном одиночестве. Хотя, конечно, я и пытался предпринять что было возможно, и даже восстановить свое утраченное тело. Но, – призрак вздохнул, – изо всей органики, что встречается в мире, в этой пещере был лишь один кальцитовый известняк. Поэтому я такой и белый. И именно по этой вот как раз причине, этот, – призрак вновь указал на Степушку, – тогда и увидел меня.

– Простите, – произнес Антон, вежливо прервав это повествование, – но знаете, я тоже кое-что слышал об этом месте, о котором вы сейчас рассказываете. Вы сказали «чистилице», – и именно так. И мне примерно так говорили, правда еще и добавляли, что на самом деле, это звезда. И что у нее даже свое собственное название есть, – Арон. А души умерших попадают на нее притянутые ее гравитацией. Но, – Антон чуть потупил глаза, – я кажется забыл представиться...

– Ничего, – ответил ему Коррадо спокойно, – вы человек молодой и вам свойственно забываться. Да к тому же еще я и сам довольно неплохо все вижу. Вы человек совсем иной, чистой и благородной души, – призрак улыбнулся, – но тем не менее, представьтесь пожалуйста. Мне так легче будет с

вами разговаривать.

– Меня зовут Антоном и мне двадцать шесть лет. Живу я не так далеко от этого места, около часа езды на транспорте, а сюда попал почти случайно. Хотел с работы уволиться, да вот... – он грустно усмехнулся, посмотрев чуть в сторону, – повстречал этого, Степушку; ничего себе в отдел кадров сходил.

– Вам очень повезло, Антон, что вы остались живы, – продолжил призрак. – И вы первый, кто уцелел после знакомства с ним. Вы, конечно, не заходили в тот кособокий проход, ответвление в пещере? Так вот и не ходите туда. Потому, что там яма. И яма та не пустая. Десятки, если не сотни невинно убиенных этим выродком покоятся на ее дне. И запах там тоже соответствующий. Но как же сейчас трудно даже представить, что раньше он был христианином, да еще и православным. Молился богу и любил рисовать. Он же, кстати, и обучил меня вашему удивительному языку, и многое рассказал из того, что происходило на поверхности. А я ведь так долго там не был. Он даже жалел меня поначалу, пока не узнал о вечной жизни и что я могу лечить его, и восстанавливать его тело. В нем ведь теперь почти и не осталось ничего уже от того Степушки, каким он был прежде. Все его тело теперь состоит из останков его жертв. Впрочем, духовно он тоже переродился.

Антон посмотрел на Степана Игнатьевича. У него до сих пор звучали в ушах последние отчаянные его слова: «Про-

клятая тварь, всегда знал, что приму смерть от покойника». И это то он его назвал тварью? Конечно, у Степушки, наверное, тогда и выбора особого не было, поскольку он очутился сразу меж двух кровных, лютых врагов. Старым – бесплотным призраком, и новым – восставшим из мертвых «малышом», как он его называл. И он тогда сделал свой выбор, посчитав, что знакомое зло все же лучше. А Коррадо, только вновь очень вежливо поздоровался с ним, едва Степушка переступил через золотую черту, после чего и положил ему на плечо свою руку. А Степушка было и обрадовался, подумав, что призрак этот будет теперь, наверное, даже его защищать. Но все обернулось совсем иначе. Жуткий крик, душераздирающий и громкий сотряс своды этой древней пещеры. Потому что призрак медленно сжал свою руку. Ту, которую положил Степушке на плечо. И вместе с самим плечом. Словно это было и не плечо вовсе, а кусок топленого масла. Кровь брызнула в разные стороны, густо залив сырой пол пещеры. Сам же несчастный тут же обмяк и, закатив глаза, тихо сполз на землю, потеряв от болевого шока сознание. И вот сейчас уже сам Степушка, ни живой ни мертвый, лежал на полу пещеры у ног призрака, а темно красная лужа расплзлась вокруг его искаленного тела.

– Теперь у меня есть тело, – произнес Коррадо, взглянув на то, что бесформенной грудой лежало возле его ног. – И он заслужил это. Ну а чистилище... что ж, пусть я и вернусь туда через какое-то время, но все же я хочу еще раз посмот-

реть на мир. А там уж, как бог даст.

– Мне говорили, – все так же тихо произнес Антон, – что души умерших сгорают там и превращаются в свет. И что это-то и есть забвение. То есть абсолютный покой и вечность. Но я, признаться, даже не знаю, правда это или нет.

– А кто это вам все рассказывал? – наконец заинтересовался призрак. – Ведь таких вещей никто не может знать да и не знает, если только сам там не был.

– Это существо из другого мира. Мира живых. И оно... она... случайно нашла меня. Правда, – Антон грустно вздохнул, – потом наши пути разошлись. Но я все равно ей верю и знаю, что там на звезде вас ждут одни страдания.

– Я благодарен тебе за предупреждение, – после долгой паузы проговорил призрак. – Но все-таки решения своего не переменю. Не могу я больше быть трусом. Хочу принять свою судьбу как есть, и делать то, что должен. И полно об этом. Прошу тебя лишь об одном, посети за меня мой Неаполь. Побудь там. Возложи цветы на храмы древних христиан в катакомбах. Я, конечно, должен был бы, наверное, сделать это сам, но думаю, что не сумею. Помолись о моих братьях и расскажи им, что ты видел меня. Кто знает, возможно они тебя услышат.

«Не услышат», – подумал про себя Антон, вспомнив о живом эхе, которое слышал недавно на кладбище. Но вслух не сказал. Ему, конечно, было очень жаль белого призрака. Хотя он и помогал прежде Степушке. Но все же этот несчаст-

ный, испытал так много бед и лишений, столько страшных мук вынесла его душа, что не пожалеть его было просто невозможно. Но и призрак также не остался равнодушным к своему гостю. Он, во время их разговора, то прямо, то украдкой все время поглядывал на Антона, видимо, изучая его. И теперь, когда разглядел в выражении лица своего собеседника еще и сочувствие, то окончательно убедился, что перед ним был человек не только умный и честный, но еще и добрый. Отчего невольно распростер свои объятия, словно бы призывая его к ним. А Антон и не стал сопротивляться. Он смело подошел к призраку, переступив через золотую черту, и обнял его.

Так они и стояли некоторое время, не произнося ни единого слова. Они оба все понимали, что сейчас произошло, и что скоро случится. Наконец они сдержанно попрощались и Антон, еще раз уверив призрака, что обязательно посетит те катакомбы в Неаполе, пошел, понунив голову, прочь. Призрак же склонился над Степушкой.

На улице был уже полдень, когда Антон наконец выбрался из тайного прохода под церковь. Он, правда, еще некоторое время осматривался по сторонам, видимо с усилием стараясь понять, что все уже позади. После чего спокойно пошел к воротам кладбища. По дороге он наткнулся на того белобрысого, который, едва увидав Антона, в ужасе буквально вжался в оградку близлежащей могилы, побледнев при этом как полотно. Он, как это выяснилось уже позже, был так напуган

появлением «живого мертвеца», что почти тут же побежал сдаваться в полицию. А там он уже все о себе рассказал. Ваню же Антон не видел. И его долго потом разыскивали. Да так, наверное, и не нашли бы, если бы не один священник, к которому тот слабоумный пришел исповедоваться. Священник же, услышав такую непередаваемую жуть, решился даже нарушить тайну исповеди и донес об убийце властям. Он правда, сложил с себя сан после этого и начал жить мирской жизнью, не забывая при этом каждое воскресенье ходить в церковь и молиться по душам невинно убиенных. Все это Антон узнал уже из новостей. Ведь про это кладбище еще долго потом судачила пресса, сочиняя иногда самые невероятные небылицы.

Выйдя из ворот, Антон направился сначала к автобусной остановке, но вдруг остановился и, словно вспомнив о чем-то, пошел по уже знакомой грунтовой дороге по направлению к складу. Примерно через километр он увидел в траве свой полиэтиленовый пакет, который и подобрал. Все деньги в нем были на месте. Он потом еще какое-то время все никак не мог для себя решить, к какой остановке ему лучше теперь идти, отчего и слегка замешкался. Но едва лишь он определился с направлением, как услышал позади себя тихое шепуршание. Он обернулся.

В нескольких метрах от него, но чуть ближе к ограде кладбища, с лицом мокрым от слез, стояла понуриив голову Люн. И это было второе, куда более ценное сокровище, которое

он здесь обнаружил. Антон сам не заметил, как опустился на колени.

Девочка медленно подошла к нему, обняла руками за шею и прильнула всем телом. Ни она, ни он теперь ничего не говорили, они все понимали без слов. Конечно, Антон, догадался тогда, что Люн было что-то известно о его ночных похождениях на кладбище. А девочка все никак не могла себе простить, что она не поверила. Единственному человеку на земле, который наконец ее увидел, и не поверила. Да еще и за сумасшедшего приняла. Она, конечно, рассказала потом Антону, как все же не утерпела тогда и начала следить за ним. Она видела и его поход в ломбард, и в офис, и сюда на склад. И даже как он ехал ночью в автобусе. Вот только потом она его потеряла. Она-то думала, что он в Москву поедет, а потом домой. Но на конечной остановке Антона в автобусе не оказалось. Она стала его искать везде, и нашла только тогда, когда он, весь перепачканный могильной грязью, следил уже за домом рабочих и могильщиков. Она даже видела того призрака в пещере, но все же не решилась к нему подойти. А еще она поняла, что Антон вовсе не сошел с ума, и что призраки действительно могут иногда покидать Арон. Пусть это и случается крайне редко, и она ни о чем подобном не слышала. Но тем не менее все это было правдой. И та мертвая женщина, о которой случайно рассказал ей ее «кротик» действительно существовала. Наконец Антон поднялся, а Люн, взяв его за руку, – она словно бы боялась

опять его потерять – пошла рядом.

– Слушай, – наконец произнесла она, когда они подошли к автобусной остановке, – я хочу, чтобы ты теперь всегда был со мной на связи. Я и так перед тобой очень виновата. И я просто не перенесу, если ты опять потеряешься.

Девочка произнесла эти последние слова даже не глядя на Антона, словно все еще стыдясь своей недоверчивости. Она даже спросила его, не сердится ли он на нее, на что Антон ответил ей, что просто не способен на это. Услышав такое, девочка опять ненадолго замолчала, но продолжила:

– Вот, возьми, – она протянула Антону некое растение, по виду так самый обыкновенный цветок, но конечно, полупрозрачный. – Это стриптих, он растет у нас, на одном из спутников неподалеку от того места, где я живу. Мы используем его для связи. Он очень удобный и много лучше ваших радиостанций и мобильных телефонов. Вот попробуй, скажи ему что-нибудь.

Антон взял цветок, поднес к губам и не нашел ничего лучшего, кроме как досчитать до трех. В тот же миг лепестки цветка пришли в движение и, разлетевшись словно пух от одуванчика, закружились хаотичным неспешным вихрем. Антон посмотрел на Люн. Девочка тем временем, достала из кармана такой же цветок и, немного вытянув его в руке, наоборот словно бы вдохнула воздух. И тогда лепестки ее цветка так же закружились как у Антона. А еще через пару секунд раздались и его слова: «Раз, два, три».

– Вот, – Люн удовлетворенно кивнула и положила свой цветок в карман. – Это и есть живая связь. Мы теперь всегда можем говорить с тобой даже находясь очень далеко. Эти цветы как бы запутаны между собой, ну, почти как у вас в квантовой физике частицы. А оттого «чувствуют» друг друга на расстоянии. Вот только говорить с ними слишком долго нельзя, потому что они засыпают и заряжаются энергией.

– А ты сама, – Антон глянул на девочку, – как спишь?

– Так же как и вы, люди. Нам, элам, тоже нужно спать иногда, как и любым другим живым существам, потому что иначе мы умрем с голоду.

– Почему с голоду, – не понял Антон, – а разве вы не едите?

– Едим, конечно. Но вообще это не обязательно. Сна вполне достаточно. Это и есть живая энергия, которая питает нас. А поскольку мы лишены неживой составляющей, то и едим мы очень редко. Но все же, если ты хочешь, то я могу, например, этот цветок съесть.

– Не надо, – улыбнувшись ответил Антон, почувствовав, что девочка явно шутит.

А значит все было не так уж и плохо. Его жуткий затянувшийся поход в отдел кадров наконец-то закончился, сам он был жив и в будущем ему, как казалось, ничто не угрожало. Но не это было самым главным. Главным было то, что Люн находилась здесь рядом с ним, а значит он не был одинок в этом мире. А каким бывает настоящее одиночество и до чего

ОНО МОЖЕТ ДОВЕСТИ, ОН СЕГОДНЯ УЖЕ ВИДЕЛ.

19. Свобода

Что может быть лучше свободы. Когда человек может делать все, что хочет без каких-либо ограничений. Когда он словно бы один на один со Вселенной, говорит с ней, слышит ее. Когда звезды сияют над ним ночью и указывают дорогу. А днем греет солнце и освещает путь. Когда свежий ветер приятно обдувает его тело и наполняет свежестью душу. Когда окружающий мир для него нов и прекрасен, как в давно позабытом чудесном детстве. И совсем уже другие вещи, вовсе не материальные кажутся ему теперь главными в жизни: наука, любовь, искусство. Когда вся его ненасытная воля к власти слабеет, и другие люди не кажутся ему врагами. А ведь прежде он чувствовал себя свободным лишь в полном одиночестве, когда никто ему не мешал и не смотрел даже на него.

После гибели Аластора люди Земли действительно словно бы одумались, очнувшись от той тяжелой, унылой дремы, в которой пребывали в последние несколько столетий. Они в одночасье и совершенно неожиданно стали менее жадными и властолюбивыми. Отчего многие конфликты, как государственные, так и межличностные сами собой быстро сошли на нет. Люди отчего-то стали радоваться при встрече друг с другом, как будто бы не виделись уже очень давно. Помимо этого они почувствовали неутолимую тягу к знаниям. Да

иначе, наверное, и быть не могло, поскольку знания и свобода всегда тесно взаимосвязаны. Они начали ощущать, что все те злоба и ненависть, которые они так долго копили, тоже куда-то постепенно уходят. Что им уже не нужно все то смертоносное оружие, которое они с таким трудом сначала создавали, а затем модернизировали. Что оно уже попросту опасно для них. Да и много чего изменилось за эти последние два дня в жизни людей. Причем изменения эти носили не поверхностный, а очень глубинный характер. словно бы некий гигантский, тектонический сдвиг произошел тогда в обществе. Сдвиг, последствия которого сказывались на человеческой цивилизации еще очень долгие годы.

Однако Антон ничего этого еще не знал, конечно. Не знал он и того, что творилось сейчас в городе. Но, глядя в окно пригородного автобуса, в котором сейчас ехал, он постепенно стал замечать, что на улице происходило нечто необъяснимое. Особенно это стало заметно, когда бескрайние подмосковные поля, прерываемые лишь разношерстными дачными поселками, сменились привычными уже видами спальных районов мегаполиса. Сначала ему бросилось в глаза, что на улицах было очень много народа, причем радостного. Нет, здесь в городе, конечно, всегда было много людей, но все же не до такой степени. Ему на миг вдруг показалось даже, что все то восторженное безумие, которое он вчера днем наблюдал у себя в офисе, каким-то непонятным образом выплеснулось теперь наружу и затопило все вокруг.

Что прохожие точно так же, как и сотрудники его компании, все теперь куда-то спешили, словно опасаясь потерять даже секунду своего драгоценного времени.

Антон вышел на конечной остановке. Ему предстояло еще добраться на метро до вокзала, а затем уже и до своего подмосковного поселка. Впрочем, как ни странно, но несмотря на все изменения в социальной среде, транспорт в тот день работал по расписанию, так что Антону не составило никакого труда доехать до дома. Там его, как это обычно и бывало, поприветствовал его пес, Дружок, который в последние два дня вообще неизвестно чем жил. Он, по всей видимости, пробавлялся объедками на местной помойке, да и соседи, быть может, давали ему что поесть. Однако Антон все же почувствовал некоторые угрызения совести, что пусть и ненамеренно, но оставил своего питомца на произвол судьбы. Из-за этого он даже, прежде чем зайти в сам дом и хотя бы переодеться, пошел сначала в сарай, после чего накормил и напоил собаку. И только лишь убедившись, что с ней все порядке, прошел наконец через терраску на кухню, а за ней уже и в большую комнату. Вот только то, что он там увидел, совсем его не обрадовало и более того, напрочь отвадило от мысли не то чтобы постоянно жить здесь, а хотя бы и на некоторое время остаться в этом доме.

Невероятный бардак царил в его комнате. Простынь, одеяло с подушками, да и прочие вещи были разбросаны по полу и измазаны чем-то белым и липким. Драгоценные камни,

которые прежде лежали у него на столе, были чуть ли не с яростью расшвыряны по разным углам. Даже телевизор был теперь немного сдвинут с места и почти опрокинут. Глядя на весь этот, не столько даже сильный, сколько пугающий разгром, Антон невольно сел на кровать и подумал, что хорошо все-таки, что он оставил за собой входную дверь приоткрытой. Потому что ему было страшно, по-настоящему и очень страшно в своем же собственном доме, причем даже сейчас, днем. Наконец он поднялся с кровати, подобрал с пола драгоценные камни, достал из серванта все документы, какие только сумел там найти и, еще раз глянув на прощание на свою многострадальную комнату, вышел во двор. Ему нужно было еще что-то придумать, что делать с собакой. Но он решил, что отведет ее пока к своим хорошим знакомым, почти родственникам, – двум престарелым тетушкам, которые жили неподалеку от него, чуть дальше по поселку.

Надев на пса ошейник и пристегнув поводок, Антон привычно запер за собой калитку и направился к этим своим знакомым. Однако пес почти сразу, словно бы почувствовав, что его хотят оставить неизвестно где, яростно заупирался всеми четырьмя лапами. Антон потянул за поводок сильнее. Но пес не уступал.

– Ну, что мне с тобой делать, – наконец проговорил Антон, присев на корточки. – Оставить тебя здесь я не могу, кто тебя кормить-то станет. Да и с собой взять тоже не могу. Да и куда? Я ведь теперь вообще не знаю куда мне идти.

Да и действительно, куда ему было сейчас идти он просто не представлял. Люн, вот, тоже опять улетела. Еще там у склада, когда он садился в автобус. Близких друзей у него в Москве не было, за исключением, пожалуй, лишь Василия, который мог бы его, конечно, к себе пустить переночевать, но только на одну ночь. А дольше Антон и сам бы у него не остался. Он опять посмотрел на собаку.

– Знаешь что, – произнес он наконец, – возьму-ка я тебя с собой. Вдвоем все же веселее. Да и сам-то ты, как мне кажется, будешь этому только рад. Но, что скажешь?

На это пес, словно бы и вправду угадав, о чем говорил его хозяин, радостно прыгнул вперед, забросив ему на плечи передние лапы. И таким вот простым и безальтернативным способом вопрос был решен окончательно. По дороге к станции Антон еще много чего рассказывал собаке – а ему просто необходимо было сейчас выговориться – о том, что теперь он уже официально безработный да еще и бездомный, по-видимому. Но что им все же есть на что жить. Ведь при желании, он мог бы, вот прямо сейчас, взять и купить себе квартиру в Москве. Дружок же ему в ответ на это лишь радостно махал хвостом. Вот только не видел Антон, что едва он отошел от своего дома на некоторое расстояние, как в окне, что было у него на кухне, очень слабо, почти незаметно шевельнулась занавеска, а затем еще и некое бледное лицо, неуловимой тенью промелькнуло в нем. А оттого он, конечно, очень правильно сделал, что ушел сегодня из дома да

еще и собаку с собой забрал. Потому что в противном случае, сам бы он, наверное, и смог каким-то образом выжить, пусть даже и пострадав при этом морально. Но вот его пес непременно бы погиб и уже этой ночью.

Доехав на электричке до Москвы, Антон остановился в нерешительности прямо посередине вокзальной площади и стал размышлять. Идти ему теперь было совсем некуда. «Может в гостинице поселиться, – подумал он поначалу и тут же вновь посмотрел на Дружка. – Нет, с собакой, наверное, не пустят. Да и мест у них скорее всего нет. Все-таки Москва. А тут всегда было туго с гостиницами». Можно было, конечно, попробовать еще и вправду обратиться в какое-нибудь агентство недвижимости и попросить их срочно подыскать ему квартиру. Но это было тоже как-то глупо. Ведь не мог же он вот просто так прийти туда словно в магазин и потребовать продать ему квартиру, как колбасу. Там ведь оформление какое-то требовалось, переговоры разные и прочее. Антон полез поискать в мобильном телефоне. Телефон его, как ни странно, все еще продолжал работать, несмотря на все те закапывания, перетаскивания и прочие напасти, которые обрушились на его хозяина. «Так, – сказал Антон сам себе, – Катя Вавилова, однокурсница. А это Павел Андреевич, руководитель моей дипломной работы. Серега с химического факультета. Может и вправду, кому-нибудь из бывших вузовских приятелей позвонить?» И он набрал номер.

– Да, слушаю вас, – отозвался ему почти уже забытый, но очень приятный голос с хрипотцой.

– Здравствуйте, Павел Андреевич, – поприветствовал своего бывшего преподавателя Антон. – Это Антон вам звонит, помните? Вы еще куратором моей дипломной работы были.

Последовало долгое молчание. Наконец его собеседник, явно о чем-то вспомнив, удивленно произнес:

– Антошка, ты что ли, вот уж никак не ожидал. Ну, как ты сейчас, где, чем занимаешься?

– Да все нормально, вроде, кручусь помаленьку.

– Знаешь, – продолжил его бывший преподаватель, все так же удивленно, – а ведь я и сам хотел тебе вот буквально вчера еще позвонить. Представляешь? Ведь ты, кажется, в Подмоскowie живешь и именно там, где этот, ну... метеор взорвался?

– Все правильно, там и живу. И все произошло прямо около нашего поселка. Но я, если честно, совсем о другом хотел спросить... – тут Антон немного замялся, но продолжил, – а можно я к вам сейчас на кафедру приеду?

– Да приезжай, конечно, – обрадовался его учитель. – У меня тут как раз лекции скоро заканчиваются, так ты мне все и расскажешь. Только ты позвони с проходной по внутреннему, чтобы тебя на охране пустили.

– Только я не один приеду, – совсем уже неуверенно проговорил Антон, – у меня еще собака с собой.

– Да уж, ну-у все, конец света, – усмехнулся его преподаватель, – собаку мы не переживем. – Тут он, правда, ненадолго замолчал, но добавил, – хорошо, приезжай с собакой, мы ее тоже здесь где-нибудь определим, если она, конечно, у тебя не бешеная.

На этом разговор был завершен и Антон, поспешая, направился в свой родной ВУЗ. Ему, правда, пришлось еще по дороге зайти в зоомагазин и купить своему Дружку намордник, потому что просто так в метро его с собакой не пускали. Но зато в Университете с псом не возникло вообще никаких проблем. На проходной в тот день дежурила какая-то добродушная тетушка, которая с радостью пропустила и его самого, и собаку, потрепав ее при этом по холке и даже дав на прощанье что-то вкусненькое. Наконец Антон очутился в небольшом уютном помещении с одним широченным окном, где и находился теперь кабинет его бывшего преподавателя. Павел Андреевич занимал в настоящее время пост заместителя ректора Университета, сохранив при этом за собой должность заведующего кафедрой математической физики.

– Ну что Антошка, – поприветствовал он своего бывшего ученика, – рассказывай, что у вас там произошло.

– Да много чего произошло, – начал Антон многозначительно, после чего рассказал Павлу Андреевичу, насколько мог подробно, о событиях того достопамятного вечера.

Монолог этот длился минут десять, после чего Павел Ан-

дреевич поблагодарил его за рассказ и поинтересовался, зачем же он все-таки ему звонил сейчас. Антон же постарался, и опять-таки насколько смог, скрывая известные обстоятельства, обрисовать своему бывшему учителю то положение, в котором оказался. При этом он подчеркнул, что деньги у него все же есть, а вот работы нет и что домой он пока тоже вернуться не может. На это Павел Андреевич как-то странно на него посмотрел, но уточнять не стал.

– Я могу тебя у нас в общежитие поселить, временно, – сказал он наконец. – Но постоянно жить ты в нем не сможешь. Потому что там только студенты живут или работники Университета.

– А вы меня тогда к себе на работу возьмите, – тут же нашелся с предложением Антон.

– На работу... – задумался Павел Андреевич, – нет, не получится. Да у нас и мест-то свободных сейчас нет. Если только лаборантом? Но там зарплата копеечная, да и сама работа не очень.

– А мне все равно, – ответил ему на это Антон, чуть ли не с содроганием вспомнив про свою прежнюю работу. – Не хочу я больше гоняться за деньгами, надоело. Пусть мало платят, но зато занимаешься любимым делом.

– Ишь ты, как заговорил, – улыбнулся его бывший учитель, – это что-то новенькое. Но все равно, похвально похвально. Вот только куда же мне тебя определить? – он полез поискать по бумагам. – Да вот... хочешь, хотя бы к Катерине

тебя определяю? Помнишь ее?

– К какой Катерине? – Антон насторожился.

– Да к Кате Вавиловой, однокурснице твоей бывшей. Она теперь у нас зав лабораторией работает.

– К Катьке? – обрадовался Антон, – ну что вы спрашиваете, Павел Андреевич, конечно же хочу.

– Ну так я ее сейчас позову тогда? Что скажешь?

Антон был, конечно, не против. И рад. Он, признаться, даже и не рассчитывал на такое. Новая работа, да еще и интересная к тому же. Знакомые все, да и не просто знакомые, а люди, которые знали его хорошо, но и уважали при этом. Все таки альма-матер – совсем не пустое слово для любого, даже самого никудышнего студента. Наконец пришла и Катерина. Она, конечно, сначала очень удивилась присутствию в кабинете Павла Андреевича своего бывшего однокурсника да еще и с собакой в придачу. Но затем словно бы оттаяла и сама уже стала Антона обо всем расспрашивать. Когда же она узнала, что тому сейчас вообще некуда было идти, потому как в общежитие его можно было определить лишь с завтрашнего утра, то даже сама предложила переночевать у нее квартире.

– Вот только собака твоя, – она с сомнением поглядела на Дружка, – приучена вести себя... прилично?

На это Антон уверил ее, что собака вполне воспитанная и что он за нее ручается. После чего все трое обменялись несколькими забавными историями из общего прошлого и

занялись своими делами. По крайней мере Павел Андреевич и Катерина. Антону же ничего другого не оставалось, кроме как сидеть еще какое-то время у нее в лаборатории и ждать, пока закончится рабочий день. Впрочем, это было даже и к лучшему, потому что он успел тогда много о чем подумать из-за всего того невероятного разнообразия событий, что случились с ним за последние два дня. А так же о том, как же сейчас ему было хорошо. И какое же это счастье находиться среди близких по духу тебе людей и заниматься любимым делом. И пусть тебе мало платят, пусть у тебя даже нет пока еще места где жить. Но, тем не менее, ты чувствуешь себя как дома, знаешь что хочешь и что хотят от тебя другие. А это ли не есть та самая свобода, столь нужная всякому человеку, реальная, а не вымышленная.

20. В гостях

Антон и Катерина все время болтали, пока ехали до ее дома. Но в основном рассказывал, конечно, Антон. Как он работал в коммерческой фирме программистом и сколько ему за это платили. Какой у них там был коллектив и чем все закончилось. Он, конечно, не стал ей рассказывать ни о своих похождениях на кладбище, ни о живой звезде под землей, ни о призрачной девочке, которая иногда его посещала. Не сказал он ей и о тех переменах, которые произошли с ним самим за последнее время. А ведь перемены эти были очень значительными, несмотря даже на то, что произошли всего-навсего за несколько дней. Впрочем, Антон почти и не думал о них. Он, как казалось, их попросту не замечал, воспринимая при этом и себя, и окружающий мир уже совсем по-другому. Вот если бы эти перемены коснулись лишь только одного его существа, никак не повлияв на сознание, он бы, конечно, почувствовал разницу. А так, став уже куда более решительным и волевым, полагал, что таким и был всегда, пусть даже иногда все еще и продолжал сам себе удивлялся.

Изменился он и внешне. Его более сильная и энергичная натура сейчас словно бы рвалась наружу, преодолевая отчаянное сопротивление слабого, чуть ссутуленного, совсем нетренированного тела. Ведь работая программистом, Антон и выглядел как обычный программист, который ничего

тяжелее компьютерной мышки в руках никогда не держал. Сейчас же он совсем не сутулился и даже не шаркал ногами. Осанка его выпрямилась, движения стали плавными, но при этом и энергичными, а легкая походка приобрела уверенность. Даже черты его лица теперь выглядели куда более четкими: нос заострился, чуть проступили скулы, взгляд же стал на удивление твердым, но при этом и проникновенным. Катерина, конечно, заметила эти его перемены, поскольку знала Антона уже очень давно. Еще с того момента, когда они вместе поступили в Университет. Но поскольку они больше года уже не виделись, все списала на благотворное действие времени. И тем не менее, она не могла не удивляться тому, что произошло с ее однокурсником за прошедший год, отчего иногда и украдкой поглядывала на него.

Наконец они приехали. Катерина, как оказалось, жила в прекрасном кирпичном доме еще старой советской постройки, который находился в полчасе ходьбы от центра города. Антон оценил жилище:

– Ну, Катюха, здорово ты живешь, – с уважением произнес он. – Это ж у тебя не дом тут, а настоящий дворец. И даже украшения на стенах присутствуют и статуи на крыше. Да-а, здорово. И что же, ты всегда здесь жила?

– Всегда, – ответила ему Катя. – Тут еще моему отцу квартиру дали, когда он наукой занимался, задолго до моего рождения.

На это Антон произнес еще несколько слов восхищения,

после чего изъявил желание сходить в магазин за продуктами, благо, что последний находился неподалеку.

– Не могу же я к тебе вот просто так с пустыми руками явиться, – пояснил он, когда девушка стала возражать, что, мол, продуктов у нее и у самой достаточно.

После чего они все-таки разделились. Катя взяла собаку и пошла домой, а Антон отправился сначала в ближайший банк, чтобы обменять валюту, а потом и в магазин. Поднявшись наконец в квартиру, он вновь принялся расхваливать увиденное: и высокие потолки, и три комнаты, и даже длинную лоджию с эркером, которая была основательно утеплена.

– Я здесь у тебя спать буду, – заявил он несколько оторопевшей девушке, – залюбовавшись прекрасным видом, открывавшимся из окон лоджии. – Тут и воздух свежий, и кресло раскладное есть. Сама-то ты, наверное, в комнатах спишь?

– В комнатах, – ответила ему Катя, несколько смущаясь и, пожалуй, даже уже жалея, что вообще пригласила такого самоуверенного гостя к себе в дом.

– Ну и прекрасно. Мне бы вот только еще одеяло сюда, простынь и подушку. Да я тут у тебя, наверное, тогда и в ванную схожу если можно. Ведь можно?

– Сходи, – совсем уже тихо ответила Катя.

– Спасибо, Катюш, – проговорил Антон и, легонько чмокнув девушку в щеку, отправился напрямиком в ванную.

Там он снял с себя наконец грязную одежду и залез в во-

ду. Мылся он долго и с большим удовольствием, постепенно отмокая ото всей той жуткой кладбищенской грязи, которая все еще оставалась на нем. Катя же отправилась на кухню разогревать ужин. Она, правда, намеревалась сначала приготовить что-нибудь особенное, но посмотрев на огромные сумки, которые Антон притащил из магазина, так растерялась, что предпочла пока все рассовать по холодильнику. Наконец Антон вышел. Одет он был теперь в неопределенного цвета махровый халат, который нашел в ванной, да в гигантские джинсовые шорты, найденные им там же. Он, конечно, извинился перед девушкой за свой внешний вид и сказал, что если она сможет постирать еще и его вещи, то завтра он ей новую машинку купит. На это Катя ответила, что машинки ей никакой не надо, и что он хотя и был всегда неряхой, но одежду его, такую грязную теперь, по всей видимости, и машинка даже не возьмет. После чего молодые люди сели ужинать.

– Слушай, Кать, – спросил наконец Антон, после того как с аппетитом съел все, что девушка перед ним поставила на стол, – а где твои родители? Они скоро приедут?

– Не скоро, – ответила та, – они здесь вообще не живут. Они в деревне себе дом построили, и вот уже два года как в Москве не появляются.

Антон уставился на девушку.

– Но-о, – протянул он неуверенно, – как же ты тогда меня одного сюда пригласила, ведь это ж... неудобно как-то.

– Ничего, – ответила ему Катя спокойно, – как-нибудь переживу. Да и скольких же я по-твоему должна была к себе пригласить, чтобы «оно» удобно было?

Антон засмеялся.

– Ладно, я понял, – произнес он. – Но, тогда обещаю вести себя прилично, как и мой пес. А он у меня, сама знаешь, воспитанный.

– Да да, я помню, – ответила ему Катя даже не оборачиваясь.

Она теперь пошла мыть посуду и стояла к Антону спиной.

– Ты же мне и рассказывал. А значит теперь ты говоришь, что будешь вести себя так же прилично, как и собака твоя? Не проще ли было собаку сюда вообще не впутывать, да и просто ничего не обещать, потому как твой пес тут абсолютно ни при чем.

– Катюш, какая ты умница, – Антон с улыбкой посмотрел на девушку. – И ты всегда была такая: тихая и умная. Ведь одна из лучших на курсе была, если память мне не изменяет. А еще танцами занималась или балетом, не помню. По тебе это и сейчас видно.

И действительно, Катерина, что касалось именно ее внешности, была сложена просто великолепно: тонкая и гибкая, словно ивовая ветвь, она даже и двигалась как-то все время очень плавно и грациозно. Будто вода текла по извилистому руслу реки. Во всем же остальном, она была самой обыкновенной девушкой с длинными, каштанового цвета прямыми

волосами, серыми глазами и очень спокойным выражением лица.

– Ничего по мне не видно, – невозмутимо ответила она на этот, то ли комплимент, то ли просто воспоминание. – Но все же, давай уже потихоньку спать ложиться. Я привыкла рано вставать, да и у тебя, наверное, – она посмотрела на своего гостя, – сегодня тоже был тяжелый день.

Впрочем, каким был этот день у Антона, по его виду определить было совсем нельзя. Поскольку после ванны, он, согретый и порозовевший, производил впечатление абсолютно здорового и очень бодрого человека. Даже волосы его и без того густые и темные, теперь стали немного виться, искрясь недюжинной силой и здоровьем. Так что вид у него, за исключением, пожалуй, лишь того нелепого махрового халатика, был просто потрясающий. Но Катерина уже, как казалось, и вовсе этого не замечала, поскольку все более и более сожалела, что вообще пригласила этого раздумянившегося красавца к себе в дом. Она конечно, запихнула-таки его грязные вещи в стиральную машинку. Потом принесла ему еще и постельное белье, но посидеть с ним на лоджии, полюбоваться поздним закатом наотрез отказалась. А Антон, на самом деле, и не замышлял ничего дурного. Он действительно был по-настоящему поражен прекрасным видом, открывавшимся прямо с того места, где должен был сегодня спать. Он еще долго потом стоял там один, чуть приоткрыв окно, пока солнце совсем не скрылось за горизонтом, размышляя

о своей судьбе и о том, какие еще невероятные сюрпризы она ему готовит.

Также он отчего-то вспомнил и про того белого призрака, которого видел в пещере под кладбищем. «Где он сейчас, что делает? – думал он. – Обрел ли он столь желанное для него тело и вышел ли на поверхность? Увидел ли мир? В последний раз, после которого теперь будет вынужден вернуться назад в чистилище? Какая удивительная судьба и какой печальный конец. И чего стоили теперь все его собственные страдания по сравнению с тем, что перенес этот призрак? Тысячи лет в одиночестве, в темноте и полной изоляции. Когда ты уже готов помогать хоть самому черту, лишь бы слышать, пусть и иногда, обыкновенную человеческую речь». Антон лег спать. Спал он в ту ночь как убитый, без сновидений. Потому что едва ли не в первый раз за последние два дня почувствовал себя совершенно спокойно. И действительно, какое же это было счастье, спокойно спать. Когда ты точно знаешь, что тебе ничто не угрожает, что в другой комнате спит близкий тебе человек, а у входной двери преданная собака. Когда ты можешь совершенно забыться и не думать ни о чем.

Утром поднялись рано. Катерина не стала будить Антона, потому что сочла это не слишком вежливым. Да к тому же она, несмотря на его бодрый внешний вид, все же почувствовала еще вчера, каким-то внутренним женским чутьем, что ее гость очень устал, быть может даже смертельно устал,

причем не только физически. Она теперь даже немного жалела его. Ведь как это он умудрился очутиться в такой ситуации: без работы и без жилья? Деньги он, правда, говорил у него были. Но что там были за деньги? Пару зарплат, наверное, сэкономил и все. «Может и действительно тут его пока у себя оставить, – пришла ей вдруг в голову крамольная мысль. – Да нет. Что другие скажут? Да хотя бы тот же самый Павел Андреевич, когда узнает, что у его подчиненной роман с ее же работником». А роман тут уж наверняка возник бы, – и это Катя понимала. Она, на самом деле, была уже вполне взрослой и самостоятельной женщиной и не тешила себя иллюзиями, что двое лиц противоположного пола могут вот так запросто жить в одной квартире. Куда там. Да она же первая и не устоит. «Вон он какой красавец вымахал и это всего-навсего за один год. Нет, он, конечно, всегда был симпатичным парнем. Но все же... – тут она остановилась, потому что в тот момент готовила завтрак, – был что-то не то. Да, – но не то. А сейчас, – она посмотрела в сторону лоджии, – что сейчас? Вот просто бери и иди к нему. Вот прямо так и сразу, – она улыбнулась».

Наконец встал и Антон. Он теперь уже облачился в привычную свою одежду, которая на нем, несмотря на вчерашнюю стирку слегка висела. После чего напрямик направился на кухню. Там он поприветствовал свою хозяйку и поинтересовался, чем это таким вкусным у нее здесь пахнет. Катя же как-то рассеянно поздоровалась с ним, потому что все еще

продолжала думать о своем. Ей отчего-то действительно было уже тяжело что-то решить. Ведь Антошка, – как она его теперь даже мысленно называла, – как оказалось, был вполне себе приличным парнем и совсем не лез к ней ни минувшим вечером, ни тем более ночью. И даже намеков никаких не делал. А это сильно отличало его ото всех тех парней, с которыми ей приходилось встречаться ранее. «Да и красавчик какой», – она вновь, почти инстинктивно на него посмотрела.

А Антон и не замечал ничего. Смотрит на него Катя, и пусть себе, ведь как давно уже не виделись. Работа у него теперь есть. Вот только в общежитие ему отчего-то совсем не хотелось. Может и вправду квартиру себе снять или купить. Все-таки сто пятьдесят тысяч долларов, там в пакете, совсем не шутки. Да еще и алмазы... «Точно, – решил он наконец, – все-таки лучше собственное жилье иметь. А то там среди всех этих студентов и не поспишь нормально никогда».

– Кать, – спросил он серьезным тоном, – а есть у вас здесь где-нибудь рядом агентство недвижимости?

– А тебе зачем? – насторожилась та.

– Да так, хочу себе жилье подыскать.

– А что, в общежитие уже не хочешь?

– Не-а, не хочу, – уверенно ответил Антон. – В общежитии хорошо студентам жить, а не тем, кто может сам себя обеспечить.

– Но-о возможно, ты тогда... – начала Катя, но вовремя спохватилась и замолчала. А Антон ничего, конечно, и не понял.

– Так есть агентство-то? – продолжил он мягко настаивать на своем вопросе.

– Тош, я не знаю, – ответила Катя тихо, – но давай лучше все это на вечер отложим. Сейчас на работу пора. А ты еще собаку не выгулял.

На том и порешили. Антон пошел гулять с собакой, а Катя стала собираться на работу. Она и сама видела, что наряжается в самые лучшие свои вещи, которые ей больше всего шли. И прекрасно понимала почему, но ничего не могла с собой поделать. Поэтому, когда Антон наконец вернулся назад, то теперь уже ему пришлось сдерживаться, чтобы тут же, и прямо с порога, не притянуть свою бывшую однокурсницу к себе. Но поскольку он был вполне приличным молодым человеком, почти взрослым, то все же смог тогда сдержаться, хотя и наговорил Катерине кучу комплиментов.

До работы ехали молча, но под ручку. Да, признаться, в общественном транспорте и неудобно было разговаривать. И только та же самая тетушка на посту охраны, которую Антон видел здесь еще вчера, как-то очень внимательно на них посмотрела, но тоже ничего не сказала. Наконец они пришли в лабораторию, – новое место работы Антона. Хотя, на самом деле, это помещение и местом-то трудно было назвать, поскольку именно места в нем как раз было явно недостаточно.

Почти как и во всех среднестатистических лабораториях, здесь по периметру вдоль стен стояли высокие, покрытые пластиком увесистые столы с ящиками. Да посередине стоял еще один такой стол, но уже длинный и широкий с наставленными на нем всевозможными приборами и опытными образцами. Еще там были разные колбы для сыпучих и жидких материалов, довольно потрепанный компьютер в углу с огромным ламповым монитором, высокотемпературная печь, центрифуга, электронные весы и прочие несущественные предметы. Катерина до этого работала в лаборатории совсем одна и помощник ей, конечно, очень нужен был. Но на такую работу, да еще с мизерной зарплатой, желающих, естественно, не находилось.

Она быстро объяснила Антону его трудовые обязанности, а сама занялась составлением очередного отчета руководству. Вот только сам Антон проработал в этой лаборатории совсем недолго. И не по той причине, что ему там не понравилось, и не потому, что сам он не подошел на должность. А просто потому, что совершенно неожиданно, в том числе и для самого себя, открыл нечто такое, что предопределило не только его собственную судьбу или судьбу этого института, но и судьбу очень многих людей на земле на долгие и долгие годы вперед.

21. Стекло

– Нет, нет и нет, этот образец сюда, а семнадцатый можешь замерять, – проговорила Катерина, начиная уже немного нервничать из-за того, что ее новый подручный совсем ничего не смыслил в лабораторных делах. – Тош, ты считать умеешь? Я же говорю, все образцы по порядку, сначала эти, – она указала пальцем на несколько металлических брусков, которые лежали перед ним на столе, – а затем эти. А вот эти, которые отмечены красным, мы с тобой потом в дуговой печи нагреем. Там температура большая нужна и муфельная их не возьмет. Да, вот сейчас правильно. Теперь сопротивление замеряешь и можешь все записывать.

– А что потом с этими записями делать? – спросил Антон, аккуратно перенося показания приборов в простую тетрадь.

– Потом все в компьютер. Вечером распечатать и Павлу Андреевичу на стол в виде таблицы.

– А нельзя сразу в компьютер, ну, чтобы потом не переписывать.

Катерина задумалась:

– Да можно наверное, просто тогда тебе придется туда-сюда все время бегать. Не знаю, быстрее ли так выйдет.

Антон решил пока не спорить со своей новой начальницей и предпочел делать все так, как она просила. «По крайней мере до тех пор, пока сам толком здесь не освоюсь», – ска-

зал он себе. После чего, и уже по порядку стал закладывать опытные образцы в муфельную печь. Минут через десять, доведя их до нужной температуры, он образцы эти назад из печи вынимал и замерял их электрическое сопротивление. Так он провозился почти до обеда, после чего спросил, где находилась дуговая печь, намереваясь, по всей видимости, уже там продолжить эксперименты.

– Нет, Тош, – сказала ему Катерина, – с дуговой печью мы пока вместе с тобой работать будем. Там температура очень большая, плазма все-таки. Так что ты подожди чуток, пока я тут кое-что не доделаю, и мы тогда с тобой уже вместе в подвал пойдем. Она там у нас стоит. Мощная штука, выдает до десяти тысяч Кельвинов и расплавить в ней можно все что угодно. Причем энергии, что интересно, потребляет не много. Это новая печка из Германии, примерно год назад установили. Ты вот лучше забей пока все, что ты там на-замерял в компьютер. И табличку сделай. У меня на рабочем столе такие таблицы есть.

Так прошло еще около часа. Наконец Катерина закончила со своими делами и они вместе отправились на цокольный этаж, прихватив с собой в коробке нужные образцы. Там Катерина включила электропитание, заложила образцы в печь и, установив нужную температуру, запустила агрегат. Дуговая печь работала очень тихо, почти неслышно, выдавая из своих недр ровный приглушенный гул.

– Это плазма, – пояснила Катерина, – когда Антон подо-

шел к устройству и, облокотившись сверху, стал прислушиваться.

– А это не опасно, – спросил он, – ну, то что мы тут рядом стоим. Не фонит она, печка эта. Радиации нет?

– Ну ты, вообще, даешь студент, – Катерина засмеялась, – все уже забыл, чему тебя в институте учили. Какая радиация, Тош, там же просто ионизированный газ нагретый сильно. Да и защита-то какая, погляди. Ты вот сейчас оперся рукой на печь, а даже близко не представляешь, какая там внутри температура.

– Какая? – Антон убрал руку.

– Пять тысяч Кельвинов, как на Солнце. Но на поверхности, конечно. Впрочем, ладно, все это лирика. Давай-ка лучше ты теперь сам. Вот, видишь, кнопка зеленая, – жми ее. Так. А теперь выключай рубильник, это по технике безопасности положено. А теперь продувай печь, вон та кнопка, сбorkу. Все. А теперь можешь вынимать образцы. И рукавицы не забудь надеть, – Катя опять засмеялась.

Антон послушно исполнил все, что говорила ему Катерина и, взяв щипцы, полез за образцами в печь. И он уже перенес из нее несколько разогретых ванночек с расплавленным металлом на специальный поднос на полу, как вдруг заметил внутри нечто странное. Он на миг сначала замер в удивлении, разглядывая это нечто, а затем полез еще раз в печь и вытащил этот предмет наружу.

Это выглядело как некий плоский, почти совершенно

прозрачный завиток. То ли стеклянный, то ли просто воздушный, который, не остыв еще до конца, слабо изгибался по краям вниз. Размером он был примерно с ладонь, а по весу, – Антон инстинктивно попробовал определить, покачав его в щипцах, – очень легкий, почти невесомый. Катерина подошла к своему лаборанту и тоже уставилась на предмет. Наконец она спешно надела защитные рукавицы и взяла его в руку. Да, действительно, «стеклянный» завиток был почти невесомым, отчего Катерина, убрав из-под него ладонь, просто отпустила его. От этого завиток сначала немного поднялся в воздухе, а затем стал очень медленно все-таки опускаться. И тут Катерина уже не выдержала:

– Ты чего это такое сделал? – обратилась она к своему подчиненному немного не своим голосом. – Потом чуть прокашлялась и повторила вопрос.

Однако сам «первооткрыватель» был, похоже, удивлен не меньше своей начальницы, поскольку также смотрел во все глаза на плавно опускающийся в воздухе завиток, не произнося при этом ни единого слова. Наконец завиток все же коснулся пола, после чего, слегка подпрыгнув, опустился уже окончательно. Это было похоже, как если бы некий, не очень тяжелый предмет бросили в воду. Но сейчас-то все происходило в воздухе, отчего и выглядело, ну очень необычно. Антон дотронулся до завитка, а потом снял рукавицу и еще раз поднес к нему руку. После чего смело поднял его и стал уже более внимательно разглядывать.

– Что, холодный? – спросила Катерина чуть ли не всем телом прижавшись к Антону и также в беспредельном изумлении рассматривая завиток.

– Ага, – ответил тот, после чего посмотрел на девушку.

Их лица теперь оказались совсем рядом, поэтому в любой другой ситуации, все это могло бы закончиться и иначе. Однако сейчас молодые люди были настолько увлечены увиденным, что, повернув головы назад, стали вновь рассматривать стеклянный предмет. И все же Катерина пришла в себя первой.

– Тут стой, Тош, – произнесла она, снимая рукавицы, – я сейчас быстро. Только Павлу Андреевичу позвоню с первого этажа, а то тут мобильный не ловит. Стой и никуда не уходи. И этот... образец не потеряй, – крикнула она уже поднимаясь по лестнице.

Антон остался ждать. Он, конечно, все еще рассматривал этот завиток, пытаясь сообразить, что же это такое у него сейчас получилось. Ну образцы, ну печь. Но ведь Катерина, наверное, тут уже много раз вот так все разогревала и ничего похожего не происходило. Значит, если рассуждать логически, эта штука, появилась именно потому, что он сам все делал. «Ну делал и делал. А чего я такого делал-то? – спросил он себя почти риторически. – Я же тут просто стоял рядом и все. Облокотился еще на печь рукой и...» – Антон замер. Потому что в тот момент совершенно точно вспомнил, что уже проделывал нечто подобное и кстати совсем недав-

но, когда собирался ехать на работу с Натальей Сергеевной. Он тогда, и ведь именно вот так, рукой, провел по одному из этих гигантских «протуберанцев», которые вырывались из-под земли. И даже примерно такой же завиток у него тогда и получился, когда часть поднимающегося непрерывного потока немного отошла в сторону. Вот только потом она опять ушла под землю. А сейчас, вон, видишь, в печке осталась. Антон сел. Потому, что теперь понял все. И, да, – это было открытие. Случайное, глупое, странное, но открытие, которого ни один человек на земле не смог бы совершить.

Минут через десять примерно, нехотя и очень вальяжно в подвал спустился Павел Андреевич с Катериной, которая буквально вилась вокруг него, старательно пересказывая подробности недавнего происшествия. Однако Павел Андреевич был серьезным ученым и не раз уже сталкивался с подобными случаями, когда его подчиненные или даже еще просто студенты, ну прямо-таки прибежали к нему, взхлеб рассказывая о том, чего они там такого невероятного у себя на-открывали. Однако на этот раз, посмотрев на полупрозрачный завиток, он действительно очень заинтересовался и стал обо всем Катю спрашивать. А та даже ничего толком и объяснить-то не могла, все время указывая то на застывшие уже образцы металлических сплавов в ванночках, то на печь, то на самого Антона. Павел Андреевич посмотрел теперь и на катиного лаборанта.

– Ну те-с, молодой человек, а вы что скажите? – обратил-

ся он с интонацией свойственной лишь людям науки к Антону, – как вы все это объясняете?

– Я? – Антон немного растерялся, – да я вот тут стоял, возле печи. А до этого образцы в нее закладывал, а еще...

И тут Павел Андреевич с Катериной одновременно просто-таки уставились на него. И не потому даже, что с ним было что-то не так или он вел себя как-то странно, а потому что совершенно точно поняли, что Антон чего-то не договаривал. Это так ясно читалось в его глазах и выражении лица, что они, причем сразу оба медленно подошли к нему, а Павел Андреевич, взяв еще за руку, стал немного даже и успокаивать, при этом не переставая пристально смотреть ему в глаза.

– Антошка, ну ты что, – проговорил он совсем по-отечески, – если ты что-то знаешь, то скажи нам, – он глянул на Катерину. – Впрочем, если не хочешь, то можешь и не говорить. Но только скажи, ты понимаешь в чем тут дело?

Антон кивнул головой. Павел Андреевич опять мельком, но уже выразительно посмотрел на свою подчиненную.

– Но... а если так, то ты можешь опять, ну, вот это самое сделать, – он указал на стеклянный завиток, который Катерина держала в своей руке.

Антон снова кивнул. На это Павел Андреевич теперь уже почти гордо посмотрел сначала на Катю, потом на Антона и, закурив трубку, которую вытащил из внутреннего кармана пиджака, попросил повторить эксперимент. Антон послуш-

но исполнил все, что было велено. Он только еще раз уточнил у Кати, как включалась печь, после чего вновь подошел к ней и опустил руку на ее крышку. Так он стоял минут десять, лишь молча поглядывая то на Катю, то на своего бывшего преподавателя. Наконец он сказал, что печь можно выключать. Потом еще несколько минут ее продували, чтобы сбить температуру, а затем Антон вновь полез в нее щипцами. Оттуда он достал сразу два точно таких же полупрозрачных завитка, как и тот, что находился у Кати. Павел Андреевич теперь уже ничего не сказал. Он лишь погладил Катю по руке, словно тоже успокаивая, после чего неспешно направился вверх по лестнице. И только уже оттуда крикнул вниз:

– Жду вас обоих у себя в кабинете через полчаса, с образцами.

И все. Заведующий кафедрой математической физики был явно немногословен. Да он, признаться, и не мог тогда особенно говорить. Потому что, на самом деле, был просто потрясен и едва ли не шокирован увиденным. Ведь он работал с различными материалами вот уже лет сорок, но никогда еще ничего даже отдаленно похожего не видел. Ведь это стекло было совсем невесомым. Почти как воздух. И оно было явно твердым, а возможно и гибким. То есть материалом просто нереальным, фантастическим материалом, таким, создать который он никогда даже и не мечтал.

Прошло около получаса. И двое его незадачливых подчиненных уже стояли у него в кабинете. А сам Павел Андре-

евич, покуривая трубку, по этому кабинету вальяжно прохаживался, отмеряя расстояние от одного угла до другого. Наконец дверь его кабинета едва слышно скрипнула и растворилась. На пороге стоял сам ректор Университета, а по совместительству еще и руководитель научно-исследовательского института, Аркадий Николаевич Горский. Молча кивнув всем присутствующим, он напрямик подошел сначала к Антону и внимательно посмотрел на него. После чего взял в руку стеклянный завиток услужливо переданный ему Павлом Андреевичем, и стал его изучать. Он, конечно, также проверил его сначала на вес, покачав в руке. Затем поднес завиток к окну и посмотрел на просвет. Потом попробовал сломать, но безуспешно. Потом подошел к столу и, взяв тяжелое пресс-папье, легонько стукнул им по завитку. Потом еще раз, положив при этом завиток уже на сам стол, и потом опять. И вот уже после этого, третьего раза, у него и у самого слегка округлились глаза, отчего он, теперь уже не в силах более сдерживать эмоции, обратился ко всем присутствующим:

– Так он у вас еще и ковкий!

После чего все четверо столпились вокруг стола и принялись изучать отметины на завитке. А Павел Андреевич, по всей видимости, преисполненный гордостью за своего бывшего студента, произнес:

– Ну, что я вам говорил Аркадий Николаевич, стекло-с, – он отчего-то перешел на старорусское наречие, – да еще и

легкое. Прозрачное и ковкое. Ну, что вы на это скажете? – он подошел к Антону и, взяв того за плечо по этому плечу легонько похлопал. – Вот каких лаборантов воспитываем. Он ведь, знаете, уже повторил сейчас этот эксперимент и прямо при мне, когда я попросил. Правда, я ни черта все равно не понял, но вот эти два образца, – он указал на два других, более крупных завитка, – были получены им уже непосредственно в моем присутствии. Под чутким руководством Екатерины Петровны, – Павел Андреевич притянул к себе и Катю.

На это Аркадий Николаевич, видимо уже немного успокоившись, строго проговорил:

– Так, – всем сегодня быть в Университете. Никаких отлучек ни домой, ни по любым другим делам. Секретаршу быстро ко мне, – он обратился к Павлу Андреевичу, – она где-то во втором корпусе трудовые анкеты собирает, – срочно! Пусть сейчас же, сейчас же, – повторил он, чуть повысив голос, – связывается с патентным бюро. Ну, с тем, что оформляло нам заявку в прошлый раз. Мне все равно, какой счет они нам выставят, но чтобы прислали поверенных без промедления. А те пусть работают. Хоть всю ночь сидят здесь и регистрируют образцы, – он указал на завитки на столе, – но чтобы к завтрашнему утру заявка в патентный отдел была готова. Сам процесс пусть пока не описывают, это уже наша забота. Тут, как говорится, спешить не стоит. Но вот этого, – он указал на Антона, – теперь всегда держите под рукой.

Вы сейчас где живете, молодой человек? – обратился он уже непосредственно к Антону.

– Да нигде пока, – ответил тот, слегка разведя руками, – вот у Катерины сегодня ночевал, а потом... в общежитие хотели поселить, – он посмотрел на Павла Андреевича.

– Нет, – все так же строго проговорил Горский, – общежитие, это не годится. Уж лучше и вправду, – он посмотрел на Катю, – может у вас пусть пока поживет? Несколько дней.

Все посмотрели на девушку. А та так растерялась под пристальным взглядом сразу троих мужчин, что смогла лишь робко пожать плечами, покрасневшись при этом.

– Вот и отлично, – распорядился Горский, – значит этот вопрос пока отпадает. Тогда я сам теперь уже свяжусь с коллегами из других НИИ, чтобы собрать кого надо и чтобы не возникло потом вопросов с приоритетом. Сегодня у нас с вами будет научная конференция, – обратился он опять ко всей троице с какой-то странной улыбкой. – И вы будете уже там всем рассказывать, чего такого в своей лаборатории на-выплавливали.

Но тут он вдруг словно бы оттаял и, с плохо скрываемым энтузиазмом, крепко пожал руку сначала Павлу Андреевичу, а затем и Антону. Катерину же он просто погладил по голове. После чего бодро вышел из кабинета.

22. Конференция

– Нет, Катюш, нет, все эти минералы и железяки оставь, от неорганики здесь вообще никакой пользы. Давай что-нибудь наподобие той черепахи. Да, что-нибудь твердое или – не твердое, но органическое.

Антон сидел теперь во внутреннем дворике Университета и подбирал материалы для нового эксперимента. Никто кроме него самого, конечно, не мог толком понять, что именно он делал. Однако, поскольку во всем этом чувствовалась некая методичность и даже, пусть и трудноуловимая, но система, то ни Катерина, ни Павел Андреевич, который также наблюдал за всем происходящим, стоя чуть в сторонке и покуривая трубку, ничего не говорили и не возражали. Тем временем их новоявленный вундеркинд уже успел отобрать по крайней мере один образец материала годного для проверки. И это была черепаха. Точнее – насквозь пронафталенинное чучело морской черепахи, а еще точнее, один только ее панцирь. Слева и справа от него располагался теперь уже целый «зоопарк» разных там чучел, смол и даже крупных насекомых, которых Антон распорядился принести ему сюда прямо с биологического факультета. Он, правда, сначала попробовал поэкспериментировать еще и с неорганическими веществами, но почти сразу убедился, что от них не было никакого проку. Собрав же теперь все эти образцы, он брал

их один за другим и подносил к некоей невидимой области, располагавшейся прямо в воздухе, после чего внимательно разглядывал там что-то и клал образцы на место. Практически все из опробованного им было уже забраковано. И только лишь один черепаший панцирь, да теперь еще, кажется, и разлапистая ветка коралла, были отобраны им и отложены в другую сторону.

Все это странное действие продолжалось около двух часов, по истечении которых Антон наконец поднялся с места, отряхнулся и весьма довольный сообщил, что теперь он совершенно готов и что можно идти в подвал испытывать новые образцы в деле. Павел Андреевич в этот момент весь как-то неловко дернулся, словно его толкнули, еще раз пыхнул уже основательно раскуренной трубкой и все так же молча проследовал за своими лаборантами в подвальное помещение. Он, правда, однажды все-таки не выдержал и пробормотал что-то наподобие: «Черти что, алхимия какая-то», но громко вслух не сказал. По прибытии на место, Антон положил все отобранное им на плазменную печь и вновь попросил Катерину ее включить, он все еще никак не мог запомнить, как это правильно было делать. А Катерина сначала вопросительно посмотрела на Павла Андреевича, после чего послушно исполнила просьбу своего подчиненного. На печи теперь был сложен в кучу уже действительно какой-то алхимический набор. Там была и та морская черепаха, которую Антон отобрал первой, и большая ветвь коралла, и птичьи

перья, которые он повывергал из чучела утки, и еще какие-то совсем уже странные предметы. Катерина, которая наблюдала за всем происходящим с какой-то тревожной смесью противоречивых чувств, тоже наконец не удержалась и произнесла:

– А вот тараканью лапку ты положить забыл, – после чего нервно хмыкнула и вновь посмотрела на своего начальника.

Тот же ничего ей на это не сказал, но лишь по-отечески обнял за плечо. Поскольку не то чтобы увидел, сколько почувствовал, что его зав лабораторией очень сильно нервничает, и что еще чуть-чуть и с ней может случиться даже истерика. Но все обошлось. Тем временем Антон попросил Катю вновь ему помочь и выключить печь. После чего все трое стали ждать пока она остынет и из нее напором воздуха не будет удален инертный газ.

Наконец Антон открыл заслонку и, надев рукавицы, полез щипцами внутрь. Оттуда он извлек нечто совершенно бесформенное, напоминавшее растормошенный клубок шерстяных ниток, который все еще слабо изгибался по краям, не охладившись, по всей видимости, до конца. Но тем не менее, это было стекло. Все то же полупрозрачное невесомое стекло, которое они все трое видели здесь этим утром. Оставив «клубок» медленно опускаться прямо в воздухе, Антон положил щипцы на пол, снял рукавицы и прошел к стулу, который стоял неподалеку от входной двери. После чего он на этот стул сел и словно бы выдохнув, теперь уже по-насто-

ящему счастливо посмотрел на своих коллег.

– Знаете, – сказал он с явным облегчением, – я ведь очень опасался, что не получится. Конечно, я примерно уже понял, в чем там было дело. Но все же то, что произошло здесь сегодня днем в большей степени зависело от меня. От меня лично. А теперь у нас есть совершенно независимый процесс, который даже вы, да и вообще, кто угодно сможет повторить. А значит нам теперь есть уже о чем рассказывать на конференции.

В этот момент Катерина просто не смогла сдержаться и, подойдя к своему лаборанту, обняла его за шею и притянула к себе.

– Тошка, ты молодец, – проговорила она с чувством, глядя его по голове. – Ты умничка. Никто до тебя ничего подобного даже близко не делал, – она еще сильнее прижала его.

А Павел Андреевич, глядя на эту сентиментальную сцену, как-то неловко кашлянул в кулак и сообщил, что сейчас же отправляется наверх, и что его подчиненным пока не стоит слишком уж расслабляться, а наоборот нужно все аккуратно записать и, по возможности, сфотографировать. После чего неспешно поднялся к себе в кабинет, где, заперев за собой дверь на ключ, достал из шкафчика припасенную бутылочку марочного коньяка, подаренную ему в незапамятные времена кем-то из студентов. Он с одной стороны, был, конечно, сейчас очень рад и даже гордился своими учениками. Но с другой, ему было все же немного грустно. Ведь сам-то он в

жизни так ничего особенного и не открыл, пусть даже отдаленно похожего на то, что получил сейчас его Антошка. А он все-таки был ученым и неплохим ученым и тоже когда-то мечтал о великих открытиях и славе. Но в настоящий момент нужно было все-таки готовиться к конференции. И совсем расслабляться и давать волю чувствам тоже было нельзя. Пока нельзя.

Катерина же тем временем отпустила наконец Антона, после чего, достав из кармана пачку сигарет, подошла к печи и закурила. Антон с изумлением уставился на нее.

– Кать, ты что куришь? – произнес он пораженный увиденным.

Ему отчего-то до сих пор казалось, что его бывшая однокурсница ни на что такое была просто не способна. Что она девушка очень умная и здравомыслящая, да вот еще и танцами занималась или балетом.

– А ты чего ожидал? – спросила Катерина, стряхивая пепел прямо на пол, – что я такая пай-девочка? Таких не бывает Тош, и у меня тоже есть свои проблемы, – она посмотрела куда-то чуть в сторону.

Антон ничего ей на это не сказал. А просто встал, спокойно подошел, взял за плечи и притянул к себе. Им больше ничто теперь уже не мешало: ни стеклянные завитки, парящие воздухе, ни глупые воспоминания об их прежней студенческой жизни, ни присутствие в помещении посторонних лиц. А оттого они просто не могли не поцеловаться. И это длилось

очень долго, поскольку они, что называется, именно нашли друг друга. Вот так и сразу осознав, что это именно он, и это именно она. Что им больше уже не нужно никого искать, и что они теперь самые близкие люди на свете. И это, конечно, довольно трудно, наверное, объяснить, но они как-то сразу и совсем бесконфликтно сошлись характерами. Потому что, кто знает, быть может и вправду были созданы друг для друга. Наконец Катя опустила голову и отстранилась. А Антон не нашел ничего другого, кроме как вернуться на свой стул. После этого они еще некоторое время молча смотрели друг на друга. И все же Катя нашлась тогда первой:

– Тош, давай работу делать, – проговорила она, – а то ведь сколько времени прошло, а мы даже еще не начинали.

Антон вновь уставился на Катерину. Нет, он конечно уже стал потихоньку привыкать, что она вот так иногда его удивляла. Тем более, что удивление это не было отталкивающим, как с той же Натальей Сергеевной, а скорее наоборот. Но все же, такое здравомыслие, причем несмотря на чувства, и чувства сильные – это было заметно хотя бы по тому, как Катя сейчас раскраснелась – не могло не произвести на него впечатления. Он, правда, попытался еще пару раз все-таки притянуть ее к себе, пока они делали записи и фотографировали все на мобильный телефон. Но Катя пусть и мягко, но уверенно пресекала эти его поползновения. Наконец они закончили с печкой и, прихватив с ее крышки свой «алхимический набор», направились в лабораторию.

Там они провели еще примерно с час, шлифуя и подгоняя полученные данные под речь, которую Катерина быстренько для Антона набросала. А еще через несколько минут к ним пришли, причем сразу оба, Павел Андреевич и Горский, предложив: «Следовать за ними и по возможности не волноваться». Потом они прошли в закулисы конференц-зала, где и были на некоторое время покинуты своими начальниками. Они, конечно, несколько раз все-таки выглядывали из-за внутреннего края штор, пытаясь рассмотреть, что происходило в зале. Но толком ничего разобрать не смогли. Наконец, после того как руководство Университета произнесло вступительную речь, настала и их очередь. Павел Андреевич, взяв Катерину и Антона словно малых детей за руки, торжественно провел их на сцену и представил публике. Та заплодировала. Зал, как оказалось, был весь забит до отказа и это была, конечно, заслуга ректора Университета, который насколько смог уже успел создать заметный ажиотаж вокруг только что сделанного научного открытия. Однако Антона почему-то совсем не смутило присутствие такого огромного количества народа, – а ведь там были и журналисты, и ученые, и даже телевизионные камеры присутствовали, – а наоборот отчего-то успокоило. Видимо, когда на тебя смотрит не один человек и не десять, то тебе становится уже действительно как-то и все равно, поскольку публика невольно сливается в обезличенную однородную толпу.

– Все произошло совершенно случайно, – начал он читать

свою речь по бумажке.

Но тут же слегка запнулся и посмотрел неуверенно в зал, после чего решительно сложил лист пополам и убрал в задний карман брюк.

– Да, и именно так, – продолжил он говорить уже более уверенно и от себя. – В печи, что установлена вот прямо здесь, в этом здании на цокольном этаже, мы с Катериной Петровной, – он сделал жест рукой, – разогревали сегодня образцы сплавов для замеров в них электрического сопротивления после воздействия экстремально высоких температур. Ну и, естественно, эксперимент этот не был доведен до конца, поскольку в печи мы обнаружили нечто совершенно необычное. Это была некая, явно плавкая субстанция, напоминавшая по виду обыкновенное стекло. Хотя, не могу не отметить, что простое стекло при таких высоких температурах, конечно, никто не плавит, ведь в печи тогда было примерно пять тысяч градусов по Кельвину. Да и взяться там стеклу было, в общем-то, неоткуда. Но тем не менее, субстанция эта там находилась. И более того, имела совершенно необычные свойства, – тут Антон вынул из кармана самый маленький, полученный еще утром стеклянный завиток, и продемонстрировал его публике. – Во-первых, она, как оказалось, практически лишена веса, – Антон отпустил завиток, отчего тот вновь сначала немного поднялся вверх, а затем стал очень плавно опускаться. Во-вторых, она была довольно твердой. Причем насколько, мы пока еще не знаем. И, в-

третьих, что, кажется даже несколько противоречит ее твердости, она оказалась еще и коварной, поскольку Аркадий Николаевич, – тут Антон сделал еще один жест, указывая на ректора, – произвел соответствующую проверку. Таким образом, вполне можно утверждать, что полученная субстанция является абсолютно новым и доселе никому не известным материалом. И более того, вот буквально только что, за час до этого собрания, – Антон повел рукой по залу, – мы, то есть Катерина Петровна и я, обнаружили, что материал этот можно еще и получать в неограниченных количествах. И я, признаться, считаю этот эпизод исследования не менее важным, хотя во многом также удавшимся случайно.

В этот момент стеклянный завиток наконец достиг поверхности пола. А публика, которая теперь уже в большей степени следила за ним, чем за тем, о чем говорил докладчик, ну просто-таки взорвалась. Люди, – а ведь там присутствовали в основном преподаватели Вузов, – осознав, что были свидетелями появления чего-то совершенно удивительного, буквально повскакивали со своих мест и стали невообразимо шуметь, хаотично задавать вопросы, да и вообще, едва ли не кричать. В тот же миг защелкали вспышки фотоаппаратов, а операторы видеокамер, ну просто-таки схватились за свои агрегаты, пытаясь в отчаянной попытке уберечь их от разрушения. Весь этот хаос, шум и гам продолжался несколько минут, пока публика наконец, более или менее не пришла в себя и, не столько даже успокоившись,

сколько, просто взяв себя в руки, вновь расселась по своим местам. Сам же докладчик совершенно спокойно поднял с пола упавший стеклянный завиток, вытер его о рукав рубашки и продолжил. Речь его длилась совсем недолго, минут десять, после чего он слегка поклонился публике и вопросительно посмотрел на свое начальство, явно давая понять, что рассказал уже все. Ну, или почти все, поскольку о самом главном, то есть о «протуберанцах» вырывавшихся из-под земли и даже о составе материалов, задерживающих эти невидимые потоки, Антон благоразумно умолчал. Павел Андреевич и Горский на это сразу отреагировали и предложили публике задавать вопросы. Все, конечно, прежде всего спрашивали, где и как можно было применять эту новоиспеченную субстанцию. Антон же сообщил, что говорить о таких вещах было пока рано, однако, если материал действительно окажется так же хорош, как при первичных испытаниях, то и применять его можно было везде. Это могло быть и самолетостроение, поскольку он очень легкий, и медицина, поскольку ковкий и почти прозрачный, и даже, хотя бы, строительство.

– И что же вы из своего стекла собираетесь строить? – выкрикнул кто-то из зала, по всей видимости, вновь не сдержавшись.

– Да все что угодно, – воодушевленно ответил Антон. – Ведь вы же понимаете, что при практически нулевом весе и хорошей прочности из этого материала можно возводить

абсолютно любые конструкции. И этажность зданий может быть любой и высота. Хотите километр – пожалуйста, два – тоже не проблема. Да вот, хотя бы даже до самого космоса можно, наверное, строить, но только жить там, пожалуй, будет холодновато, – Антон хмыкнул.

Однако публика отчего-то совсем его не поддержала. Она, как казалось, даже и не заметила, что докладчик, по всей видимости, хотел пошутить, поскольку наконец, и уже по-настоящему поняла, что оказалась свидетельницей настоящей революции. Причем не только в какой-либо одной конкретной отрасли, а абсолютно во всем, что касалось жизнедеятельности людей. И это было потрясающе, и это было удивительно, и от этого было даже немного страшно. Отчего в конференц-зале установилась полная, едва ли не гробовая тишина.

23. Совпадение

Хорошо, когда наши желания совпадают с возможностями. Когда человек может не только мечтать, но и реализовывать свои мечты. Ведь тогда, по сути, он как раз и достигает цели своей жизни, если только, конечно, она у него одна. Впрочем, такое случается нечасто и подобных целей в жизни человека бывает очень и очень много. Но вот многие ли из этих целей удастся достичь, вот в чем вопрос. Дай бог, если хотя бы лишь половину. Потому что на все остальное почти всегда чего-нибудь да не хватает. И чаще всего это самые обыкновенные деньги, которых никогда не бывает слишком много. Однако, пусть и иногда, но случается даже такое, что, вот вроде, и знает человек что хочет, и деньги у него, как кажется, есть, а все равно не может он достичь желаемого. И так происходит тогда, когда человеку не хватает чего-то совсем иного и уже вовсе не материального. Знаний например или какой-нибудь идеи. Однако, если такая идея у него все-таки появляется, то человека уже ничто не может остановить. Он словно бы обретает невидимые крылья, на которых изо всех сил стремится к намеченной цели и в конце концов достигает ее.

Вот и сейчас, а именно в тот самый день, когда совершенно неожиданно было получено невесомое стекло, не то что бы один лишь Антон или его родной Университет обре-

ли такую идею. А словно бы все человечество, причем разом за нее ухватилось. Ведь многие миллионы людей во всем мире в эти последние два дня также решили начать новую жизнь, отчего, как и сам Антон, покинули свои прежние рабочие места. Люди испытывали едва ли не головокружительный восторг и небывалое моральное облегчение. Они словно бы впервые задышали по-настоящему легко и свободно. Вот только, что им с этой новой своей свободой было делать, они совершенно не представляли. И тут вдруг такое. Ведь об этом, как его тогда пресса сразу же окрестила, «эпохальном» открытии, в один миг раструбили почти все средства массовой информации. Причем не только в России, но и по всему миру. Люди действительно словно бы почувствовали, что – вот, мол, оно, как раз именно то, чего им всем так недоставало для реализации самых фантастических своих устремлений. И что теперь они не только не связаны морально со своим унылым и тягостным прошлым, но свободны они также и физически. Поскольку могли теперь почти все.

Однако все это случилось лишь завтра. А сегодня Антон с Катериной, которая сидела на диване рядом со своим непосредственным начальником, праздновали «невероятное и умопомрачительное» открытие, как кто-то из публики в конференц-зале уже успел его окрестить. В настоящий момент все происходило в рабочем кабинете Павла Андреевича, который милостиво предоставил его под это, пусть и незапланированное, но очень необходимое мероприятие.

Павел Андреевич весело шутил с Катей, а та от всей души беззаботно смеялась, лишь иногда и мельком поглядывая на Антона, словно бы поддразнивая его. Сам же Антон пребывал сейчас в каком-то легком счастливом трансе, который буквально овладел им, когда он зашел в этот кабинет и, наконец-то расслабившись, плюхнулся в огромное матерчатое кресло, что стояло неподалеку от полуприкрытого окна. Так они и сидели там все втроем примерно с час, смеясь и попивая марочный коньяк, также предоставленный Павлом Андреевичем. Наконец к ним заглянул и Горский, и тоже не с пустыми руками. Он даже предложил всем выпить еще раз, по штрафной, за состоявшееся грандиозное открытие и за новую квартиру, которую Антон – и это Аркадий Николаевич гарантировал ему лично – вскоре должен был получить. Катя с тревогой посмотрела на Антона, а тот, то ли спьяну, то ли от волнения стал уверять ректора, что квартиры ему вовсе не надо. Горский же на это ответил, что так положено по трудовому договору и что если кто-нибудь из сотрудников делал открытие подобного высокого уровня, то ему полагалась квартира вне очереди. На это Антон возразил, что он пока еще вообще никаких договоров не подписывал. И эта последняя фраза, несколько небрежно произнесенная им, буквально заставила Аркадия Николаевича схватиться за голову.

Поскольку он в тот момент, не будучи еще слишком пьяным, сразу все понял: и что Антон работал с оборудованием

Университета просто так, по собственному желанию, и что он не подчинялся ни их внутреннему трудовому распорядку, ни каким-либо иным правилам принятым в институте, и что на него ни в коей мере не распространялись ограничения, накладываемые трудовым договором. В том числе и патентные. Поскольку в случае с Антоном патентные права на открытый им материал не переходили автоматически к Университету, а оставались за самим первооткрывателем. И это было уже слишком. «Не-ет, – едва не возопил Горский, – нет, вы меня просто в могилу сведете! Вот вы все, – он по очереди указал на Павла Андреевича, а затем на Катю. – Ну как же вы могли допустить, чтобы не оформленный еще сотрудник занимался научными исследованиями?» На это Катя, довольно сильно уже захмелевшая, спокойно возразила ему, что: «Кто ж знал?!» После чего снова принялась ворковать со своим начальником. Но тут со своего кресла поднялся и сам Антон, на которого Горский отчего-то посмотрел с некоторым испугом, и произнес, что, мол, все деньги тлен, и что ему вообще ничего не надо. Правда, он тут же неловко откашлялся в кулак и спокойно добавил: «Пятьдесят процентов, а остальное как хотите». На что Горский лишь отчаянно махнул рукой и словно побитый пес отправился восвояси, по всей видимости в свой кабинет, напиваться там в одиночестве.

До дома Антон с Катей ехали уже на такси. Они теперь могли себе это позволить. Во всяком случае сам Антон, который и без того был уже вовсе не бедным человеком, а по-

сле того как выяснилось, что он теперь будет получать еще и деньги от патента, так стал уже и попросту богатым. Правда насколько богатым, Антон, конечно, еще не знал тогда. А Катя, ну что ей оставалось, – всего лишь взять своего «любимого лаборанта», как она его теперь уже называла, под ручку, и насколько возможно сильно прижаться к нему. И все же, когда они добрались наконец до ее дома и поднялись в квартиру, Антон вдруг мягко отстранил ее от себя и сообщил, что: «Вот так он просто не может».

– Чего ты не можешь, Тош? – Катя вновь к нему прильнула.

– Вот так не могу, – Антон сделал какой-то неопределенный жест. – Кать, тебе нужно немного прийти в себя, а мне, – он отчего-то тяжело вздохнул, – тоже надо немножко пройтись. Да вот заодно и с собакой погуляю. А ты, пока нас нет, приготовь что-нибудь вкусное.

И все же Катерина как-то не слишком его поняла. Отчего и сама теперь от него отстранилась и посмотрела на своего, почти уже состоявшегося любовника, недоуменно и, пожалуй, даже слегка насмешливо. И это Антона уже разозлило:

– Кать, – обратился он вновь к девушке, – не могу я вот так, да и не хочу прямо с порога и сразу в койку. Я же человек все-таки, а не... – он посмотрел на Дружка, – да и не в этом даже дело. Главное, что ты, и именно ты человек. И я просто не могу обойтись с тобой грубо. Прости, но не могу. Ты ведь очень дорога мне и я не хочу обидеть тебя сразу и в первую

же ночь.

Катерина была настолько поражена услышанным, что на секунду буквально застыла на месте. Она теперь уже во все глаза смотрела на Антона и никак не могла понять, чего же с ним такого могло произойти за минувший год, чтобы он так переменялся. Ведь это был уже совсем другой человек. Сильный, умный и... деликатный.

– Боже мой, Тош, – у нее на глазах навернулись даже слезы, – со мной так еще никто не разговаривал. Но прошу, не надо больше, я ведь и так уже, кажется, люблю тебя, и не хочу чтобы ты разбил мне сердце.

Однако Антон ничего не ответил на эту последнюю реплику девушки, приняв все за пьяную и, конечно же, не вполне осмысленную болтовню. Наконец он ушел. А Катя взялась было накрывать на стол в большой комнате, да что-то вдруг села на тахту, которая там у нее стояла и тихо заплакала. Так прошло несколько минут, по прошествии которых девушка все-таки нашла в себе силы подняться и продолжила, теперь уже почти механически собирать на стол. Минут через двадцать, вместе с повеселевшим уже Дружком, вернулся и сам Антон, который больше не стал ничего говорить, а просто взял и прямо с порога обнял ее. Катя спросила:

– Ну, а как же тогда человеческие отношения? Ведь мы же не собаки с тобой, – она тоже посмотрела на Дружка. – Ведь ты это, кажется, имел в виду, когда уходил?

– Прости, Катюш, но не могу я. И все понимаю, что надо,

наверное, и посидеть при свечах, и поговорить о чем-то возвышенном, но не могу, – после чего поцеловал ее уже крепко и прямо в губы.

И это были, конечно, совсем иные слова. И хотя они не проникали в самую глубину души, но совершенно ясно давали понять, что Антон любил Катю. Что он не просто думал о ней, а именно любил. Как ветер любит море, как горы любят снег, как мужчина любит женщину. И это было намного сильнее любых, даже самых возвышенных рассуждений.

В ту ночь они почти не спали. То Антон никак не мог утомиться, то Катерина, как-то тихо и почти неосознанно лезла к нему. В промежутках между приливами страсти они разговаривали. То друг о друге, то на совершенно отвлеченные темы. Поэтому был уже ранний рассвет, когда они наконец успокоились и кто в чем, – Антон все в тех же джинсовых шортах, а Катя, завернувшись в одеяло, – вышли на лоджию подышать свежим воздухом. Антон распахнул окно, а Катерина встала рядом с ним.

– Ты знаешь, Тош, – проговорила она тихо, – а ведь у меня давно уже никого не было. Правда. Ну представь себе, живу тут одна, квартира, как ты сам видишь, хорошая. Да и сама, вроде бы, не урод. Почему все так? Может я именно тебя и ждала?

– Не верю я в судьбу, Кать, – ответил ей на это Антон, – и никогда не верил. Вот если бы ты только могла себе представить, из-за чего я теперь стою здесь у тебя, ну, то есть ка-

кие обстоятельства привели меня в Университет, то очень бы удивилась. И я расскажу тебе когда-нибудь, потом. Но это точно не судьба, уж поверь. А скорее просто везение.

– А я вот думаю, что везение, это и есть судьба, – продолжила настаивать на своем девушка, – и я не верю в случайности. Ты вот в судьбу не веришь, а я в случайности.

– Хорошо, Катюш, – Антон обнял ее плечо, – пусть будет, как ты говоришь. Главное, что у нас теперь с тобой все хорошо. И, надеюсь, что так и будет. Слишком уж много плохого произошло со мной за последнее время и ты для меня просто спасение. Поэтому я и люблю тебя. Ведь нельзя же не любить жизнь. А ты для меня как раз жизнь и есть. И кто знает, если бы не ты, где бы я был сейчас, и что бы со мной стало. А с тобой мне очень спокойно, с тобой я как у себя дома, ведь своего-то дома у меня теперь фактически нет, – Антон посмотрел в сторону, чтобы скрыть наворачнувшиеся на глаза слезы.

Но Катерине и не нужно было ничего говорить. Она и сама чувствовала, что этот бродяга нашел здесь у нее то, что искал, по всей видимости, уже очень давно. И не столько даже сам дом, а того единственного и близкого ему человека. То тепло и ласку, которой, чего уж греха таить, все равно недостает любому, даже самому сильному мужчине. А поэтому, как же хорошо, что у них так все совпало: и их характеры, и работа, и то, что они были одни. Через несколько минут Катерина, видимо уже начиная замерзать, мягко отстра-

нилась от Антона, и пошла в комнату переодеваться. А тот, все так и продолжил любоваться только-что забрезжившим красно-оранжевым рассветом. Правда, однажды, когда Катя шла из комнаты в комнату, она все-таки задержала взгляд на своем любимом. Ей на миг вдруг показалось, что он не касался пола, ну, то есть вроде как и стоял на месте, но между его ступнями и полом образовался очень тонкий просвет. Однако девушка не стала заострять на этом свое внимание. И не потому, что увиденное ею было просто невозможным, а потому, что была абсолютно счастлива, а оттого просто не могла себе позволить слишком уж отвлечься от своих чувств.

Наконец солнце встало и Антон собирался было уже идти на кухню, как вдруг почувствовал, и уже в третий раз за последние два дня, что на него кто-то смотрел. Он невольно повернул голову и глянул в дальний, чуть затененный конец лоджии. И вновь, как и в прошлый раз, то что он там увидел, заставило его едва ли не вскрикнуть. Но уже, конечно, не от страха, а от радости. Ведь на том, теперь уже сложенном раскладном кресле, на котором он спал вчера, вальяжно развалившись и закинув ногу на ногу сидела Люн. Девочка на него очень внимательно смотрела и только лишь слегка постукивала по подлокотнику своими тонкими длинными пальцами. Когда же она увидела, что ее наконец заметили, то медленно опустила и подняла веки, видимо в знак приветствия, после чего, и уже лукаво прищулив один глаз, проговорила:

– Ну, с добрым утром, кротик. Как жизнь молодая?

И тут Антон уже не выдержал, отчего, едва успев прикрыть ладонью рот, тихо засмеялся. Он опять был безумно рад ее видеть. Он почему-то всегда был очень ей рад, даже когда она и появлялась перед ним вот так, совсем неожиданно. И вот теперь это, действительно прекрасное создание, сидело здесь перед ним на лоджии в такой вот позе и очень внимательно его разглядывало. Антон тоже посмотрел на себя. «Хорошо еще, что на мне теперь хоть что-то есть, – подумал он, слегка вздрогнув, – а не как в прошлый раз, когда она нашла меня ночью в поле», – он теперь даже немного поежился от холода, которого до сих пор совсем не замечал. Однако девочку его внешний вид, похоже, совсем не интересовал. Поскольку она просто так прилетела к нему сегодня. Проведать и посмотреть все ли у него в порядке. Да еще и узнать, как он устроился на новом месте. Когда же она увидела, что он не один, то сначала улетела назад, но затем, немного поразмыслив, опять к нему вернулась.

– Здравствуй Люн, – наконец проговорил Антон. Правда тут он немного замялся, но продолжил, – ты уже давно здесь находишься?

– Не очень, – ответила девочка, все еще прищуривая один глаз. – Но достаточно, чтобы все понять. И знаешь, – она встала с кресла и нарочито равнодушно посмотрела в окно, – ты, вообще, молодец, конечно. Времени зря не теряешь.

– Люн, – с укоризной в голосе произнес Антон, – ну как тебе не стыдно. И вообще, нехорошо за взрослыми подгля-

дывать.

– Это вы то взрослые? – девочка усмехнулась. Правда она тут же посерьезнела и продолжила, но уже несколько иным тоном, – ладно, кротик, не обижайся. Катя хорошая девушка и она мне, – Люн вздохнула, – очень понравилась. Вопрос тут в другом, – нравится ли она тебе? Ну, что скажешь?

– Люн, ну что ты спрашиваешь? Конечно же нравится и даже очень. Ведь мы с ней и учились даже вместе и еще...

– Я видела, что еще, – девочка посмотрела в другую сторону. – Дело тут не в этом. Просто тебе удобно с ней вот и все. Но ты ее не любишь. И я это прекрасно вижу. Но даже не это главное, – Люн опять вздохнула. – Она понравилась мне, понимаешь, очень понравилась. Она хороший человек и, пожалуй, даже лучше чем ты. А поэтому береги ее, кротик, не обижай. Ведь она-то, на самом деле, любит тебя, хотя и не вполне пока это осознает.

– Люн, не надо так, – Антон попытался прервать этот не слишком приятный разговор.

– Нет, надо, – настойчиво проговорила девочка. – И поэтому ты знай, что если ты ее бросишь, причем, не просто даже обидишь, в чем я нисколько не сомневаюсь, а именно бросишь, то ты сразу потеряешь нас обеих. И на этот раз я уже не шучу, – глаза девочки вспыхнули каким-то внутренним, затаенным огнем.

Антон промолчал. Нет, он конечно был совсем с ней не согласен и даже вообще не думал ни о чем подобном. Он

просто никогда еще не видел Люн в таком настроении. И это было ново для него. И необычно. Потому что, как оказалось, в этом маленьком хрупком создании скрывались очень сильные и далеко не одни лишь благостные чувства, о которых он прежде и не подозревал.

24. В заточении

Простояв так несколько минут, Антон все же направился на кухню. Ведь Люн, по всей видимости, уже все сказала, да и сам он ужасно хотел есть. Он не стал звать с собой девочку или даже говорить ей, куда направляется, потому что счел это излишним. «Надо будет, сама придет», – несколько раздраженно подумал он. Тем более, что к тому времени уже успел убедиться, что Люн вовсе не отличалась излишней деликатностью. Вот и на этот раз он не ошибся. Не успев еще толком приступить к завтраку, который Катерина ему приготовила, Антон увидел, как на кухню заявила Люн. Она села рядом с Катей на тахту и, подперев одной рукой голову, с невыразимой иронией уставилась на него. Причем, что любопытно, в этот момент на него смотрела также и Катя, отчего он, действительно уже слегка растерявшись, отодвинулся на стуле назад, будучи просто не в состоянии хоть что-либо съесть. Эти две пары женских глаз теперь уже неотрывно следили за ним. Однако, если во взгляде Кати чувствовалась сильная привязанность и глубоко затаенная нежность, то во взгляде Люн читался ничем не прикрытый сарказм. Наконец Антон не выдержал:

– Катюш, – по возможности спокойно произнес он, – давай, может, на работу потихоньку собираться, а то мне дома как-то не по себе, – он посмотрел на Люн, – да и ты, навер-

ное, тоже захочешь немного пройтись.

– А ты пойди с собакой погуляй, – тут же нашлась, что ему предложить Катя, – а то он у нас тут с тобой еще делов понаделает.

Антон обрадовался такой возможности и, быстро переодевшись, отправился гулять с собакой. Он был почти уверен, что Люн не последует за ним, а предпочтет остаться дома. Все так и вышло. И более того, поскольку было еще совсем раннее утро, то во дворе кроме него самого вообще не было людей, даже таких же как и он сам любителей собак. Впрочем, гулял он тогда совсем недолго, потому что его Дружок быстро справил свои дела, да и сам он начал потихоньку замерзать. Когда же он вернулся назад, то застал свою Катю сидящей теперь на диване в большой комнате перед телевизором. Люн, как и прежде, сидела подле нее. Антон присоединился к компании, сев со стороны Кати.

По телевизору в тот момент шли какие-то новости, причем выпуск, судя по всему, только начался. Антон посмотрел на часы: «Да, действительно, чуть больше шести. И что же они, интересно, показывают в это время?» – он зевнул. И тут, даже не успев еще толком закрыть рот, в немом изумлении уставился на телевизор, потому что увидел в нем самого себя. Ну, правда, не только себя, конечно, а еще и Катю, и Павла Андреевича, и Горского. Все они стояли там вчетвером на сцене конференц-зала, а сам он что-то с увлечением рассказывал, активно жестикулируя при этом руками

и время от времени демонстрируя все тот же полупрозрачный стеклянный завиток. «Точно, да это же наша вчерашняя конференция, – сказал он невольно вслух, – так это что же, мы теперь с тобой, получается, почти-что знаменитости?» – он с иронией посмотрел на Катю. Но та все по-прежнему не отрываясь смотрела на экран, словно бы находясь под гипнозом. Люн же напротив утратила всякий интерес к происходящему, отчего встала, потянулась и прошла на лоджию. Антон тихонько, чтобы не привлечь катиного внимания последовал за ней.

– Слушай, – обратился он к девочке шепотом, когда нашел ее сидящей все в том же кресле и такой же позе, – только что вспомнил, что хотел спросить. Вот про это, самое, невесомое стекло. Как оно у меня получилось-то? Ведь это же выходит, что как бы неживое воздействует на живое? А почему так? Я не понимаю.

– Нет, кротик, – ответила Люн спокойно, – вот в том, что ты там у себя в печи на-выплавлял, как раз ничего интересного и нет. Это обычное трансцендентное взаимодействие. Я ведь тоже, как ты сам видишь, могу воздействовать на неживое, – Люн постучала пальцем по стеклу, – правда, мне это тяжело дается и приходится прилагать усилия. Просто те мембраны, помнишь, о которых я тебе рассказывала, могут воздействовать друг на друга даже на расстоянии. Это воздействие, конечно, очень слабое, однако, если температура большая, как у тебя вчера в печке была, то тогда...

– То тогда получается, – продолжил за нее мысль Антон, – что тебе тоже нельзя подвергаться слишком уж экстремальным неживым воздействиям.

– Угу, – ответила Люн, – и тебе тоже. Твоя душа, между прочем, тоже мгновенно остекленеет, если ее поместить на Солнце например, пусть даже физически ты и сможешь там каким-то чудом выжить. Но у тебя, кажется, телефон звонит, – Люн сделала жест в сторону комнаты, – да и мне пора уже улетать. Давай, кротик, не скучай тут без меня, и прости, что я наговорила тебе немного лишнего.

Тут девочка приблизилась к нему и примирительно погладила по руке. А затем прошла прямо сквозь бетонный бортик лоджии и, вспрыгнув на свое крылатое чудище, которое в тот момент поднялось откуда-то снизу, быстро взмыла в воздух.

– И Катю береги, – услышал он донесшийся уже откуда-то издали затихающий ее голос.

Когда Антон вернулся в комнату, Катя уже разговаривала по мобильному телефону. Оказывается, это ее телефон сейчас звонил. Она сначала долго и внимательно выслушивала своего собеседника, а затем сказала:

– Да, да, Аркадий Николаевич, как скажете, но... – она повернулась к Антону и, прикрыв ладонью трубку, прошептала: «Горский звонит», – нам что, вообще сегодня нельзя из дома выходить?

На это ее собеседник что-то там еще проговорил, а затем,

по всей видимости, попросил передать телефон самому Антону. Катя выполнила просьбу.

– Да, слушаю вас, Аркадий Николаевич, – отозвался он, – не выходить из дома? Это я уже понял. И что, все из-за этих новостей?

– Да, – коротко ответил Горский. – Но не только из-за них. Мне тут сообщили, ну... из службы безопасности. Угу, той самой, – у них там как раз один специальный отдел наукой занимается, – так вот, они мне порекомендовали, чтобы ты, ну и Катерина, наверное, тоже, никуда сегодня из дома не выходили, пока они все свои вопросы не урегулируют. А к вам они даже еще охрану приставили.

Антон прошел на кухню и выглянул в окно.

– Но, я не вижу никакой охраны, – проговорил он задумчиво.

– И не увидишь, – ответил Горский, – они же спецы и обучены делать так, чтобы их никто не видел. В общем, надеюсь, вы все поняли. Да, и трубку не бери, если это только не я вам звоню или Павел Андреевич. Все, извини, мне пора в Университет уже ехать. Так что давайте там, держитесь пока, я чуть позже с вами еще свяжусь, – и отключился.

– Ничего себе, – Антон удивленно посмотрел на Катю, – нет, ты представляешь, они теперь к нам еще и охрану приставили, спецы какие-то там внизу должны быть, – он опять посмотрел в окно.

На это Катя сначала так же удивленно посмотрела на ули-

цу, потом перевела взгляд на самого Антона и вдруг глаза ее буквально вспыхнули. Отчего она громко захлопала в ладоши и запрыгала на месте:

– Класс, класс, класс, – чуть ли не взвизгнула она, – мы теперь с тобой здесь как в заточении сидим, да? И нам отсюда никуда уже не выбраться, а вокруг толпы восторженных почитателей, шпионы и сумасшедшие, – она засмеялась.

Однако Антон не увидел никаких оснований для такого безудержного веселья, отчего напротив стал успокаивать девушку объясняя ей, что дело, по всей видимости, серьезное и что им нужно быть сейчас настороже и, возможно, даже пореже подходить к окну. На это Катя нарочно к этому окну тут же подскочила, после чего и влезла на подоконник прямо вместе с ногами. Антон улыбнулся. Но тут они оба услышали, что по телевизору снова стали показывать новости, отчего едва ли не бегом спешно направились в большую комнату.

Диктор вновь вещал об, как он выразился: «эпохальном и революционном открытии, сделанном молодыми российскими учеными». «Мы теперь с тобой молодые российские ученые», – прошептал Антон Кате. Но та лишь продолжила внимательно слушать, отчего и нервно одернула его за руку, чтоб не мешал. Потом были показаны еще репортажи из Японии, Индии и Китая, где все, едва лишь прознав о «невесомом стекле», сразу же принялись проверять информацию. У кого-то это получалось, а у кого-то нет. Но общий вывод был таков, что – да, открытие состоялось. Потом выступа-

ли разного рода специалисты: физики, химики и даже экстрасенсы. И у всех у них, за исключением, пожалуй, лишь экстрасенсов, не нашлось даже предположений, что же это такое могло быть. Наконец настала очередь и Москвы. Корреспондент, который вел репортаж прямо с площади перед Университетом, показывал теперь широкую панораму этой площади, на которой уже начинали собираться люди. Что это были за люди, оставалось совершенно непонятным. Но, по всей видимости, это были жители соседних домов или просто любопытствующие. Тут вдруг к главному входу здания подъехала большая черная машина, из которой вылез недовольный Горский вместе с высокой миловидной девицей. «Его секретарша», – прошептала Катя Антону на ухо. После чего парочка, явно поспешая, скрылась за входными дверями. Тем временем к зданию Университета подходили и другие, по всей видимости, просто рядовые сотрудники. Которые также опасливо озирались по сторонам и по возможности быстро проскакивали мимо начинавшей уже шуметь толпы. А еще через пару минут вновь зазвонил мобильный телефон и на этот раз уже у Антона.

– Антошка, – проговорил ему в трубку знакомый голос с хрипотцой, – ну, как вы там, дома сидите?

– Сидим, Павел Андреевич, – приветливо отозвался ему Антон, – у нас все в порядке. Нет, продуктов не надо. Я еще позавчера приволок из магазина полные сумки, как будто бы знал. Курьер? Ну хорошо. А Катя его знает? Да впустим, ко-

нечно, – Антон глянул на Катю. – Какой контракт? Уже? И что, много нам денег заплатят? Ах, еще не знаете, ну хорошо, пусть тогда приносит бумаги. А счет в банке у меня уже есть, – могу продиктовать, если нужно, – Антон пошел поискать в сумке, которая все так и лежала на тумбочке в катинной прихожей, – да, Павел Андреевич, диктую...

Он продиктовал своему бывшему преподавателю номер банковского счета. Потом спросил, ну хотя бы приблизительно, сколько ему должны были заплатить. На что услышал довольно расплывчатый ответ, – что-то по поводу десяти процентов и аванса. Антон нахмурился: «Но ведь я вчера, вроде, говорил про пятьдесят? Ах, это компания нам заплатит, а мы уже потом пополам? Все ясно. Спасибо Павел Андреевич. И звоните еще, а то нам тут одним с Катей скучно». На это его бывший учитель как-то странно крикнул в трубку и отключился.

– Ты представляешь, Кать, – обратился он теперь уже к девушке, – они там с утра уже договора подписывают. Говорят, что заявку в патентное бюро еще вчера успели оформить, а с сегодняшнего дня и права на патент продают. Ну, то есть на временное использование, конечно. И я даже не знаю сколько теперь буду получать. Но, – он тут же сразу осекся, – в твоей лаборатории я все равно останусь работать, пусть даже мне и миллион заплатят.

Однако, Антон все-таки очень сильно недооценивал финансовую сторону уже решенного теперь вопроса. Поскольку

ку после посещения курьера и подписания нужных бумаг, к нему на мобильный телефон пришло сообщение из банка. Он открыл его и замер в недоумении. В нем значилась какая-то цифра... он сразу даже и не понял какая. Нет, он видел, конечно, что цифра большая, но там было столько нулей, что он все время сбивался со счета.

– Катя, – проговорил он наконец, – помоги мне пожалуйста. У меня тут сообщение пришло, но я никак не могу его прочесть.

Девушка подошла к нему и они вместе стали пересчитывать нули.

– Кажется восемь, – проговорила Катя.

– А восемь это сколько? – все еще туго соображая, уточнил Антон.

– Сто миллионов, – медленно проговорила Катя и посмотрела на своего возлюбленного.

– Мама родная, – Антон даже испугался, – и это вот так сразу, за одно утро. А ведь пока толком еще никто ничего не знает. Ужас какой, – он сел.

– Я, кажется, начинаю теперь понимать, – все так же медленно проговорила Катя, – почему нас попросили из дома сегодня не выходить. Ведь если такие деньги, – она теперь уже с опаской посмотрела на окно, у которого еще совсем недавно сидела, – то это действительно, лучше пока не высываться, – она прижалась к Антону. – Ну Антошка, – она глянула на него с легкой иронией, – я с тобой дружу.

– Нет Катюш, – ответил ей на это Антон совершенно счастливый, – ты меня любишь.

И все же им и вправду лучше было сегодня не выходить на улицу. Потому что пресса – уж как это у них вышло, не ясно – очень скоро пронюхала о сумме только что подписанного патентного соглашения, отчего и раструбила об этом по всем каналам. И теперь уже все узнали, сколько денег получил в то утро Антон. Причем даже на его бывшей работе весь коллектив буквально обступил телевизор, который висел у них на стене рядом с постом охраны и, не отрываясь, смотрел очередной выпуск новостей. Видела все это и Наталья Сергеевна. И была просто в шоке. А ведь ей так не понравился тот загородный дом Антона в его захолустном подмосковном поселке. «Какой там к черту дом, – думала она теперь, – он при желании может сейчас хоть десять любых домов себе купить, причем в самых элитных коттеджных поселках». И так она расстроилась из-за всего этого, что чуть было не расплакалась. А тут еще и ее шеф, Павел Иванович, как назло, под руку подвернул:

– Смотрите Наташенька, как наш Антон-то вырос. Ведь он же теперь, ну прямо-таки миллионер.

И этого Наталья Сергеевна уже не перенесла. Отчего в упор посмотрела на своего непосредственного начальника испепеляющим взглядом, а потом очень громко и с большим чувством добавила:

– Да пошел ты к черту... енот!

Почему она так сказала, понять было нельзя. В особенности, при чем же здесь был енот. Однако эта, очередная ее странная реплика, была последней фразой произнесенной ей в этой компании. И не потому даже, что ее потом уволили, а потому, что она и сама не пожелала в ней больше работать. Отчего тут же направилась к выходу, благо, что все и так стояли неподалеку от проходной, вышла на улицу и никогда более назад уже не возвращалась.

25. Просьба Люн

– Кротик, я улетаю, – начала Люн этот грустный для них обоих разговор. – Я просто должна сейчас. Я уже собрала достаточно материалов о вашей цивилизации и хочу показать все это нашим ученым. Пусть они попробуют убедить хотя бы кого-нибудь из элов в высших плоскостях помочь вам. Сама же я ничего тут не в силах поделаться. Но они, – она указала пальцем наверх, – могут и, по-моему, должны. Я отца своего попрошу, чтобы он мне посодействовал. А он у меня очень влиятельный эл. Поэтому так.

Антон стоял как оглушенный. Он, конечно, сразу тогда догадался, что Люн покидает его не на один день и не на два, как она делала это прежде, а на более долгий срок. «Но, быть может, хотя бы не навсегда?» – он посмотрел на девочку. А та просто стояла сейчас перед ним неподвижно и грустно смотрела ему прямо в глаза. Она действительно – и это Антон точно вспомнил – в последние несколько дней была какая-то сама не своя. Она все это время, что они тут пребывали в заточении, ходила за Катей словно кошка, постоянно наблюдая за ней и буквально впитывая каждое ее слово. На самого Антона она теперь почему-то мало обращала внимания, и это уже само по себе показалось ему довольно странным. И вот теперь это.

– Люн, прости, – Антон присел на корточки, – но долго ли

тебя не будет? Скажи мне, пожалуйста, потому что все-таки лучше знать правду, чем оставаться в неведении.

– Не бойся, кротик, – Люн взяла его за руку, – я обязательно еще вернусь, просто мне лететь далеко. И даже мой Гнорх не сможет меня доставить быстрее. Хотя он и быстрый очень, и здорово умеет лавировать в потоках светового ветра от Арона. Но раньше полугодом назад меня не жди.

– Я буду ждать, Люн, каждый день буду тебя ждать и думать о тебе. Главное, чтобы ты все-таки вернулась. Да и потом, этот еще цветок, – он указал на свой полупрозрачный цветок, который носил теперь на шее, – всегда со мной.

– Я обязательно вернусь, – уверенно произнесла девочка, – можешь даже не сомневаться. Но и тебя я тоже кое о чем попрошу и не оставлю здесь без дела. Помнишь, я как-то говорила тебе, что ты можешь мне помочь. Что ты можешь ходить в музеи, ездить на раскопки, собирать для меня информацию? Так вот, – ничего этого теперь не нужно. Я все сделала сама без тебя. Но есть такие вещи, которые я просто не могу, – она посмотрела на свою полупрозрачную руку, – в силу своей природы выполнить. А именно помочь некоторым людям. Самым талантливым изо всей вашей человеческой цивилизации. Я все-таки нашла их наконец, потому что теперь поняла как, – она посмотрела на Антона. – Почти всех... почти. Всего их шестеро, примерно, хотя и нашла я лишь четырех. Но даже и им я ничем не могу помочь, потому что они находятся в местах, из которых я никак не могу

их вызволить.

– Я, кажется, начинаю понимать, – неуверенно проговорил Антон, – это такие же как и я люди, которые могут тебя видеть, так?

– Ну, почти. Они действительно могут меня видеть, по крайней мере некоторые из них, а остальные просто слышать. Да и то очень слабо. Поэтому им до тебя, конечно, очень далеко, – Люн вздохнула. – Но они достойны помощи, любой помощи. И поэтому ты сделаешь все, чтобы облегчить их участь. Это настоящие бриллианты среди всех самых выдающихся представителей вашей расы. Однако они, как это часто и бывает у вас, недооценены обществом, а проще говоря, отвергнуты им. Они заперты в разного рода местах: кто в тюрьмах, кто в сумасшедшем доме, а кто и просто бродяжничает. Но это не так уж и важно. Главное, сейчас им помочь, а некоторых и полечить. Сначала ты, конечно, сам попробуйся, ну а если не сумеешь, то тогда уже я тебе подскажу как, – Люн указала на цветок на шее Антона. – Но поторопись, потому что они могут погибнуть. Это очень хрупкие и чувствительные натуры и любой шок может их легко убить.

– Я сделаю все, что ты просишь, – также уверенно ответил Антон. – Ведь я теперь довольно богатый и очень известный человек. И мне просто не смогут отказать. Ну, а даже если и смогут, то я постараюсь как-нибудь иначе их вызволить. Да вот хотя бы и побег устрою. С деньгами-то возможно все.

– Я назову тебе их имена и где они находятся. Хотя нет,

лучше запишу все, чтобы ты опять не забыл. Ведь ты уже однажды забыл выполнить мою просьбу. Хотя, конечно, тогда все было и иначе.

Люн отошла от Антона и уселась на свое, по всей видимости, любимое раскладное кресло. Она, конечно, еще много чего ему рассказывала и описывала этих людей. А потом уточнила, что один из них находился в Китае, где-то в горах Тибета, второй, точнее вторая, вот прямо здесь в России в тюрьме, третий в Индии, а последний в Англии. Все эти люди были очень разными и совершенно не походили друг на друга. Однако одно их безусловно объединяло – невероятная эмоциональная интуиция или даже, правильнее сказать, сверхчувствительность, отчего они и могли ощущать присутствие Люн. Кто-то и вправду почти видел ее, точнее лишь неопределенно-туманный ее силуэт, а кто-то слышал. Антону вспомнился в связи с этим один странный случай, который произошел прямо здесь в их квартире, когда Катя просто шла куда-то из комнаты в комнату, а Люн, по устоявшейся уже привычке следовала за ней по пятам. И тут Катя отчего-то вдруг остановилась, словно и вправду почувствовала нечто, обернулась и медленно протянула руку вперед. Она даже слегка коснулась средним пальцем самого кончика носа Люн, но затем почему-то замерла словно в нерешительности, немного подумала, повернулась и пошла дальше.

Да и вообще, много чего произошло с ними за эти пять дней, что они безвылазно сидели в этой квартире. Несколь-

ко раз к ним приходил все тот же курьер, который приносил разные документы для Антона, а потом еще и продукты. Один раз пришел Павел Андреевич, который за все время своего визита почти ничего не говорил, а только ходил из комнаты в комнату и тяжело вздыхал. Приехал как-то однажды даже сотрудник банка, в котором у Антона был открыт накопительный счет. Однако его молодые люди по настоятельной рекомендации Горского в квартиру не пустили. Наконец к ним приехал и сам Горский. Который привез Кате цветы, а Антону золотую медаль и диплом почетного члена научного совета при их Университете. Еще же он привез показать Антону, а юридически еще и получить его согласие на некий новый мегапроект, один из тех, что сыпались в последнее время на несчастного Аркадия Николаевича как из рога изобилия. И это был проект огромного дома, а точнее и не дома даже, а высоченной стеклянной пирамиды.

– Они там все спешат, – раздраженно ворчал Горский, разворачивая перед Антоном и Катериной прямо на полу огромный лист ватмана со схемой строения. – Не терпится им все. Хотят чтобы раньше всех, быстрее и выше. Будто в космос спутник запускают.

– А это у нас специфика такая, – улыбнувшись ответил на это Антон, с интересом разглядывая чертеж. – Сами знаете: долго запрягаем, да быстро ездим.

– Да знаю я все, – отмахнулся от его слов Горский, – однако если бы вот это, – он потыкал пальцем в чертеж, – не

курировали на самом верху, черта с два получили бы они от меня согласие на использование нашего патента. Ты глянь только, ведь это не километр даже и не два, а пять! Да и в основании – квадрат с километровой диагональю. Они за последнее время успели уже и кадастровый план участка оформить и все согласовать. А наше с тобой стекло, – он указал на себя и на Антона, – пока еще только проходит испытания. Там, конечно, все уже более или менее ясно. Ну, что материал великолепный, но все же некоторые вещи про него пока никто не может понять.

– Какие например? – поинтересовался Антон.

– Ну вот хотя бы, почему это «невесомое стекло» то идет из печи, а то нет. Иногда его очень много выплавляется, а иногда все пропадает. Это не ясно. Но, конечно, если немного подождать, то процесс всегда возобновляется, но почему это происходит? – Горский пожал плечами.

– А вы тогда печку немного в сторону сдвиньте, – предложил на это Антон, сразу же догадавшись в чем там было дело. Ведь те огромные и невидимые для всех «протуберанцы», хотя и довольно часто вырывались из-под земли, но все же и не возникали всегда на одном и том же месте.

– Да? А почему так? – Горский с интересом поглядел на Антона. – Но хорошо, попробуем. Но все это потом. А сейчас-то, что мне с этой Вавилонской башней делать? Подписывать документы или действительно, убедить пока подождать?

– Подписывайте, – уверенно проговорил Антон.

Он все еще с интересом продолжал разглядывать этот проект, который ему все больше и больше нравился. Да и Катерина во все глаза смотрела на эту, ну просто циклопических размеров пирамидальную башню.

– Ну тогда вот здесь ваша подпись нужна, – Горский отчего-то перешел на «вы», – и вот здесь тоже. И договор, естественно, как всегда на предоставление временных прав на использование патента. Да, вот здесь подпись.

– А оплата какая? – просто так, из чистого любопытства поинтересовался Антон.

Ведь на самом деле финансовая часть вопроса его почти и не интересовала, поскольку в последние дни он получил уже так много сообщений из банка, что даже перестал обращать на них внимание. Но по приблизительным подсчетам, которые Катерина сделала для него, просто так, из чистого любопытства, сумма уже перевалила за миллиард.

– Да как всегда, – ответил Горский, – десять процентов от оборота. И конечно, авансом. Они, правда, – тут он как-то неловко заерзал на месте, – и другой вариант предлагали. Что-то на счет квартиры в этом, с позволения сказать, доме. Но я сказал, – он посмотрел на Катю, – что квартира уже есть у тебя.

– Да есть, конечно, – согласился с ним Антон, – хотя... – он в задумчивости посмотрел сначала по сторонам, а затем и на самую девушку, – может нам и вправду себе новую квар-

тирку приобрести, как ты считаешь?

Катерина на это ничего не сказала. Но по ее взгляду, который в тот момент едва заметно переменялся, Антон понял, что идея ей очень понравилась. Он посмотрел на Горского. Но тому и не надо было ничего объяснять, потому что он был человек весьма опытный и проницательный. Отчего тут же встал с пола и набрал номер на мобильном телефоне.

Несколько минут он ждал, пока к трубке подойдет нужный ему человек, после чего, и уже уверенно проговорил:

– Да, да, это я вам звоню. Тут со вторым бенефициаром небольшая заминка вышла. Нет, на проект он согласен, но, видите ли, отчего-то предпочел первоначальный вариант оплаты. Да, квартира. А где? – он приложил руку к трубке и спросил у Антона, где бы тот хотел приобрести себе жилье.

А Антон и не нашел ничего другого, кроме как указать на самый верх дома, где значилась всего одна квартира, не очень большая по площади, но зато просто гигантская по высоте. Аркадий Николаевич передал просьбу своему собеседнику, на что тот, по всей видимости, ответил категоричным отказом. Однако Горский совсем не зря был ректором Университета, да к тому же еще и просто опытным управленцем. Поскольку не сдался сразу, а стал убеждать своего собеседника, что так для него будет даже выгоднее. Когда же он сообщил, что в этой квартире будет проживать человек, который это вот самое «легкое стекло» еще и открыл, то услышал в трубке сначала долгое молчание, а затем и утвердительный

ответ. После чего с облегчением вздохнул и отключился.

– Ну вот, Тошка, – обратился он к Антону по-свойски, – вот твоя новая квартира, – он указал на проект. – И как это я хотел тебе предложить тогда еще, помнишь, простую квартиру от нашего Университета, – он засмеялся.

Но в этом смехе не было ни сарказма, ни притворства, отчего и сам Антон, просто совершенно счастливый теперь, засмеялся также. Катя же, не обращая уже внимания на присутствие в комнате Аркадия Николаевича, прижалась к своему любимому всем телом.

Однако, все это было уже вчера и поэтому утратило отчасти силу первого впечатления. Сейчас же Антон прощался с Люн, отчего и с невероятной остротой почувствовал, причем буквально всей кожей, как сильно был к ней привязан. Он, конечно, однажды фактически уже терял ее, когда она приняла его за сумасшедшего, однако от этого было несколько не легче. Единственное, быть может, что немного смягчало сейчас ситуацию, так это наличие того полупрозрачного цветка, который висел у него на шее. «По-крайней мере всегда смогу с ней разговаривать», – попытался он себя успокоить, чтобы совсем уж не расклеиться. Да и некоторые детали самого поручения, которое Люн дала ему, тоже нужно было еще уточнить. Поэтому он постарался по возможности отбросить все эмоции и сосредоточиться на деле. Отчего и задал ей еще несколько необходимых и довольно существенных вопросов. Девочка же охотно ему отвечала, пока нако-

нец они не прояснили все детали, после чего Люн произнесла:

– Все, что я собрала, – свитки, манускрипты и прочее, хранится сейчас в моем доме на Луне. Хотя, конечно, то, что я там себе соорудила и домом-то назвать, наверное, нельзя. Так, временное пристанище. И оно там, – она сделала жест рукой, – с обратной стороны Луны, где свет от Арона не такой яркий. Я, конечно, все это верну потом, когда покажу нашим. Пусть посмотрят, на что вы были способны уже очень давно. И, возможно, тогда они и согласятся со мной, что вам все-таки нужна помощь. Ну а если нет, – Люн вздохнула, – тогда я уже сама постараюсь как-нибудь, по мере возможностей.

– А где ты на самом деле живешь? – спросил Антон, – я имею ввиду, постоянно. Ведь если тебя так долго не будет, то это, наверное, где-то очень далеко.

– Не очень, – ответила ему Люн. – Это Сатурн, а точнее верхние слои его атмосферы. Мы, конечно, живем и на многих других планетах, но все же прежде всего там. Наш мир, это мир сфер и плоскостей. В сферах живут обычные элы, а в плоскостях – элита. Поэтому наше общество не сильно-то и отличается от вашего, за исключением, пожалуй, лишь отсутствия власти. Ну, то есть такой, по крайней мере, как у вас. А та власть, что есть, находится не в центре общества, а вне его. Как раз на тех самых кольцах, которые очень хорошо видны даже с Земли. Сферы же просто летают в атмо-

сфере в облаках и в просветах между ними. Ах, кротик, – Люн вздохнула, – если бы ты только знал, как там красиво. У нас ведь атмосфера совсем не такая как на Земле и она куда более разнообразная. Какие там грозы. Это такие грозы, по сравнению с которыми ваши – просто маленькие искорки. Какие там ветра, по сравнению с которыми ваши – штиль. А какие цвета. У нас ведь там все цветное. И облака, и воздух, и даже сами грозы, которые бывают и красными, и синими, и даже коричневыми. А дождь... ух, про дождь я тебе пока, наверное, и рассказывать не стану.

Люн поднялась с кресла. После чего подошла к Антону, который теперь тоже смотрел на нее очень грустно, и обняла за пояс.

– Я завтра улетаю, – произнесла она тихо, – и еще, конечно, попрощаюсь с тобой. А с Катей, – она сделала паузу, – я тоже попрощаюсь, по-своему. Я даже подарю ей кое-что. Но все это завтра. А пока, прощай.

Тут Люн еще раз вздохнула и сделала шаг прочь с лоджии. А Антон, не в силах более терпеть это затянувшееся расставание, молча прошел в комнату.

26. Поиски

На следующий день встали рано. Антон как всегда по привычке пошел на лоджию подышать свежим воздухом, а Катя отправилась в душ. Примерно через полчаса они встретились на кухне, где Антон сделал Катерине пару комплиментов по поводу ее цветущего внешнего вида и начал рассуждать на общие темы. Однако Катя и вправду чувствовала себя в тот день как-то по-особому хорошо. Причем ей слегка даже казалось, что с ней было что-то не так. Она вдруг и безо всякой на то причины стала намного острее воспринимать происходящее, отчего и украдкой время от времени поглядывала по сторонам. Она даже и на Антона-то сейчас стала куда более внимательно и с интересом смотреть, словно бы увидала его впервые. А ведь прежде у нее действительно иногда возникало такое чувство, особенно в последние дни, что все, что с ней происходило, было как будто во сне. И что она, быть может, вот так однажды проснется ранним утром и увидит себя прежней, безо всей этой истории с невесомым стеклом, безумными деньгами и даже без самого Антона. «Что это, – думала она, – почему у меня сейчас словно пелена спала с глаз. И отчего все произошло именно сегодня и так неожиданно?» Катя села. А Антон тоже и во второй раз уже заметив нечто неладное, стал внимательно ее разглядывать. Ее волосы, плечи, руки, пальцы...

Он сразу же тогда догадался в чем было дело, отчего неспешно поднялся из-за стола и направился напрямиком на лоджию. И он не ошибся, – Люн была там.

– Прощай, кротик, – сказала она спокойно, – видимо, прошедшая ночь на нее тоже подействовала благотворно.

– Прощай Люн, – Антон подошел к ней и присел на корточки. – Я видел твой подарок Кате. Это кольцо, правда? Полупрозрачное такое. Что она даже сама не может его видеть.

– Да, это мой маленький подарок ей. Я надела ей его ночью, чтобы она ничего не заметила. Это «кольцо разделения», оно довольно редкое и у меня таких шесть. Я приготовила их для тех особо одаренных людей, о которых говорила вчера. Но поскольку я не смогла отыскать их всех, то захотела подарить одно такое твоей девушке. Оно, конечно, не даст ей возможности видеть все так же как и ты. Однако позволит видеть мир более ясно, избавив от снов наяву. Ведь вы, люди, точно так же как и многие другие живые существа, любите иногда мешать реальность с вымыслом. А ведь так можно проспаться очень долго и даже всю свою жизнь. Но теперь Катя сможет видеть все более четко и правильно, но при этом и спать она тоже будет намного лучше прежнего. И все это без малейшего вреда для ее здоровья.

– Да-а, – протянул Антон задумчиво, – кольцо с Сатурна, единственной планеты Солнечной системы, у которой есть кольца. Это действительно очень хороший подарок, Люн, и я благодарен тебе... за Катю. Хотя и не вполне понимаю, чего

ты так к ней привязалась. Но, – теперь ты улетаешь?

– Улетаю, – ответила девочка, потом сделала два шага вперед и поцеловала Антона в щеку. – Я видела, как вы с Катей так делали, – пояснила она тут же, грустно улыбнувшись.

После чего как-то по-детски подпрыгнула, развернулась и сделала шаг с лоджии прямо в воздух. А там ее вновь, как и в прошлый раз подхватило все то же крылатое чудище, и в мгновение ока унесло наверх, в облака. И на этот раз Люн уже ничего не крикнула на прощанье. Да и Антон тоже как-то спокойно проводил ее взглядом и пошел обратно на кухню. Он, на самом деле, был сейчас очень рад, что они простились так легко и безболезненно.

Прошло две недели. Их вынужденное с Катей заточение в их же собственной квартире подошло тем временем к концу, отчего они снова смогли вернуться в свой родной Университет. Там их конечно же ждали: с огромными букетами цветов и поздравлениями. Однако, торжественная встреча не продлилась слишком долго и по настоятельной просьбе самого Горского, буквально через полчаса все сотрудники разошлись по своим рабочим местам. Антон же с Катериной направились в кабинет ректора. Там Горский предложил им сначала сесть и даже поинтересовался не хотят ли они чаю, после чего преступил к довольно важному, с его точки зрения, разговору.

– Я, конечно, понимаю, – начал он с места в карьер, – что вы можете все так же продолжать работать у нас про-

стыми лаборантами. Однако я, с учетом сложившихся обстоятельств, просто не могу да и не имею, наверное, права использовать вас на такой малоквалифицированной работе. Вы, с одной стороны, можете, безусловно, вот прямо сейчас просто бросить все и уволиться. И потом всю оставшуюся жизнь вообще нигде не работать. Однако, мне отчего-то кажется, что такой вариант вас не вполне бы устроил.

– Да, пожалуй, – неуверенно проговорил Антон, взглянув при этом на Катю, – но, а что же делать?

– У меня к вам предложение, – Горский встал и начал прохаживаться по кабинету. – Видите ли в чем дело: меня сейчас, ну просто-таки со всех сторон буквально разрывают на части в связи с этим вашим «легким стеклом», что вы там у себя на-выплавливали. И это даже не новые контракты по поводу его использования, от которых у меня, признаться, уже голова идет кругом, а именно приглашения. И именно вас, – он указал на Антона, а потом и на Катю, – на разного рода конференции, семинары и прочее. Так вот, я и подумал, а не могли бы вы, ну-у, как бы послужить делу пропаганды современной отечественной науки? Да, да, – он глянул на молодых людей, – и именно так. Хотя, если уж говорить откровенно, эта идея пришла и не мне в голову, – он потыкал пальцем куда-то вверх. – Но все равно, что скажете?

– Да мы даже, – Антон снова посмотрел на Катю, – и не знаем.

– Да там и знать нечего, – оживился Горский, чувствуя,

что дело, похоже, может выгореть. – Вам нужно будет только ездить по разным странам и с умными лицами участвовать в разного рода мероприятиях. Ну, иногда, в крайнем случае, небольшой доклад сделать. И это все. Причем все расходы, естественно, за государственный счет. И вы даже сможете выбирать куда вам ехать. Поскольку приглашений много и на все мероприятия вы просто физически не успеете.

Антон посмотрел на Горского. У него на один миг возникло даже подозрение, а не Люн ли все это так удачно подстроила, чтобы он мог вообще безо всяких хлопот ездить по разным странам, встречаться с разными людьми, в том числе и с теми, о ком она просила. А возможно, даже и отыскать остальных, которых она не нашла. «Хотя нет, – отмахнулся он от этой мысли, – как бы она сумела?» Ведь она практически была не в состоянии никак влиять на обычный мир, и опять-таки в силу, как она выразилась, своей природы. И все же, это предложение ректора как нельзя лучше подходило для осуществления ее просьбы. А значит он просто не мог, а с учетом данного ей обещания, и не имел права от него отказываться. Он, конечно, еще некоторое время подумал молча и даже демонстративно потер рукой подбородок, делая вид, что все еще сомневается. А затем и утвердительно кивнул головой.

Первого человека, а точнее молодую женщину, совсем еще недавно вышедшую из подросткового возраста, ему да-

же и искать не пришлось. Люн оставила ему подробное описание места ее пребывания, а точнее координат той исправительной колонии, в которой она находилась далеко уже не первый год. Антону только пришлось нанять адвоката, – а он мог позволить себе нанять сейчас лучшего из них – чтобы тот занялся ее делом. И адвокат прекрасно отработал выплаченный ему гонорар. Как оказалось, женщину эту, некую Светлану Баркову, осудили быть может и не совсем напрасно. Поскольку кражами и мошенничеством она промышляла уже давно. Но вот с юридической точки зрения совершенно необоснованно. Потому что она проходила по делу, к которому, ну прямо как нарочно, не имела совершенно никакого отношения. Судья, впрочем, особо разбираться не стал и, учитывая ее бурное подростковое прошлое, приплюсовал ей еще один новый срок. Адвокат же, естественно, добился пересмотра дела в высшей инстанции, после чего и получил для своей подзащитной оправдательный приговор. Да еще и с денежной компенсацией за причиненный моральный и материальный ущерб.

Эта Светлана даже приезжала потом по просьбе самого Антона к ним в Москву, чем повергла Катерину в настоящий шок. Однако, долго она у них не задержалась и, получив свое кольцо, которое Антон надел ей ночью на палец, и доступ, правда всего лишь к процентам по накопительному счету, который он открыл для нее в одном солидном московском банке, весьма довольная отправилась восвояси в свой, без-

надежно затерянный где-то в Восточной Сибири провинциальный город.

Вторым из этой четверки был тибетский монах, который, как оказалось, заживо замуровал себя в пещере при некоем буддийском монастыре в горах и, получая от послушников только еду и воду, предавался беспрестанным медитациям и духовному просветлению. Антон не взял с собой в это путешествие Катю, поскольку в горах было очень холодно и довольно опасно. Да к тому же еще он сам справился со всем намного быстрее. Он только незаметно надел этому монаху кольцо Люн, когда тот протянул руку за очередной порцией постного супа, которым питался. Вытащить же его из пещеры, в которой он жил, Антону не удалось никакими средствами. И только монахи из местного буддийского монастыря пообещали ему помощь в этом деле, да и то не сразу, а через некоторое время. Причем денег они с него не взяли. А согласились лишь принять одну очень странную деревянную статуэтку, которую Антон, уже потом, приобрел для них в Пекине за действительно баснословную сумму.

Третьим был нищий бродяга из одной из низших каст в Индии с совершенно непроизносимым названием. И вот тут – а Люн оставила Антону лишь краткое описание этого человека и его имя – Антону пришлось уже немало попотеть. Они тогда с Катей решили оформить эту поездку как гуманитарную, отчего и колесили несколько месяцев вдвоем по разным районам страны в поисках этого человека. Да так бы на-

верное и не нашли его, если бы он сам, причем совершенно случайно, не заметил «прекрасного и богоподобного кольца» на руке Катерины. Они тогда шли по какому-то захудалому рынку в некоем бедном городишке на севере страны, как вдруг, словно из ниоткуда, вынырнул этот вот самый Бриджес.

– Богиня, – прошептал он подобострастно, протягивая свои исхудалые загорелые руки к Катерине, – ваше кольцо! О-о, это боги преподнесли вам его, чтобы озарять нам путь, низшим смертным. Прошу вас, позвольте милостиво мне прикоснуться к нему.

Катя не стала возражать, хотя и уставилась на переводчика, который везде их сопровождал с неподдельным удивлением. Она, конечно, не знала, о чем говорил этот нищий, но вот Антон сразу тогда обо всем догадался отчего, отозвав бродягу в сторону, стал с ним беседовать. Он также передал ему «богоподобное» кольцо Люн, и еще положил довольно крупную сумму на его банковский счет, с тем, однако, условием, чтобы бродяга мог снимать лишь проценты. Но поскольку Индия, по крайней мере в материальном плане, не очень богатая страна, то и эти деньги оказались для бродяги целым состоянием. Отчего он тут же бросил свое ремесло и, поселившись в роскошном по местным меркам доме, зажил как настоящий богач.

Последним в списке у Антона значился некий мальчишка родом из Англии с довольно странным и пожалуй даже двой-

ным именем, – Джон Бой. Этот парень содержался в одной из клиник для душевнобольных в Восточном Суссексе. Это графство и само по себе уже производило довольно тягостное впечатление, особенно поздней осенью, когда Антон туда приехал. Да к тому же еще и сама больница оказалась местом весьма мрачным и унылым. Все начиналось еще с ворот, где местный сторож, очень худой и морщинистый старик, встречал вас. При этом, что странно, он не произносил ни единого слова. А вы сами ему все подробно о себе рассказывали: кто вы, зачем приехали и все такое прочее. Он же сначала молча смотрел на вас, как казалось, вообще не понимая, что, собственно, происходит. И только когда вы уже просто не знали, что бы такое ему еще рассказать, либо открывал перед вами ворота, либо покидал вас в полном недоумении и растерянности.

Вот и Антон минут двадцать рассказывал ему, – а он худо-бедно владел английским языком – кто он такой и с какой целью прибыл. Катю же он оставил в тот день в местной гостинице, потому что она, по ее словам, с самого момента их приезда в Англию никак не могла согреться. Наконец сторож все-таки впустил его и то лишь потому, что не все разобрал из произнесенного его гостем длинного монолога. Потом были еще каменные потертые ступени, дубовая, проклепанная почерневшими железными скобами дверь и, наконец, холл клиники. Там Антона встретила маленькая, худая и очень энергичная медсестра, которая напротив, как ка-

залось, не могла и на секунду замолчать. Она все время о чем-то без умолку щебетала, причем делала это так быстро, что Антон не понимал и половины из того, о чем она говорила.

И вот его провели непосредственно к самому мальчику. Медсестра пояснила:

– Он опасный, конечно, поэтому и содержится так, в смиренной рубашке, но его перевели сейчас на второй этаж, потому что ему недолго осталось. Пусть хотя бы напоследок на мир посмотрит.

После чего улыбнулась какой-то странной стеклянной улыбкой и, вновь бормоча что-то, но уже себе под нос, покинула палату. Палата эта действительно была весьма неплохой: просторной и с видом на море. Таких в этой клинике было, по всей видимости, не много. Вот только самому Джону от этого вряд ли было легче. Он смотрел на изорванную ветром белую дымку тумана, поднимавшегося откуда-то издалека и, как казалось, вообще ни о чем не думал. Совершенно пустое оцепенение читалось в его глазах. Холодное, мрачное, и даже какое-то сырое, поскольку глаза его тоже немного слезились. А быть может это он сам так тихонько плакал. Ведь его действительно чудесная, удивительная натура медленно погибала здесь, в абсолютной безвестности и полном одиночестве. Антон подошел к ребенку.

– Слушай, – сказал он ему все на том же ломаном английском, – я помогу тебе. И даже постараюсь вытащить отсюда, –

он сделал жест рукой. Но и ты должен мне помочь. Скажи мне, пожалуйста, что и где у тебя болит.

Однако мальчик даже не пошевелился. И тут Антон понял, что в таком тяжелом случае ему без помощи Люн обойтись просто невозможно. Отчего тут же снял с шеи свой полупрозрачный цветок и шепотом, чтобы никто не услышал, заговорил. Выяснилось, что девочка на своем Гнорхе уже миновала орбиту Марса и медленно приближалась к Юпитеру. Она, конечно, поинтересовалась сначала у Антона, как у того дела, и всех ли он нашел. Когда же она услышала о его проблемах в Англии, то с чувством добавила:

– Он самый талантливый из всех, кротик, и мы просто обязаны ему помочь. Ты вот сейчас посмотри на него. Посмотрел? Ну, видишь ты его душу? Нет, я знаю, что органы ты видеть не можешь, ты же ведь не рентген все-таки, а именно душу? Да, ну вот. А теперь смотри, где у него что-нибудь не так. Ведь у вас, у людей, живое и неживое объединены в одно целое, а поэтому ищи такие особые области с аномалиями или уродствами и тогда все сразу поймешь. Ой, кротик, прости, но мой цветок, кажется, уже засыпает и я с тобой немного позже еще свяжусь. Все, целую, пока.

И отключилась. Антон же исполнил в точности все, как она и сказала, отчего с ужасом обнаружил, что мальчишка был практически весь больной. У него, по всей видимости, был рак, причем на самой поздней и неизлечимой стадии. Поэтому он очень долго с ним провозился, едва ли не до са-

мой ночи, пока наконец своими, теперь уже действительно разгоряченными руками не разогнал всю ту заразу, что сидела в нем. Потом он надел Джону на палец кольцо Люн и, пообещав, что вернется уже завтра, покинул своего пациента.

27. Пирамида

Следующим утром они пришли уже вдвоем. Катерина, как только услышала рассказ Антона о больном мальчике, так сразу же выразила желание навестить его. «Да пусть там хоть дождь со снегом идет», – категорично заявила она, когда Антон стал ее убеждать, что погода на улице была совсем уже скверная и, пожалуй, даже еще хуже чем вчера. Но Катя одела на себя все, что только смогла найти в чемодане, и, невзирая на действительно холодный дождь и пронизывающий ветер, вышла из дому. Хмурый сторож привычно встретил их у ворот клиники. Правда, когда они прошли по гравийной дорожке вглубь двора, отчего-то нарушил свое извечное молчание и, пусть и с опозданием, но проговорил со странным уэльским акцентом: «Проходите пожалуйста». В холле клиники их поприветствовала все та же маленькая медсестра, которая дежурила здесь накануне. Однако сейчас она напротив отчего-то все время молчала и только с усердием старалась помочь столь неожиданно ранним и, похоже, весьма желанным посетителям.

Когда же они прошли непосредственно в самую палату, Катерина со смесью удивления и укоризны посмотрела на Антона. «И это твой больной?» – спросила она его по-русски. Однако Антон и сам все прекрасно видел. Что его пациент был теперь уже и не пациент вовсе, а вполне нормальный,

здоровый ребенок, хотя все еще и очень слабый. Он стоял возле окна, сам без посторонней помощи и даже без смиренной рубашки. Поскольку персонал клиники, после того как одна из медсестер этим утром обнаружила Джона совершенно здоровым, тут же собрался в его палате и просто-таки потребовал от санитаров снять с него эту рубашку. «Это просто чудо, – шептали люди, – чудо из чудес». И еще: «Такого не бывает». После чего все довольно спешно покинули палату мальчика, но при любой возможности всякий раз в нее заглядывали через маленькое стеклянное окошко двери.

– Здравствуй Джон, – поприветствовал ребенка Антон, – как ты себя чувствуешь?

– Небо серое, – едва слышно ответил ему мальчик, все еще неотрывно глядя в окно, – а облака белые, но с темным неровным отливом.

– Это обычная погода для этих мест, – сказал Антон, – по-крайней мере в это время года. Но как ты сам-то сейчас, ничего не болит?

– У меня ничего не болит с той ночи, когда я впервые увидел во сне девочку, – теперь уже повернувшись к гостям, ответил Джон. – Она помогла мне тогда. А теперь я уже совершенно поправился. И мне сказали, что вчера днем ко мне тоже кто-то приходил... это были не вы?

– Да, это я сюда приходил, – ответил Антон спокойно. – И очень хорошо, что тебе сейчас намного лучше. Но скажи мне, пожалуйста, может у тебя есть какие-нибудь поже-

лания?

– На улицу, – коротко ответил мальчик.

На это Антон тут же вышел в коридор, где и столкнулся едва ли не с половиной всего персонала клиники. Там он сказал людям, что ребенок хочет погулять и спросил разрешения. А те, – ну они просто не могли отказать ему в подобной просьбе, поскольку и сами были сильно взволнованы и очень переживали по поводу всего случившегося. И вот так они вместе, – Антон с одной стороны, а Катя с другой, водили Джона по двору клиники. Сам-то он ходил еще с большим трудом, поскольку мышцы его от долгого нахождения на одном месте без движения, почти атрофировались. Наконец они вернулись назад. В холле их встретил на этот раз уже сам главный врач больницы и поинтересовался, может ли он им хоть чем-то помочь. Антон спросил его о родственниках несчастного ребенка. А тот ответил, что родственников у Джона не было никаких, и что они с Катей были первыми посетителями, которые к нему пришли за все то время, что он находился в больнице. Наконец они провели мальчика назад в палату, где Антон попросил всех оставить его с ребенком наедине, после чего еще примерно с час беседовал с ним. Наконец он вышел.

– Все Катюш, – произнес он с явным облегчением, – можем ехать. С парнишкой, – он указал на дверь палаты, – все в порядке.

После чего попрощался с теперь уже совершенно оторо-

певшим персоналом больницы, и попросил их получше следить и ухаживать за ребенком.

Потом они ездили в Париж на какую-то научную конференцию, в Нью Йорк еще летали. Были в Мюнхене и в Риме, откуда Антон почти сразу же улизнул и отправился на скоростном поезде в Неаполь. Ведь он, на самом деле, совсем не забыл того обещания, которое дал белому призраку в пещере под кладбищем. В Неаполе же он купил себе цветов и отправился в городские катакомбы. Там он долго бродил по тускло освещенным проходам и закоулкам, глядя на места тайных поклонений и молитв, а так же на запыленные склепы древних христиан. Причем, пару раз ему показалось даже, что он кого-то там видел, будто некую серую тень вдалеке, на один лишь миг возникшую и тут же бесследно пропавшую. Он даже негромко крикнул однажды: «Коррадо, это ты?» Но не услышал никакого ответа. Так он и оставил там свои цветы у одного из саркофагов, и фактически ни с чем вернулся вечером того же дня к своей Кате в Рим.

В перерывах между научными конференциями они приезжали в Москву, где и любовались на свою, как они ее теперь называли: «призрачную пирамиду». Дом по проекту, утвержденному когда-то еще Антоном и Аркадием Николаевичем, строился очень быстро. Потому как технологии, используемые при его строительстве, были почти такими же, что и при постройке обычных монолитно-бетонных домов. Вот только основной материал на этот раз был совершенно

иным. Но все равно Антон с Катей всякий раз удивлялись, как быстро их стеклянная башня, у которой почти сразу проявился изумительный зеленоватый оттенок, уходила все выше и выше в небо.

Несколько раз Антон связывался с Люн и рассказывал ей как у него дела. А та все внимательно выслушивала, хотя про себя ничего не говорила. И только лишь однажды она, видимо уже просто не выдержав, вдруг выдала ему, причем совсем ни к месту: «Они относятся ко мне как к ребенку». И все. Впрочем, и этого было вполне достаточно. Поэтому Антон ни переспрашивать, ни уточнять ничего не стал. Много раз они говорили с ней про Катю. Девочку этот вопрос почему-то очень интересовал. А Антон и рад был поболтать. Все что мог, он ей в таких беседах рассказывал, а что не мог, Люн и сама хорошо понимала. И все же она частенько просила Антона Катю беречь и по возможности не обижать ее. На что тот всякий раз недовольно ворчал и повторял, что у него даже и в мыслях ничего подобного не было.

Так прошел год. А Люн все не возвращалась. Вот уже и стеклянная пирамида была построена. По-крайней мере внешняя ее часть. Относительно же внутренней отделки и прочих технических деталей, дело хотя и продвигалось, но уже не так споро как прежде. Видимо тем, кто курировал этот проект было намного важнее иметь вещественное воплощение своего замысла, чем простое удобство людей. И все же, спустя еще несколько месяцев и внутренняя отделка

была завершена. После чего состоялось торжественное открытие мегапроекта. На той церемонии, которая проходила прямо у главного входа в пирамиду, собралась почти вся властная элита города. Были там и представители Университета, в котором полтора года назад было впервые получено невесомое стекло. Поэтому и Горский, и Павел Андреевич там присутствовали. Антона, конечно, тоже приглашали. Но он, вовсе не желая в очередной раз лицезреть себя по телевизору, сказал, что предпочитает оставаться среди публики и со стороны наблюдать за происходящим.

В тот день они с Катей пришли к пирамиде уже довольно поздно, когда торжественная часть подходила к концу. Однако, поскольку людей пропускали внутрь лишь по одному, и сразу после того, как под вспышки множества фотоаппаратов была перерезана символическая красная ленточка, у них оставалось достаточно времени, чтобы еще раз на все как следует посмотреть и даже немного пройтись. Они решили тогда даже засечь время, сколько будут идти нормальным шагом вокруг пирамиды. И у них вышло примерно минут сорок. Это было довольно много, даже с учетом той, ну просто гигантской высоты строения. Катя во время этого путешествия, несколько раз подходила к почти вертикальной стене пирамиды и дотрагивалась до нее. Стекло было холодным. Да и вообще, на вид, это было самое обыкновенное кварцевое стекло, правда, как уже и заметили многие, с очень странным, но невероятно красивым зеленоватым отливом.

Наконец они завершили свой круг и подошли ко входу. Там их вежливо поприветствовали сразу четверо консьержей и, после тщательной проверки документов, пропустили внутрь. Внутри же пирамида оказалась еще более завораживающей на вид. Поскольку почти все в ней было сделано из того же легкого стекла, что и внешние стены, а оттого зрелище представшее Антону и Катерине, иначе, кроме как фантастическим, назвать было просто нельзя. Полупрозрачные, отливающие всеми цветами спектра, но все же с уклоном в зеленый потолки. Невероятной толщины, отчего и странно искривляющие свет колонны. Пол строения, переливающийся загадочными бликами, а также преломлениями света и тени. Фундамент, бездонной пропастью уходящий в туманную глубину. Стены здания, да и вообще абсолютно все вокруг представлялось словно бы пришедшим из далекого, таинственного и непостижимого для разума современного человека будущего.

Катя, глядя на все это футуристическое великолепие, невольно взяла Антона под руку и с силой прижалась к нему. Потом они прошли к лифту. Первому из пяти, подъем на которых им предстояло еще преодолеть. Машина быстро понесла их наверх. Однако, поскольку она разгонялась да и вообще двигалась очень плавно, то молодые люди не испытали никаких неприятных ощущений. Во время подъема, они, конечно, не могли видеть всего того, что находилось вокруг, поскольку стены шахты были покрыты каким-то светоотра-

жающим напылением. Однако, они вполне могли судить хотя бы по тому, с какой скоростью проносились мимо них элементы конструкций, что долго подниматься в этом лифте они не будут, и тот километр, на который он был рассчитан, пролетит для них очень быстро. Так и вышло. Поэтому не прошло и нескольких минут, как они оказались в новом холле башни, втором из пяти. Здесь они вышли из лифта и решили немного пройтись по этажу.

Высота здания даже на этом, далеко еще не последнем уровне была уже весьма значительной. И подойдя наконец к стене пирамиды, до которой от лифта было приблизительно метров триста, Антон с Катей это вполне оценили. Они, в сущности, находились теперь уже где-то между небом и землей, то есть примерно на равном расстоянии между уровнем земли и облаками. Но при этом и вид отсюда открывался просто потрясающий. Они могли, поскольку тот день по счастливой случайности выдался малооблачным, видеть почти всю Москву. От края до края. Видели они также и людей, правда уже очень плохо. Видели машины, которые не столько двигались по городу, сколько стояли в пробках. Видели и далекие прямоугольники домов, и деревья. Видели горизонт с чуть заметным круговым изгибом и видели облака, которые показались им теперь уже очень близкими. Наконец они, не говоря друг другу ни слова, вернулись, но уже к другому лифту, который шел еще дальше вверх.

В третьем холле они сразу заметили, что от лифта до

стены пирамиды им пришлось идти намного меньше, всего метров двести. Что сразу изменило их впечатление от этого уровня. Он уже не показалось им таким безмерно огромным, как те, что находились под ними. К тому же здесь было очень много людей, которые, толпясь возле стен, разглядывали изумительный панорамный пейзаж, открывавшийся со всех четырех сторон. Ведь этот уровень был, пусть и ненамного, но выше уровня облаков, по крайней мере, основной их части. А оттого люди могли теперь смотреть едва ли не в бесконечную, ничем не ограниченную даль.

Четвертый уровень мало чем отличался от предыдущего. Поскольку, в сущности, ничего нового в нем не было. От шахты лифта до стены пирамиды было теперь уже совсем близко. Правда и народа здесь было намного меньше. Основная масса облаков теперь осталась далеко внизу и, подсвеченная яркими лучами солнца, буквально светилась по верхней своей кромке золотым и белым. Антон с Катей почти не задержались здесь, поскольку начинали уже торопиться увидеть свою квартиру, до которой им нужно было преодолеть еще по крайней мере два километра подъема.

Пятый уровень на них также не произвел особого впечатления, поскольку они начинали уже постепенно привыкать и к ярко-голубому небу, что простиралось вокруг, и к потерянным где-то далеко внизу облакам. О земле же и о людях, которые там под этими облаками жили, домах, машинах и прочих стеклянных строениях, они к тому времени отчет-

го-то совсем позабыли.

И вот наконец они поднялись к себе на этаж. Весь подъем с первого этажа до самой квартиры занял у них примерно с час. Правда они, конечно, останавливались еще на промежуточных уровнях. Но все же, делом это в любом случае было явно не скорым, и вот так запросто сходить в магазин за продуктами, например, они теперь уже не смогли бы. Хотя, по не до конца пока проверенным данным, в этом гигантском здании должны были находиться и разные магазины, и развлекательные центры, да и много чего еще. Но точно они этого пока не знали. Катя оценила жилище. Отчего в немом изумлении, и словно теперь уже вовсе позабыв о существовании Антона, пошла осматриваться. Все здесь, так же как и на других этажах, было изготовлено из того почти прозрачного невесомого стекла, что и сама башня. И мебель, и светильники с люстрами, и даже краны на кухне и в ванной. Электропроводка была заменена на оптоволокно. Пол был с непрозрачным напылением, но и с подогревом, что Катя сразу же и оценила, когда сняла обувь.

Но вообще, эта квартира показалась ей сперва какой-то не слишком уютной. Или уж, по крайней мере, совсем не такой, к чему она привыкла. Однако, немного по-оглядевшись вокруг и убедившись, что несмотря на странный материал в ней все же было довольно-таки тепло, Катя пришла к выводу, что и жить в ней, пожалуй, можно было. Когда же она подошла к стене пирамиды, чтобы посмотреть на улицу, то

на секунду сначала замерла в немом оцепенении, а затем и произнесла: «Я всегда о таком мечтала». И это были именно те слова, которых Антон от нее ждал. Ведь он, на самом деле, сейчас очень внимательно следил за ней и за ее реакцией. Теперь же он подошел к ней вплотную и нежно обнял за плечо.

И все же, самого интересного в их новой квартире они пока еще не видели. Потому что тогда было светло и на небе кроме солнца и далеких облаков внизу, в общем-то и не на что было смотреть. Но вот когда пришла ночь, Антон с Катей уже по-настоящему оценили свое новое жилище. Поскольку оказались, пусть всего лишь и визуальное, в открытом космосе. Звезд вокруг было столько, что они, как казалось, были не только сверху или по бокам, но и внизу. Причем звезды эти были очень яркими и почти не мигали, освещая все ровным бело-голубым свечением. Луна выглядела очень большой и четкой. Малейший кратер или впадину можно было на ней легко рассмотреть. И все это было видно вот просто так, непосредственно, прямо сквозь стены. Безо всяких окон и дверей. Лишь ты и бесконечный космос, твой любимый человек и Вселенная. Катя, глядя на все это божественное великолепие, просто не выдержала. Отчего села на краешек кровати, на которой они с Антоном все еще никак не могли уснуть, и от переполнявших ее сильных чувств тихо заплакала.

28. На высоте

Всю ночь Антону снилось, что он летал. Вот прямо так парил в воздухе над землей, пролетая через полупрозрачные стены пирамидальной башни. Иногда он поворачивался лицом вниз, рассматривая далекие кучевые облака, иногда глядел наверх на мерцающие холодные звезды. То отчего-то вдруг принимал вертикальное положение и вглядывался в туманную призрачную даль, словно бы стремясь заглянуть за линию горизонта. И поэтому, когда он наконец проснулся, то почти и не удивился тому, что увидел. Небо, – яркое, подсвеченное первыми лучами утренней зари, чуть бирюзовое и затемненное по краям, буквально смотрело на него сверху, в самую, как казалось, душу. Молча, спокойно, величественно. Антон повернулся и посмотрел вниз. И там тоже было небо, но уже слегка зеленоватое. Отраженное в непрозрачном полу его новой удивительной квартиры.

Он спокойно закрыл глаза и подумал: «Вот уж действительно – сон наяву. И как бы сейчас ему самому пригодилось такое кольцо, которое Люн подарила его Кате». Он открыл глаза. Потом закрыл их и открыл снова. И только после этого, третьего раза, не столько именно осознал, сколько почувствовал, что что-то было не так. И теперь уже он сам, по видимому, даже и понимал, что это такое было. А точнее, чем это «что-то» не было. И это была его собственная кро-

вать, которой под ним не оказалось. Антон посмотрел в сторону. Да, вот она стоит тут рядом, в полуметре от него, но все же чуть ниже. Катя еще спокойно лежит на ней, завернувшись вся в одеяло. «А я то что, как я то?» – задавал он себе эти, конечно уже совсем бессмысленные вопросы. Потому что смысла в них и вправду никакого не было. Ведь ему теперь действительно ничего другого не оставалось, кроме как покорно принять эту свою новую, очередную и, наверное, самую удивительную способность. Способность летать.

Антон опустился на пол, немного прошел вперед, потом назад. Нет, ходить он по-прежнему мог совершенно нормально. Он не подпрыгивал вверх и не подлетал. Антон поднялся в воздух метра на два. Повисел так и огляделся. Нет, вокруг тоже ничего не изменилось. Вот только сам он... что с ним-то такое? Он поглядел на себя. Нет, с ним тоже все было по-прежнему. Вот только летать он теперь отчего-то мог. А насколько хорошо? Он поднялся под самый потолок, в то место, где сходились грани гигантской пирамиды. Повисел там несколько секунд, посмотрел вниз. «Ух-х, – сказал он сам себе, – ну и высьотища, аж дух захватывает». После чего вновь опустился на пол. Там он медленно прошел в дальний угол своей стеклянной квартиры и снял с шеи полупрозрачный цветок.

– Да, кротик, слушаю тебя, – отозвалась Люн с некоторым трудом и словно бы спросонья. – Что у тебя случилось?

– Я могу летать, – полупшепотом проговорил Антон вместо

приветствия. – Вот только что обнаружил. Представляешь, я спал и мне приснилось, что я летаю около нашего дома на очень большой высоте. Потом просыпаюсь и вижу, что парю в воздухе. Вот просто так, безо всякой опоры и даже без усилий. И как это понимать? Что это, может быть хоть ты мне все как-то объяснишь, а то я уже совсем запутался.

Однако вместо ответа он услышал лишь продолжительное молчание. Поскольку Люн даже в еще большей степени чем он сам, была поражена этой его новостью, отчего на несколько минут буквально лишилась дара речи.

– Лю-юн, – повторил Антон негромко, – ты там еще? Ты меня слышишь?

– Да, я слышу тебя, – отозвалась наконец девочка. – Хотя, признаться, и не знаю, что тебе сказать. Но мне кажется, что мне пора уже возвращаться. А то я и так чересчур долго тут задержалась. Но пожалуйста, будь пока поосторожней, не разбейся. Да к тому же, – она вздохнула, – меня здесь, по-видимому, вообще теперь ничто не держит. Поэтому жди меня примерно через месяц. А я постараюсь как можно быстрее долететь до Земли.

– Боже мой, Люн, – обрадовался Антон, – да конечно, возвращайся скорее, а то я уже устал ждать. Сказала, что улетаешь на полгода и вот, сколько времени там.

– Я должна была испробовать все возможности, чтобы убедить элов из плоскостей помочь вам, да и вообще обратить внимание на вашу планету. Но я не смогла. Они про-

сто отказались меня слушать. А несколько дней назад был последний шанс, когда была назначена встреча мне и моему отцу с одним из представителей ученого совета из Верхней плоскости. Но... не получилось.

– Да бог с ними, Люн, с вашими плоскостями. Да и не нужна нам никакая помощь, у нас тут и так все хорошо. Ты даже не представляешь себе, в каком мы сейчас доме с Катей живем. И более того, вон вокруг, – Антон подошел к стеклянной стене квартиры, – и другие такие дома строятся. И все выше облаков. Да у нас тут теперь просто настоящий бум и строительства, и наук разных, и технологий. Ведь из-за этого невесомого стекла весь наш мир буквально преобразился. Поэтому прилетай скорее, сама все увидишь.

– Спасибо, кротик, – Люн даже чуть всхлипнула, – я очень рада, что ты так по мне соскучился. А то я здесь, – она сделала паузу, – вообще, похоже, никому не нужна. И кстати, – она вдруг вспомнила, – как там Катя. Ты не обижаешь ее?

– Люн, боже мой, ну сколько можно? Я люблю Катю и никогда не смогу ее обидеть. Вон она лежит на кровати, спит еще. У нее даже лицо сейчас счастливое.

– А-а, ну это тогда хорошо, – Люн вздохнула, – просто я волнуюсь за нее, очень. Все, жди меня.

И отключилась. А Антон подумал, что он так и не смог до конца понять, чего это она так привязалась к его девушке. «Да и вообще, кто способен понять женское сердце, – решил он наконец. – Вот уж действительно, величайшая загад-

ка природы. Не то, что его собственные полеты без посторонней помощи».

Месяц прошел почти незаметно, хотя они с Катей и прервали наконец свое затянувшееся турне по разным странам. Ведь Антон уже выполнил поручение Люн, а самому ему мотаться по земному шару совсем не хотелось. А Кате было и все равно, лишь бы он был рядом. Они теперь вообще не очень часто выходили из своего стеклянного дома, предпочитая оставаться наверху и любоваться прекрасными видами. Да к тому же, как они и предполагали, делом это было довольно долгим, несмотря даже на то, что лифты работали без малейших проблем. Но вот так, всякий раз минут по двадцать спускаться сначала вниз, а затем столько же подниматься наверх им было просто лень.

Наблюдали они и за многочисленными стройками, которые как грибы после дождя разрастались вокруг, поднимаясь все выше и выше. Хотя, конечно, до высоты их дома им было еще довольно далеко. Ведь уже километрах на трех дул исключительно сильный ветер и редко какие проекты инженеры решились возводить до столь умопомрачительных высот. Но зато по всей земле появилось огромное количество вертяков, которые как гигантские столбы с мощнейшими турбинами внутри или снаружи, собирали всю эту ветровую энергию, преобразовывая ее потом в электрическую. Видели они несколько раз и репортажи со строительства новых космодромов, чаще всего вблизи экватора. И вот уже эти сооруже-

ния, с совершенно гигантскими платформами, расположенными на высоте до десяти тысяч метров, превосходили практически все, что когда-либо строили люди. Причем именно тогда примерно, как раз и появилась та странная поговорка, вышедшая, по всей видимости, из среды строителей таких космодромов, что еще чуть-чуть и они будут спутники просто «в форточки запускать».

Да и вообще, трудно было назвать сферу жизнедеятельности людей, где невесомое стекло не нашло бы своего применения. В точности, как и говорил когда-то Антон на той, самой первой еще своей конференции. И самолетостроение, и машиностроение, и медицина, и даже сельское хозяйство, где теперь теплицами из такого стекла покрывали, ну просто гигантские площади. Из-за чего урожаи на них увеличивались сразу процентов на тридцать. Человечество за эти неполные два года вообще очень сильно изменилось. Причем не только в бытии, но и в сознании. Люди просто-таки воспарили над той, прежней их жизнью, отчего и неслись словно окрыленные нерушимой верой в собственные силы к прекрасному и счастливому завтра. Вот только не знали они, что для того, чтобы достичь этого «завтра» им нужно было сначала разобраться с тем, что было вчера. С тем самым прошлым, которое они так легко оставили позади, и которое, по всей видимости, в одночасье забыли. Однако прошлое, если можно так выразиться, ничего не забыло и уж тем более не простило. Отчего и очень скоро напомнило людям, что за все

в этом мире надо платить. Но все это было уже через некоторое время. А сейчас Антон с Катей, пребывая в какой-то восторженной фантазии, наслаждались своей жизнью в полной мере, в какой это только вообще было возможно.

И вот однажды вечером, когда они собирались уже спать и, погасив свет в очередной раз любовались прекрасными видами звездного неба, Антон разглядел на самой вершине их стеклянного дома, как будто бы маленькую, темную, едва различимую фигурку. И ему уже не нужно было ничего объяснять, потому что он сразу тогда понял, что наконец дождался ее, ту, которую беспрестанно ждал уже почти два года, и которая совершила за это время столь умопомрачительное путешествие, – его Люн. Девочка сидела неподвижно на самой вершине стеклянной пирамиды и смотрела куда-то вдаль. А затем вспрыгнула на своего Гнорха и спустилась вниз, на уровень его квартиры.

Антон, насколько мог спокойно поднялся с кровати и подошел к стеклянной стене. Он сразу тогда понял по озабоченному лицу девочки, что она не могла просто так сквозь эту стену к нему пройти. Тогда он стал жестами показывать ей, что нужно было делать: идти сначала через главный вход, а затем подняться на нескольких лифтах наверх. А девочка его явно не понимала. Тогда он прошел в ванную комнату, заперся там и снял с шеи свой цветок. И даже так ему пришлось еще долго объяснять ей, как пользоваться лифтами, дверями, да и вообще, куда ей нужно было идти во всех этих

холлах и коридорах. Но наконец она все же добралась до его квартиры и позвонила в дверь. А Антон и не сообразил сразу, что этого не надо было делать, потому как Катя тут же проснулась и, не найдя глазами его самого, пошла открывать. Однако за дверью никого не было. «Вот еще, – недовольно проговорила она, – я то уж надеялась, что хотя бы здесь мы будем избавлены от этих глупых шалостей». После чего вернулась к кровати, легла и тут же уснула. Антон же тихонько, чтобы не разбудить ее, вышел из ванной и прошел на цыпочках в прихожую. И он не ошибся, Люн была там.

Девочка аж взвизгнула, когда Антон привычно опустился на колени, чтобы обнять ее. И он долго еще стоял так, не обращая уже внимания ни на сумбурные слова ее радости, ни на поцелуи, которыми Люн буквально осыпала его, ни даже на слезы счастья. Наконец она успокоилась и они тихонько прошли в дальний угол квартиры, чтобы, не дай бог, еще раз не разбудить Катю. Там Антон уселся в роскошное стеклянное кресло, покрытое какой-то легкой, но очень толстой материей, а Люн устроилась рядом с ним на ковре, и стала перебирать пальцы на его руке.

– Слушай, кротик, – произнесла она наконец, оглядевшись по сторонам, – а хорошая здесь у тебя квартира. И верх тоже так далеко, – можно еще хоть десять уровней себе построить.

– Люн, – ответил ей на это Антон улыбнувшись, – неужели же ты преодолела такой огромный путь лишь для того, чтоб

похвалить мое новое жилище? Хотя, не могу не признать, квартира действительно очень хорошая и другой такой, наверное, ни у кого на свете нет.

– Да дело даже не в этом, – продолжила Люн о своем. – Я здесь у тебя совсем не чувствую жара от звезды, да и света от Арона не вижу.

Антон посмотрел на девочку. «Да, действительно, – подумал он, – и как это он сам не догадался, что это невесомое, а по сути биологическое стекло, не будет пропускать „живого“ света. Да за столько времени этого совсем и не заметил».

– Так что знаешь, – произнесла девочка безапелляционно, – я здесь у вас буду жить. Только ты прикажи, чтобы для меня еще один уровень построили. И чтоб стекло непрозрачным было. Потому что я не хочу смотреть, чем вы там с Катей внизу занимаетесь.

– Да это совсем не проблема, – щелкнув пальцами ответил Антон, радуясь, что Люн будет теперь постоянно жить рядом с ним. – Вот только позвоню завтра и мне еще один уровень выплавят, в качестве бонуса.

– В качестве чего? – не поняла девочка, – ай да ладно. В общем, я сегодня здесь у тебя остаюсь. Но, – теперь она уже серьезно посмотрела на Антона, – скажи мне, что у тебя снова стряслось. Ты говоришь, что летать умеешь?

На это Антон, вместо ответа, чуть заметно, не меняя позы, в которой сидел, приподнялся над креслом. Люн посмотрела на него очень внимательно и, как казалось, даже изучающе.

– Ты знаешь, кротик, – произнесла она, когда Антон вновь опустился на место, – я тоже так могу. И, кстати, тут тоже не в этом дело. Просто... – она на секунду замялась, – выходит, что ты теперь вообще уже ничем не отличаешься от меня. И возможно... – она опять ненадолго замолчала, – сможешь полететь со мной на Сатурн?

Антон уставился на Люн.

– Нет, – сказал он твердо, – я не полечу. Во-первых, я не знаю, что со мной будет в космосе. Да и не это главное.

– А что? – спросила девочка.

– Катя этого не переживет. Ну ты сама подумай. Как ей объяснить, что я, такой вот сверхчеловек, могу видеть души людей, лечить руками, да теперь еще и летать. Она решит, как и ты в прошлый раз, помнишь, что я сошел с ума.

– А ты тогда покажи ей, что летать умеешь.

– Тогда она решит, что с ума сошла она. Нет, Люн, все это не годится и я никуда не полечу, мне и здесь хорошо. Да и вообще, может лучше спать пойдем, а то ведь поздно уже.

– Что-о? – девочка даже встала, – да как ты смеешь так со мной разговаривать? Я столько летела к тебе, через такую беспредельную пустоту, о которой ты даже и понятия не имеешь. Мой Гнорх чуть не умер, как я гнала его. И вот теперь ты заявляешь, что хочешь спать? Знаешь что, кротик, – тогда я сама все расскажу Кате. А ты иди и спи себе, раз судьба человечества тебя совсем не волнует.

– Меня ничто не волнует, – ответил ей Антон честно, –

кроме твоей дружбы и катиной любви. И деньги, и эта квартира, да и вообще все. Люн, – он тоже встал, – прости меня пожалуйста, если я тебя обидел, я не хотел.

– Ладно, ладно, я прощаю, – ответила девочка успокоившись, потому что каким-то внутренним чутьем уловила, что Антон не лгал и не притворялся. – Но, – она посмотрела в округ, – где же мне здесь спать-то у тебя?

– Иди с Катей спи, – предложил ей Антон, – а я вон там, на кухне на кушетке покимарю. А завтра уже что-нибудь другое придумаем.

– Хорошо, – согласилась с ним Люн. – Но чтобы завтра, – она указала пальцем наверх, – у меня здесь свое собственное жильё было.

После этого она, чуть заметно покачиваясь, прошла к кровати и улеглась рядом с Катериной вместо Антона. И, видимо, от переполнявшей ее смертельной усталости, тут же заснула.

29. Космос

На следующее утро Антон распорядился, чтобы ему выплавили еще один дополнительный уровень. «Чего месту зря пропадать, – объяснил он Кате. – Ведь у нас, посмотри, площадь-то не слишком большая, но зато высота, – он задрал голову, – ух-х, еще десять таких квартир разместить можно». Поэтому где-то к середине того же дня к ним приволокли несколько огромных складных щитов, из которых составляли формы для заливки стекла и саму печь, весьма небольшую по размеру. После чего до самого позднего вечера рабочие там еще активно возились, все тщательно подгоняя и выравнивая. Наконец формы были готовы. А еще через час, когда все как следует перепроверили, в них залили и само стекло. Получившейся конструкцией можно было пользоваться уже завтра. Вот только Люн не стала ждать. Едва лишь составные щиты более или менее остыли, как она быстро вскарабкалась наверх и, улегшись там прямо на полу, уверенно заявила: «Все, кротик, я здесь теперь буду у тебя жить». А Антон и не стал возражать. «Нравится ей и пусть себе. Главное, чтобы она опять куда-нибудь не улетела».

В ту ночь они спали опять в одной квартире. Катя уснула почти сразу, но вот Антон никак не мог. Ему все время мешала Люн, которая со своего уровня часов до трех ночи ему что-то очень усердно рассказывала. И хотя он не разби-

рал почти и половины из того, о чем она говорила, но уснуть все-таки не решался, чтобы снова ее не обидеть. Наконец она все-таки утомилась, а еще через пару минут заснул и он сам. На следующее утро Антон обнаружил Люн сидящей на полу возле его кровати и рассказывающей что-то вообще непонятно кому. Он посмотрел на Катю, – та спала.

– Ты чего, – обратился он к девочке, – ты что делаешь? Ты с ней говоришь, что ли? Но она же не может тебя слышать.

– Во сне может, – спокойно ответила Люн, – но, конечно, не все и не очень ясно.

– И что же ты ей говоришь? – спросил Антон слегка нахмурясь.

– Говорю, что тебе очень нужно лететь. И что от этого многое зависит.

– Не надо, Люн, – Антон тяжело вздохнул, – я сам ей все расскажу. И потом, объясни ты мне наконец, почему это так важно. Ну, погляди только, – он повел рукой, указывая на прекрасные стеклянные постройки, которые тут и там возвышались над облаками, – у нас все хорошо. Ведь люди наконец получили то, о чем всегда мечтали. Да, они и раньше могли летать и подниматься высоко в небо. Но теперь-то они могут в этом небе жить, причем постоянно. Ну, что нам еще-то надо?

– Да то! – Люн встала, – что вы слепые. Неужели же ты думаешь, что можно быть по-настоящему счастливыми и ничего не видеть? Это счастье дураков или страусов. Кротик,

поверь мне, вы должны прозреть, да хотя бы лишь для того, чтобы не попадать на Арон и не мучиться там. А ведь ваши души на нем, ну просто-таки сгорают заживо. И ты даже не представляешь себе, какая эта боль. И все это не день и не два, а сотни лет. Нет, – девочка вздохнула, – ты просто не понимаешь.

Антон задумался. Действительно, в словах этого, пусть и по каким-то неземным меркам ребенка, было много горькой правды. И что это, в самом деле, за счастье такое, жить и ничего не видеть. Ну, пусть видеть: землю, воду, воздух. Но не видеть самого главного, самих себя не понимать. Оставаться одинокими во Вселенной, в той Вселенной, в которой так много жизни.

– Люн, – сказал он наконец, взяв девочку за руку, – я полечу с тобой, ты меня убедила. Но все же позволь мне самому все рассказать Кате. Я уж, по правде признаться, и сам не знаю, как это сделаю, но я постараюсь не слишком обидеть ее.

– Обидеть? – Люн отдернула руку, – да ты можешь ее убить. Знаешь ты это, чурбан ты эдакий? Ведь эта девушка, она любит тебя. Если ты вообще способен понять значение этого слова, – Люн отвернулась.

Антон встал и, подойдя к полупрозрачной стене квартиры, посмотрел куда-то вдаль.

– Я сделаю все что смогу, – произнес он холодно, – все, что в моих силах. И прошу, не терзай ты больше меня, ведь

я же тоже не железный и Катя мне очень дорога.

На это Люн как-то недовольно фыркнула и, даже не оборачиваясь, полезла к себе на второй уровень.

Антон рассказал обо всем уже после обеда, ближе к вечеру. Но, конечно, не упомянув того, что собирается лететь на далекий Сатурн с призрачной девочкой. А Катя, – она словно бы и вправду уже знала об этом, отчего и не отреагировала слишком остро. Она только побледнела как полотно, а затем медленно прошла к их кровати и, бессильно завалившись на нее, тихо заплакала. Через некоторое время Антон услышал и Люн. Девочка спускалась со своего этажа. Потом она с совершенно каменным лицом молча подошла к нему, ненадолго остановилась, чуть наклонила голову и плюнула ему прямо под ноги. После чего прошла к кровати, села рядом с девушкой и стала ее утешать. И хотя Катя не могла ее слышать и Люн сама это прекрасно знала, но плач после этого и вправду как-то стал слегка затихать. В ту ночь Антон спал опять на кушетке. А Люн, просидев так с девушкой пока та не уснула, отправилась к себе. Она, видимо, как-то почувствовала, что Кате нужно было побыть одной, пусть даже и во сне.

Наутро Катерина поднялась первой. Она подошла к Антону, который тут же проснулся, и ласково погладила его по голове. Она уже совсем не обижалась на него. После чего отправилась к своей полупрозрачной плите готовить завтрак.

– Ты когда уезжаешь? – спросила она наконец, даже не

оборачиваясь.

– Катя, когда ты скажешь, – постарался успокоить ее Антон. – Но, конечно, слишком долго я здесь оставаться не могу.

– А когда вернешься? – тут голос девушки слегка дрогнул.

– Как можно скорее.

Он стал лихорадочно в уме прикидывать, сколько может продлиться его полет. Если они, конечно, будут лететь так же быстро как и Люн, то есть изо всех сил, то примерно за месяц смогут добраться до места. Ну, там еще сколько-то, примерно неделя. И потом месяц назад. Так что в итоге получалось не слишком-то много.

– Самое быстрое через два с половиной месяца, – произнес он.

– Нет, – ответила ему Катя, остановившись, – так быстро ты не вернешься, я чувствую. Как минимум год, а может и дольше. Если бы только два месяца, то тут и разговора бы такого не было.

– Я постараюсь, – грустно ответил Антон.

Он, на самом деле, и вправду совершенно не представлял сколько может продлиться его путешествие. Люн-то, вон, тоже на полгода улетала, а вернулась лишь через два. Но все равно, он постарается и сделает все возможное.

Наконец со своего уровня спустилась и Люн и, подойдя к Антону, тоже примирительно погладила его по руке. Потом она подошла к Кате и изучающе посмотрела на нее. И толь-

ко после этого, по всей видимости, немного успокоившись, проговорила:

– Все, кротик, хватит слез и прощаний пошли на улицу пробовать. А то, может, ты и вообще еще никуда не полетишь.

Антон промолчал. После чего неторопливо прошел в ванную, включил там воду и сделал Люн знак, чтобы та шла к нему.

– Слушай, – сказал он тихо, – ведь не могу же я просто так разговаривать с тобой. Хочешь, чтобы меня опять за сумасшедшего приняли? И потом, куда пробовать-то, белый день на дворе, давай лучше ночью, когда народа хотя бы на улице нет.

– Как скажешь, – рассеянно ответила девочка.

Она на самом деле уже не столько думала о предстоящем полете, сколько с любопытством смотрела на ванну, в которую набиралась вода.

– А это вы зачем делаете? – спросила она, указывая на воду.

– Люн, это ванна, и мы в ней моемся. Наливаем воду и лежим в ней. Намыливаемся еще.

– А можно и мне попробовать?

– Да пробуй конечно, – Антон пожал плечами, – но тебе зачем?

– Мне интересно, – ответила Люн.

После чего и прямо в одежде аккуратно забралась в теп-

люю воду. А Антон сказал, чтобы она не плескалась слишком сильно и потом закрыла кран, когда ванна полная наберется. Сделав еще несколько уточняющих замечаний, он вышел из ванной комнаты и оставил ее там одну. Вот только не знал он насколько это занятие понравится Люн. Она сидела там целый день, лишь изредка подзывая Антона к себе, чтобы что-нибудь у него спросить. А оттого ему пришлось даже оправдываться перед Катей, почему он оставил после себя ванну полной. Но когда он попросил ее ванну эту еще и не выливать, потому что собирался, по его словам, скоро вновь ею воспользоваться, то девушка на него очень уж странно посмотрела, подняв при этом одну бровь, но ничего не сказала.

Наконец наступил вечер. И Антон под предлогом погулять с собакой отправился вместе с Люн на улицу. Там они отошли подальше в парк, который простирался вокруг пирамиды и, привязав собаку к дереву, взмыли в воздух. Люн могла летать не хуже Антона и Гнорх ей, конечно, не очень нужен был, однако она сказала, что с ним ей было намного спокойнее. Да и не так одиноко.

– Вот ты только представь себе, кротик, – произнесла она, когда они поднялись примерно на километровую высоту, – как можно летать в космосе. Когда ты целыми месяцами одна, и тебе не то чтобы словом не с кем обмолвиться, а даже и прикоснуться то не к чему. К тому же, ведь мне еще нужно и спать иногда. А мой Гнорх, – он сейчас летает где-то там – она махнула рукой, – даже если и спит время от времени,

то все равно крыльев не складывает. А оттого планирует в световых потоках звезды, в точности как ваши парусники.

И вот наконец они поднялись в стратосферу. Здесь было уже довольно холодно и практически отсутствовал воздух. Люн во время их подъема иногда поглядывала на Антона, стараясь по его виду определить, как тот себя чувствовал. А тому было все нипочем: что воздух, что его отсутствие. Да и высота его совсем не пугала. Видимо, на каком-то подсознательном уровне Антон понимал, что бояться ему было совсем нечего. А возможно и то столкновение с Аластором, с чего, в сущности все и началось, еще не до конца стерлось из глубин его памяти.

– Все, кротик, – произнесла Люн еще минут через пять, – мы в космосе. Видишь, Земля какая красивая? А вон там Луна, видишь? А мох тоже видишь на ней? Да нет, не с этой стороны, здесь не растет ничего, а с обратной. Ну хорошо, пусть сбоку, вон та светло-зеленая полоска.

Антон пригляделся. Да, точно, словно бы мох, но какой-то странный. Этот мох был высотой, наверное, с кустарник и, видимо, от неких дуновений, – «дуновений, – повторил он про себя с сомнением», – слегка покачивался.

– А вон там, – продолжила Люн, – Юпитер. Видишь какой он большой, даже отсюда его хорошо видно. И несколько спутников его, но уже с трудом. А еще дальше, во-он, там, – она указала рукой, – и есть цель нашего путешествия. Это Сатурн. Ну, как вы его здесь называете. Мы же зовем его Эо.

Колец его, правда, отсюда не разглядеть, но они прекрасны, уж поверь. И все же, – она вновь посмотрела на Антона, – как ты себя чувствуешь, все нормально?

– Да нормально, – ответил тот спокойно, – хотя многое мне еще и непонятно. Вот ты сейчас говоришь со мной и я тебя прекрасно слышу. Но ведь воздуха здесь нет?

Однако девочка никак не отреагировала на этот его вопрос, посчитав его, пожалуй, слишком уж глупым. Вместо этого она сделала жест рукой и стала быстро снижаться. Антон последовал за ней. И это было больше похоже даже не просто на снижение, а на стремительное падение. Вот уже и кромка атмосферы пронеслась вихрем мимо них, и стратосфера спустя еще пару минут была оставлена позади. Едва различимые ночью перисто-слоистые облака, а вот и самолет где-то там вдалеке блеснул своими сигнальными огнями. А теперь еще и самые обыкновенные облака, плотные, кучевые, низкие. Антон успел лишь только подумать тогда, что скоро наверное будет дождь, как увидел с высоты все тот же обширный парк, из которого они не так давно взлетели. А вот уже и то самое дерево, у которого, тихо поскуливая в одиночестве, сидел его Дружок.

– Все, кротик, молодец, классно летаешь, – похвалила его Люн, когда они приземлились, – пошли домой.

«Она теперь нашу квартиру домом называет», – подумал про себя Антон с теплотой в сердце. Но вслух ничего не сказал. Дома его поприветствовала Катя и спросила, где это он

так долго гулял. А он лишь пробормотал что-то в ответ про парк и про то, как там сейчас ужасно темно. На самом же деле, все мысли его были сейчас лишь об одном, как сказать ей, что уже завтрашней ночью он, по всей видимости, ее покинет. И сколько не старался, так ничего лучше простой, от руки написанной записки и не придумал. «Во всяком случае, обойдемся без этих душераздирающих расставаний, – решил он наконец, – да и мне самому так будет легче».

Они долго потом еще сидели с Люн на ее этаже и девочка рассказывала ему в каких мирах уже успела побывать, и что там видела. Что у нее дома есть целая коллекция разных там безделушек из этих миров и что даже животные были. Однако, за ними надо было ухаживать и она их всех отпустила на волю.

– А что у тебя с Земли в коллекции есть? – спросил Антон из любопытства.

– Книги, конечно, – ответила Люн, слегка удивившись.

– Ну, книги это, конечно, хорошо, но погоди, – у него возникла неожиданная мысль, – я сейчас.

Тут он спустился вниз, потом вытащил что-то из своей сумки, которая все так и лежала не разобранный в закрытой кладовке и поднялся наверх.

– Вот, держи, – он протянул ей целую горсть алмазов, – помнишь эти «красивые камни», что лежали у меня на столе в старом доме. Бери их все.

И на этот раз Люн уже не стала отказываться, чтобы взять

только один. Она тоже вспомнила тот давнишний их разговор, и что так и не взяла тогда у Антона ни одного такого камня. Но не это было самым главным. Главное было то, что ее «кротик» также все помнил. И это уже по-настоящему ее тронуло, отчего она пододвинулась к нему поближе и, немного привстав, легко поцеловала в щеку.

30. Пустота

На следующий день плохо стало уже Антону. На Катю он просто не мог смотреть, чувствуя свою вину. Квартира его, такая красивая и удивительная, сейчас совсем его не радовала. «Ну все к черту, – раздраженно ворчал он про себя, – никуда не хочу лететь. Пусть все остается как есть и пусть даже все мы, по сути, лишь слепые кроты и не видим ничего. Но не зря же говорят, что счастье в неведении». Несколько раз он сталкивался с Люн, которая, хлопоча по каким-то своим пустякам, ходила по квартире туда и сюда. Потом долго еще стоял у нее на втором этаже и молча смотрел на небо. Потом сидел в мягком кресле внизу, что-то невнятно бормоча себе под нос. Наконец Люн заметила это его состояние и сказала: – Слушай, если ты не хочешь лететь, то и не надо. Я сама тогда полечу. Но не жди меня назад уже скоро. Да и вообще, сам подумай, ну что мне тогда здесь у вас делать, если вы сами себе не хотите помочь? Не могу же я вас заставить.

Антону стало немного стыдно. «Вот уж, – подумал он, досадуя сам на себя, – согласился, а теперь на попятную пошел. Нет, так тоже нельзя. И чего это я тогда, спрашивается, Катю мучил, – он глянул на нее, – ведь она, похоже, теперь уже со всем смирилась. Нет, права эта девчонка, опять права. Если уж и лететь, то сегодня». Он встал, подошел к Катерине, которая неспешно хлопотала с чем-то у себя на кухне и, креп-

ко обняв сзади, прижал к себе. А Кате, в общем-то, ничего другого и не надо было, лишь простые знаки внимания и подтверждение того, что Антон ее любит. Она повернулась. “Нет, эти глаза не могли лгать”. Ведь у него сейчас были точно такие же глаза, как и в то утро, когда они стояли у нее на лоджии после той, самой первой их ночи. Он же тогда по какой-то причине о своем доме заговорил, которого у него почему-то не было. И вот теперь опять этот взгляд, взгляд побитой собаки, да еще и загнанной в угол.

– Послушай, – обратилась она к нему, – я ведь даже не спрашиваю тебя, куда и по какому делу ты едешь. Едешь, так значит и надо тебе. И я уже со всем смирилась. Но не терзай ты себя хотя бы, потому что этого я точно не перенесу и опять буду реветь. Ну, ты этого хочешь?

Антон не нашелся что ответить и просто поцеловал ее. Так, как будто делал это в последний раз в жизни. Да на самом-то деле он и не знал в тот момент, когда вернется, и действительно, не последний ли это поцелуй. Наконец он отстранился от Катерины и полез на второй этаж к Люн. А та на этот раз тоже его пожалела и стала утешать, бормоча что-то неразборчивое, в точности как и тогда, когда успокаивала Катю.

Наконец наступил вечер. Последний вечер Антона на этой Земле. По крайней мере такой, как он ее знал. И он словно бы чувствовал это, отчего и лежал пластом на втором этаже, просто не в силах пошевелиться. Он даже не стал спускаться.

ся вниз к ужину, не испытывая совершенно никакого голода. Однако, когда часы пробили уже десять, все-таки собрался с силами и, кое-как сдерживая слезы, стал писать Кате прощальное письмо.

И вот пробила полночь. Катерина к тому времени уже час как спала, а Люн, хлопотливо собирая какие-то мелочи, все еще ходила по своему этажу. Наконец она остановилась, посмотрела по сторонам рассеянным взглядом и произнесла:

– Все, кротик, пора лететь. Ты готов?

А что значит готов? Антон и не знал. Весь день он, собственно, ничего такого и не делал. Собирать вещи ему не надо было, – по-крайней мере Люн ничего ему об этом не сказала – поэтому готов, наверное. Во всяком случае, морально – да. Он встал, поправил джинсы, застегнул рубашку и кивнул головой.

– Послушай, кротик, – Люн поставила сумку на пол, – я тебе обещаю, что сделаю все возможное, чтобы ты как можно скорее вернулся к своей Кате. Но не все, к сожалению, зависит от меня. Однако, если все пойдет нормально, то ты вернешься сюда уже месяца через три. Ведь не сможет же наш Совет проигнорировать уже такие аргументы, – она указала на него. – Ведь это не манускрипты какие-нибудь и не книги, а живой человек, который сам к ним прилетел и попросил о помощи. Человек, который ни в чем им не уступает. Поэтому не переживай сильно, – Люн подняла сумку и, подойдя к нему, погладила по руке, – все будет хорошо.

Они взлетели примерно через час. Антон за это время еще успел проститься со своим Дружком и оставить Кате на столе прощальное письмо. Потом он еще раз перепроверил все ли в его квартире в порядке и достаточно ли денег на их общем с Катей счете, который он загодя открыл для нее в одном крупном московском банке. Затем поцеловал девушку на прощанье и более уже не задерживаясь, покинул свою квартиру. Потом они как-то слишком уж долго спускались на пяти лифтах вниз, потом шли в тот парк, где вчера проверяли его способности, а затем и рванули наверх. И сейчас Люн уже летела на своем Гнорхе, а Антон рядом с ней. Однако полет этот не стоил ему ровно никаких усилий, поэтому он совсем от них не отставал.

Скорость они сразу развили бешеную, примерно такую, с которой вчера снижались. Так что буквально за пару минут уже покинули пределы земной атмосферы и выскочили в открытый космос. Затем они чуть отклонились в сторону и полетели по направлению к Луне.

– Не надолго, – пояснила Люн, – мне там забрать кое-что надо.

И все же, этот вынужденный их крюк не получился совсем уж коротким, поскольку они и до Луны-то летели часа три, а потом еще и там провели примерно столько же. Люн показала Антону свое временное пристанище. Действительно весьма неказистое. Это был, по сути, совсем крошечный примитивный домик, построенный из того же самого зеленого мха,

что густо рос вокруг и только лишь немного присыпанный по краям лунным грунтом.

– А это что такое? – спросил Антон, когда они приблизились к ее домику и указывая на матово-черное пятно в центре одного из кратеров.

– Да я и сама не знаю, – отмахнулась от вопроса Люн. – Оно всегда здесь было, насколько помню. Может жерло давно потухшего вулкана, а может и след от метеора.

– Надеюсь, они здесь не часто падают? – как-то риторически спросил Антон, посмотрев на небо.

– Не часто, – успокоила его Люн, к тому времени уже приземлившаяся и, отправившая своего Гнорха резвиться среди полупрозрачного мха.

В домике Люн показывала Антону всякие безделушки, которые подняла сюда с Земли, а также свои, действительно уже странные вещи и приборы, которые доставила с Сатурна. Особенно заинтересовала Антона одна скрученная в рулон полупрозрачная матовая пленка, которая после того как он ее развернул, засветилась различными цветами.

– Это вычислительная пленка, – пояснила Люн. – Она как ваши компьютеры, может производить вычисления и показывать все это на экране. Да вот, кстати, – она поводила по пленке рукой, – знаешь, что это за светящиеся точки на карте?

Антон пригляделся. Да, действительно, сейчас эта пленка показывала карту Земли, на которой светились в разных ме-

стах ровно пять оранжевых точек.

– И что? – спросил он.

– Это те самые кольца, которые ты раздал людям, о которых я просила. Одно, вот смотри, все еще находится в Англии, второе, вот тут на Дальнем Востоке, остальные там и там, а это, – девочка посмотрела на Антона, – кольцо твоей Кати.

У того даже слезы блеснули на глазах.

– Люн, – едва не взмолился он, – давай возьмем эту пленку с собой. Я ее прямо вокруг себя обмотаю, чтобы не мешала. Мне так легче будет.

Девочка на него очень внимательно посмотрела.

– Ты знаешь, кротик, – произнесла она задумчиво, – мне уже начинает казаться, что я ошиблась на счет твоего отношения к Кате. И, похоже, она тебе не только для удобства была нужна.

Но тут она снова отвлеклась и вернулась к своим хлопотам. А Антон, так и не получив от нее внятного ответа, все смотрел на эту пленку неотрывно, после чего взял и молча засунул прямо себе за пазуху. И он ни за что бы теперь с ней не расстался. А значит Люн можно было и вправду ничего не говорить. Да к тому же, несмотря на свой относительно юный возраст, она была девочкой достаточно умной и проникательной, а поэтому просто решила не заострять лишнего внимания на этой, весьма болезненной теме.

Наконец они взлетели и с Луны. После чего, сделав

небольшой коррекционный маневр, разогнались уже по настоящему. Хотя, какой была теперь их реальная скорость, трудно было сказать наверняка, поскольку никаких явных ориентиров в ближайшем окружении совсем не осталось. И теперь уже Антон совсем по-иному оценил слова Люн на счет пустоты. Той пустоты, которой он и представить себе не мог. Когда тебе, ну абсолютно не до чего дотронуться или даже ощутить. Когда вокруг тебя одна черная бесконечность, исколотая лишь яркими точками далеких звезд. Ему стало не по себе. Отчего он взял сначала Люн за руку, а затем уже и весь взобрался на Гнорха позади девочки. Та похлопала его по колену:

– Ничего, кротик, ничего. Потерпи, скоро привыкнешь, – произнесла она успокаивающе, – мне тоже сначала было не по себе.

На это Антон ничего не сказал, а только еще сильнее прижался к ней сзади. Он все еще осматривался по сторонам, почти неосознанно стараясь найти хоть какой-то реальный предмет, пусть даже в самом далеком окружении. Но нет, – один лишь черный вакуум вокруг, абсолютный холод и невероятнейшая тишина были теперь его спутниками. Причем спутниками на очень долгое время.

Наконец, и вовсе уже не зная чем бы себя занять, Антон стал расспрашивать Люн об их мире. А той, видимо, тоже захотелось немного поболтать, отчего она все очень подробно и обстоятельно ему рассказывала. Оказалось, что их мир

устроен совсем не так, как земной. Что главным законом на Сатурне был закон суверенитета. То есть не только полной независимости общественных объединений или государств, но также и отдельных личностей. У них каждый эл с самого момента своего рождения получал в полное распоряжение огромную сферу, где мог делать вообще все, что ему заблагорассудится. Причем никто без его дозволения не мог в эту сферу к нему ни войти, ни каким-либо иным образом вмешаться в его дела. Но и выход из этой сферы мог быть также ограничен, если, например, эл допускал насильственные действия или обман вне своей территории. На общих, нейтральных территориях действовали и общие же законы, нарушать которые было нельзя. И в большинстве своем элы эти законы соблюдали. Хотя и не все, конечно. И тогда их сферы начинали приобретать другой цветовой оттенок. Если сначала все они были одинакового зеленого цвета, то потом, они могли становиться сначала серыми, коричневыми, а затем уже и вовсе красными. И вот из такой красной сферы, эл, который много чего натворил на общих территориях, выйти вообще не мог. Если только через очень долгие годы. И таким вот простым, незамысловатым способом его собственный дом превращался в его тюрьму. Хотя и все еще весьма комфортную, поскольку на своей территории он оставался полновластным хозяином.

Люн что-то рассказывала Антону еще и о черных сферах, а также о том, что такие тоже, вроде, где-то встречались, но

сама она лично ничего подобного не видела.

– А что будет, – решил уточнить Антон, – если какой-нибудь эл на своей территории как-то навредит своему гостю?

– Ничего не будет, – ответила Люн. – Это же его дом и он волен делать в нем все без каких-либо ограничений. Но вот если его гость сделает ему что-то плохое, то это уже будет считаться тяжким преступлением.

– Да-а, – протянул Антон, – странный у вас мир. Вот никогда бы не подумал, что просто сходить к кому-то в гости может быть таким опасным делом.

– Для того, чтобы ходить в гости, да или просто жить в чужой сфере, ты должен этому элу полностью доверять, а иначе, действительно опасно, – согласилась с ним девочка. – Но если элы любят друг друга или хотя бы дружат, то опасности никакой нет. Да и не звери же мы в конце концов, чтобы вот так без причины делать то, о чем ты говоришь. У нас вообще очень низкий уровень преступности и знаешь почему?

– Почему?

– Потому что все живые существа в основе своей нормальные и неконфликтные. А поэтому вполне заслуживают доверия. И потом, главное в таком устройстве, – что каждый эл имеет все возможности для самореализации. А не для этого ли мы и появляемся на свет? И еще, он может даже расширять свою сферу, делая что-нибудь полезное для других элов или даже перейти в другую сферу и присоединиться к той или иной группе. У нас ведь встречаются такие сфе-

ры, ну просто огромные, в которых живут, и весьма бесконфликтно между прочим, миллионы и миллионы элов, сохраняя при этом возможность в любой момент вернуться в свой собственный дом.

– А что на счет плоскостей? – поинтересовался Антон.

– Ну, этих плоскостей несколько, – неуверенно проговорила Люн, – низшая, средняя и высшая. В них живут особые элы, элита. Они как раз и находятся на тех самых кольцах, которые так хорошо видны даже с Земли, и которые и составляют главное украшение нашей планеты. Но, знаешь, я ведь никогда не была там, хотя и пролетала мимо не раз уже. Впрочем, я знаю точно, что в эти плоскости могут войти лишь самые выдающиеся представители нашей расы: ученые, философы, художники. Но они живут очень обособленно и почти никогда не пересекаются с простыми элами, а оттого про них ходят разные слухи и множество легенд, но никто ничего не знает наверняка. Эй, да ты, кажется, спишь уже?

И действительно, Антон, то ли от этого долгого разговора, который на самом деле длился несколько часов, то ли от избытка новых впечатлений уже некоторое время крепко спал, отчего и слегка завалился сзади на Люн. Но та не стала его будить, «Пусть придет в себя, – подумала она, – а то так и вправду как бы не повредился рассудком».

Однако Антону ничего подобного не угрожало. Он, на самом деле, был намного крепче, чем предполагала девочка и

даже, чем думал он сам. Просто ему действительно сейчас нужно было немного поспать. И сон, который ему снился, был полон разных событий, смешанных прежде всего из того, что происходило с ним самим за последнее время. Но главное, в нем были предметы, до которых можно было дотронуться, понюхать или даже попробовать на вкус. И не было той безбрежной пустоты, которая окружала его сейчас на самом деле. Абсолютной пустоты, вечной, неподвижной. Такой, что если совсем не фантазировать или не видеть снов, проникала, как казалось, вам в самую душу.

31. И снова пустота

На следующий день Антон проснулся совсем без настроения. Какого бы то ни было. Да и день ли это был? Он огляделся по сторонам: да, все те же беспредельная пустота, тишина и яркие точки далеких звезд. Антон посмотрел на Люн, – девочка спала. Она теперь сама завалилась вперед и, видимо, инстинктивно обхватив Гнорха за шею, тихо посапывала. «Зачем она это так делает и почему он слышит ее, – вновь удивился Антон, – ведь здесь же почти абсолютный вакуум, какой смысл во всех этих движениях? Наверное, инстинктивное что-то, а звук, пожалуй, некий вид живого звука, который никто из простых смертных не смог бы услышать». Он достал из кармана мобильный телефон в надежде хотя бы по нему определить текущее время: «Ага, сейчас, размечтался», – сказал он себе вслух. В таких условиях вообще никакая техника, по крайней мере простая земная не смогла бы работать. Он посидел и подумал. А потом достал цифровую пленку, которую взял в домике у Люн и попытался определить время хотя бы по ней. Но как ни старался, так ничего и не смог разобрать в этом странном инопланетном устройстве.

Прошло около двух часов. Антон за это время уже успел немного размяться, соскочив с Гнорха и полетав вокруг него. Он подлетел один раз даже к самой морде животного и до-

тронулся до его век. Но нет, Гнорх, по всей видимости, тоже спал. Хотя, как и говорила ему Люн, он и во время сна не складывал своих крыльев, а поэтому все еще продолжал ускоряться, подгоняемый световым ветром с Арона. Слишком далеко от него Антон побоялся улетать, отчего, еще немного покружив метрах в пятидесяти, уселся на свое прежнее место.

Но вот наконец проснулась и Люн. Девочка сначала сладко потянулась, посмотрела вокруг, а затем и приветливо улыбнулась ему. И у Антона от этой улыбки сразу как-то отлегло от сердца. Нет, он все же не был одинок в этой пустоте. Такое близкое и теперь уже по-настоящему родное создание было с ним рядом, а значит он все-таки сумеет перенести все тяготы путешествия и долететь до намеченной цели. А то ведь ему и вправду уже не раз приходила в голову мысль, чтобы вернуться. Вот так просто бросить все и лететь скорее назад. Поскольку еще только лишь второй день пошел от их месячного путешествия к Сатурну, а он уже с трудом сдерживался. Подумал он и о Люн, а именно о том, как же она могла здесь находиться так долго одна. Ведь не боялась же. А может и боялась, но все-таки терпела. «Бедный ребенок», – произнес он одними губами, после чего вновь крепко обнял ее сзади и притянул к себе. А Люн и не стала сопротивляться. Она все тоже очень хорошо сейчас понимала и чувствовала. И ей, на самом деле, тоже было очень страшно.

Наконец они разговорились. Люн стала вновь рассказы-

вать Антону о своем мире, а он не переставал задавать вопросы. Выяснилось, например, что глаза у Люн были такие зеленые, потому что такой была ее сфера.

– У нас цвет глаз совпадает с цветом сфер, – пояснила она. – Поэтому всегда можно заранее знать, что за эл стоит перед тобой. И на самом деле различных вариантов цветовых оттенков существует огромное множество. Это могут быть и светло-зеленые глаза...

– С ярким салатовым отливом, – тут же добавил Антон.

– Да, – несколько сбившись с мысли продолжила Люн, – и темно-зеленые. И, как я уже говорила, серые. И коричневые. Вот только таких элов уже очень трудно где-нибудь найти, потому что они крайне редко выходят за пределы своих сфер. А вот эла с красными глазами, – Люн посмотрела на Антона, – ты не встретишь вообще нигде. Потому что они полностью изолированы внутри и не могут выйти на общие территории.

– А что с черными сферами? – снова спросил Антон, которого этот вопрос почему-то очень интересовал.

– Таких не бывает, – ответила Люн, – ну-у, или бывает, наверное, но я ничего такого не видела. Ходят, конечно, разные слухи, что на большой глубине в плотных слоях атмосферы Эо такие сферы все же встречаются, но я, признаться, даже не знаю правда это или нет.

– Да-а, – протянул Антон, – представляю себе, что за существа живут в них. Но ведь, так тогда получается, что вы

даже таким элам, хотя бы и теоретически, но предоставляете возможность для самореализации, пусть всего лишь и на их, отдельной территории.

– У тебя богатое воображение, кротик, – улыбнулась ему в ответ Люн, – но вообще-то – да. И к тому же, как я уже говорила, злодеи ведь не виноваты, что они злодеи. Просто так уж их природа создала, а общество подчас поспособствовало.

– И что же, если судить по твоей логике, то даже таким, самым ужасным представителям вашей расы, которые причинили столько бед и страданий окружающим, будет даровано забвение? Ведь они, возможно, смогли полностью себя реализовать и натворили столько всего злого и жестокого, сколько пожелали?

– Не знаю я, кротик, – Люн вздохнула, – но теоретически, да. Хотя, я и сама в этом иногда сомневаюсь. Но давай-ка лучше о чем-нибудь другом поговорим. А то тут от черного, – она повела рукой, указывая на окружавший их однообразный пейзаж, – и так уже в глазах круги.

Они перешли на земную тему. Люн рассказала Антону, что все земные государства, со всеми там их властями и прочим, есть не что иное, как простые тепловые ячейки Бринора, образовавшиеся из-за тепла идущего с Арона, а также от обыкновенных человеческих душ. Они стянуты каждая к своему центру био-гравитацией, прямо как живые клетки с их ядрами. Однако, поскольку в людях не только живое есть,

то границы этих государств часто проходят вдоль объектов неживой природы, таких как реки, горы и прочее. Мировые войны? Нет, Арон тут был ни при чем. «Это вы сами себе все устроили, потому что получили в свои руки слишком мощное оружие. И только потом, после создания оружия ядерного, испугались, по сути дела, самих себя». Еще же Антон спросил, почему Люн считала, что тех особо одаренных людей, которых она искала на Земле, должно было быть непременно шесть.

– Тут нет никакого фокуса, – ответила девочка, – это простая статистика. Когда при расчетах я делала достаточно большую выборку по количеству людей, то уровня пяти сигма по экстрасенсорным способностям достигали лишь шестеро. На графике это очень хорошо видно, вот дай мне ту цифровую пленку.

Антон передал. А Люн, что-то там с ней поделала, поведив рукой, и на приборе высветился график именно с шестью экстремумами, – большими, изогнутыми вверх выпуклыми горками.

– Это, конечно, не обязательно так, – девочка повела пальцем по линии графика, – но с высокой долей вероятности, да. Поэтому – шесть. Но где оставшиеся двое, – Люн вздохнула, – я так и не смогла определить. Да и живы ли они вообще? Ведь такие, сверходаренные люди почти всегда отторгаются вашим обществом, отчего и становятся в лучшем случае изгоями.

– Люн, – спросил Антон, – а можешь ты мне еще раз показать, где находятся те особые кольца, что я им раздал?

Девочка сразу все поняла, отчего и вновь включила ему ту карту с пятью желтыми точками. Антон посмотрел на одну из них. Да, это именно там сейчас находилась его Катя, все так же в Москве. Она, как казалась, даже на миллиметр не сдвинулась со своего места. «Наверное все по-прежнему сидит дома одна и смотрит на горизонт сквозь стеклянную стену нашей квартиры», – подумал он с грустью. А потом посмотрел на Люн и уже с благодарностью. Да он, на самом деле, и был ей сейчас очень признателен за то, что у нее оказалась такая чудесная пленка. Пусть даже в этом и не было ее прямой заслуги. Ведь он теперь мог, пусть и не видеть свою Катю непосредственно, и не говорить с ней, но по крайней мере знать, где она находилась.

Так прошло еще два дня. За это время Антон уже совершенно освоился на Гнорхе и стал даже иногда расхаживать по нему взад и вперед. А Люн все также занималась своими делами. Она то перечитывала какие-то древние манускрипты, которые прихватила с собой Земли, то разглядывала некие странные статуэтки, похожие на египетские ушепти. То те «красивые камни», которые он ей подарил. Сам же Антон под ее руководством постепенно осваивал цифровую пленку, которая все более и более его увлекала. Как оказалось, в ней было скрыто множество интересных и очень полезных функций. Мало того, что она по каким-то, видимо

квантово-запутанным каналам, могла подключаться к некоему «серверу» на самом Сатурне, так еще и обладала прекрасным качеством воспроизведения. Она могла, причем в виде трехмерных голограмм, воспроизводить любые объекты, которые только могли быть подвергнуты визуализации. Это были и планеты Солнечной системы и какие-то люди, и элы. Множество разных Галактик и звезд смог он увидеть благодаря ей, причем в изумительном, трехмерном, подробном изображении. Нашел он в ней даже и свою собственную фотографию, и фотографию Кати, что в очередной раз его несказанно обрадовало. Он даже освоил, поскольку и сам был неплохим программистом, некоторые простейшие способы программирования на ней. Отчего сначала сделал из нее настоящую шахматную доску с голографическими фигурами, после чего постарался обучить этой игре Люн. Но девочка оказалась слишком способной ученицей и уже после третьего раза стала нещадно его обыгрывать. Тогда он воспроизвел на ней карты, а затем и нарды. И вот уже в этих играх, где не все зависело от мастерства игрока, он, пусть и иногда, но все-таки стал одерживать верх. Отчего они, и теперь уже оба, увлеклись этим видом занимательного времяпрепровождения.

Один раз ночью Антон, к своему ужасу, отцепившись от Гнорха, чуть было не улетел в пустоту и совсем не потерялся. Он еще долго потом приходил в себя после этого происшествия, когда проснувшись, обнаружил, что был в кос-

мосе совершенно один. Что не то чтобы Люн, но даже и довольно крупного крылатого ее зверя нигде не было видно. И слава богу, что у него оказался тот полупрозрачный цветок, который девочка подарила ему после той жуткой истории на кладбище. И он смог, ориентируясь и по звездам, и по блеску ярко-красного фонарика, который отыскался в сумке у Люн, в конце концов обнаружить их. Так он и сидел потом примерно с час на Гнорхе весь мокрый от липкого пота, который буквально стекал с него и, обхватив девочку дрожащими руками, все никак не мог от нее оторваться. Ведь если бы он на самом деле тогда потерялся, то даже и не знал в какую сторону лететь. И все его сверхспособности оказались бы для него бесполезными. Но все обошлось. Правда уже после этого случая, Антон всякий раз накрепко привязывал себя к Гнорху, когда спал. Люн же напротив, ничего такого не делала. Поскольку инстинктивно, словно обезьянка, крепко держалась руками за своего крылатого питомца во время сна.

И вот наконец они приблизились к орбите Юпитера.

– Посмотри, какой он огромный, – со смесью восторга и трепета произнесла Люн, поскольку эта планета по случайному стечению обстоятельств находилась совсем недалеко от них. – Посмотри как величественно и спокойно он плывет среди окружающих его холода и мрака. Как нерушима его форма и грандиозен вид. Как молчалив и безмятежен образ. А ведь это настоящий сверхгигант, который и сам когда-то

чуть было не стал звездой. И это властелин среди всех планет Солнечной системы и у него самое большое количество спутников. Но это, по-своему, и очень враждебный мир, в котором элы никогда не жили и не живут. Потому, что он также полон жизни, пусть и неразумной, но которая невероятно чужда нам. Ведь совсем неглубоко, уже под самой кромкой его атмосферы живут чудовища. Такие, каких ты не увидел бы даже в самых жутких своих кошмарах. Они, пусть даже и окажись ты там, конечно не уничтожили бы тебя физически, но совершенно истерзали бы твою душу. Они могли бы ее, наверное, даже совсем разорвать, задержишься ты в их мире хоть на какое-то более или менее продолжительное время. Так что я лучше пока не буду тебе о них рассказывать, а то ты совсем не сможешь спать. Но вот зато на его спутниках, совершенно безопасно. Если их называть вашими именами, то вот там на Европе, очень хорошо отдыхать, например, или даже купаться в ее подледном океане. На Калисто и Ганимеде живут очень забавные зверьки. Одного такого я привозила как-то к себе на Эо и он у меня там долго жил. Но потом он затосковал сильно и мне пришлось отвести его назад. А еще у Юпитера есть маленькие кольца, но они очень тонкие и разряженные, поэтому их почти не видно. А вот то красное пятно, которое размером с Землю. Ведь это совсем не ураган. Это, как бы, область, где верхние слои атмосферы перемешиваются с внутренними, отчего у него даже нет внутренней стены смерчевого потока, которая всегда

присутствует у наших ураганов на Сатурне.

Наконец, спустя часов двадцать, они миновали орбиту Юпитера и стали от него удаляться. Да и сам он, почти незаметно двигаясь вокруг Солнца, все более и более уходил от них вбок. Антон не раз оглядывался потом на него, не переставая как и Люн поражаться его грандиозным и даже пугающим размерам. Обратил он внимание и на то, что Солнце, которое теперь стало размером с крупную жемчужину и Арон, который был значительно меньше, но светил при этом не менее ярко, постепенно как будто бы сближались. Ему даже казалось иногда, что он видит дойную звездную систему, где одна звезда, подгоняемая гравитацией, вращалась вокруг другой. Но это была, конечно, лишь оптическая иллюзия, поскольку звезды эти были фундаментально разными.

От Юпитера до Сатурна, как это выяснилось уже очень скоро, расстояние было еще более значительным, поскольку при удалении от центра Солнечной системы, как сами планеты, так и другие космические тела встречались все реже. А ведь Антон прекрасно помнил, как часто они пролетали мимо астероидов, когда летели где-то между Марсом и Юпитером. Ведь тогда не проходило и нескольких часов, чтобы они не видели какую-нибудь жуткого вида замерзшую глыбу, с невероятной скоростью пронесившуюся мимо них. Но теперь все это было в далеком прошлом и далее в свои незыблемые и абсолютные права вступала великая пустота. Она, как казалось, теперь полностью поглотила их, холодно и рав-

нодушно. Отчего даже Люн стала уже как-то тише говорить с Антоном, да и со своим Гнорхом, который, конечно, мало ее понимал, если только некоторые слова и интонацию.

И все же им не было совсем одиноко. Они каким-то удивительным образом, но уже научились противостоять этой пустоте, которая, как бы исподволь все время давила на них. Они болтали друг с другом, играли в игры, да и просто бесились иногда, чтобы выпустить пар. А оттого этот вот, самый протяженный отрезок их пути не показался им слишком уж тягостным. Так что они даже немного огорчились, когда заметили, что планета – цель их путешествия, которую они довольно давно уже наблюдали издалека, стала все быстрее и быстрее к ним приближаться. Вот уже и некоторые, самые отдаленные ее спутники пронесли мимо них. А матово-блестящие кольца стали такими большими, что казалось, в несколько превосходили размером саму планету. Антон с Люн подлетали к огромной, второй по величине планете Солнечной системы. Грандиозной, красивой и пугающей: они подлетали к Сатурну.

32. Сатурн

Холодный и слепящий, бледный и пугающий. Он безмолвно парил в бескрайней пустоте далекого космоса так, словно бы стоял неподвижно. Круговое же вращение его вокруг оси, напротив, было очень заметным. Ведь сутки на Сатурне длились всего десять с половиной часов и это при таких чудовищных размерах. «Боже мой, – подумал Антон, глядя на этого монстра, – да нас тут одним ветром, наверное, в клочья разорвет». Он невольно вздрогнул и поежился. А потом посмотрел на Люн. Но нет, девочка, по всей видимости, совсем ничего не боялась. Она сосредоточенно управляла своим Гнорхом, отчего ободряюще похлопывала его рукой по скулам то с одной, то с другой стороны. Она даже шептала ему что-то на ухо, но Антон не разобрал.

Так они и планировали около трех часов все более и более приближаясь к северному полюсу планеты. Причем снижались они не по простой параболе, а по некой сходящейся к центру вытянутой спирали, каждый последующий оборот которой был уже предыдущего. Наконец Люн сказала:

– Вон наша цель, – она повела рукой, указывая на гигантский равносторонний шестиугольник, созданный естественным путем в области схождения силовых линий магнитного поля планеты. – Там находится, как это у вас называется, – девочка на секунду задумалась, – космодром. Там мы сядем,

потому что там безопасно, – причем на этот раз уже почти прокричала она, поскольку гул ветра очень сильно заглушал все звуки.

Наконец она совсем умолкла, потому что в таком шуме разобрать было вообще ничего нельзя. Глядя на все это, и еще крепко зажимая уши руками, Антон подумал, что если так будет продолжаться и дальше, то их точно разорвет. Посмотрел он и на Гнорха. Зверь этот в последние несколько минут как-то уж слишком активно махал своими крыльями и даже вытянул вперед шею, видимо в предвкушении скорого возвращения домой. И вдруг, едва лишь они влетели под верхнюю кромку сильно разряженных облаков планеты, ровно в центре того шестиугольника, на который указывала Люн, все пропало. И дикий шум, и рябь в глазах от проносившихся мимо воздушных потоков, и даже жесткое давление порывистого ветра. Отчего даже Люн теперь уже вся как-то расслабилась и откинулась назад на Антона. Она больше не правила своим Гнорхом, который, очевидно, знал куда лететь. Да и действительно, летел он теперь к одной из тех многочисленных, полупрозрачных широких платформ, на которых мелкими, едва заметными точками передвигались какие-то существа. Там были, очевидно, и элы, и иные, совсем не похожие на них представители других рас. Некоторые из них ходили на двух ногах, а некоторые и на четырех. Кое-кто был даже покрыт густой длинной шерстью, отчего напоминал весьма странных и удивительных зверей.

– Вот мы и дома, – с чувством произнесла Люн. – Видишь, там на левой платформе, чуть ближе к краю стоит высокий эл. Это мой отец. Он нас встречает. Я отослала ему сообщение, когда нас ждать. Поэтому теперь все будет хорошо.

Еще примерно через полчаса они сели и Антон, до сих пор не до конца осознавая, что находится на твердой поверхности, немного попрыгал на месте. Люн же тем временем обнималась с отцом, который ей что-то очень активно рассказывал и, как казалось, даже ругал. Но он был явно рад ее видеть, отчего на глазах у него проступили прозрачные слезы. Наконец они оба подошли к Антону и Люн представила его.

– Вот пап, это и есть тот человек, о котором я столько тебе говорила, и в существование которого не поверил в прошлый раз Совет плоскостей. Вот видишь, – она улыбнулась, – он настоящий. Можешь даже потрогать его, – она ткнула Антона пальцем в бок.

– Простите мою дочь, – произнес высокий эл мелодичным и очень приятным голосом, чуть сливавшимся с шумом ветра, – она всегда была такой, не слишком послушной. Но за это мы с женой ее и любили, – эл тихо вздохнул. – Но позвольте представиться, – он немного, ну совсем по-земному кивнул головой, – Эолари. Полного имени я вам называть не стану, потому что оно очень длинное, да вам, наверное, этого и не нужно. Я, конечно, давно знаю кто вы такой – Люн мне про вас все уши прожужжала – он потрепал девочку по волосам, – рассказывая какой вы из себя и на каком языке

говорите. – И я очень рад поприветствовать вас на нашей планете. Конечно, полагаю, что официальный прием был бы сейчас более кстати, но, – он вновь посмотрел на дочь, – она не захотела. «Пусть это будет для них сюрпризом», – сказала она мне. И это она о Высшем Совете плоскостей. Ведь на том прошлом Совете, ее так и не пожелали выслушивать. Поэтому такая вот маленькая месть. Но тем не менее, – эл опять слегка поклонился, – я постараюсь, чтобы ваше пребывание на Эо было максимально комфортным. И я, конечно, представлю вас Высшему Совету. Однако, полагаю, вы сильно устали с дороги и поэтому пройдемте теперь, пожалуйста, за мной. И да, если вас что-нибудь заинтересует, то спрашивайте обо всем свободно, не стесняйтесь.

Антон промолчал. Нет, у него, конечно, накопились уже некоторые вопросы по поводу всего того, что он здесь видел, однако он решил их пока не задавать. Он только украдкой поглядывал иногда на Эолари, пытаясь понять, отчего же это он был так похож на человека. Нет, он, конечно, был такой же полупрозрачный как и сама Люн, но эти его манеры, кивки головой, язык. Все это было так по-земному и от этого казалось еще более странным. Если только... «если только сама она не подготовила его к этой встрече», – пришел он наконец ко вполне логичному и пожалуй, единственному в данной ситуации выводу. И тут вдруг и, как казалось, ни с того ни с сего, разговорился сам эл, который сначала ждал, конечно, когда его гость начнет задавать вопросы. Однако

убедившись, что Антон был настолько поражен увиденным, а возможно и просто устал с дороги, решил проявить предупредительность и начать разговор первым:

– Здесь так тихо, – начал он с самого первого, что пришло ему на ум, – потому что вокруг космопорта, – он плавно повел рукой, – находится особое поле. Оно придает водородным и гелиевым потокам, которые здесь очень сильные, свойства сверхтекучести. Поверьте, это не так уж и сложно, учитывая то, какая низкая температура здесь. Вы даже можете, например, видеть весь этот ветер и облака, которые проносятся мимо нас. Видите их? Да, это именно облака. Так вот, все эти газовые потоки очень тонко огибают нас, не создавая почти никакого давления. И более того, могу то же самое сказать и про молнии. И вот такого, – он глянул на Антона, – вы точно никогда и нигде больше не видели. Ведь если здесь пройдет целый каскад разрядов, пусть даже и самый мощный, то он не причинит нам никакого вреда. Электричество просто пройдет ниже, как будто бы обогнув нас и все.

Антон молча смотрел на весь этот мир вокруг и удивлялся. Ведь все эти невероятной силы ураганы, он посмотрел на свою руку, действительно огибали его. И он даже почти не слышал от них никакого шума. А буквально лишь с час назад, у самой кромки атмосферы планеты он думал, что скоро совершенно оглохнет. Также обратил он внимание и на невероятные цвета молний и облаков. Они действительно, как и рассказывала ему когда-то Люн, были всевозможны-

ми: и красновато-малиновыми, и светло-голубыми, и даже коричневыми. И все это действительно теперь было очень красиво.

Тем временем они подошли к небольшому, такому же полупрозрачному строению, в котором, как оказалось, был почти обыкновенный, весьма похожий на земной, пневматический лифт. Им предстояло еще спуститься вниз километров на пятьдесят, где – как объяснила ему Люн – условия были куда менее экстремальными. Потом они практически падали в течение получаса, пока наконец не очутились на нижней, еще более обширной полупрозрачной платформе. Здесь было уже совсем мало элов. Да к тому же еще и сама атмосфера вокруг не казалась настолько насыщенной. Точнее, она была почти полностью свободной от облаков, которые туманной дымкой надвисали либо невероятно высоко наверху, либо, но уже более плотно, громоздились внизу. И еще Антон в этом гигантском просвете увидел наконец сферы. Все они были светло-зеленого или просто зеленого оттенка. Но встречались, хотя и довольно редко, бледно-серые. Они просто парили в воздухе, иногда плавно сходясь друг с другом и также плавно расходясь в разные стороны. И еще эти сферы отличались по своему размеру. Там были и совсем небольшие, километра два-три в диаметре, в которых жил, по всей видимости, один эл, а были и крупные. Антон невольно посмотрел на глаза Эолари. Они также были зелеными.

– Я вам рекомендую остановиться в месте для путешественников, – произнес отец Люн.

– В гостинице, – тут же поправила его девочка.

– Да, там, – Эолари с улыбкой вздохнул, поскольку земной язык давался ему с явным трудом. – Но можете остановиться и у меня, например, если пожелаете. Или даже, – он глянул на дочь, – у Люн.

– Я все ему уже рассказала, папа, – отозвалась девочка, – и он будет жить у меня – добавила она безапелляционно.

На это Эолари лишь пожал плечами и посмотрел на Антона. А тот тоже пожал плечами и улыбнулся.

– Хорошо, – подытожил разговор эл, – живите тогда у нее, тем более, что вы знакомы с нашими правилами и добровольно соглашаетесь полностью зависеть от ее воли. А я тем временем постараюсь связаться с высшими элами из плоскостей, чтобы они созвали Совет. И думаю, – он с мягкой улыбкой посмотрел на Антона, – у нас теперь все получится.

– Еще бы не получилось, – весело поддержала его Люн, – пусть только попробуют отказаться, когда у нас есть теперь живой человек с Земли.

– Первый человек с Земли, – дополнил ее фразу Эолари.

Затем он вежливо попрощался с Антоном и Люн и, тихо присвистнув, подозвал к себе уже своего Гнорха, на котором тут же и скрылся вдаль, затерявшись где-то между парящими в воздухе сферами и редкими облаками.

– Интересно, – проговорил Антон задумчиво, – у вас что,

все на таких животных летают что ли?

– Нет, конечно, – немного рассеянно ответила девочка, которая высматривала в небе своего Гнорха. – А ты разве не видел, в космопорте еще, таких огромных длинных тварей? Они, правда, раньше дикими были и даже нападали на элов иногда, но потом их приручили и используют теперь в качестве межзвездного транспорта.

– Нет, – ответил Антон, – я там все больше на ветер смотрел и на молнии. Опасался просто, что нас или ударит рядом, или совсем разорвет.

– Они, знаешь, похожи на ваших китайских драконов, ну, или как вы их там у себя на Земле называете. У них такие же вытянутые морды, короткие лапы и очень длинное тело. Вот только летают они крайне быстро. На таком звере, например, можно долететь до вашей Земли всего за неделю, а то и меньше. И лететь на них могут сразу несколько десятков элов, а не как мы с тобой, вдвоем, – она улыбнулась. – Но знаешь, пора нам уже ко мне лететь, а то я лично страшно устала.

Тут Люн наконец, заметив в небе своего Гнорха, громко свистнула, отчего тот, видимо приученный беспрекословно подчиняться командам, камнем спикировал вниз и приземлился рядом.

– Все, кротик, обратилась она к Антону, полезай на него, нам тут уже совсем недалеко осталось, а заодно и на мой дом посмотришь. Я разрешаю.

Тут она попросила его закрыть глаза, после чего дотронулась двумя пальцами до его век, и когда Антон свои глаза вновь открыл, зрачки его оказались такого же зеленого цвета, как и у Люн.

– Это твой временный пропуск ко мне, – пояснила девочка, когда Антон посмотрел на себя по ее совету в стеклянную поверхность платформы. – И именно поэтому, кстати, никто не может попасть в сферу без личного разрешения ее хозяйина. Поскольку передать такой пропуск можно лишь добровольно.

После этого они вдвоем привычно уже влезли на Гнорха и полетели. И тут у Антона даже дух захватило от обширнейшего цветового пейзажа, что распростерся вокруг. Он видел и очень странные облака внизу и наверху, и невероятные сферы всех цветов и размеров, и молнии, буквально ливнями расплавленного электричества проливавшиеся то здесь, то там, не причиняя при этом никому никакого вреда. Видел он и зыбкий туманный просвет, уходящий в, как казалось, самую бесконечность, туда, за невероятно далекую линию горизонта, изгиб которого был абсолютно неразличим. А еще он услышал довольно странные звуки, доносившиеся откуда-то снизу. Раньше, там наверху, когда они еще только прилетели на планету, он этих звуков не слышал. Отчего и спросил у Люн.

– Не надо, кротик, не спрашивай меня, – в этот момент Антон почувствовал, как девочка сильно вздрогнула. – Могу

только сказать, что если ты когда-нибудь решишь полетать здесь один, то ни в коем случае не опускайся ниже тех скученных облаков, – она кивнула головой. – Потому что там зона не подконтрольная элам и там тебя никто не спасет.

– А чего там такого страшного? – вновь спросил ее Антон, но уже с любопытством.

– Чудовища, – коротко ответила ему Люн и замолчала.

На этом разговор был завершён, поскольку Антон более уже не стал настаивать, а кроме того, они наконец подлетели к той сфере, в которой, по всей видимости, жила Люн.

– Ну, кротик, – спросила она, остановив Гнорха и улыбнувшись, – готов ли ты довериться мне полностью? Не забывай: там, внутри, я могу делать все, что захочу, а ты нет. Ну, что скажешь, заходишь ли ты ко мне?

– От тебя Люн, – Антон чуть крепче обнял ее сзади и наклонил голову, – я приму все что угодно, – после чего развернулся и первым шагнул в зеленую сферу.

Девочка прыгнула с Гнорха сразу вслед за ним, отчего и наскочила на Антона уже сзади. И вдруг, не то чтобы один лишь взгляд ее или голос, а буквально все поведение Люн резко переменялось. Отчего она сначала грубо и с силой оттолкнула Антона в сторону, а затем, обойдя полукругом, повернулась назад и, плотно сжав губы, посмотрела ему прямо в глаза. И такого взгляда как сейчас, Антон не видел у нее никогда. Это был взгляд наглый, бессовестный и абсолютно дикий. Сам Антон чуть попятился назад из-за всего

этого, выставив вперед одну руку. А Люн вдруг подскочила к нему и очень сильно за эту руку его укусила. После чего снова посмотрела ему в глаза, в которых читался теперь неподдельный испуг, злорадно улыбнулась, наклонила голову и несколько раз лизнула в то место, где мог остаться след от укуса. А потом вприпрыжку и совершенно беззаботно поскакала вглубь своей сферы. Там она уселась за огромный, по всей видимости, рабочий полупрозрачный стол и, насвистывая какую-то чудную мелодию, стала делать что-то с другой цифровой пленкой, которая лежала сейчас перед ней. Антон робко позвал ее. Но девочка не ответила. Она теперь, как казалось, вообще его не замечала, полностью погрузившись в себя и свои заботы.

33. В гостях у Люн

Прошло около получаса и Антон, которому уже просто надоело стоять вот так на одном месте, решил попытаться выйти назад из сферы. И пусть там было высоко, а Гнорх Люн скорее всего давно уже улетел, но ведь он и сам прекрасно умел летать, а значит смог бы легко добраться до той полупрозрачной платформы, на которую они спустились на пневматическом лифте. «Да и какого черта, – сказал он себе, – она тут, видите ли, с ума сходит и делает, что ей вздумается, а я должен все это терпеть?» Но к величайшему своему удивлению покинуть сферу он не сумел, потому что она просто не выпустила его из себя, оказавшись на ощупь сделанной словно из какой-то твердой, гладкой резины. И это Антона уже по-настоящему испугало. Он даже стал подумывать, как бы ему теперь защититься от девочки, если она вдруг снова попытается на него напасть. Но Люн как и прежде спокойно сидела за своим столом и все также не обращала на него никакого внимания. «Лю-юн», – почти неслышно позвал он. Но ответа вновь не последовало.

Тогда он решил незаметно пробраться, двигаясь вдоль внутренней поверхности сферы, к обширным зарослям кустарника, которые находились чуть правее от него и в сторону от стола Люн. Еще там были какие-то невысокие, странного вида плодовые деревья с сиреневыми цветами и фиоле-

товыми листьями. «Да у нее тут целый инопланетный дендрарий», – подумал он, осторожно переступая ногами. Однако Люн, как оказалось, прекрасно видела все эти его перемещения, отчего и неожиданно обратилась к нему, что заставило Антона даже вздрогнуть.

– Там стой, – жестко приказала она, – я сама тебе все покажу, а то еще сломаешь что-нибудь.

Антон не нашелся что ответить, но на всякий случай все-таки остановился. Так прошло еще минут пять. Наконец девочка поднялась из-за стола и, подойдя к нему, взяла за руку.

– Вот это, – она указала пальцем на густые заросли кустарника посреди сферы, – мой лес. Туда тебе заходить нельзя. А вон там, – она указала на дальнюю часть сферы, которая была километрах в пяти от них, – моя река и пруд. У того пруда есть деревянный домик, видишь, маленький такой? Там ты будешь сегодня спать. Но до этого поможешь мне еще разобраться с коллекцией артефактов. Я должна навести в ней порядок. Поэтому лишние руки мне совсем не помешают.

– Но я... – начал было Антон.

Однако девочка сразу же его прервала, чуть даже прикрикнув:

– Молчать, – рявкнула она, – будешь говорить, когда я скажу. Или сама с тобой заговорю. Сейчас же, иди в свой дом и переоденься. Твоя одежда никуда не годится, вся изодранная и в дырках, позор. Наденешь там одежду моего отца, она по крайней мере, не рассыпается от холода и ветра.

Антону ничего другого не оставалось, кроме как подчиниться. Он, на самом деле, чувствовал себя здесь уже почти на положении раба, хотя и не переставал с любопытством, а иногда и с улыбкой поглядывать на Люн. «Да, конечно, – сказал он себе через некоторое время, что они шли бок о бок по песчаной дорожке, – пусть это и очень неудобно, и даже немного страшно, но где бы я смог еще вот так без прикрас и притворства увидеть ее настоящую, истинную сущность?» Ведь он в тот момент, действительно имел дело с по-настоящему скрытой ее натурой, с тем, что иногда называют подсознанием. А значит ему и вправду нужно было сейчас вести себя предельно осторожно и внимательно.

Наконец они дошли до того маленького домика. В нем из мебели были лишь плавно изогнутый, похожий на овальную чашу мраморный столик и длиннющая невысокая кровать, на которую Люн тут же и улеглась. Она еще раз приказала Антону переодеться в одежду отца, после чего стала с явным любопытством наблюдать за ним. Однако Антон, как ни старался, так и не смог надеть на себя даже широкого цветастого балахона, который являлся, по всей видимости, верхней одеждой. Отчего тут же и растерянно поглядел на Люн. А та лишь как-то недовольно фыркнула, пробормотав нечто наподобие: «Вот еще, жирный кабан», после чего плавно сползла с кровати и растянулась прямо на коврике на полу. Антон сел на кровать. И тут его так сильно стало клонить ко сну, что он даже невольно закачавшись, начал заваливаться

набок. Но девочка не дала ему уснуть. Она взяла его за руку и потребовала рассказать ей какую-нибудь историю. «Вот уж еще очередные новости, – выругался про себя Антон, – я тут теперь ей сказки на ночь рассказывать буду». Однако воспротивиться ее воле все-таки не посмел и стал рассказывать какую-то длинную запутанную историю, состоявшую из смеси сказок и были, которую тут же на ходу и сочинил. Девочка же молча и внимательно его слушала, при этом медленно и, видимо, также неосознанно закрывая глаза.

Когда же она наконец уснула, Антон поднялся и, осторожно ступая, пошел исследовать ее сферу. Его собственный сон в тот момент словно бы перешел каким-то образом к Люн, отчего он почувствовал себя вполне бодрым и энергичным. Выйдя из домика, он направился сначала к тем живописным водопадам, которые тихо шумели невдалеке. «Да-а, – сказал он себе, – это у нее тут, похоже, древний японский сад из крупных камней, растений и воды. Интересно, где она его подсмотрела? А вот там, наверное, французский парк с тихим заросшим прудом, неспешной речкой и газоном. А тут, явно парк английский, почти не тронутый уходом, но от этого еще более очаровательный. Пробрался он и в тот странный лес, в который Люн запретила ему ходить. Вот только ничего особенного там не обнаружил, за исключением лишь нескольких забавных лохматых зверушек, которые лазали по ветвям деревьев. Но вообще в сфере Люн было как-то не слишком уютно, да и не прибрано. Везде валялись разные

вещи: куски блестящих или ярко окрашенных предметов, одежда, обувь, просто какой-то хлам. «Да, – подумал Антон про себя, – маленькая она еще, отчего и не приучилась пока к порядку». Он даже сложил кое-что из того, что нашел разбросанным вокруг ее стола. А также навел порядок и на самом столе, аккуратно разложив все предметы по стопкам. Когда же он, примерно через час вернулся назад к себе домику, девочка там все еще крепко спала, мирно посапывая прямо на коврике на полу. Антон хотел было переложить ее на кровать, но все же не решился этого сделать, побоявшись вновь навлечь на себя гнев ребенка.

И он сам тогда не заметил как уснул, да и от чего проснулся тоже не слишком-то понял. Он лишь почувствовал себя теперь вполне отдохнувшим и выспавшимся. Отчего медленно встал и с невыразимым удовольствием потянулся. А потом собирался было уже идти к водопаду, чтобы умыться, как неожиданно и совсем рядом с собой увидел Люн. И даже не то чтобы всю ее, а как ему тогда показалось, одно лишь ее лицо. И это лицо было совершенно белым от гнева.

– Никогда, ты слышишь, никогда не смей трогать мои вещи! – буквально прошипела сквозь зубы девочка. – А то ты останешься в этой сфере навсегда. Ты понял это, пришелец?

«Как странно она его сейчас назвала, – подумал Антон, внутренне содрогнувшись. – „Пришелец“, – так это что же, мы теперь с ней, получается, почти что уже чужие? Да как такое вообще возможно? Что я ей, мальчишка какой-нибудь

или лохматый питомец из тех, что лазают у нее по веткам? Нет уж!»

– Знаешь что Люн, – не выдержал он наконец, – я долго терпел твои выходки. Но всему есть предел. Открой свою сферу и выпусти меня отсюда. Надоело...

Но он не договорил. Потому что девочка подобно злобной дикой кошке, причем с точно таким же визгом, набросилась на него. И такой ярости от этого, в общем совсем хрупкого на вид создания Антон никак не ожидал, отчего и кинулся наутек. Он даже сам тогда не слишком то понял, что его так напугало. То ли само ее лицо, то ли невероятная скорость, с которой девочка на него напрыгнула. Но он просто не смог совладать с собой. А ведь такое действительно нередко случается в дикой природе, когда какой-нибудь не очень большой и сильный зверь, преисполненный бешеной агрессии, прогоняет, например, от своих детенышей, куда более опасного хищника. Вот только теперь в положении такого хищника оказался сам Антон, который ну просто-таки удирал что есть мочи, от совершенно взбесившейся девочки. Ему даже казалось иногда, когда он оглядывался, что она стала как будто чуть крупнее, а быть может, время от времени и слегка пригибалась, чтобы отталкиваться от пола еще и руками для скорости.

Наконец она загнала его на какую-то песчаную отмель, что была сразу за речкой из «французского парка». И ему, чтобы добраться до нее, пришлось даже эту речку переплыть.

Теперь же он стоял там согнувшись, пытаясь хоть как-то отдышаться, да еще и весь мокрый. «Чего это я такое сейчас переплыл, все думал он, лихорадочно отфыркиваясь и наблюдая, как его одежда медленно покрывалась голубоватой хрустящей коркой. Ведь это не простая вода, уж точно. А впрочем, не важно. Главное, что она, – он глянул на девочку, – не собирается, похоже, преследовать меня здесь». Однако обрадовался он рано. Потому что сидеть ему на этой отмели пришлось довольно долго. Люн более не пускала его в свои владения, для чего время от времени и подходила к реке проверяя, не переправился ли он на ее сторону.

Сам же Антон теперь вообще не представлял, что ему делать и когда закончится это вынужденное его заточение. А еще он подумал, но уже чуть погодя, когда более или менее успокоился, что мог бы эту речку попросту перелететь, но, видимо от страха, элементарно забыл тогда об этой своей способности. А Люн тоже не стремилась попасть на его сторону, по-видимому не желая слишком уж обострять конфликт. Так он и сидел на этом берегу странной реки, лишь изредка наблюдая, как девочка ходила туда и сюда по берегу противоположному. А потом он уснул. И Люн отчего-то не потревожила его во сне. Видимо, она посчитала теперь эту песчаную отмель его собственной территорией, пусть хотя бы и на некоторое время. Когда же он проснулся, то не столько даже увидел, сколько почувствовал резкую перемену.

Словно бы сам воздух внутри этой огромной сферы те-

перь изменился и перестал быть полным агрессии, которая буквально наэлектризовывала его всего несколько часов тому назад. Антон посмотрел на тот берег. И точно, Люн все еще находилась там. Но теперь она уже не стояла в напряженной позе, словно бы готовясь напасть на него, а тихо сидела у самой кромки «воды», медленно текущей мимо нее. Антон встал и плавно перенесся на другую сторону. А девочка даже не отреагировала на его появление. Она все так и продолжала сидеть вся какая-то съежившаяся и неподвижная. Он подошел к ней и сел рядом. Люн же, словно в порыве очень глубоко скрытых и не до конца выраженных чувств, вдруг громко заплакала и прижалась к нему.

– Мама, – почти проскулила она, – мама. У меня нет мамы, – теперь уже зарыдала девочка. – Она умерла, погибла там внизу, – Люн вытерла слезы о рукав рубашки Антона. – ее чудовища убили пока она спала.

– Люн, пожалуйста не плачь, – попытался успокоить ее Антон.

Он, конечно, сразу тогда догадался почему она так переменялась. Видимо, эта старая, но все еще крайне болезненная рана заглушила весь ее гнев целиком, отчего она просто не в состоянии была сейчас злиться. Ей крайне необходимо было теперь уже что-то совсем иное, доброе и успокаивающее. Что могло бы дать ей хотя бы надежду, что она не одна в этом мире, опасном и безжалостном. Что кто-то мог позаботиться о ней. Антон спокойно встал, потом нагнулся и,

взяв ее на руки, медленно понес к дому. Там он уложил девочку на кровать и накрыл единственным, что смог там найти, – сотканным словно из огромных ярких цветов и совершенно невесомым одеялом. А потом сел рядом с ней и стал рассказывать сказки, какие только сумел вспомнить. А Люн его слушала. Наконец она успокоилась и проговорила:

– Спасибо тебе, кротик, что ты у меня прибрался. Я ведь такая неряха, – она улыбнулась сквозь слезы. – И еще, ты очень хорошо рассказываешь, мне понравилось. Я буду теперь часто-часто тебя к себе приглашать, чтобы ты мне рассказывал на ночь. А то ведь мне больше некому. Отец мой, – ну, он очень занятой эл, и у него просто нет свободного времени. И кроме того я хочу чтобы это был кто-то посторонний.

– Я не посторонний тебе, – проговорил спокойно Антон, – и я очень тебя люблю.

– А Катя? – девочка посмотрела на него внимательно.

– Ну, это совсем другое. Катя взрослая девушка, поэтому мы и живем с ней вместе. А ты...

– Что я? – глаза девочки блеснули, – я тоже хочу быть взрослой. И тоже хочу жить как Катя.

– Вот когда будешь взрослой, тогда и поговорим. А сейчас спи лучше и пусть тебе приснится молодой и прекрасный эл, который полюбит тебя и позовет в свою сферу. И вы будете жить там с ним долго и счастливо и никогда не будете ругаться. А еще...

Но он не успел договорить, потому что Люн опять заснула. Антон поднялся с пола и, невзирая на недавний запрет, пошел через все те же парки и разноцветный лес к ее столу, на котором лежала полупрозрачная пленка. Там он включил ее и стал просматривать последние полученные записи. И первым, на что наткнулся, было приглашение его самого и Люн в Высший Совет плоскостей. Запись торжественно возвещала, что такой-то такой-то, бессмертный представитель Земли, – «почему бессмертный, – подумал Антон», – и Лууна Леоларис, – «ах вот как звучит ее настоящее имя», – он глянул в сторону домика, – милостиво приглашаются в такой-то день в священный храм пяти плоскостей, где состоится Высший Совет. Еще там было в изысканнейшей форме выражено почтение к нему самому и почему-то к отцу Люн, который воспитал такого замечательного представителя планеты элов. И прочее, и прочее, все в том же духе. Текст был вообще довольно длинным и витиеватым, и написан был на двух языках: одном земном – русском, а втором, по всей видимости, местном. «Та-ак, – сказал Антон сам себе, – вот и сбылась наша мечта. По-крайней мере не зря летели. Оставалось теперь, правда, еще убедить этот Совет помочь людям, но в этом Люн, или как ее правильнее называть, Лууна, уж точно преуспеет». А потом что, лететь назад? Но ведь у него тоже были некоторые вопросы. Вот только сумели бы эти элы дать на них ответ, он не знал. Однако решил, во что бы то ни стало задать хотя бы один из них, тот, который никак не давал

ему покоя, а именно: «Кто же он сам-то наконец такой и откуда у него все эти способности».

Прочитав сообщение, Антон еще какое-то время просто сидел за этим полупрозрачным столом, размышляя о том о сем, а потом встал и повернувшись, просто-таки замер на месте в ужасе. Перед ним, в точности как и вчера еще, когда он проснулся в том маленьком гостевом домике, с лицом буквально окаменевшим от бешенства стояла Люн.

34. Высший совет

– Я бы тебя убила, – прошипела девочка сквозь зубы, блеснув каким-то острым предметом в своей руке, – если бы не Высший Совет, на котором нам нужно появиться вместе. Но никогда, ты слышишь, никогда ты больше не войдешь в мою сферу.

Тут она отвернулась и произнесла уже более спокойно:

– Отец мой нас ждет снаружи. Закрой глаза и подойди ко мне, я позволю тебе выйти.

Антон исполнил приказ. А девочка, как и в прошлый раз коснулась двумя пальцами его век, отчего зрачки Антона вновь стали прежнего цвета.

– А теперь, пошел вон, – буквально прорычала она, – я сейчас же за тобой выйду.

После чего направилась к своему полупрозрачному столу и стала изучать информационную пленку пытаясь понять, куда это Антон еще у нее лазил. Наконец она тоже покинула пределы сферы, отчего едва не столкнулась с Гнорхом отца, на котором помимо Эолари сидел теперь и сам Антон. Люн вновь что-то зло пробормотала про себя, видимо не до конца еще отойдя от своей вседозволенности, а потом привычно свистнула, подзывая уже своего Гнорха. До платформы они летели порознь. Отец Люн, конечно, задал Антону несколько общих вопросов, но по его обрывистым фразам, а в боль-

шей степени по интонации догадался, что их гость провел эту ночь не слишком благополучно. Тогда он спросил у Люн, что произошло, но та лишь недовольно скривила губы и отвернулась.

– Та-ак, ну понятно, – примирительно произнес Эолари. – Надеюсь, что в Совете плоскостей у вас все получится лучше, чем при совместном проживании, – он улыбнулся.

А Люн, которая до этого момента явно с большим трудом сдерживалась, вдруг хлопнула себя ладонями по коленкам и рассмеялась.

– Ой пап, – импульсивно проговорила она, – я когда-нибудь с ним просто с ума сойду. Ведь это же такой непроходимый дурак, – она опять, причем на этот раз уже немного согнувшись, засмеялась.

Антон с Эолари недоуменно посмотрели друг на друга. Один решил, что у этого ребенка сейчас, наверное, может случиться истерика. А другой, более опытный, подумал, что его дочь, пожалуй, слишком уж быстро взрослеет. И все же Антон после этого посещения сферы Люн стал как-то несколько по-другому к ней относиться. И это чувство, пусть это и могло показаться немного странным, было сродни уважению к этой маленькой, непосредственной, но в чем-то уже совсем взрослой девочке. Наконец они долетели до полупрозрачной платформы.

– Я здесь вас покину, – сказал Эолари, – потому что дальше мне запрещено лететь. Вас будет сопровождать другой,

специально обученный эл, который вам все покажет и объяснит. Однако, позвольте мне дать вам один совет, – он обратился теперь уже больше к Антону, – будьте искренни, не пытайтесь ни хитрить, ни уж тем более обманывать. Высшие элы очень проницательные существа и увидят вас насквозь. Но, – он посмотрел теперь лишь на одного Антона, – насколько я успел вас узнать, скрывать вам совсем нечего. И вы очень хороший представитель Земли, да и просто человек, – он улыбнулся.

А Антон, поблагодарив его за теплые слова, прошел вместе с Люн к другому элу, который стоял неподалеку. И этот, второй эл был совсем иным, чем отец Люн. Во-первых, он был более высоким, да к тому же еще и почти прозрачным. А во-вторых, одет он был довольно странно, хотя, как странно, с точки зрения Антона, конечно. В длинный бледно-фиолетовый с переливом в зеленый балахон с высоким воротником-стойкой. Тонкие и такие же длинные кремового цвета штаны поверх коричневых сандалий. А также в почти невидимую, похожую на эфир сорочку, совершенно уж неопределенного цвета. Помимо одежды, на нем были еще и украшения, которые не казались особенно изящными, но тем не менее весьма удачно гармонировали с остальным цветастым его нарядом. И это были кольца, которые эл носил по одному на каждом запястье как браслеты, на ногах на уровне лодыжек и еще одно на шее. Всего колец было пять и украшены они были какими-то искусно выгравированными письменами.

ми.

Эл молча провел Антона с Люн к их новому транспорту, который представлял из себя почти обыкновенную, но очень крупную птицу с исключительно ярким оперением. После чего ловко влез на нее сам и они взлетели. Путь их не был слишком долгим, поскольку птица была невероятно быстрой, отчего, ну просто со свистом разрезала разряженный воздух своим острым изогнутым клювом. Так что примерно через час они уже вылетели за пределы атмосферы Сатурна, но теперь приблизительно на уровне экватора. И тогда у Антона вновь и уже в который раз за последний день перехватило дыхание. Поскольку он увидел, причем с совершенно иного ракурса кольца планеты, которые были воистину огромными. Да и в самом деле, с этой точки обзора кольца казались, ну просто бесконечными, равномерно отражавшими солнечный свет и исчезающими где-то невероятно далеко в глубинах космоса. Они понеслись над ними.

Антон во время этой части полета не переставал разглядывать эти кольца, стараясь различить их структуру. Прежде всего он увидел там лед, а точнее, большие и малые глыбы белого и перепачканного чем-то серым льда, которые медленно поворачиваясь, проносились метрах в двадцати под ними. Еще там была пыль, очень яркая. И поскольку Солнце освещало теперь именно эту сторону планеты, то и разглядеть там можно было все в мельчайших подробностях. А еще, но уже вокруг и немного выше клубился светлый туман

или дымка, состоявшая, по всей видимости, из совсем уже мелких частичек того же самого льда или пыли. Эта дымка хотя и была довольно разреженной, но простиралась очень высоко над кольцами. «Метров на сто, не меньше», – сказал Антон сам себе, задрал голову.

Наконец они остановились. Ровно над одной из тех щелей, которые тонкими длинными линиями разделяли кольца планеты. Она не была такой же широкой, как щель Кассини, например, а напротив довольно узкой. И тогда эл, который их сопровождал, очень четко и громко скомандовал: «Держитесь!». После чего направил птицу внутрь этой безымянной щели и вдоль нее. И вот теперь уже эта огненная птица разогналась до действительно умопомрачительной скорости. Гнорх Люн даже и близко не смог бы подобной скорости развить. А Антон все смотрел то вправо, то влево, не понимая, куда же они таким образом вообще могут прилететь. Наконец ему надоел этот однообразный пейзаж из проносящихся мимо блестящих глыб льда и пыли, и он закрыл на несколько минут глаза. А когда открыл их, то к своему удивлению обнаружил, что тот разреженный туман, что он наблюдал над поверхностью колец, стал как будто обретать определенную форму. Люн тоже смотрела, широко раскрыв глаза, за происходящей вокруг нее метаморфозой. А ведь раньше она даже и подумать не могла, что Высшие элы, которых она в жизни так никогда еще и не видела, живут вот прямо здесь, у нее под носом.

Тем временем птица разгонялась все быстрее и быстрее, но тем и понятнее становилось все то, что происходило вокруг. Оказалось, что Высшие элы, живущие в плоскостях, жили на самом деле на поверхности колец планеты. Однако, являясь почти полностью прозрачными, да еще и движущимися вокруг Сатурна вместе со всеми своими садами, дворцами и прочими постройками, походили со стороны обычного наблюдателя на сильно разряженный туман. Который как раз и видел Антон всего пару часов тому назад. Наконец они разогнались до необходимой скорости и эл, сопровождавший их обернулся. «К сожалению, – произнес он все тем же ровным мелодичным голосом, – бессмертный гость с Земли не может непосредственно пройти в Храм Высшего Совета, поскольку не обладает свойствами элов и лед, составляющий кольца Эо может ему повредить. Поэтому все представители Великих Колец соберутся здесь сами, на границе этой щели. И на этом разрешите мне сейчас проститься с вами и откланяться, поскольку моя миссия на этом завершена». После чего плавно поднялся вверх метров на десять и, так же плавно подлетев к границе щели, исчез где-то за ее пределами.

Антон с Люн остались одни. Они, конечно, понимали, что вращались вокруг Сатурна с бешеной скоростью, однако их птица, похоже, совсем уже не разгонялась отчего даже не шевелила своими крыльями. Тогда они попытались посмотреть за пределы щели, но мало что сумели там разглядеть, по-

скольку находились существенно ниже уровня ее поверхности. Однако они точно увидели там – для чего даже ненадолго встали на птицу во весь рост – какие-то деревья, изогнутые и остроконечные крыши домов и даже совсем уж далекие, странного вида башни.

И вот наконец, спустя несколько долгих минут ожидания над самым краем безымянной щели словно из небытия возникло сразу несколько почти полностью прозрачных элов. Хотя на самом-то деле, в них и элов трудно было узнать. Это были словно некие, едва различимые призраки, бестелесные, невесомые, зыбкие. Они сначала молча посмотрели на своих посетителей, а затем по очереди и, вновь почти по-земному, склонили перед ними свои полупрозрачные головы.

– Мы рады приветствовать тебя, о Бессмертный, в наших владениях, – проговорил один из них, судя по всему, самый главный. – А также мы рады видеть и тебя Лууна Леоларис здесь рядом с ним. К нам редко заходят гости, однако для вас мы сделали исключение. Поэтому разрешите нам ответить на ваши вопросы, прежде чем вы успели их нам задать.

Тут эл немного помолчал, словно ожидая каких-либо возражений, и продолжил:

– Ты, пришелец с Земли, – не человек. Но родился ты от земной женщины. Один очень древний, появившийся миллиарды лет назад на краю Вселенной луч живого света, задел твою мать, отчего ты и стал таким. Этот луч вышел из чер-

ной бездны, а поэтому был очень жестким, ярким и полным энергии. Этот луч и есть твоя душа, которая обрела свое новое тело на Земле. И поэтому ты намного старше, чем предполагаешь. От того места, где луч вырвался из оков тьмы до Земли примерно пять миллиардов световых лет. А значит твой возраст примерно такой же. И ты проживешь еще очень долго, так долго, как никто из простых смертных не мог бы и мечтать. Поскольку являешь собой силу жизни, которая даже мертвое может делать живым и поэтому твое тело, которое у обычных людей является лишь ожившей плотью, отчего и обращается в прах после смерти, – живое. Причем, оно полностью живое. И даже, если предположить, что ты когда-либо и умрешь, то ты исчезнешь весь без остатка. Но теперь ты расскажи нам свою историю, поскольку мы тоже хотим тебя послушать.

Антон, конечно, несколько растерялся поначалу, но затем, подбадриваемый шепотом Люн и жесткими тычками ее локтя в бок, все же приступил к рассказу. Он не стал, конечно, пересказывать всю свою биографию целиком, а начал лишь с момента, когда столкнулся в ту достопамятную ночь с незнакомцем в своем тихом подмосковном поселке. Эл неожиданно, хотя и очень вежливо прервал его:

– Позволь нам объяснить тебе, о Бессмертный, с кем ты столкнулся тогда. Эта была прямая противоположность твоей силе, силе жизни. Но как и в твоём случае, та сила была также огромной. Это, в сущности, было нечто совершен-

но мертвое, такое мертвое, что способно убить живое. И не только лишь одну плоть его, а саму душу. Поэтому, если ты являешь собой силу бессмертной жизни, то твой противник был живым мертвецом. Демоном, одним из самых страшных демонов Земли. И я даже могу назвать тебе его имя. Но куда важнее другое. Мы довольно давно уже наблюдаем за всем, что происходит в нашей звездной системе. А оттого знаем, что этот демон вырвался в наш мир через портал, созданный им и другими демонами на Луне. Он, конечно, еще долго потом путешествовал, прежде чем вернулся назад на Землю, но теперь это уже и не столь важно. Главное, что ваша планета благодаря тому, что ты сделал, стала куда более радостной и свободной. Да и сам ты, наверное, заметил это, когда улетал. Однако, прости меня, я немного увлекся. Продолжай свой рассказ.

Антон продолжил. Он рассказал, как добрался после того столкновения с незнакомцем до своего дома. Как нашел в поле алмазы и даже, как отмывался от пепла на кухне. Он даже рассказал им, как не узнал себя в зеркале, а также о том, как лег тогда спать. Однако, когда он начал рассказывать о той мертвой женщине, которая попыталась ночью его убить, то вдруг почувствовал, что что-то пошло не так. Потому что элы тихо, но едва ли не лихорадочно стали перешептываться друг с другом. А потом уже и вовсе прервали его. И на этот раз сделали они это без должного такта. Эл, который стоял рядом с главным, прямо на полуслове оборвал Антона и по-

просил того еще раз повторить историю с мертвой женщиной. Антон повторил. И вот уже после этого, все переменялось окончательно. Элы, которые до сих пор были очень спокойными и невозмутимыми, вдруг стали какими-то нервными. И если бы Антон только не видел их впервые, то подумал бы, что в их лицах начал угадываться с трудом сдерживаемый страх. Люн, в свою очередь, тоже почувствовала нечто неладное, отчего время от времени и с испугом поглядывала теперь то на Антона, то на Высший Совет. Наконец главный эл, прервал все более разраставшуюся неожиданную сумятицу и тихо проговорил:

– Страшную весть ты принес нам, о пришелец с Земли. А поэтому мы вынуждены теперь прервать Высший Совет пяти плоскостей.

Но тут он обратился уже непосредственно к Люн, которая порывалась все что-то сказать.

– Прости нас, Лууна Леоларис, – он с чувством склонил голову, – мы не сможем тебе чем-то помочь. Потому что теперь людям вообще никто помочь не сумеет и мы должны думать уже о собственной безопасности и о спасении Эо. Прости, – он еще ниже поклонился девочке, выражая этим, по всей видимости, свое глубочайшее сожаление. – Но, чтобы хоть как-то скрасить тебе обиду, которую, видит бог, мы не хотели тебе причинить, позволь нам преподнести тебе эти кольца. Их всего пять, как ты видишь, и их могут носить только Высшие элы. Но для тебя мы делаем исключение. Эти

кольца дадут тебе защиту, которая очень скоро может тебе понадобиться. Надень их и тогда все, что будет соприкасаться с твоим телом приобретет свойство сверхтекучести. Жидкости, излучение или газы будут тебя огигать, не причиняя никакого вреда, а твердые тела соскальзывать. Тебе же, о Бессмертный, позволь нам подарить этот черный алмаз. Он крайне редкий и также может тебе скоро пригодиться. Всю информацию о твоём рождении на Земле и появлении там демона мы передадим Лууне. А еще, позволь нам пожелать тебе удачи. И пусть судьба благоволит всем добрым твоим начинаниям.

После этого все представители Великих Колец разом поклонились своим гостям и скрылись за туманными пределами безымянной щели. А Антону с Люн ничего другого не оставалось, кроме как направиться назад на ту полупрозрачную платформу, где их терпеливо ожидал Эолари. И птица с удивительно ярким, почти огненным оперением очень долго летела теперь в противоположную сторону, хотя и сильно разгоняясь, но при этом и останавливаясь. А потом они встретились с отцом Люн и рассказали ему обо всем, что произошло. Люн, прямо там на месте сразу же надела свои кольца и пошла их испытывать. А Антон показал элу тот черный камень, который получил на Высшем Совете. И вид этого камня поверг Эолари в настоящий ужас. Отчего он сначала задрожал всем телом, а затем, совершенно уже неестественным для себя голосом все же смог пояснить, что такие

камни собирали страшные обитатели черных сфер, которые встречались под зоной скученных облаков. Тех облаков, в мрачных глубинах которых жили чудовища.

35. Вниз

Антон долго потом еще рассказывал Эолари о том, что происходило на Высшем Совете, а эл внимательно его слушал. Наконец Эолари, поблагодарив Антона за подробный рассказ, и сам решил поделиться с ним своими соображениями.

– Высшие элы, – начал он, – дали вам этот камень, конечно же, не случайно. И явно для того, чтобы вы смогли передать его тем... – он сделал неопределенный жест рукой, – представителям нашей расы, которые живут в черных сферах. Но вот только зачем, непонятно. Ведь вам от них совсем ничего и не нужно. Ходят, конечно, разные слухи, что некоторые из обитателей черных сфер способны разрывать само пространство. По крайней мере живое. А значит могут и перемещаться сами, и перемещать других элов на любые расстояния. Конечно, простого человека, например, они переместить не смогли бы. Но вас, – эл посмотрел на Антона, – вполне. Но все это, повторяюсь, лишь обыкновенные слухи, да и вообще, куда вам дальше еще лететь-то?

– К черной бездне, конечно, – Антон даже удивился, что Эолари сам этого не понял. – Ведь на Совете мне прямо сказали, что моя душа в виде живого светового луча именно из такой черной бездны и вышла. Правда, это место очень далеко отсюда, за пять миллиардов световых лет. Но если, как

вы говорите, эти «черные» элы могут перемещать живых существ вне пространства, а значит и вне времени, то, кто знает, возможно они смогут и мне помочь?

– У вас богатое воображение, уважаемый представитель Земли, – Эолари улыбнулся, – говорю же, все это лишь пустые домыслы и ничего более. Да к тому же само путешествие к черным сферам очень опасное, я бы даже сказал, смертельно опасное. Из тех глубин, насколько я знаю, вообще мало кто возвращался живым. А значит я, в данном случае, как принимающая сторона просто не могу вам позволить сделать это. Или по-крайней мере, отпустить туда одного без должного сопровождения.

– Мне абсолютно все равно, – как-то уж действительно слишком спокойно ответил Антон. – Я знаете ли в последнее время совсем разучился бояться, – однако, вспомнив о своем недавнем пребывании в сфере Люн, вынужденно добавил, – почти. А значит я отправлюсь туда, и уже завтра. А сегодня мне все-таки нужно немного поспать. Подскажите пожалуйста, где здесь находится это «место для путешественников», как вы его назвали, потому что больше спать в сфере Люн я уже не хочу.

А элу и не надо было ничего объяснять. Он еще утром и так догадался, что у пришельца с Земли и его дочери случился какой-то конфликт, отчего тут же и без лишних вопросов проводил Антона к нужному месту. Там находился все такой же полупрозрачный, овальной формы дом, напоминав-

ший по виду пчелиный улей. Здесь у каждого постояльца был собственный отдельный вход и такой же, совершенно изолированный номер. А в нем уже путешественник мог обустроиваться как ему заблагорассудится в соответствии с любыми своими предпочтениями. Отец Люн показал Антону как пользоваться интерактивной панелью на стене комнаты и, вежливо попрощавшись, удалился. А Антон быстро нашел на этой панели Землю, – правда было совершенно непонятно, кому она могла здесь понадобиться – потом выбрал в появившемся меню то, что пожелал и включил климатическую установку. И в тот же миг его комната наполнилась чистейшим свежим воздухом, наполненным ароматами земли, деревьев и трав. А стены, созданные из каких-то воспроизводящих изображение материалов, показали еще поля, лес и речку. Высокий же потолок – голубое небо, облака и яркое солнце. Где-то вдалеке запели птицы, что просто-таки вынудило Антона завалиться на стоявшую здесь же огромную кровать и в невыразимом блаженстве закрыть наконец глаза.

Спал он не слишком долго, но очень крепко, а оттого прекрасно выспался. Открыв же глаза, он вновь увидел Эолари, который сидел в полупрозрачном кресле, что стояло в дальнем углу его комнаты. А эл, заметив, что Антон наконец-то проснулся, невнятно пробормотал некое ободряющее приветствие, после чего снова попытался его отговорить от задуманной авантюры. Впрочем делал он это теперь не слишком уверенно, видимо и сам понимая всю тщетность своих

усилий. Наконец он произнес:

– Вчера, сразу после разговора с вами, я вышел на связь с Высшими элами, а у меня есть возможности для этого, – он гордо посмотрел на Антона. – Так вот, они меня уверили, что путешествие, которое вы запланировали, абсолютно безопасное. Я, признаться, и сам не до конца понял, почему. Но они мне сказали, что никакое чудовище из тех, что живут в зоне скученных облаков не сможет вам повредить. И еще они мне сказали, но с тем, однако, условием, чтобы я сообщил об этом лишь только вам, что тот черный камень, что они вам вручили, действительно предназначался для передачи его в качестве подарка одному из обитателей черных сфер. Вот уж, – эл покачал головой, – никогда бы не подумал, что Высший совет поддерживает хоть какие-то отношения с подобными, с позволения сказать, существами. Но все, о чем мы вчера с вами говорили, – на этот раз он уже тяжело вздохнул, – оказалось правдой. И путь ваш лежит теперь вниз, вглубь Эо, в мир запредельного давления, ужаса и мрака. Однако, позвольте мне вас все же заверить, если уж вы окончательно решились на такое путешествие, что я восхищаюсь вами и завидую вашей смелости.

«Или глупости», – подумал про себя Антон. Но затем все-таки поднялся с кровати и подошел к элу, который распротер перед ним свои объятия. Покидая номер, он еще поинтересовался у Эолари, как там Люн, но тот лишь коротко ответил, что у нее все в порядке. Затем они прошли к

краю полупрозрачной платформы, где и простились. К счастью, на платформе в такой ранний час практически не было других элов, а оттого никто не заметил, как Антон спрыгнул вниз. В ушах у него засвистел порывистый встречный ветер, а зона разноцветных и очень даже красивых в это ясное утро скученных облаков, стала постепенно приближаться. Полет его, впрочем, длился не слишком долго, не более получаса. По истечении которого он на бешеной скорости просто-таки вонзился в эти облака словно пуля. Он даже еще подумал тогда, что вот уж, чего это они так все по-перепугались там наверху, ведь в этом месте он не увидел не то чтобы чудовищ, но и вообще никаких живых существ. Однако радость его была недолгой.

Буквально через пару минут своего головокружительного падения во все более сгущающемся сером тумане, он вдруг очень сильно ударился о что-то твердое, после чего отлетел на несколько метров назад и вновь упал на это самое нечто. Антон встал, огляделся, но из-за клубящихся плотных облаков вокруг, ничего толком не разглядел. Он лишь видел, что это нечто представляло из себя очень темную бугристую поверхность, уходящую далеко во все стороны. «Это еще что такое, – подумал про себя Антон, – ведь тут вообще никакой твердой почвы быть не должно». Он пошел вдоль этой поверхности, потом поднялся в воздух и полетел. И только тогда наконец, более или менее уже осознал, что это такое было.

Пролетев примерно с километр, он сделал небольшой полукруг, поскольку заметил, что поверхность под ним стала плавно изгибаться и медленно уходить куда-то вниз. Потом оглянулся назад и просто-таки замер в ужасе. «Вот оно, – сказал он себе одними губами, – да-а, это точно оно. И не то чтобы чудовище даже, а что-то...» – он попытался мысленно подобрать нужное слово, но не сумел. Да, действительно, то, что он в тот момент увидел, превосходило все, даже самые жуткие его кошмары. Огромный, ужасающий, невообразимый монстр простирался сейчас перед ним. И хотя Антон видел лишь небольшую часть его морды, и похоже, не самую страшную, но и этого, впрочем, было вполне достаточно, чтобы понять почему элы настолько боялись этой области. Потому что всего лишь одни чешуйки этого монстра были уже воистину огромными. Они были примерно десятиметровой длины, да еще и скрывали под собой каких-то скользких отвратительных тварей, которые время от времени высовывали наружу, то свои покрытые шерстью черные щупальца, то головы. Антону стало уже совсем не по себе, отчего он ускорился и пролетев, видимо, над одной из многочисленных лап чудовища, направился вниз.

И тут он неожиданно почувствовал, как нечто, словно бы очень бережно или даже нежно обняло его за ногу, а потом и потянуло назад. От этого он сначала так растерялся, что даже и не испугался совсем. Однако потом, когда обнаружил, что это нечто, было длинным, покрытым все той же мерз-

кой шерстью щупальцем, которое вытянулось из-под одной из чешуек монстра, едва не закричал. Он попытался было сначала развернуть руками тот двойной узел, которым щупальце оплело его ногу, но безуспешно. Тогда он попытался его ударить, тоже без толку. И вот уже после этого, он наконец почувствовал действительно настоящий страх, отчего весь напрягся и рванул что было силы щупальце руками в разные стороны.

То, что произошло потом, повергло Антона в настоящий шок. Дикий, невообразимый, неземной вой буквально сотряс всю эту зону скученных облаков в радиусе, наверное, километров ста. А тот гигантский монстр, которому принадлежало порванное щупальце, вдруг с невероятной ловкостью развернулся на месте и нацелился своей чудовищной мордой на самого Антона. И теперь уже не то чтобы одно или два, а сотни таких длинных щупалец накинудись на него. А потом и огромная чешуйчатая морда, с развернутой пастью возникла перед ним из расступившихся в разные стороны облаков. Она была похожа на настоящую гору, которую раскололи надвое. А вот и язык, разделенный на сотни таких же длинных черных щупалец и зубы, испускавшие яд словно жерла вулканов.

У Антона от всего этого зрелища, как ему тогда показалось, просто остановилось сердце. Отчего он, быстро разорвав еще несколько щупалец, которые уже успели оплести его, почти неосознанно и что было сил, рванул вниз. И та-

кой скорости как сейчас, он не развивал еще никогда. И если бы только он знал в тот момент, куда лететь и не боялся пропустить нужное место, то развил бы, наверное, скорость света. Поэтому не прошло и пяти минут, как весь этот леденящий душу ужас остался далеко позади. А монстр, по всей видимости, отстал от него окончательно. Других же подобных тварей вокруг видно не было. Антон плавно остановился и посмотрел по сторонам. Но нет, здесь облака были еще более плотными, отчего и разглядеть в них почти ничего уже было нельзя. Хотя, вот там, вроде, какое-то движение почудилось ему и вон там еще. Антон подлетел поближе.

Да, и это были сферы. Но не черные, которых он намеревался достичь, а красные. Они плавно парили в малоподвижных облаках, то скрываясь, то вновь появляясь в просветах между ними. «Интересно, – подумал Антон про себя, – что за элы находятся в них? Наверное какие-нибудь насильники или убийцы, которые теперь вообще не могли выйти наружу. Ну что же, так оно, наверное, для всех было и лучше. А то, как там ему говорила Люн, злодеи ведь не виноваты, что они злодеи. Просто так их природа создала, а общество подчас поспособствовало». Антон еще некоторое время понаблюдал за этими сферами, а потом, и уже безо всякой спешки продолжил свой путь вниз. И тут он услышал не то чтобы крик или голос, а словно бы затухающее далекое эхо, которое показалось ему очень знакомым. Он прислушался. «Да нет, померещилось наверное, – решил он поначалу. – Хотя,

вот опять и уже с другой стороны». Но почему этот голос звучал так привычно для него. И тут вдруг Антон снова замер на месте в невыразимом ужасе, но уже не за себя, а за то маленькое, но очень смелое создание, которому этот голос принадлежал.

– Люн, боже мой, – с трудом сдерживаясь, шептал он, когда девочка подлетела к нему и буквально повисла на шее, – да как же ты решилась? Неужели же ты пролетела мимо всех тех ужасных тварей? Господи, да я так с ума с тобой, наверное, скоро сойду.

– Ну что ты, кротик, не надо так, – Люн даже стала его успокаивать, – здесь не так уж и страшно. А кроме того, с моей защитой, – она указала на свои кольца, – мне теперь все нипочем. Так что давай собирайся с мыслями и полетели скорее дальше. Я, на самом деле, больше опасалась, что тебя не найду среди всей этой мути, – она повела рукой. – И вот это уже было бы действительно плохо.

Антон промолчал. Он, конечно, был сейчас и очень рад, но и напуган, что Люн была рядом с ним. А кроме того, ведь теперь в любом случае поделаться ничего было нельзя, а значит лететь вглубь планеты им пришлось бы в любом случае вместе.

И вот наконец, они достигли нового просвета в облаках и, похоже, последнего на Эо. Далее под ним начинались только квазиоблачные плотные образования, после которых шли разного рода жидкости и в конце концов твердое ядро. Од-

нако и здесь все было уже совсем не так, как на поверхности. Гигантское давление, от одного которого теперь даже передвигаться было довольно тяжело. Температура, также весьма высокая, да к тому же еще и странные движения самой атмосферы, абсолютно непредсказуемые и какие-то толчкообразные. Иногда вам даже казалось, что вас кто-то все время мелко трясет, отчего и пейзаж вокруг довольно сильно дрожал и расплывался. И тут Люн потянула Антона за руку, указывая на что-то вдалеке. Антон пригляделся. «Точно, – сказал он себе, – так и есть, это она, черная сфера, в существование которых наверху мало кто даже попросту верил». Они направились к ней.

Сфера эта была огромной, раз в десять крупнее той, в которой жила Люн. Она медленно плыла в потоках сильно сжатого воздуха, едва заметно покачиваясь то в одну, то в другую сторону. Иных же подобных сфер вокруг видно не было. Так что Антон с Люн спокойно подлетели к ней и, быстро поднявшись на самую вершину, уселись на поверхности.

– Ну и что нам теперь делать? – спросил Антон, с трудом переводя дыхание, – он все еще зачем-то пытался дышать, хотя этого ему вовсе не требовалось.

– Не знаю, – также с трудом ответила Люн, – ведь нас совершенно не видно и не слышно изнутри. И поскольку нас никто не ждет, то я, признаться, даже... – она постучала по поверхности сферы.

– А нельзя как-нибудь силой войти, – предположил Ан-

тон, вспомнив, как недавно разорвал руками несколько щупалец.

– Да нет, наверное. По-крайней мере до сих пор никто ничего подобного не делал, да и вообще этот материал, – она вновь постучала по поверхности сферы, – просто невозможно порвать.

– Почему невозможно, – усомнился Антон, – все возможно при должном усилии.

– Нет, сила здесь не поможет. Про сверхтекучесть помнишь? Да, – это вот она и есть. Материал этой сферы такой, что все что с ним соприкасается обретает свойства сверхтекучести. Ну, примерно по такому же принципу, как работает мой костюм, – она указала на свои кольца. – А поэтому вся твоя сила просто соскользнет с него и пройдет мимо. И ты даже не сможешь за него как следует ухватиться.

– Но тогда получается, что мы вообще напрасно сюда летели. Ведь то существо внутри не может выйти наружу, а мы не можем войти внутрь.

– Нет, кротик, выход какой-то должен быть. Ведь не зря же Высшие элы дали тебе черный алмаз. Значит он для чего-то был нужен. Попробуй хотя бы им, что ли, постучать.

Антон достал алмаз и постучал. Потом повозил им по поверхности. Но нет, это не помогло. Тогда он просто лег на эту поверхность откинувшись назад и посмотрел наверх, куда им, возможно, вскоре пришлось бы возвращаться. Сам черный алмаз он все по-прежнему держал в своей руке, ко-

торая лежала сейчас на сфере. И тут он вдруг почувствовал, как нечто, почти незаметно, словно тоненьким невесомым перышком легонько дотронулось до его запястья изнутри.

36. Узел жизни

Антон вздрогнул и поднялся: «Люн, – произнес он, – там что-то есть внутри, оно сейчас до меня дотронулось». Девочка посмотрела на него, а потом на сферу:

– Ты знаешь, кротик, – произнесла она тихо, – я вот, что-то совсем не уверена, стоит ли нам туда идти. Ведь даже те чудовища, что мы видели с тобой наверху не идут ни в какое сравнение с тем, что находится под этой оболочкой, – она указала на сферу. – Хотя, конечно, я и не представляю, что это такое.

– Нет, Люн, ты как хочешь, а я отправлюсь внутрь, если только оно, – он тоже посмотрел на сферу, – мне позволит.

После чего снова лег на спину как лежал прежде и вытянул руки в разные стороны. И вновь, что-то легонько коснулось его запястья изнутри. Я затем вдруг возник и голос. И этот голос был таким нежным и мелодичным, что у Антона даже что-то защемило под ложечкой. Ему почему-то сразу и безумно захотелось туда, под эту непробиваемую твердую преграду, в черную сферу. Отчего он произнес:

– Простите, но я не понимаю вас. Если можете, говорите, пожалуйста, на моем языке.

Последовало недолгое молчание. А затем он услышал:

– Хорошо незнакомец, я буду говорить так, чтобы ты меня понимал, – это был явно женский голос, очень приятный, –

и подскажу, как попасть ко мне. Ведь ты этого хочешь?

– Да, – произнес Антон уверенно, – я хочу попасть внутрь. Но, только, я не один. Со мной еще один гость, – он посмотрел на Люн, – девочка. Позволено ли ей тоже будет войти?

– Конечно, – все с той же сладкой мелодичностью произнес голос, – вы только приблизьте свои лица вплотную к сфере, чтобы я могла дотронуться до ваших век. Да, вот так. А теперь другой стороной. Все, незнакомцы, – на этот раз уже почти торжественно произнес голос, – вы можете войти.

И Антон с Люн вошли. И они, конечно, готовы были ко всему, что могли там увидеть, но только не к этому. Потому что увидели счастье. Самое настоящее живое счастье, которое буквально обрушилось на них с разных сторон. Это был восторг, наслаждение, которые почти осязаемо накатывали на них подобно морским волнам отовсюду. И хотя они слышали только стоны и крики, но все эти звуки были звуками счастья. Невыразимой и неизъяснимой песнью, гимном блаженству. Лица же, которые находились сейчас вокруг них и вдоль внутренней оболочки черной сферы, были невероятно измождены, но тем не менее в них чувствовались такие невыразимые радость и удовольствие, что Антон с Люн на несколько секунд буквально застыли на месте. «Да как же такое возможно, – подумали они, причем одновременно, – чтобы все эти существа, – а вокруг их было множество, – были так счастливы?» Ведь эти элы, которые сидели сейчас в больших клетках или на полупрозрачных цепях, а кто и

просто был подвешен в воздухе на крючьях; все, буквально все стонали от переполнявших их чувств безудержного наслаждения и восторга. И они даже тянули руки к этим двум неожиданным гостям, которых теперь видели, но не за помощью, а в попытке свое безмерное счастье с ними разделить.

Наконец Антон с Люн немного отошли от этого первого шока и посмотрели на само существо, женщину, хозяйку черной сферы. Это была обыкновенная на вид женщина, эл, которая смотрела на них спокойно и приветливо.

– Проходите ко мне, уважаемые гости, – обратилась она к ним, сделав изящный жест. – К этим никчемным тварям, – она посмотрела на сидящих в клетках и на цепях, – не приближайтесь пока. Вам еще рано.

Тут она достала из-за пояса нечто похожее на длинный хлыст и изо всех сил ударила им элов, что находились ближе остальных к ней. Отчего те, вопреки ожиданиям, вновь застонали, а некоторые даже и завизжали от неопишуемого восторга. Затем женщина плавно опустилась на дно сферы и предложила своим гостям, которые неотступно следовали за ней, боясь отчего-то отстать, присесть и отдохнуть. Антон с Люн отказались, поскольку все еще озирались по сторонам в немом удивлении. И теперь они уже разглядели не только самих измученных элов, что находились вокруг, но и нечто иное, куда более страшное. А именно части их тел, которые также были либо подвешены в воздухе, либо просто хаотично разбросаны по полу.

– Что это? – спросила дрожащим голосом Люн, в ужасе уставившись на окружавшие ее мертвые куски. – Я брежу?

– Нет девочка, – ответила ей женщина, вместо замершего в оцепенении Антона, – то, что ты видишь – счастье. Простое живое счастье, которого вы, насколько я понимаю, даже и близко никогда не испытывали. Посмотри на этих никчемных тварей, – женщина повела рукой вокруг, – неужели же ты думаешь, что я насильно удерживаю их здесь. Нет, конечно. Они вольны выбирать все, что им заблагорассудится. Они даже могут покинуть мою сферу в любой момент. Я позволяю им. «Я позволю вам!» – громко и как-то неожиданно крикнула женщина, обратившись уже к своим узникам. – Но они выбирают боль и страдание, потому что в них и скрыто самое глубокое, самое острое счастье, которое только доступно живым существам. Они и в клетках-то этих сидят лишь для того, чтобы еще сильнее мучится. А я дарю им это счастье, отчего они почитают меня за высшее существо. Они даже молятся мне иногда, как богу и просят о боли. Ну а я, в меру своих возможностей, дарю им эту боль. Я бью их, калечу, иногда даже травлю ядами. Отчего они страдают невыразимо. Но при этом и не убиваю их. И об этом они тоже меня просят, потому что смерть для них – горе. Ведь умерев, они не смогут больше мучиться, а значит и испытывать настоящее счастье. Они рождаются здесь в моей сфере и умирают. Они влюбляются иногда, но я всякий раз разрушаю их любовь, за что они всегда мне бывают очень благо-

дарны. Единственное вот только, когда появляются на свет, они еще какое-то время не понимают меня и плачут от боли и страданий. Но очень скоро они умнеют и впредь уже никогда не жалуется, а наоборот просят. Поэтому мою сферу, – она вновь повела рукой, – вполне можно назвать сферой счастья, поскольку таких чувств как здесь, вы не встретите больше нигде.

Антон задумался: «А ведь действительно, если отбросить весь этот садистский бред, что она так старательно им сейчас пересказывает, то по факту получается, что она в общем-то и права, по-своему. И он действительно нигде не встречал настолько счастливых и преисполненных радостью лиц, как в этой жуткой сфере».

– Так что же, – продолжила женщина, – зачем вы пришли, уважаемые гости? – Она почему-то исключительно вежливо обращалась к ним, – ведь что-то мне подсказывает, что не стремление к мукам блаженства привело вас в мою сферу.

– Вы правы, – сдержано ответил Антон, – у меня есть одна просьба к вам или вопрос, не знаю... – он посмотрел на женщину. – У меня тут один камень, – он достал черный алмаз, – говорят, очень редкий. Так вот, мне его дали, чтобы я мог заплатить вам, ну, чтобы вы переместили меня в любую точку пространства.

– Ах-х, я знаю, – ответила женщина, хищно сощуриив глаза, – это Высшие элы? Мразь, подонки, выродки. Они там сидят в своих плоскостях и думают, что они лучше других, –

глаза женщины блеснули затаенной злобой. – Так вот, что я вам скажу, – они и есть самые гнусные создания этого мира. Они, а не я. Потому что именно они приведут всю цивилизацию элов к катастрофе. Я давно это поняла и поэтому полностью отрешилась от мира. Я, и именно я приняла на себя всю боль и ужас того, что они упорно создают там, наверху. Как же удобно быть хорошими и добренькими, притворяясь при этом всю свою жизнь. А вот вы попробуйте быть плохим. Но ведь зло неискоренимо и если кто-нибудь не примет на себя всю эту тяжкую ношу, то зло уничтожит тогда всех. Вы слышите, всех. И этих дураков из плоскостей, и тех, кто живет в обычных сферах. Никого не останется, одна лишь мертвая планета и такие же мертвые кольца ее. А я творю зло. И вы думаете я не знаю этого? Но это зло во спасение и оно просто необходимо тем, кто живет в покое и счастье там, наверху. Но хватит об этом, – женщина слегка успокоилась, – значит, вы говорите, вам нужно куда-то лететь, а куда?

И тут Антон посмотрел на нее так, что женщина в изумлении даже приподняла одну бровь, потому что ясно поняла, что ее гость вообще не знает куда ему нужно. А значит...

– А значит, если оно так, – она ласково улыбнулась, – то вы останетесь здесь у меня и примете свое счастье. Допускаю, что сначала вы будете не слишком этому рады. Это и сейчас уже читается в ваших лицах, преисполненных сильным испугом, но потом, очень скоро, вы поймете меня и станете такими же как и они все, – она повела рукой в сторону. – Ну,

что скажете, готовы ли вы... начать? Я, – она вновь приятно улыбнулась, – готова.

– Погодите, погодите, – спешно вступила в разговор Люн, – я, кажется, знаю.

Тут она достала из своей сумки полупрозрачную пленку, после чего активировала на ней голографическое изображение. И в тот же миг все они увидели высшего эла, который подробно описывал некое место в далеком космосе и называл его координаты. Потом он начал объяснять еще какие-то детали, но Люн остановила воспроизведение.

– Это мне прислали из Высшего Совета в тот же день, – пояснила она. – Ведь кроме самых общих сведений, – она глянула на Антона, – мы тогда вообще ничего не получили. Да и они сами сказали, что все подробности перешлют потом. Поэтому, вот, – она указала на замершую голограмму.

– Все ясно, – кивнула головой женщина. – Я знаю это место. Ну а раз так, то пойдете. Но смотрите, не сожалейте потом, что отказались, ведь другой такой возможности у вас больше уже не будет.

– Нет уж, спасибо, – нервно хмыкнул Антон, – как-нибудь обойдемся.

И тут женщину словно подменили. Она вдруг резко обернулась и, яростно зашипев, вся будто ошетибилась. Она развела руки в разные стороны и, медленно шевеля тонкими длинными пальцами, стала на полусогнутых ногах как-то боком и полукругом неспешно подходить к Антону. Зрелище

это было настолько ужасным, что у того у самого едва не подкосились ноги. А женщина в молниеносном прыжке резко подпрыгнула к нему и несколько раз ударила согнутыми пальцами по щеке. После чего отпрыгнула назад и, все еще издавая свое свистящее шипение, стала словно бы чего-то ожидать. И только сейчас Антон заметил, что ее ногти, которые она как скорпион чуть выставляла вперед, были очень необычными, – словно бы свернувшимися тонкими длинными трубочками, острыми на концах и загнутыми вниз. А еще с них что-то капало. «Яд», – подумал Антон с содроганием, после чего посмотрел уже и на лицо женщины. Однако оно ничего не выражало. Как ни странно, но несмотря на все это агрессивное поведение, лицо ее все по-прежнему оставалось спокойным и добродушным. И это действительно было ужасно, отчего Антон как-то внутренне поежился и почти инстинктивно притянул к себе поближе Люн. А женщина тем временем, видя, что ее нападение не принесло никаких результатов, развернулась и пошла, как ни в чем не бывало, дальше.

Шли они очень долго, часа три. Наконец они заметили вдалеке нечто светящееся, яркое и словно бы переливающееся золотистым теплым светом. И это нечто было очень похоже на желтоватую трехмерную ткань, сотканную словно из самого этого света, которую туго стянули к центру, отчего на ней образовались изящные длинные драпировки или складки. Люн остановилась.

– Ты знаешь, – прошептала она тихо, – что это такое? Кро-
тик, кротик, – она потянула Антона за рукав, – да это же сама
та живая мембрана, помнишь о которой я тебе рассказывала.
Но только тут она словно бы стянута к той точке, смотри, –
она указала пальцем. – Вон к тому центру, а оттого и видна
сейчас. Боже мой, боже мой... – Люн замолчала.

А женщина, плавным жестом указав гостям на свое сокро-
вище, пошла дальше. Антон, в свою очередь, тоже замер на
месте. Он, как и Люн просто не мог сейчас пошевелиться,
потому что увидел действительно нечто потрясающее и та-
кое прекрасное, что у него просто не было слов. Ведь он ли-
цезрел в тот момент, по сути, саму жизнь. Такую, какая она
есть на самом деле. И это был свет и изящные золотистые
складки этого света, которые тонкими длинными лучами тя-
нулись в разные стороны. Антон посмотрел куда они шли, и
обнаружил, что эти складки, теперь уже едва различимыми
призрачными полосами касались тех клеток, в которых сиде-
ли несчастные искалеченные элы. «Ах вот оно что, – сказал
он себе, – значит она использует их страдания и боль, чтобы
растягивать само пространство жизни, а возможно и разры-
вать его где-то там, посередине». Он последовал за женщи-
ной.

Наконец они остановились и женщина сказала:

– Дайте мне ваш камень, о Бессмертный, – она почему-то
обратилась к Антону теперь именно так. – Я сейчас растяну
узел жизни и вы сможете в него войти. Но знайте, что проход

будет открыт ровно один час по вашему времени, по истечение которого вы должны будете вернуться назад. А иначе вы навечно останетесь далеко в открытом космосе.

Антон передал женщине черный алмаз, а та, осмотрев его со всех сторон, поместила камень в самый центр этого стянутого к одной точке света, или узла, как она его называла. И тут же этот узел стал расширяться, отчего посередине него образовалась и удерживалась некая сферическая черная область или проход, дальнего конца которого не было видно.

– Скорее ползайте внутрь, – поторопила их женщина, – времени мало. И помните, у вас всего один час.

Антон пролез первым, а Люн следом за ним. Женщина же, пока Люн еще не скрылась в проходе, неспешно подошла к ней и, ласково погладив по голове, сказала:

– Я всегда мечтала о такой дочке как ты. И очень жаль, что ты там погибнешь, – после чего нежно поцеловала девочку в щеку и даже немного помогла ей пролезть в сферический темный проход.

37. Бездна

Антон с Люн оказались в абсолютной пустоте. Такой, какой они никогда еще в жизни не видели. Ни самой планеты, ни звезд, ни даже каких-либо предметов вокруг. Они даже себя теперь не могли различить, а лишь ощущали. От этого они сразу же схватились крепко за руки и прижались друг к другу. Они попытались было сначала говорить, но и этого не смогли толком сделать, поскольку не слышали теперь самих себя. Все что им оставалось, так это лишь думать и при помощи жестов или прикосновений общаться друг с другом. Ощущение времени они почти сразу же утратили, поскольку даже приблизительно не могли сосчитать ни часов, ни минут. Антон касался одной рукой лица Люн, а второй крепко обнимал ее за пояс, боясь потерять. А девочка пыталась говорить с ним одними губами, чтобы он мог хоть как-то разобрать ее слова.

И так прошло довольно много времени, или не много, трудно было сказать наверняка, пока Антон вдруг резко не потянул Люн за платье и не попытался повернуть ее голову в нужном направлении. Но девочке этого вовсе не нужно было, поскольку она и сама где-то далеко-далеко впереди разглядела словно бы едва заметное мерцание нескольких звезд. И эти звезды приближались к ним, отчего она схватила Антона за руку и, не отрывая взгляда от увиденного, еще креп-

че прижалась к нему. Наконец они вылетели из этой пустоты и очутились посреди открытого космоса. И это место показалось им весьма необычным и очень древним, поскольку вокруг было чрезвычайно мало звезд, а те что были, светили на удивление слабо. Антон заговорил первым:

– Послушай, – сказал он дрожащим от волнения голосом, – кажется у нас получилось и мы находимся теперь где-то там, за пять миллиардов световых лет от Земли.

– Или от Сатурна, – тихо добавила Люн. – Знаешь, кро-тик, я вот сейчас вдруг подумала, что с того момента, как нашла тебя уже столько всего успела испытать. Намного больше, чем за всю свою предыдущую жизнь. И это очень хорошо, и мне это нравится, потому что мне с тобой совсем не скучно, – она посмотрела на Антона.

Антон тоже посмотрел на нее. И хотел было уже что-то сказать, но неожиданно замер прямо с полуоткрытым ртом, просто не в состоянии ничего произнести. Люн заметила это и спросила:

– Что, – она посмотрела на себя, – что не так?

– Ты стала старше, – с трудом выговорил Антон.

И действительно, если прежде Люн походила на девочку лет семи-восьми, если судить по земным меркам, то сейчас ей было уже на вид лет двенадцать. Она, конечно, тут же полезла в свою сумку и достала из нее цифровую пленку, на которой включила режим отражения.

– Точно, – сказала она, чуть протягивая слова, – старше.

И... – она еще немного посмотрела на себя, – кажется, красивее.

После чего улыбнулась Антону какой-то странной сдержанной улыбкой и вздохнула. А тот, не зная уже, что и думать, просто взял ее за руку и потянул за собой вперед. Люн, конечно, сделала еще несколько фотографий окружавшего их пустого пространства и записала на пленке относительные координаты того места, где они находились. Потому что выход из той пустоты, в которой они провели неизвестно сколько времени, был среди всего этого, почти совершенно черного космоса, едва различим. Наконец они увидели и нечто определенное, к чему тотчас же и направились. И это было некое слабо освещенное место, располагавшееся прямо посреди космоса, а от того хорошо заметное даже издали. И когда они к нему приблизились, то не смогли уже скрыть удивления, поскольку увидели то, чего здесь, ну никак не должно было быть. И это была река, а точнее, небольшой кусочек ее с тихо журчащей водой, берегами и каким-то человеком, сидевшем на одном из них. Все это выглядело как яркая цветная картинка, грубо оборванная по краям, за которыми вновь начинался темный космос. Они подлетели к этому человеку и уселись на травянистый берег рядом с ним.

Человек повернул голову. Как оказалось, это был совсем молодой еще парень, лет шестнадцати, хорошо сложенный и красивый на вид. Одет он был весьма незамысловато: в коричневые вельветовые брюки и светлую байковую рубашку.

Ботинок на нем не было, поскольку ноги свои он держал в воде. Парень этот вежливо поздоровался со своими гостями, а затем и представился:

– У меня нет имени, – начал он довольно просто, – но я именно тот, кто вам нужен. И я могу ответить на многие ваши вопросы, а точнее, помочь вам вспомнить ответы на них, – он посмотрел теперь лишь на Антона. – К сожалению, все, что вы утратили в черной бездне, как вы ее называете, я передать вам не смогу, потому что то, что ко мне попало, никогда не возвращается назад. Да и сам я лишь тень этой бездны, поскольку не в состоянии значительно удалиться от нее.

– Скажите, – начал Антон с первого, что пришло ему на ум, – а что все это такое? – он повел рукой вдоль берега реки.

– Это тоже тень бездны, – ответил ему парень, – так же как и я. Все это лишь фантазия. Да, признаться, и весь ваш мир, не точно ли такая же фантазия одной черной бездны или другой? И таких мест довольно много, где ничего нет, а только безумно глубокий провал в ткани жизни. Поэтому вы, например, тоже, возможно, чья-то фантазия. И тут все на удивление просто: ведь любые существующие предметы отбрасывают тени. Но и тени, в свою очередь, собравшись в достаточно большом количестве и став по-настоящему темными, могут порождать видения, которые являются их собственным отражением. Да-да, эти отражения тоже могут быть цветными и объемными. Так что все это лишь прямые и обратные

взаимосвязи. Моя же собственная бездна вон там, – парень указал на некую область в космосе, невидимую совсем, но опоясанную слабым фиолетовым свечением. – И если кто не заметит ее и подлетит достаточно близко, то навеки будет поглощен мной. Вот и вы, – он вновь посмотрел на Антона, – когда-то давно пролетали мимо этого места. А поскольку вы не пересекли горизонта событий, то и обрели невероятную энергию, которую позаимствовали у меня и у тех, кто попал вовнутрь. И это был яркий свет и я вас тоже прекрасно помню. Это был жесткий свет, да вы и сейчас примерно такой же. За все то время, что вас здесь не было, вы не потеряли и десятой доли своей энергии, а поэтому будете жить еще очень долго.

– Скажите, – произнес Антон задумчиво, – а все-таки откуда я изначально родом? Ведь это, должно быть, какая-то древняя цивилизация или планета, где я родился и откуда до вас долетел.

– Нет, этого я вам не скажу, – ответил парень, – потому что сами вы этого никогда не вспомните и эта информация попала ко мне. А все, что ко мне попадает, так у меня и остается навечно.

– Но ведь это несправедливо, – вмешалась в разговор Люн, – мы так долго сюда летели, через столько всего прошли, а вы даже не хотите ответить, кто он такой, – глаза ее блеснули.

Однако парень, как казалось, и вовсе не заметил этой ее

реплики. Он по-прежнему продолжал болтать ногами в воде и равнодушно глядеть куда-то вдаль. И это уже Люн по-настоящему разозлило, отчего она фыркнула, как-то вся надулась и, скрестив руки, отвернулась в другую сторону.

– Ну хорошо, – продолжил Антон задавать вопросы, – но скажите тогда, а что будет, если я вновь попытаюсь пролететь мимо вашей бездны. Или даже загляну в нее. Я конечно понимаю, что там ничего нет, но все-таки.

– Вы хотите попасть в ад? – парень даже немного удивился, – что ж, пожалуйста. Это совсем нетрудно сделать, вот только пути назад уже не будет никогда, несмотря на всю вашу энергию. И кстати, если уж спросили, то там ничего интересного и нет. Совсем. Это и есть самая страшная попытка из всех существующих в мире. Неподвижное безумие. Вот вы, например, можете себе представить, что ни вокруг вас, ни в вас самих ничего не происходит? Нет? Так вот и не пробуйте, – парень шевельнул ногой, – потому что если у вас это получится, то вы сразу же сойдете с ума.

– А вот бог, например, он есть? – Антон решил задать этот вопрос, раз уж разговор зашел на подобную тему.

– Ну, если вы о той силе, которая мне противостоит, то – да, – спокойно ответил парень. – Но она, конечно, совсем не такая, как вы там о ней себе навывдумывали. Впрочем, во многих религиях она более или менее верно описана. К сожалению, не все в этом мире относительно и есть такие вещи, постоянные, которые не меняются в зависимости от точ-

ки зрения. Ах, как бы было хорошо, если бы не было этого Абсолюта, тогда можно было бы делать вообще все, что захочешь и безо всяких последствий. Полностью реализовать себя и не оказаться в итоге в изоляции.

– И что, – тихо продолжил Антон, – вы видели ее, эту силу?

– Да я постоянно ее вижу и чувствую, – парень немного занервничал и даже, как казалось, разозлился. – Но она отталкивает меня от себя, не подпускает. Но все равно, – он шлепнул ногой по воде, – я доберусь до нее. А то обидно, знаете, – с одной стороны все время видеть этот свет, а с другой, быть бесконечно далеким от него. И это уже по-настоящему бесит, – парень зашлепал ногами по воде. – А тут еще вдобавок само пространство постепенно отнимает и уже мою собственную силу. Ведь вы не знаете, наверное, но на границе мира и ада постоянно происходит самая настоящая борьба, – он указал на фиолетовое свечение по краям черной бездны. – И я, со всей своей неизмеримой мощью вынужден бороться еще и с самим пространством. Ну ничего, – парень перестал бултыхать ногами, – когда-нибудь я всех их заставлю признать мою власть. Пусть даже для этого потребуется целая вечность.

– Вы слишком самоуверенны, – вновь вмешалась в разговор Люн. – Вы хотите бороться один и со всеми. Но ведь это невозможно. И пространство ваш враг, и та сила, о которой вы сказали. Ну и зачем вам все это? Вы хотите весь мир уни-

чтожить и сделать так, чтобы вокруг не осталось ничего? И ничего уже нигде не происходило? Чтобы везде была одна пустота и ни звезд, ни планет, ни жизни не существовало? Но ведь это же безумие! Хотя, – она как-то неожиданно сама успокоилась, – для вас безумие, похоже, нормальное состояние.

Парень же опять никак не отреагировал на этот ее эмоциональный всплеск, все еще продолжая спокойно водить ногами по воде. Антон тоже посмотрел на его ноги, потом на тот, едва различимый фиолетовый диск, который опоясывал черную бездну, потом куда-то вдаль, за, как казалось, сам край Вселенной. А потом на Люн. И еще раз, но уже с испугом. И потом еще, слегка помотав головой. И только теперь уже, он по-настоящему осознал, что произошло. Люн, вот так и сразу, совершенно неожиданно влюбилась в этого парня, ну, или почти влюбилась. По крайней мере глаза ее, щеки, да и дыхание даже совершенно недвусмысленно говорили об этом. И это была катастрофа. Отчего Антон тут же, едва не закричав от ужаса, буквально схватил ее в охапку и что было сил полетел назад к проходу в пространстве.

И он неожиданно быстро нашел его и нырнул внутрь. И только после того, как их обоих вновь поглотила все та же крошечная тьма, он уже более или менее спокойно вздохнул.

– Лю-юн, – позвал он девочку одними губами, – но не услышал ничего в ответ.

Тогда он протянул руку вперед и попытался нащупать ее

лицо. И это лицо было мокрым от слез. Антон нащупал тогда в темноте ее губы в попытке хоть как-то определить, о чем она говорила, но понял, что девочка лишь что-то кричала в исступлении и плакала. «Боже мой, боже мой, – шептал он про себя, – Господи, прошу тебя, не дай ей полюбить его по-настоящему!» Ведь он совершенно ясно понимал в тот момент, потому что знал с кем только что разговаривал, что если Люн полюбит того призрачного парня, то это будет означать для нее лишь одно, гибель и вечное проклятие. Ведь она тогда всю свою жизнь будет искать этого далекого возлюбленного. Она будет пытаться еще раз пройти через портал. А если не сумеет, то покончит с собой, не выдержит. Антон еще сильнее прижал девочку к себе.

Наконец они приблизились к нужному месту. Антон понял это еще загодя, когда разглядел, пусть и очень тусклую, но светлую точку посреди всего этого беспросветного мрака. Он тихонько выбрался из портала, держа Люн на руках, и стал оглядываться. Им ведь нужно было еще как-то выйти и из черной сферы, причем сделать это они могли лишь с дозволения ее хозяйки. Ведь насилием тут ничего поделать было нельзя. Однако вокруг никакой черной сферы уже не было. Ну, то есть сфера-то была, конечно, вот только она была теперь не черной. Это был абсолютно прозрачный пузырь, похожий на мыльный, но, естественно, гигантских размеров. Антон оставил Люн на некоторое время одну, поскольку девушка была без сознания, и пошел посмотреть. Да, действи-

тельно, – совершенно прозрачная сфера и никакой жизни вокруг. Ни страшной женщины, ни стонов, ни криков, абсолютная тишина. Антон пригляделся к клеткам. Нет в них все еще кто-то был, отчего он подошел поближе. Однако и в клетках жизни тоже не было, а были лишь искалеченные, замученные элы, но уже мертвые. Они молча смотрели на него своими неподвижными глазами полными невыразимого счастья и неистового блаженства. Видимо, хозяйка черной сферы все-таки убила их перед тем как навсегда покинуть свой ужасный дом. Антон вернулся к Люн и, посмотрев на нее... вновь не узнал.

Перед ним теперь лежала высокая девушка, почти взрослая, лет семнадцати по земным меркам. Да еще и очень красивая. Антон невольно залюбовался ею. Длинные, каштанового цвета волосы, светлая, идеального цвета матовая кожа, правильные черты лица хотя и с каким-то диковатым оттенком, точеная фигура. Она была теперь совсем непохожа на ту маленькую озорную девочку, которую он знал прежде. «Вот бы только ее душевная травма, которую она получила там, у черной бездны, не разрослась в неудержимую страсть, – подумал он, вздохнув. – А то ведь это будет, – он оглянулся, – похоже на страсть всех этих несчастных. И результат, наверное, будет тем же». Сам по себе он ведь совсем не изменился. Видимо, реальный его возраст был настолько огромным, что путешествие через портал никак на него не действовало. Он поднял Люн на руки, потому что она все еще бы-

ла без сознания и пошел по направлению к боковой поверхности сферы. Там он легко миновал ее и, повисев в воздухе несколько минут, чтобы хоть как-то сориентироваться, начал постепенно подниматься.

Его подъем наверх прошел вполне себе спокойно. Вот он влетел в зону скученных облаков, в которых теперь вместо красных сфер увидел точно такие же, совершенно прозрачные, чуть переливающиеся световыми бликами пузыри. А вот подлетел к зоне чудовищ, где также не встретил ни одного из них. Лишь однажды, где-то вдалеке, некая гигантская бесформенная тень словно бы шевельнулась неспешно, вытолкнув в сторону огромный столп серых облаков, после чего и затихла в абсолютной неподвижности. Да еще откуда-то, но уже с другой стороны, донесся до него приглушенный, ухающий и совершенно неземной чей-то вой.

И вот он вылетел в свободную зону, тот атмосферный просвет, где преимущественно жили элы. Однако здесь все тоже переменялось. Вместо серых и зеленых сфер, Антон увидел все такие же прозрачные, поигрывающие на свету пузыри, которые были теперь уже необитаемыми. «Да что же здесь такое произошло, – подумал он, начиная сильно нервничать. – Они что, все улетели куда-то что ли?» Он опустился вместе с Люн на полупрозрачную платформу и попытался привести девушку в чувство. Он теребил ее, гладил по волосам, пытался разговаривать. Наконец Люн шевельнулась, а потом и открыла глаза. И то, что она увидела, ей, очевид-

но, сильно понравилось, потому что она, хотя и с некоторым трудом улыбнулась. После чего едва приподнявшись на локте, обхватила Антона за шею и притянула к себе.

38. Назад на Землю

– Где все? – наконец спросила она, когда уже более или менее пришла в себя и огляделась по сторонам, – я никого не вижу.

– Люн, – ответил ей Антон по возможности сдержанно, – я знаю не больше твоего и тоже ничего не могу понять. Ведь нас и не было-то здесь совсем мало времени, ну максимум – день или два, если считать спуск вниз.

– Ты знаешь, это наверное что... – девушка, по всей видимости, стала догадываться, что произошло, – это потому, что мы с тобой были вне пространства и поэтому как раз и произошло разделение систем отсчета. Вот погоди, – она достала из сумки цифровую пленку и посмотрела на время. – Все верно, – продолжила она, – около двадцати семи часов прошло, в нашей с тобой системе, а по местным часам, – она поглядела вокруг, но не найдя ничего для ориентира, предложила лететь в ее сферу.

Антон согласился. Во только искать сферу Люн им пришлось довольно долго, потому что она, как и все остальные теперь, была совершенно прозрачной и отличалась лишь по тому, что находилось внутри. А Антон, пока они летали туда-сюда, все никак не мог оторвать взгляда от девушки, что заставило ее наконец даже спросить, чего это он так на нее уставился. Ну и ему пришлось объяснить ей все:

– Люн, – произнес он, как-то глупо улыбаясь, – я конечно, уже ко всему привык, ну, по-крайней мере, мне так совсем недавно еще казалось, но ты... В общем, посмотри на себя в зеркало.

Люн посмотрела. И то, что она в нем увидела, ей снова очень сильно понравилось.

– Боже мой, кротик, – произнесла она, разглядывая себя с разных сторон, – я ведь теперь совсем взрослая уже и какая красивая!

Тут она весело засмеялась и кинулась к Антону на шею. А тот, в который раз растерявшись и, просто даже не представляя, как себя теперь вести, взял и поцеловал ее в щеку. Наконец они все-таки нашли сферу Люн, отчего сразу и выяснили местное время. Да и не только само время, которое было теперь не так уж и важно, а точный день и главное – год. Как оказалось, их не было на планете почти пять лет, что заставило их обоих задуматься. Люн о судьбе всех элов и о ее престарелом отце, а Антона о Кате. «Бедная, – подумал он, – да как же она там ждет-то меня до сих пор. Наверное, все слезы выплакала», – он грустно вздохнул. А Люн, копаясь в цифровой пленке, что осталась у нее дома, сообщила, что все элы действительно эвакуировались. «Но куда? – спросила она почти риторически, – что-то совсем непонятно. Ах вот, – тут она совершенно уже округлившимися глазами посмотрела на Антона, поскольку нашла нечто определенное, – они, оказывается, тоже воспользовались узлом жизни...»

– И не побрезговали?! – спросил тот, с содроганием вспомнив, что видел внутри черной сферы.

– Нет, – тихо ответила Люн. – И еще, похоже, что у них и выбора-то особого не было, поэтому они и решились, – тут она заговорила совсем тихо, – перебраться на другой конец Галактики».

– Куда? – Антон даже сразу и не понял услышанного, – но почему? И зачем так далеко?

– Я не знаю, – ответила Люн задумчиво. – Но у меня, кажется, есть идея. Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Они свободно теперь вышли из ее сферы и полетели назад к полупрозрачной платформе. Правда до этого, Люн пошарила еще у себя на полках и в столе в поисках чего-то важного, как вдруг обнаружила, что все ее алмазы пропали.

– Вот гады, – заругалась она, хлопнув рукой по столешнице, – самое ценное стащили. И как смогли-то?

– погоди, – произнес Антон, – я кажется знаю зачем они им понадобились, – он внимательно посмотрел на девушку.

– Ты думаешь? – произнесла та, начиная уже догадываться о его мысли. – Хотя, конечно, если выбора нет, то, наверное, и прозрачные алмазы подойдут. И когда грозит такая опасность, то уже не до сантиментов.

– Какая опасность? – Антон все еще ничего не мог понять.

– Пойдем, пойдем, – поторопила его Люн, – там в одном месте наверняка должны быть все ответы, потому что я и сама пока еще не все поняла.

Они потом довольно долго летели среди покинутых теперь прозрачных сфер, причем самостоятельно. Люн свистнула, конечно, несколько раз, но ее Гнорха нигде не было. Наконец они подлетели к высокой, большой, цилиндрического вида башне. «Местный научный центр, – пояснила Люн, подхватив Антона под руку. – Тут мой отец раньше работал. Пошли наверх, там вся информация есть, по крайней мере из этого сектора планеты. Отличная лаборатория, стенды, телескоп и главное – цифровые пленки. Огромные такие, мне их отец не так давно показывал». Но тут она вдруг как-то вся невольно поникла и сбавила шаг.

– Люн, не грусти, – попытался успокоить ее Антон, – мы обязательно их всех найдем и твоего отца тоже.

– Да как же мы их найдем-то? – голос девушки дрогнул, – ведь они уже, наверное, бесконечно далеко, и я даже не знаю, как называется эта область. А портал... – она посмотрела на Антона глазами полными слез, – как мы в него войдем без алмазов?

– Он уже не работает, – тихо проговорил Антон. – Ты тогда без сознания была, но та женщина, помнишь, хозяйка черной сферы, – она убила всех своих пленников. И больше там нет никакого узла жизни.

Люн заплакала. А Антон подумал: «Как странно иногда поворачивается судьба. Ведь та, страшная женщина, все-таки права оказалась. И именно она, как теперь выясняется, а не кто иной помогла элам покинуть их дом и, возможно, спа-

стись. Причем всем спастись, в том числе и Высшим элам, которые были настолько умны и прекрасны, что даже на саму планету почти никогда не спускались. И что теперь? А теперь они все живы и именно благодаря такому вот необычному устройству их мира, которое всем, даже самым последним изгоям давало право и возможность для самореализации».

– Вот, кротик, сюда смотри, – Люн указала рукой на какой-то прибор, который, судя по изгибающимся световым потокам, был связан с главной цифровой пленкой. – Видишь, тут все новости есть. И последние тоже.

А Антон хотя ничего и не мог разобрать из того, что там было написано, но тем не менее стал с интересом наблюдать за быстро меняющимися цветовыми картинками. Наконец Люн сказала:

– Вот оно, тут что-то про Землю, – она посмотрела на Антона, – и еще, что с ней, кажется, что-то не так. А ну-ка, кротик, пошли быстрее наверх, – распорядилась она. – Там прекрасный телескоп есть, точнее, монитор от орбитального телескопа. У вас не Земле, – она подмигнула ему, – таких даже близко пока еще не строили.

И вот они поднялись, но уже на лифте на самый верхний этаж строения. Здесь действительно находилось весьма просторное помещение, оборудованное как некий вычислительный центр: то ли управления полетами, то ли и вправду для астрономических наблюдений. Везде на стенах были закреплены цифровые пленки, которые Люн тут же и включила. За-

тем она перенастроила некий, неизвестно где летающий орбитальный телескоп, и сфокусировала его на Земле.

– Все, кротик, смотри, – гордо произнесла она, – такого разрешения ты больше нигде уже не увидишь.

Антон посмотрел на пленку, самую крупную из всех, которая висела ровно посередине дальней стены центра. Вот только то, что он на ней увидел, его несколько озадачило. Он спросил:

– И что это, я что-то ничего не понимаю. Земля что ли? – он глянул на Люн.

– Да... – ответила та тихо и тоже явно пораженная увиденным.

– Но почему она такая странная? Ведь ее поверхность, теперь словно бы покрыта чем-то, – Антон снова посмотрел на прибор.

– Боже мой, боже мой, – вдруг запричитала Люн, едва владея собой, – ты знаешь что это?

– Что? – спросил Антон, чувствуя что случилось действительно нечто из ряда вон выходящее.

– Это Арон, ваша звезда, чистилище, о которой я столько тебе рассказывала. Это она.

– Но ведь, – Антон не отрываясь глядел на пленку, – это невозможно. Ты же говорила, что Арон – живая звезда и что она где-то внутри Земли. Как же она теперь... словно бы выпирает наружу?

Люн посмотрела на него холодно. И в этом взгляде было

столько боли и отчаяния, что Антон, невольно отвлекшись от пленки, подошел к девушке и обнял ее за плечо. А та, теперь уже действительно с трудом сдерживаясь, все-таки тихонько его руку от себя отстранила и, отвернувшись в другую сторону, сказала:

– Все, кротик, это конец. Это и есть причина, почему все наши сбежали, да еще так далеко. Ты хоть понимаешь, что это значит? То, что ты там увидел.

– Что? – спросил Антон отчего-то по-прежнему спокойно.

– А то, что Арон расширяется и скоро умрет. Так всегда бывает со звездами. Перед смертью они все становятся очень большими, в том числе и живые. Поэтому так.

– И что, сделать теперь уже ничего нельзя?

– Нет, – ответила Люн, чуть прикрыв ладонью рот. – И теперь мы с тобой тоже погибнем. Ведь если будет взрыв, а он почти наверняка будет, то не то чтобы наша планета, а все местное звездное скопление будет лишено какой бы то ни было жизни. Ничто не уцелеет. Конечно, это будет только живой взрыв и сама по себе Земля и Сатурн останутся невредимыми. Но это будут уже пустые планеты. Холодные и безжизненные.

– Нет, Люн, нет, – Антон вновь посмотрел на пленку, – выход какой-то должен быть. Да и вообще, нельзя никогда отчаиваться, а нужно действовать.

– Все это теперь бесполезно, – ответила девушка, – никто не силах тут ничего изменить, – она снова горько заплакала.

– Нет, – вновь повторил Антон, – я не хочу сдаваться и ждать пока умру. Я постараюсь что-нибудь придумать, – после чего подошел к прибору поближе и стал внимательно вглядываться в детали.

– Люн, – сказал он наконец, – мне кажется, что там есть еще живые люди. Вот посмотри, – он подозвал девушку, – видишь, внешняя оболочка Арона. Ведь она не слишком и высоко пока над поверхностью, а в некоторых местах хорошо видно даже саму землю. А вот тут, нет, да ты погляди только, – этот Арон словно бы обтекает крупные дома. Да, те, что из стека, конечно. Мелких я не вижу, – он попросил девушку увеличить изображение, но та сказала, что прибор и так уже на максимуме. – Ну хорошо, – продолжил он, – вот здесь, – он указал пальцем на высокие стеклянные башни, – точно должна быть жизнь. И... – он вдруг, словно вспомнив про что-то, спросил, – та, твоя пленка, ну что мы забрали на Луне, она все еще с тобой?

– Да, – проговорила Люн, доставая пленку из сумки.

Она пока еще не до конца понимала к чему он клонит, но Антон и не стал ничего объяснять. Он просто включил пленку и тут же вскрикнул от радости.

– Вот она, Катя, смотри она жива! – он ткнул пальцем в желтую точку на карте. – Видишь, она все еще жива и сидит, наверное, в той самой пирамиде, в которой мы ее оставили. Люн, – обратился он к девушке с какой-то глупой радостью, – мне все равно, что ты думаешь, но я лечу домой! Я просто

не могу, понимаешь, не могу оставить ее там одну. Пусть мы и погибнем, но погибнем мы все вместе.

– Мы в любом случае погибнем, – как-то странно улыбнувшись, ответила ему на это Люн, – и я тогда тоже лечу с тобой.

– Ну и прекрасно, – ответил ей Антон, – помирать так всем разом. А кроме того, кто знает, быть может мы и вообще сумеем там что-нибудь изменить?

– Забудь об этом, – теперь уже совершенно спокойно ответила ему Люн, вытирая рукавом слезы.

До космодрома добрались быстро. Они не стали больше ни заходить в сферу Люн, ни к ее отцу, куда она намеревалась зайти до того как все узнала. «А, без разницы, – сказала она отмахнувшись, – ведь нам уже совсем недолго осталось». На это Антон подбодрил ее, и повторил, в который раз за сегодня, что сдаваться никогда не следует и что надежда всегда умирает последней. Потом они поднялись на пневматическом лифте на самую верхнюю полупрозрачную платформу и пошли уже пешком к космодрому. Там все было в точности как и в тот день, когда Антон еще только прилетел на планету. Все те же похожие на китайских драконов огромные существа, которых элы использовали в качестве межпланетного транспорта, несколько Гнорхов, а также тех быстрых птиц с огненным оперением. Антон с Люн направились к птицам.

Выбрав одну из них, которая им больше других понрави-

лась, они влезли на нее и тут же взлетели. Птица, как они и надеялись, была очень быстрой, и даже, возможно, еще быстрее, чем та, на которой они летали на Высший Совет. Поэтому не прошло и нескольких минут, как они покинули атмосферу планеты и, просто-таки пулей вылетев из нее, направились в сторону Земли. Люн, правда, еще некоторое время выравнивала их курс, чтобы не сделать крюка. Ведь на такой гигантской скорости, даже крошечное отклонение могло обернуться значительной потерей времени. Когда же она закончила с этим, то повернулась к Антону и сказала:

– Кротик, а ты знаешь как взрываются звезды? О-о, это такое явление, увидеть которое можно только один раз в жизни, если ты, конечно, не слишком далеко. Но нам с тобой совсем не грозит улететь отсюда на достаточное расстояние. Ведь этот взрыв охватит практически все звезды, что ты видишь вокруг, за исключением, пожалуй, лишь самых дальних. И у нас, безусловно, нет ни малейшего шанса спастись.

– Люн, – ответил ей Антон спокойно, – ты не забывай, что я все-таки не совсем обычный человек. И мне когда-то удалось вырваться из такого ада, рядом с которым даже взрыв Сверхновой может показаться невинным хлопком. Да и у тебя, – он указал на ее кольца, – тоже защита прекрасная. Ведь не зря же Высшие элы ее носили.

– Да, носили, – согласилась с ним Люн почти весело, – а потом сбежали с планеты вместе с остальными. Но вообще, кротик, – она улыбнулась, – ты большой оптимист и мне это

в тебе очень нравится.

39. Из глубины

Все началось на одной атомной подводной лодке еще до того как Антон с Люн покинули Землю. В тот день старший лейтенант военно-морских сил Ее Величества Джон Крисби, как обычно заступил на вахту в первом отсеке кормового отделения корабля. Он, вообще, очень гордился своей службой, да и сам этот корабль, подводная лодка новейшей конструкции, вызывал у него чувства гордости и священной, необходимой его стране миссии, которую он выполнял. Однако, сменив на посту своего напарника и приступив к дежурству, Джон вдруг заметил нечто странное, что как будто слегка шевелилось в одной из подсобных комнат отделения мотористов. Это был некий, едва различимый на свету объект, весьма отдаленно напоминавший маленького ребенка. Джон остановился и посмотрел повнимательней, – да, действительно, безо всяких сомнений, что-то явно находилось в том помещении в углу. Этот объект, как казалось, растерянно озирался вокруг, в том числе смотрел и на самого Джона. А затем вдруг встал и, приблизившись к дверному проему, выглянул в коридор. Джон совсем уже было растерявшись, и сам не до конца понимая, что разговаривает, по сути, с приведением, спросил:

– Простите, а вы кто?

На это призрачный ребенок ничего ему не ответил, а про-

сто вышел в коридор и двинулся дальше в сторону кают-компании. И это Джона уже беспокоило.

– Простите, – повторил он все тем же растерянным тоном, – но туда посторонним нельзя, – после чего вытянул руку вперед и дотронулся до ребенка.

Однако рука его прошла сквозь тело малыша, почти не встретив никакого сопротивления. Сам же малыш неожиданно агрессивно отреагировал на этот жест матроса и попытку его удержать. Он сначала медленно повернулся, затем посмотрел Джону прямо в глаза и вдруг оскалился. И такой яростной злобы, как было в тот момент в мимике ребенка Джон еще никогда в своей жизни не видел. Отчего невольно вскрикнул от ужаса и бросился наутек. Он прибежал в хвостовую часть субмарины, где в тот момент работали, смазывая какие-то механизмы, несколько матросов. Увидав Джона, они, конечно, спросили у него, что его так напугало. А тот все пытался им что-либо объяснить, но только впустую жестикулировал руками и постоянно повторял лишь одно слово: «Ребенок, ребенок, ребенок». Его решено было тут же отправить к корабельному врачу, который, прописав Джону успокоительное и снотворное, отправил последнего спать.

Однако, тем же вечером к врачу обратилось еще несколько матросов и все приблизительно с такими же симптомами. Они утверждали, что видели какого-то полупрозрачного малыша, который, будто, то играл в одном месте, то весело смеялся в другом. И еще они сказали, что малыш этот ста-

новился сразу очень агрессивным, как только они пытались его каким-либо образом остановить или указать, что делать. Врач, конечно, удивился такому случаю массового психоза, после чего прописал всем обратившимся все то же успокоительное и снотворное. И все бы тогда, наверное, так и завершилось благополучно, если бы не очередное происшествие, которое имело место уже в три часа пополудни.

Абсолютную тишину атомной подводной лодки, которая в тот момент тихо дрейфовала где-то вблизи Гавайских островов, нарушил резкий и ужасающий крик. Этот крик был настолько громким, что почти весь личный состав тут же повскакивал со своих коек, а матросы, которые находились в это время на дежурстве, выскочили в коридор и быстро побежали по направлению к источнику звука. Все решили, что произошел какой-то несчастный случай и что их товарищу срочно нужна помощь. Однако, прибыв на место, они увидели, что никакой аварии или еще чего-то подобного не произошло. Вот только и помощи никакой также никому не требовалась. Один матрос, который в это время просто мыл пол в коридоре, лежал на этом полу мертвый. Рядом с ним лежала его швабра да еще чуть поодаль стояло ведро. Что могло его убить, – а это было именно убийство, об этом можно было судить хотя бы по тому, как была разорвана его шея – казалось совершенно непонятным. И только очень маленькие и явно босые следы, которые шли от растекавшейся вокруг несчастного темно-красной лужи, наводили хоть на какие-то

предположения.

– Это просто бред какой-то, – жестко отчеканил старший помощник капитана, который первым из офицеров прибыл на место происшествия. – Детей на судне нет, а значит это кто-то из своих, причем специально оставил эти следы.

После чего приказал немедленно сообщить обо всем на берег, а на судне произвести следственные действия. Он, конечно, в первую очередь стал опрашивать друзей и знакомых убитого, в надежде выяснить, с кем у того в последнее время случались конфликты. Но это ничего не дало. И более того выяснилось, что погибший был человек вполне себе мирный, а в конфликты, так вообще не вступал. Тогда, и уже сам капитан субмарины, приказал узнать, не было ли там какой-нибудь любовной истории, которая могла послужить причиной трагедии. И такая история отыскалась. Выяснилось, что несчастного примерно за месяц до всех этих событий бросила девушка, а значит, вполне вероятный повод и именно для самоубийства был найден. «А как же тогда следы?» – недоумевали иные матросы. «Да это он сам их себе нарисовал, – отвечали им проводившие дознание, – чтобы напугать всех. Или еще для каких-нибудь целей. Черт поймет этих самоубийц». И все бы тогда, наверное, опять завершилось ничем, но примерно через пару недель на той же самой подводной лодке случилась новая беда. И это опять было убийство, и опять поблизости были следы. А еще через день все повторилось снова.

Капитан после этого, третьего уже преступления, решил что на судне орудует какой-то маньяк, отчего тут же отдал приказ идти к ближайшей базе военно-морского флота, которая находилась всего в пятистах милях от субмарины. Однако было уже поздно. Буквально в течение нескольких последующих часов еще несколько матросов были убиты. Был также убит и один из старших офицеров корабля, после чего капитан, находясь уже едва ли не в панике, отдал приказ на срочное всплытие. По завершении которого весь личный состав субмарины полностью высыпал на палубу и наотрез отказался возвращаться назад в корабль. И, хотя это и могло показаться немного странным, но зверские убийства после этого сразу же прекратились. А оставшихся в живых членов команды подлодки, все еще перепуганных насмерть, в тот же день экстренно эвакуировали с палубы на спасательных вертолетах.

Другой подобный случай произошел примерно в то же самое время в Тихом океане, но с японской подводной лодкой. И вот тут уже выживших не было никаких, а были лишь полусумасшедшие радиogramмы, которые поступали с того корабля о некоем призрачном старике, который зверски убивал одного за другим членов команды. И таким вот образом, причем довольно скоро, подобных случаев стало так много, что мало кто из подводников решался вообще даже на пару метров опускаться под воду. И хотя под водой теперь творился, по описаниям некоторых из очевидцев, настоящий кош-

мар, самое страшное происходило в то время в других местах. Еще более пострадали, причем от точно таких же непонятных происшествий, шахтеры. Которых буквально по всему миру стали преследовать призраки. Эти призраки нападали на них, калечили, убивали. Жалости при этом они не испытывали никакой. Им, как казалось, было абсолютно все равно кто находился перед ними: мужчина, женщина или даже ребенок. Они убивали всех без разбора. Было замечено также, что в тех местах, в которых появлялись эти призраки, возникало некое слабое свечение. Словно бы некий, чуть более светлый чем сама вода или воздух туман, медленно поднимался из глубины. Особенно он был заметен там, где соприкасался с органикой: различными микроорганизмами, мелом или плесенью. Он поднимался очень медленно, по несколько сантиметров в день. Был даже такой период, весьма непродолжительный, когда этот туман начал словно бы опять уходить назад под землю. Но это продолжалось очень недолго и вскоре все возобновилось опять.

Так прошло несколько месяцев. Станный туман к тому времени поднялся уже довольно высоко, если считать от морского дна, что уже полностью лишило людей возможности погружаться под воду. Ведь тогда они точно смогли узнать, что страшные призраки, которые, похоже, только и делали, что убивали, появлялись именно из этого тумана. И еще было замечено, что призраки эти могли быть и вовсе невидимыми, и, в случае, если они поглощали органику –

видимыми. Невидимые призраки не представляли для людей особой опасности, хотя и могли определенным образом влиять на них. Однако влияние это ограничивалось лишь душевными терзаниями и психологическими муками. Видимые же призраки были куда более опасными. Поскольку могли воздействовать на людей уже физически. И никто не мог припомнить случая, чтобы это воздействие было благотворным. Призраки при любой возможности нападали на людей и причиняли им боль или убивали. Вот только почему они это делали и главное, что сами они были такое, никто не знал. А поэтому на Земле, причем повсеместно, уже очень скоро воцарилась самая настоящая паника.

И никто ничего поделать с этим не мог, поскольку никогда еще в человеческой истории ничего подобного не происходило. И хотя видимых призраков все-таки еще можно было определенным образом уничтожить, поскольку, становясь видимыми они делались при этом и уязвимыми. То с невидимыми призраками вообще ничего поделать было нельзя. Ходили, правда, неподтвержденные слухи, что некий мальчишка лет двенадцати из Англии мог видеть и этих, не обретших еще плоть призраков. И даже создал там вокруг себя целую армию таких же подростков как и он. Однако, так ли это было или нет и сколько во всем этом было правды, а сколько вымысла никто не знал в точности. Ходили также слухи еще и о некоем буддийском монахе в горах Тибета, который спускался иногда в долины и помогал местным жите-

лям бороться с невидимыми призраками. Но точных сведений о нем не было также. Да и вообще, вокруг появилось такое огромное множество провидцев, колдунов и предсказателей, что понять, кто из них обладал реальными способностями, а кто все выдумывал, было просто нельзя.

И все же людям несколько повезло тогда. Поскольку они довольно быстро обнаружили, что один материал из всего невероятного многообразия существовавших на Земле не был подвластен призракам и даже представлял для них реальную опасность. И этим материалом оказалось все то же «легкое стекло» открытое еще когда-то Антоном. Призраки, как это выяснилось уже очень скоро, не могли сквозь это стекло проходить, даже невидимые. А оружие, изготовленное из такого стекла, было для них смертельным. Люди, узнав об этом, сразу же, причем по всему миру, стали изготавливать для себя ножи, мечи и даже отливать пули из такого стекла. А для места жительства, выбирали теперь исключительно стеклянные здания. В этих зданиях они могли более или менее спокойно себя чувствовать, хотя и вынуждены были очень внимательно следить за тем, чтобы никто из невидимых призраков не проник к ним внутрь. Поскольку в этом случае такой призрак мог довести всех обитателей дома буквально до иступления, мучая их ночными кошмарами, тоской и депрессиями, а по сути беспрестанно терзая их души.

Наконец к делу борьбы с призраками подключились и вла-

сти. Они отчего-то довольно долго не предпринимали никаких активных действий, лишь, как казалось, наблюдая за всем со стороны. Но более или менее разобравшись в ситуации, взялись за дело со свойственными им размахом и методичностью. Были созданы специальные подразделения солдат, которые занимались только одним, – выслеживанием видимых призраков и их уничтожением. Другие же подразделения, которые в основном состояли из ученых, занимались, причем под самой мощной охраной, изучением этого феномена и разработкой новых способов борьбы с ним. Отдельное подразделение, которое было уже интернациональным, занималось координацией усилий разных стран на международном уровне. И хотя почти все межгосударственные противоречия перед лицом этой новой угрозы были сразу же забыты, однако нет-нет, да все же и возникали ситуации, когда одна страна пыталась что-либо выгадать за чужой счет. Был даже создан особый отряд лазутчиков, которые проникали в самые глубокие шахты и спускались на дно моря, чтобы собирать информацию о призраках, которые там находились. Конечно, такие мероприятия требовали особой храбрости и подготовки, а также защиты, которая вся буквально состояла из того же легкого стекла. В таких операциях люди узнавали многое. Например, они узнали, что призраки были совершенно не организованы и что у них отсутствовало всякое командование. Они делали все сами, по собственному усмотрению. И это была, конечно, хорошая новость. Плохо было

другое: как оказалось, там в глубине, далеко под поверхностью того полупрозрачного тумана, который все более и более покрывал землю, призраков скопилось такое огромное множество, что выйди они на поверхность, участь всей человеческой цивилизации была бы предрешена.

Учитывая все это, здесь и там по всему миру стали появляться и реализовываться проекты, причем не столько уже оборонительные или наступательные, сколько спасательные. Целые государства начинали строить космические корабли, благо, что великолепный материал для этого у них был под рукой, чтобы в случае совсем уж безвыходной ситуации, вообще покинуть Землю. Вот только куда было лететь, вопрос оставался открытым. На Луну? Это был, безусловно, самый простой и очевидный вариант. Но вот проблема, – на Луне совершенно отсутствовала атмосфера, да и магнитного поля практически не было. И все же Луна находилась так близко, а все остальные варианты с планетами для эвакуации представлялись такими трудноисполнимыми, что люди, кто занимался этим проектом, сконцентрировались именно на этой определенной цели. Все, конечно, понимали тогда, что слишком долго прожить там все равно не смогут, но вот переждать кризис или хотя бы самую острую его фазу, можно было вполне.

И все же общую ситуацию, которая сложилась тогда на Земле, вполне можно было описать, как отчаянную. И только лишь одна надежда, причем именно сама по себе, действи-

тельно по-настоящему поддерживала людей. А кроме того, у многих из них просто в голове не укладывалось, как это они могут вот так все разом взять и исчезнуть. Но сути дела это, конечно же, не меняло. И человечество медленно, но верно приближалось к своему концу. Да тут еще и сами люди, причем таких было не так уж и мало, вдруг и почему-то очень сильно обрадовались такой возможности, – погибнуть. Они даже стали прилагать усилия, чтобы поспособствовать этому. Некоторые из них самостоятельно выходили на встречу с призраками. А иные и других уговаривали, внушая им, что так для всех будет намного лучше. Появилась даже какая-то странная религия, которая так и называлась: «Конец света», в которой проповедовалось, что Земля преобразится и станет совсем иной, если на ней не останется людей. И многие верили. Отчего едва ли не с радостью бросались в холодные объятия равнодушной смерти.

40. Дома

Всю дорогу до дома Антон изучал информацию, которую Высшие элы переслали Люн. А девушка ему все переводила. Так он узнал, что тот незнакомец, с которым он столкнулся неподалеку от своего подмосковного поселка и которого элы называли демоном, вылетел в обычное пространство именно с Луны. А точнее, из одной совсем небольшой округлой ее области. «Вот, – сказал он Люн, – помнишь ты говорила, что это след от метеора или от вулкана? Так вот нет же. Это, по всей видимости, тоже своего рода портал, через который тот демон и попал в наш мир. Интересно только, откуда он вылетел?» Внимательно изучил Антон также особенности того страшного столкновения, из которого вышел, причем, не то чтобы именно победителем, а просто уцелевшим. Он глядел на все те чудовищной силы удары, которые они с незнакомцем принимали на себя, находясь уже в воздухе. Видел он и то, что стало с самим демоном и как тот превратился в черную рыхлую пыль. Просмотрел он записи элов, – а те, по всей видимости записывали все, что происходило в Солнечной системе, причем делали это с давних пор, – которые показывали, как тридцать лет тому назад яркий луч, а точнее его собственная душа, заключенная в этом луче, задел по касательной Землю. Вот только матери своей он на этой записи не увидел. По всей видимости элы сочли эту инфор-

мацию несущественной и просто не отправили Люн.

Потом он переключился на ту карту мира, которая показывала «кольца разделения». Ему всякий раз доставляло несказанное удовольствие наблюдать за передвижениями своей Кати. И хотя та, по большей части времени, из их стеклянной квартиры совсем не выходила, но все же одна мысль о том, что его девушка по-прежнему жива и что с ней все в порядке согревала Антону сердце. Иногда он разглядывал ту огненную птицу, на которой они сейчас летели, а также, украдкой, саму Люн, совсем взрослую уже. Он даже нередко мысленно их сравнивал, поскольку в плане красоты и изящества они были в чем-то схожи. Эта птица со своим пестрым оперением, наверное, не зря была настолько яркой, поскольку, постепенно разгоняясь, достигла наконец такой умопомрачительной скорости, что действительно больше походила на несущийся в атмосфере метеор. А Люн, которая не до конца пока еще осознавала насколько хороша, также подчас просто приковывала к себе его внимание. Но главное, Антон внимательно следил за временем, что они находились в пути. И хотя слишком уж четких ориентиров для определения местоположения у него не было, но тем не менее, он был полностью уверен, что до Земли они долетят куда быстрее, чем до Сатурна. Он буквально всякий раз проснувшись, сразу же смотрел в сторону центра Солнечной системы и находил там Землю. И каждый раз с удовлетворением отмечал, что она стала значительно крупнее. Дня через два полета Люн

тоже, покопавшись в электронных глубинах своей вычислительной пленки, уверенно подтвердила ему, что летят они очень быстро, и что не то чтобы за месяц, а скорее всего дней за десять достигнут орбиты Земли. «И это-то против светового ветра с Арона», – добавила она, ободряюще похлопав по боку их огненную птицу.

И вот наконец они подлетели к Луне. Антон хотел было попросить Люн сделать небольшой крюк, чтобы посмотреть на то черное пятно или портал, из которого некогда вылетел демон, но девушка вместо ответа лишь больно ущипнула его за ногу, прибавив к тому же: «Ты опять забыл про свою Катю». После чего Антон уже надолго замолчал и заговорил с ней вновь лишь когда они влетели в земную атмосферу. «Люн, – сказал он неодобрительно, – ведь меня же сейчас заметят. Посмотри, скоро вечер уже, ну давай хоть немножко подождем». Люн же ему резонно возразила: «Ты думаешь им, – она указала пальцем вниз, – есть теперь до всего этого дело?» После чего направила огненную птицу напрямик в тот самый парк, из которого они когда-то отправлялись к Сатурну.

До дома шли уже пешком, при этом не заметив по пути ничего необычного. И поскольку стеклянная пирамида была построена на довольно приличном возвышении, состоявшем из нескольких смежных холмов на юге Москвы, то верхние слои оболочки Арона в виде флуоресцирующего тумана до нее пока еще не добрались. Не было тут и никаких при-

зраков. Впрочем, Антон с Люн пока ничего толком о них и не знали. Однако, приблизившись к внешним дверям строения, обнаружили их наглухо закрытыми. Антон позвонил. И тут же услышал весьма грубый и резкий ответ, чтобы он: «Проваливал ко всем чертям». Антон не понял и позвонил опять. И услышал уже угрозы. Тогда он сказал, что сам раньше жил в этом доме, да и вообще, что его квартира самая верхняя здесь, и что если его сейчас же не впустят, то он добьется, чтобы таких грубых и нерадивых консьержей вообще погнали с их мест. Последовала пауза. Наконец кто-то, видимо, уже из более сведущих людей там внутри переспросил, – действительно ли он владелец той, самой верхней квартиры в пирамиде и что по их данным, этот человек вообще пропал без вести лет пять тому назад. А Антону тогда уже так надоело весь этот разговор, да и мысли о Кате не давали ему покоя, что он разразился самой отборнейшей бранью, на которую только был способен, чем удивил даже Люн. И конечно, его сразу после этого впустили, но не потому, что он так ругался, а потому что случайно упомянул несколько имен, напрямую связанных с постройкой пирамиды. В том числе и имя своего бывшего учителя. Люн незаметно прошмыгнула за ним.

Внутри здания Антон столкнулся сразу с несколькими охранниками, вооруженными автоматами и, как это ни странно, стеклянными мечами. Антон уставился на них.

– Да что у вас тут происходит? – недоуменно спросил он, пока его обыскивали, – война что ли началась?

– Ты из себя дурака-то не строй, – проворчал ему в ответ один из охранников, который не сводил с него дула автомата. – Вот мы сейчас быстро узнаем, что ты там из себя за владелец такой, – он хмыкнул.

Антону опять пришлось ждать. Как оказалось, один из охранников отправился наверх, чтобы привести оттуда кого-то, кто мог бы разрешить вопрос с незванным гостем. И к величайшему изумлению и несказанной радости Антона этим человеком оказался Павел Андреевич.

– Боже мой, Тошка, – у его бывшего учителя даже слезы на глаза навернулись, – живой! Да как же... да где же ты пропал-то все это время? Да мы тут с Катей про тебя столько лет вообще ничего не слышали, она... – но тут он вдруг резко прервался и уже строго посмотрел на своего бывшего ученика. – Да как же ты посмел оставить ее здесь одну? Тебя за это просто, знаешь, выпороть надо!

Правда, он тут же снова расчувствовался и прижал Антона к себе. А охранники, убедившись, что это именно тот человек, за которого себя выдавал, совершенно спокойно разошлись по своим боевым постам. Видимо, таких встреч они видели здесь немало. Во время подъема Павел Андреевич бегло обрисовал Антону то удручающее положение, в котором вот так, совсем неожиданно оказалась все человечество.

– Это просто кошмар какой-то, – все время повторял он, – эти призраки, ведь это даже не армия какая-нибудь и не враждебное государство. С ними абсолютно невозможно до-

говориться, да я и не уверен разговаривают ли они вообще. Они просто убивают всех, кого только могут и все. Зачем, для чего, ничего не ясно. Да еще эти невидимые призраки, которые могут вот просто свести человека с ума. И как с ними быть? – он развел руками.

– Погодите, Павел Андреевич, – спокойно произнес Антон, когда они поднялись на первый промежуточный уровень. – Я хочу посмотреть.

После чего подошел к стене пирамиды и глянул вниз. И поскольку они пока еще не поднялись выше уровня облаков, то и увидел он абсолютно все, и даже намного больше, чем простые смертные. И это были призраки. Море призраков, которые буквально, как полупрозрачные черви копошились в верхних слоях оболочки Арона. Эта оболочка теперь словно бескрайнее светящееся море застилала уже все низменности города, какие Антон только мог рассмотреть. Некоторые из этих призраков пытались выбраться и чуть выше этой оболочки, карабкаясь по холмам и постройкам города. Но это у них плохо получалось и они соскальзывали назад. «Черт, а ведь я совсем их и не заметил, когда спускался вниз», – подумал про себя Антон. Впрочем, это было и не удивительно, поскольку они с Люн, как и в первый раз, когда еще только пробовали его силы, буквально камнем спикировали с высоты почти по вертикальной траектории.

– Павел Андреевич, – тихо произнес он, – вы знаете, что это? – он указал пальцем вниз.

И не столько даже сами слова, сказанные Антоном, сколько интонация, с которой они были произнесены, буквально заставила его бывшего преподавателя вздрогнуть. Потому что он точно понял, что его ученик что-то знал. Как и в тот раз с этим «невесомым стеклом». Знал что-то такое, чего не знал никто, да и не мог знать. Отчего вопросительно поглядел сначала на Антона, а потом тихо спросил:

– Что?

– Я вам пока не могу всего объяснить, – ответил Антон спокойно, – потому что вы не можете видеть того, что вижу я, но, надеюсь, я как-нибудь потом все же смогу вам рассказать.

– Тошка, Тошка, ты погоди, – запричитал его бывший преподаватель, – если ты что-то там видишь, то скажи. Или даже нет, – он достал из кармана мобильный телефон, – я сейчас постараюсь связаться с кем-нибудь из руководства. Чтобы они организовали встречу, ну, через интернет, конечно. Он, слава богу, пока еще работает. Но только смотри, – он глянул на Антона, – пусть это будет что-то важное.

– Очень хорошо, Павел Андреевич, – произнес Антон, – я и сам, признаться, хотел вас о чем-то таком попросить. И чтобы вы не сомневались, скажу, – тут он сделал небольшую паузу и с чувством добавил, – я их вижу.

– Кого? – Павел Андреевич даже сразу и понял.

– Призраков. Причем всех, в том числе и тех, которых вы не можете видеть.

У его бывшего преподавателя от услышанного буквально

но округлились глаза. После чего он стал едва ли не лихорадочно набирать один телефонный номер за другим и быстро переговариваться с собеседниками. Наконец он набрал уже нужный номер кого-то из самых высокопоставленных чиновников, каких только знал и обрисовал ему ситуацию. После чего они договорились провести, и уже прямо этим вечером селекторное совещание и даже пригласить на него представителей других государств.

– Ну, Тошка, – теперь уже по-настоящему приободрившись произнес Павел Андреевич, – теперь все в порядке, вечером будет встреча. А сейчас – быстро наверх.

Но Антон и сам уже еле сдерживался, отчего едва ли бегом направился к лифту. Они поднялись на самый верхний этаж пирамиды и вошли в его квартиру. А там Павел Андреевич собирался было уже радостно воскликнуть, чтобы Катерина встречала своего пропавшего однокурсника, как Антон вдруг резко остановил его и, схватив за руку, поднес палец к губам. И он так сделал не оттого, что собирался Катю приятно удивить, а оттого, что заметил рядом с ней нечто, очевидно, ни для Павла Андреевича, ни для самой Катерины невидимое. И это был призрак. Этот призрак стоял совсем рядом с девушкой и, обхватив руками ее голову, что-то нашептывал ей тихо на ухо. Однако, едва лишь Антон собирался было уже что-то предпринять, как увидел резко взметнувшийся в воздух стеклянный меч, а потом, и в долю секунды рассеченное пополам тело этого призрака, который словно

эктоплазма медленно стек на пол их удивительной стеклянной квартиры. Да, – Люн опередила его. И теперь уже она сама стояла возле Кати, а меч, который она держала в своей руке все так и висел без движения в воздухе.

Павел Андреевич вместе с Катей видели все эти странные перемещения меча, который сначала попросту стоял неподалеку от входной двери, а затем сам по себе взмыл в воздух и, выписав несколько быстрых пируэтов, отчего-то застыл на месте. И если Павел Андреевич с учетом всех последних обстоятельств, мог еще хоть как-то себе это объяснить, то Катя, – попросту остолбенела. Отчего внешне абсолютно невозмутимо посмотрела сначала на неподвижный меч, потом на Антона, и вместо приветствия, совершенно буднично и, указывая пальцем на все еще парящий в воздухе меч, спросила:

– Это что?!

И тут Антон уже не выдержал. Он в один прыжок подскочил к ней и, крепко обхватив руками за талию, закрутил вокруг себя.

– Ну вот, ну вот, – произнес Павел Андреевич почти поделовому, – это уже другое дело. Но все-таки, молодой человек, вам придется нам многое объяснить, – он указал на меч, который теперь наконец все же опустился медленно на пол, – что это такое было и где вы сами все это время пропадали.

После чего и, совершенно по-хозяйски прошел на кухню к холодильнику, достал из него бутылку вина, налил себе пол-

ный бокал и выпил. А Антон с Катей даже и не говорили больше ничего. Они попросту стояли в центре их удивительной квартиры и обнимались совершенно счастливые. Люн же, после того как расправилась с призраком, полезла к себе на второй этаж, где сразу и затихла.

Вот только трое людей внизу пришли в себя еще довольно нескоро. Они несколько минут попросту кричали, видимо не в состоянии сдержаться, потом ходили туда-сюда, делая несущественные замечания. И только лишь примерно через полчаса стали более или менее спокойно переговариваться. Хотя говорил в основном Павел Андреевич, который отчего-то просто не мог сейчас молчать. Антон же с Катей спокойно его слушали. Да и как, например, мог сам Антон рассказать им обо всех тех невероятных приключениях, что случились с ним за эти последние пять лет.

А еще через несколько часов состоялось организованное Павлом Андреевичем, причем действительно международное, селекторное совещание. На нем Антон подтвердил свою способность видеть «невидимых» призраков, а также и то, что сами эти призраки были совершенно безопасны для него. «Нет, – сказал он, – они, конечно, могут на меня нападать, но каким-то существенным образом повредить мне не в силах». И это повергло всех присутствующих уже в настоящий шок. Отчего они тут же, немного посоветовавшись, объявили, что если Антон сможет подтвердить свои способности, то его назначат на пост главного советника при про-

ведении всей «операции сопротивления», как они ее называли. Еще же Антон сообщил, что на самом деле борьба с этими призраками – дело почти безнадежное, поскольку: во-первых, их очень много, а во-вторых, область, где они могут обитать, только расширяется, поднимаясь все выше вместе с тем полупрозрачным туманом, что шел из-под земли. И еще он добавил, что главную опасность для людей представлял именно этот туман, который мог вскоре взорваться. Хотя до этого с учетом всего происходящего, как он выразился: «Еще надо дожить». И тем не менее, – он готов занять предложенный ему пост или даже возглавить всю операцию сопротивления. Также он попросил присутствующих отыскать и других людей, подробно описав их внешность и назвав их имена, которые могли видеть «невидимых» призраков. На что ему было дано согласие, после чего совещание было перенесено на другой день.

Наконец Антон вернулся в свою квартиру, где его с нетерпением ждала Катя. Она все то время, чтобы хоть как-то успокоиться и выйти из того полуобморочного состояния, в котором пребывала, готовила ему ужин, а когда наконец он появился перед ней, то уже не удержалась и прямо спросила у него, где он так долго пропадал. Однако Антон на это лишь в очередной раз поцеловал ее в щеку и сказал, что теперь все будет хорошо и что он ей вскоре все объяснит. А Катя сказала, что ей и так сейчас очень хорошо стало, и так легко, как будто камень с души упал. И на это отреагировала со

своего уровня уже Люн, которая, как оказалось, прекрасно слышала весь этот разговор, отчего, свесившись вниз, проговорила: «Передай ей, что я ее тоже очень сильно люблю, и что если еще хоть кто-нибудь посмеет на нее покушаться, то также будет иметь дело со мной». Однако Антон на это лишь едва заметно улыбнулся и вслух ничего не сказал.

41. Первые успехи

– Вам некого винить, – произнесла Люн задумчиво, когда они вместе с Антоном сидели на берегу того бескрайнего флуоресцирующего моря, которое представлял из себя сейчас световой туман. – Вы сами себе все это устроили. Ну как же можно было так жестоко подавлять всех тех, кто не был такой как вы, не соответствовал вашим представлениям об идеале. Ведь сколько людей сгинуло в тюрьмах и лагерях, сколько было просто запугано до смерти, отчего также не смогло проявить себя при жизни. И теперь все эти несчастные, не истратившие свою жизненную энергию души, – Люн указала на призраков, – находятся здесь, совсем рядом. И дай вам бог, чтобы они оказались более снисходительными и добрыми чем вы. Хотя я бы, например, на их месте ничего не забыла и не простила.

Антон не нашелся, что на это сказать. Он сейчас тоже в глубокой задумчивости смотрел на весь этот ужас, который грозил в скорости поглотить целиком всю Землю. А ведь он, причем сам, еще вчера вечером предложил Люн спуститься сюда вниз, поближе к краю оболочки Арона и посмотреть на все более внимательно. Однако, когда увидал, что здесь происходит, невольно замолчал, да так и сидел теперь глядя куда-то вдаль и не двигаясь с места. Он, конечно, уже очень хорошо понимал, что прошлое земной цивилизации, которая

так часто и жестоко обходилась с отдельными своими представителями и даже целыми народами, наконец настигло ее. И что теперь от расплаты ей не уйти. Оставалось только надеяться, что расплата эта не будет слишком тяжелой и что хоть кто-нибудь да уцелеет.

Наконец они поднялись и пошли назад к пирамиде. Охранники, которые видели, какое смертельно опасное путешествие проделал в то утро Антон, почтительно от него попятнулись и даже немного склонили головы в знак уважения. А Антон и не сказал им ничего. Да и что он мог им сказать? Что дело совсем плохо и что всем людям вскоре может настать конец? Это-то они как раз знали и без него. Поднявшись к себе, он столкнулся с Катериной, которая уже встала и хлопотала по каким-то пустякам по дому. Она отчего-то решила в то утро наконец убраться в их квартире, которую в последние несколько месяцев сильно запустила. Еще примерно через час позвонил Павел Андреевич и сообщил, что все, как он выразился, «видящие» найдены, за исключением лишь той женщины, их соплеменницы, которая бесследно затерялась где-то на Дальнем Востоке. Антон поблагодарил его и попросил устроить с ними такое же селекторное совещание, как и вчера. И еще он попросил, чтобы теперь их берегли как зеницу ока, поскольку эти люди в настоящий момент были единственными по-настоящему зрячими глазами всех людей на Земле. Павел Андреевич на это ему сказал, что и так уже давным-давно все сделано, и что он не один

такой умный на свете. На что Антон лишь сдержанно хмыкнул, а потом спросил, каковы вообще настроения в обществе и, получив довольно краткий, но ясный ответ, отключился.

Совещание, или точнее военный совет, состоялся уже ближе к полудню. На всех «видящих» были теперь надеты прекрасные, точно подогнанные по форме и размеру доспехи из «легкого стекла», да еще и охрана к каждому была приставлена внушительная. Помимо них на совете присутствовали также и военные начальники, которые руководство по проведению всех активных фаз операции оставляли, конечно, за собой, но которые и понимали, что без «видящих» им никак не обойтись. Антон начал с главного, а именно с того, что нужно было в первую очередь зачистить места скопления людей, а прежде всего их дома. «Нельзя же продвигаться вперед, оставляя противника за спиной», – резонно заявил он, вспомнив про того призрака, который мучил его Катю. Однако, поскольку «видящих» было совсем немного, то решено было просто транслировать изображения в командный пункт операции, где они могли спокойно за всем наблюдать. Цифровые камеры, таким образом, все группы зачистки должны были взять с собой. На этом совещание было завершено, после чего операция началась.

И тут же буквально со всех концов Земли стали приходить радостные сообщения об уничтожении невидимых призраков. А также о том, как сразу и везде вырос боевой дух людей. Ведь эти призраки доводили людей подчас до такой сте-

пени депрессии или тоски, что многие уже начинали подумывать, что смерть была бы для них избавлением. Но теперь люди просто воспрянули духом. Они радостно сообщали в командные центры да и друг-другу, как у них все получалось. И кроме того, поскольку эти невидимые призраки не могли причинить им физического вреда, то и вся операция проходила совсем без потерь. Антон, в свою очередь, также принимал во всем этом активное участие в качестве «видящего» и старался как мог. Он в те дни практически вообще не спал, а только пил в неизмеримых количествах кофе, которое Катерина ему безостановочно заваривала. Он даже умудрился подключить к своей работе Люн, которая потихоньку, чтобы никто не видел и еще имитируя звуковые помехи, координировала действия групп зачистки пока он отдыхал. Так продолжалось примерно с месяц, по истечению которого большая часть стеклянных строений, в которых люди могли укрыться, была зачищена. И теперь вопрос встал уже о продолжении операции вне помещений и зачистке более обширных территорий.

И тут все пошло даже еще более успешно чем прежде. Поскольку людям уже не нужно было лазить по всем этим закоулкам и переходам, где можно было легко спрятаться. И теперь сотни, если не тысячи невидимых призраков были уничтожены, а остальные загнаны в пределы границ флуоресцирующего тумана, куда люди пока еще боялись заходить.

В результате же всех этих, весьма успешных действий,

вполне беспрепятственно смогли выходить на улицу уже не только военные или специалисты, но также и простые жители Земли. Возникло даже ощущение, что все постепенно налаживается и что еще чуть-чуть и жизнь станет вообще такой как была прежде. Ну, или хотя бы более или менее приемлемой. Сначала рядом с домами, а потом и поодаль от них стали появляться женщины с детьми да и просто гуляющие, которые, словно спеша насладиться вновь открывшейся неожиданной свободой, сновали то туда, то сюда и зачашую вовсе без дела. Затем стали появляться люди, которые шли по каким-то своим делам. Кто на работу, а кто и так, в кино. Заработали магазины и начал, хотя и с перебоями, работать общественный транспорт. Людям действительно в последнее время ужасно надоело сидеть постоянно взаперти на осадном положении. А тут такая возможность.

Естественно, воинские подразделения несли круглосуточную охрану вокруг этих «мест гуляния». Однако людей назад они не отправляли, прекрасно понимая, что отнять у них и эту, такую долгожданную и счастливую возможность просто подышать свежим воздухом, было бы просто бесчеловечно. Случались, конечно, и в этот период редкие инциденты с нападениями призраков, однако все это происходило не слишком часто, во всяком случае не чаще чем тогда, когда на людей нападали уличные хулиганы.

Несколько раз предпринимались попытки, причем на самом высоком уровне, вступить в переговоры с самими при-

зраками или наладить с ними хотя бы какой-то контакт. Однако все они завершились безрезультатно, за исключением лишь одного случая, когда уже сам Антон вышел из своей пирамиды и отправился поговорить с несколькими видимыми, а оттого и самыми опасными призраками, которых солдаты окружили в одном из дворов неподалеку. Этими призраками оказались двое мужчин и одна женщина. По виду – индейцы какого-то американского племени. И Антон вполне достойно справился со своей задачей. Он, несмотря на протесты и увещевания солдат, сначала подошел к этим призракам вплотную. И тут же, естественно, один из них попытался его убить. Однако, обрушив на голову Антона чудовищной по силе удар, этот призрак к своему огромному удивлению обнаружил, что странный человек не умер, а все по-прежнему стоит на месте совершенно целый и невредимый. Тогда призрак начал переговариваться со своими товарищами, и только после этого, придя к какому-то определенному выводу, обратился наконец к Антону:

– Мы знаем, кто вы такой, – начал он сдержанно, – а поэтому только с вами мы и будем говорить. Всю эту мразь, – призрак указал на солдат, – попросите подальше убраться отсюда, а иначе никакого разговора не будет.

Антон распорядился. Однако солдаты, хотя и послушали его, но все же отошли назад всего шагов на пятьдесят. Призрак увидел это, покачал головой, но продолжил.

– Хорошо, пусть так, – он все еще был явно недоволен. –

Так значит вы желаете начать переговоры, если мы правильно поняли все те неуклюжие попытки ваших властей.

– В общем, да, – ответил Антон отчего-то грустно. – Но, что нам остается? Ведь не может же это продолжаться без конца, уж лучше хоть какая-то определенность.

– Ах, так вы хотите определенности? – прошипел на это призрак, злорадно улыбнувшись, – так вот же вам определенность: мы не уничтожили вас до сих пор лишь потому, что хотели, чтобы вы помучились подольше. Других же определенных целей у нас не было. И вы все равно потом умрете, за исключением лишь вас, – он указал рукой на Антона. – Однако, когда все это в точности произойдет мы пока еще не знаем. А до этого, позвольте нам насладиться нашей мстостью, которая так сладка, – призрак даже закатил глаза от удовольствия.

– Но неужели же нет иного выхода? – Антон попытался уловить хоть малейшую возможность продолжить разговор.

– У вас у всех был выход до тех пор, пока мы не умерли, – произнес призрак спокойно. – Однако теперь уже слишком поздно. И все же, знаете, я не большой мастак впустую говорить, да и вообще, вести там всякие переговоры. Но если вы желаете и все еще хотите определенности, – но смотрите, не пожалейте об этом потом – призрак вновь улыбнулся, – то мы можем предоставить вам такую возможность. Что скажете?

Антон растерялся. Он отчего-то почувствовал, что судьба всего человечества, вот так и совсем неожиданно оказалась

в его руках. И что он мог ответить? Оставить все как есть или сделать, пусть, возможно, и последнюю попытку договориться, рискуя при этом испортить все? «Нет уж, – сказал он себе, – уж лучше выяснить все до конца и попытаться хоть что-нибудь предпринять, чем сидеть вот так и наблюдать как людей постепенно истребляют».

– Да, – сказал он, пока призрак выжидающе молчал, – я согласен на определенность. Что мне для этого нужно делать?

Призрак аж зашипел от удовольствия:

– Хорошо, – проговорил он, – все состоится через неделю. Но приходите вы один, а куда, мы вам сообщим отдельно. А теперь, прикажите своим скотам, – призрак явно ненавидел солдат, – позволить нам уйти. И, – он вновь с улыбкой обернулся, – запомните, один и через неделю.

Антон дал распоряжение солдатам, чтобы те пропустили призраков. После чего, понутив голову вернулся назад в свою пирамиду. Там он сразу же доложил обо всем начальникам международных штабов, которые постоянно были с ним на связи, а также позвонил своему руководству. И то, что он всем сообщил было воспринято как потрясающий успех. Ведь до этого никому, несмотря на все усилия, не удавалось наладить с призраками хоть какой-то контакт. А сейчас – настоящие переговоры, да еще и с продолжением. Было, конечно, не совсем понятно, чего это там призраки все время говорили о какой-то определенности, и что это была за опре-

деленность такая. Однако все посчитали, что в следующий раз, даже и этот довольно неудобный вопрос каким-то образом удастся разрешить.

К Антону, прямо в его пирамиду прислали в тот же день, перебросив на самолетах из разных стран, нескольких самых лучших переговорщиков, каких только сумели найти. И это были действительно специалисты высочайшей квалификации, которым очень не понравился тон и намеки призраков, когда Антон им все рассказал. Отчего они сразу ему заявили, чтобы он был очень осторожным и держал язык за зубами. Потому что столкнется с такой агрессией, противостоять которой сможет лишь перейдя на переговорах в глухую оборону. «Соглашайтесь со всем, – советовали ему переговорщики, – даже если они попросят вас продать собственную душу. Главное сейчас выиграть время и перевести конфликт в вялотекущую фазу. А там уже все упростится. Но учтите, – первый удар будет страшным и вы должны будете его выдержать. Делайте что хотите: просите прощения, плачьте, стойте на коленях, но не злите их, потому что дальше вообще никаких переговоров не будет, а будет война. Так вот, не допускайте этого. Помните, что судьба многих миллионов, а может и миллиардов людей теперь зависит от вас».

Антон был шокирован. Действительно, советы, которые ему сейчас давали, были очень разумными, и даже Люн, которая незаметно для окружающих присутствовала при этой беседе, несколько раз одобрительно кивнула головой. И все

же он только сейчас действительно стал осознавать, насколько все было тяжело. Ведь если у него хоть что-то не получится, то, возможно, это будет конец, и ничего исправить будет уже нельзя.

– Боже мой, боже мой, – запричитал он, схватившись за голову, когда поднялся наверх в свою квартиру, – Катя, да почему же это я один должен за всех отдуваться? Ну в чем я-то виноват? Ведь я никогда и никого не убивал, не отправлял на пожизненную каторгу. Ведь я, в сущности, простой человек, который всю свою жизнь проработал программистом. Ну почему я?

– Ничего, Тош, ничего, – ответила ему Катя, пытаясь хоть как-то его утешить и крепко обняв за голову, – быть может все еще и образуется. Ну, ты сам-то подумай, сколько уже существует человечество на Земле. И всякое с ним случилось: и войны, и эпидемии, и прочие напасти. И всегда люди выживали. Ведь мы же не животные в конце концов и мы умнее всех.

– Вот то-то и оно, – прервал ее грустно Антон, – мы решили, что мы умнее всех и даже, похоже, самих себя. И теперь мы столкнулись с последствиями своих же собственных действий. Ведь, кто эти призраки? Ну, скажи мне на милость. Инопланетяне, пришельцы из других миров? Нет, – это те же самые люди, пусть и умершие теперь. Но они наши братья, плоть от плоти – мы. И как горько, что только сейчас мы об этом вспомнили.

– Не надо, Тош, не говори так, – Катя еще сильнее прижала его к себе, – а то я сейчас опять расплачусь.

– Бесполезно, Кать, слезами тут уже не поможешь, слишком поздно. Да и вообще, давай лучше спать.

После чего он спокойно прошел к своей кровати и словно подрубленное дерево плашмя завалился на нее. А Катя отчего-то напротив подошла сейчас к стеклянной стене их квартиры и посмотрела вниз, благо, что небо в этот вечер было почти безоблачным. И она, в который раз уже увидела там этот, чуть более заметный в сгустившихся сумерках флуоресцирующий туман, который до самого горизонта ровно покрывал теперь почти всю землю.

42. «Нет» отверженных

Неделя прошла незаметно. Да у Антона совсем и не было времени, чтобы остановиться и хоть чуточку прийти в себя. Его постоянно вызывали то на совещания по поводу предстоящих переговоров, то просили посмотреть какое-нибудь новое здание на предмет нахождения там «невидимых» призраков. Да и все те же переговорщики не давали покоя. Они едва ли не каждый день: то вызывали его к себе, то сами являлись к нему на квартиру, и в сотый, а то и в тысячный раз повторяя, как и при каких обстоятельствах он должен был себя вести. «Если они скажут то-то и то-то, – советовали переговорщики, – то ты должен отвечать так, а если вот так поставят вопрос, то уже по-другому». Но вообще, в подавляющем большинстве случаев они советовали Антону просто молчать и покорно со всем соглашаться.

Где-то дня через три поступило от призраков и само сообщение, которое они оставили в виде простой запечатанной в конверт записки прямо у ворот пирамиды. Причем охранники недоумевали, как это им удалось так незаметно ее пронести. Записка эта была довольно странной и напечатанной на обыкновенной пишущей машинке на греческом языке. В ней значилась дата встречи Антона с призраками, после чего следовало, причем, просто от руки написанное послесловие, в котором, уже на арамейском, говорилось, что если

Антон не явится на переговоры, то это будет расценено как оскорбление и в таком случае ему следовало бы отправляться куда-нибудь подальше, например на Луну. Переговорщики долго потом ломали голову над содержанием этого послания. И все в нем, в общем-то, было вполне понятно, за исключением того, почему это призраки решили, что Антон мог не прийти на переговоры, ведь это же была его инициатива, да и вообще, при чем же здесь, собственно, была Луна. Однако, делать было все равно нечего, и предварительно все было решено списать на некую художественную вольность, которая была явно присуща призрачным составителям странной записки.

И вот настал тот долгожданный день. Самый обыкновенный, ничем не примечательный день на Земле. А в Москве так еще и солнечный. Антон бодро поднялся с постели и вдруг почувствовал, что все его ужасное тревожение, которое он испытывал в последние несколько дней, куда-то бесследно исчезло. Возможно, это он уже сам так «перегорел», а быть может и просто устал наблюдать за всей этой кутерьмой, которая творилась вокруг него. Он даже Кате так прямо и сказал, когда она собирала его на встречу, что: «Надоело все. Не могу больше ни о чем думать. И так уже ото всех этих наставлений голова кругом идет, а как представишь, что чуть ли не весь мир сейчас на тебя смотрит, так совсем плохо делается». На это Катя посоветовала ему лучше вообще про все забыть, что там ему эти умники насоветовали и вести се-

бя максимально естественно. А Люн, которая наблюдала за всем со своего этажа, расслышав последние слова девушки, тоже одобрительно покачала головой.

Наконец все было готово и Антон, подбадриваемый всевозможными напутствиями, отправился на переговоры. Местом для них был выбран небольшой плоский выступ чуть повыше середины холма, находившегося совсем недалеко от пирамиды. И это было воспринято всеми как добрый знак. И тем не менее Антон вовсе не обольщался по поводу того, что сейчас ему предстояло. Он знал, что никто из этих переговорщиков не слышал, каким тоном разговаривали с ним призраки, да и про ту женщину, еще у него дома в поселке, которая хотела его убить, тоже вдруг отчего-то вспомнил. Он вышел из пирамиды и направился напрямик к светящемуся туману. Идти там было совсем недалеко, минут десять: лишь через обширный заросший кустарником парк, который они использовали с Люн как стартовую площадку для полетов, да потом по склону холма немного спуститься.

И вот наконец он вышел на ту площадку. А еще через несколько минут из светящегося тумана вышли и призраки. Было их двое, парень и девушка, причем оба совсем молодые, лет по шестнадцать. Были они явно в приподнятом настроении, это было заметно по тому как они шутили друг с другом, а иногда даже смеялись. Антон поздоровался первым. Призраки также сдержанно кивнули в ответ, после чего и заговорили:

– Мы идем вам на встречу, – были первые их слова, вполне обнадеживающие, – и только лишь потому, что не хотим быть такими как вы. Однако, – обратился теперь уже один только парень к Антону, – вы не можете не понимать, сколько обиды, горя и страданий причинили нам. И пусть среди нас очень много слабых да и просто болезненных людей, отчего общество их и затоптало, но встречаются и сильные, которые просто не подошли под ваши социальные стандарты. Да взять вот хотя бы меня и Лору, – парень указал на девушку. – Ну, скажите, кому помешала наша любовь? Нам все говорили, что: «Вы еще молодые, да и просто не пара». Однако мы-то знали лучше. Ну да, мы были молодыми и глупыми, а поэтому просто не смогли жить друг без друга, отчего и умерли. Вот и все.

«Прямо как Ромео и Джульета», – подумал про себя Антон, грустно усмехнувшись, но вслух не сказал.

– А еще я знаю девушку...

– Дину, – вступила в разговор его призрачная подруга.

– Да, ее. Так вот, ее просто забили камнями и только лишь за то, что она была не слишком сдержана в своих любовных отношениях. – Ну скажите мне, кому от этого было плохо? А ведь она так прекрасно рисовала и у нее был настоящий талант. Или вот, напротив, старик, которого не пустили к его внукам по той лишь причине, что он не был партийным. Ну, как это-то понимать? И теперь его душа находится там, – парень указал на светящийся туман, – и страдает неприкаян-

ная. А когда вы убивали людей просто из-за того, что они не верили в бога или вам так казалось. А когда приносили их в жертву, чтобы своих воображаемых богов умиловать. А еще миллионами душили в газовых камерах и обрекали на смерть в лагерях. Да еще и утверждали при этом, что, мол, они сами во всем виноваты, а вы только исполняете свой долг. Как с этим-то быть?

– Но ведь камеры и лагеря, – робко вступил в разговор Антон, – это совсем другое. Общество их не одобряло.

– Нет, – твердо ответил призрак, – это то же самое. Там тоже все делалось по закону и по секретным, но вполне законным инструкциям. Вы всегда давили и убивали тех, кто был вам не угоден, кто мешал или просто не нравился. Целые общности или даже народы истреблялись лишь для того, чтобы другие могли пользоваться их богатствами. А иногда и просто так, ради забавы. Неужели же вы думали, что все те беспредельные ненависть и жестокость, которые вы проявляли друг по отношению к другу, вот так просто канут в лету, пройдут без следа? Ведь как легко осудить человека на основании того или иного закона. «Нет человека – нет проблемы», – так, кажется, говорили вы? Так вот нет же, – нет человека, а проблема есть. Вон она теперь где, – призрак указал на светящийся туман. – И те, которые говорили, что они такие хорошие и очищают общество от чуждых ему элементов, сами предопределили будущее вашего общества. Они говорили, что боролись с ведьмами, колдунами, еврея-

ми, врагами народа. Так вот, – они и были вашими главными врагами, ненавидели вас. А вы их поддерживали. Ведь как вы кричали в исступлении, когда на площади сжигали очередную «ведьму», как рукоплескали палачам, зачитывающим смертные приговоры, как плевали на осужденных и бросали в них камни. Но хоть кто-нибудь из вас знает, что значит умереть, не сделав в своей жизни ничего из того, что хотел или должен был? Кто из вас знает, что значит никогда не увидеть близкого и любимого человека? Кто из вас знает, как закрывается железная дверь и клацают засовы? Кто из вас знает, как орут охранники и пытаются людей? Да, – вы ничего этого не знаете. И не хотите знать. Вы всегда предпочитали не видеть полную картину мира, который сами и создали, а только любоваться на вершину айсберга, где все так хорошо и прекрасно. Так вот поглядите же теперь на весь айсберг. На то, что было под водой.

Антон на самом деле уже почти не мог выслушивать все эти обвинения. Да, – они все, все были виноваты. И когда совершали преступления и когда жестоко карали преступников. Но что же теперь делать? Ведь все равно теперь ничего изменить было уже нельзя. Отчего он опустил глаза и тихо произнес:

– Простите нас, пожалуйста. Ведь кто же знал, что все так обернется. Ведь если бы люди знали, что все закончится таким кошмаром, то сразу остановились бы. И потом, не все же виноваты в произошедшем. Вот я, например, – простой

программист. То есть я был им когда-то. И в чем я виноват? Да и много других людей там, – он теперь уже сам махнул рукой, указывая на пирамиду, – которые тоже ни в чем не виновны. Ну за что их-то убивать? А ведь они сидят там взаперти и ждут своей участи. И среди них есть маленькие дети, и много детей, которые вообще ничего в своей жизни еще не сделали, ни хорошего, ни плохого. Простите нас и не будьте такими жестокими, как мы. Простите.

– Вы знаете, – на этот раз проговорила уже девушка-призрак, – ваши извинения, это, конечно, хорошо, но вряд ли теперь достаточно. Вот, например, у нас с Пабло, – она указала на своего спутника, – тоже могли быть дети. И эти дети просто даже не появились на свет из-за того, что мы умерли. И они не прожили на этом свете вообще ни дня. А ваши дети, – да чьи же они, скажите мне на милость. Не тех ли палачей, которые отправляли нас на смерть. И в добавок ко всему, вот вы сами сейчас говорите о смерти, а вы хотя бы знаете, что это такое?

– Нет, откуда мне? – совсем уже хмуро ответил Антон, чувствуя, что разговор пошел совсем не в том направлении.

– А мы знаем, – продолжила девушка-призрак, как-то криво и очень не по-доброму улыбнувшись. – И это всегда очень больно и страшно. А кроме того, когда после смерти ты оказываешься в таком вот пекле, – она указала на оболочку Арона, – то и совсем становится не по себе. Поэтому извинений недостаточно.

– Но что же нам делать? – теперь уже повысив голос, едва не взмолился Антон. – Ведь вы же сказали, что идете нам навстречу?

– Все так, – улыбнувшись произнес Пабло, подмигнув своей спутнице, – и поэтому мы убьем вас быстро. Вы будете лишены всех тех бесчисленных пыток и издевательств, которые перенесло большинство из нас. И в этом как раз и состоит наше милосердие.

– Но все-таки, – попытался еще хоть как-то спасти ситуацию Антон, – может мы потом снова встретимся и продолжим...

Но призраки не дали ему договорить.

– Нет, – произнесли они одновременно, но при этом твердо, – переговоры окончены.

После чего развернулись и, все так же весело посмеиваясь, пошли по направлению к световому туману. И страшным было это «нет», несмотря даже на то, что произнесено оно было почти шутливым тоном. Таким, что Антону вдруг самому показалось, что это ему лично только что вынесли смертный приговор, а затем и заперли в камере. Да и могло ли быть иначе? Ведь миллионы, если не сотни миллионов таких же холодно зачитанных приговоров сошлись тогда в этом слове. Миллионы, если не сотни миллионов криков несчастных и замученных. Миллиарды никому не нужных запретов, наказаний, правил и условностей, в которых так путались сперва, а затем и гибли люди. Бесчисленное множе-

ство преступлений, обмана, насилия. И все это было теперь сконцентрировано всего лишь в одном коротком слове, которое, как тяжелый громовой раскат отдалось вдруг в голове у Антона. Отчего он, будто и вправду сраженный молнией, медленно опустился на колени и заплакал.

К нему подошла Люн. Она, как и намеревалась, сидела здесь совсем неподалеку, притаившись за пригорком, и тоже все хорошо слышала. Она попыталась было успокоить Антона, но конечно же не смогла. Безудержные рыдания, буквально вырывались из него. Он плакал и не мог остановиться, бился руками и головой о землю. Он просто не мог себе представить: как, ну как же теперь? Ведь это что же, конец? И теперь все эти несчастные: мужчины, женщины и дети погибнут, все до единого, – а защититься у них не было никаких шансов, и это Антон понимал. У него теперь перед глазами, ну просто-таки стояли все эти толпы ожидавших и надеявшихся на чудо людей, которые еще не знали, что скоро умрут.

– Перестань, кротик, – Люн села рядом, – ты ничего не мог поделать. И все это не твоя вина. Да тебя никто и не станет упрекать, что так вышло.

– Но что же делать? – Антон оторвал свое заплаканное лицо от земли, – что нам теперь делать? – он вновь опустил голову.

– Драться, – спокойно ответила Люн, сунув травинку себе в рот, – драться и умереть достойно. Поскольку ничего ино-

го достойного человечество на этой планете сделать больше уже не сможет.

Потом они поднялись и пошли, – причем Люн даже поддерживала Антона, – к пирамиде. Там их встретили охранники, которые уже обо всем знали. Как оказалось, этот разговор дистанционно прослушивался. Но они, конечно, не стали упрекать Антона, что он сделал что-то не так. Они сами все прекрасно слышали, а оттого и понимали, что сделать тут ничего было нельзя.

Потом Антон с Люн поднялись наверх в его квартиру, где Антон и рассказал обо всем Кате. После чего строго-настрого запретил ей впредь выходить на улицу.

– Да знаю я, – спокойно ответила та. – Ведь после того как пропал твой Дружок, я и так отсюда почти не выхожу.

– Вот и молодец, – похвалил ее Антон. – Ты знаешь, скоро, наверное, будет страшная битва, но ты не бойся, призраки не смогут мне повредить, да и ты здесь за стеклянными дверями в полной безопасности.

После чего слегка перекусил хлебом с молоком и также спокойно направился вниз в командный пункт. А там, как это ни странно, царило вполне себе рабочее и даже бодрое оживление. Чиновники, военные, консультанты да и вообще все вокруг, так же как и он сам, словно бы выдохнули теперь и, отбросив гнетущее напряжение последних дней, занялись привычной и самой конкретной работой. Все было просто и ясно – война так война. Кто-то перепроверял связь, кто-то

вел переговоры, согласовывая нюансы будущей и уже оборотительной операции, а кто и просто сидел на месте, сосредоточенно что-то там высчитывая. Антон посмотрел на весь этот упорядоченный муравейник и пристроился на стуле в углу. Он все еще никак не мог понять, отчего же это они все такие спокойные, ведь численный перевес был явно на стороне призраков, да еще какой. Один к десяти, да и то, если считать всех живых людей, в том числе детей, стариков и женщин. А значит шансов на благополучный исход, – Антон вздохнул, – не было почти никаких. «И все же, пусть мы скоро все и погибнем, – повторил он про себя эту последнюю фразу Люн, – но сделаем мы это достойно, ведь ничего иного достойного человечество на этой планете сделать больше уже не сможет».

43. Отчаяние

Все началось уже на следующий день в Австралии и Японии, где солнце восходило в первую очередь. Сначала это были лишь малоорганизованные, хаотичные нападения призраков, которые быстро поглощали органику, после чего и нападали. Но люди были уже готовы к этому и знали, что поскольку переговоры провалились, то и ждать им оставалось лишь худшего. Через несколько часов, по мере продвижения светового дня на запад, нападения начались в южном Таиланде и центральной Сибири, где людям пришлось уже по-настоящему тяжело. Ведь практически все эти территории из-за своего низменного положения относительно уровня океана, давным-давно находились под световым туманом, а значит и полностью контролировались призраками. Лишь редкие, небольшие островки на возвышенностях продолжали там все еще оставаться под властью людей. А оттого даже эти, едва ли не случайные и вовсе не интенсивные вылазки причинили им довольно существенный урон.

Намного лучше дело обстояло в Пакистане, Индии и Китае, особенно в северных районах этих стран, где сконцентрировалось почти все их многочисленное население. Да к тому же еще и возвышенности, а дальше к северу высокие горы, весьма способствовали организации успешной обороны. Потом наступило время Ирана, Центральной России и

Аравийского полуострова. И тут все происходило с переменным успехом. Потом, еще через несколько часов, в это, пока еще вялотекущее сражение вступила центральная и западная Европа. А когда на Дальний Восток пришла наконец долгожданная ночь, и Америка. Но вообще, тот, самый первый день этого всемирного сражения прошел вполне себе спокойно, что, правда, нисколько не обнадежило людей, которые уже сталкивались прежде с призраками и успели узнать об их коварстве и непредсказуемости. Да к тому же еще и сами руководители военных штабов вполне обоснованно полагали, что все это была лишь предварительная проверка обороны и разведка боем. Что многих из них весьма насторожило. Ведь если ранее призраки нападали совершенно хаотично и без малейшего плана, то теперь в их действиях стала прослеживаться четко продуманная организация. С наступлением же темноты призраки отчего-то успокоились и перестали нападать. Единственное вот только, в ту ночь над всей Землей распространился какой-то странный, почти неуловимый запах. Очень неприятный. И некоторые даже стали называть его «запахом смерти». Что было, конечно, не совсем верно. Поскольку о происхождении этого запаха вообще никто ничего не знал. Но поскольку люди теперь ожидали лишь самого худшего, то название это вполне соответствовало их настроению.

Следующий день начался с массивной атаки призраков на Австралию и Новую Зеландию. Трудно было объяс-

нить, почему они выбрали именно эти направления для удара. Ведь российский Дальний Восток был куда менее защищен и опять-таки в силу своего низменного положения относительно океана. Были, конечно, и там многочисленные сопки, и даже невысокие горы, однако между ними были и очень глубокие низменности, давным-давно уже оккупированные призраками. И все-таки первый удар призраков в тот день пришелся намного южнее. Сначала была атакована Австралия. И эта, теперь уже бывшая английская колония сражалась настолько успешно, что буквально несколько огромных волн призраков, обрушившихся на ее восточное побережье, были в течение пары часов сначала остановлены, а затем и отброшены назад в световой туман. И кто знает, возможно именно храбрость и отвага, проявленные защитниками австралийского континента, по-настоящему уже разозлили призраков. Потому что на Новую Зеландию они обрушили удар такой сокрушительной силы, что она просто не могла устоять.

Тысячи, если не десятки тысяч, а затем уже и миллионы призраков начали медленно, а затем все быстрее и быстрее выползать из светового тумана, окружавшего этот, не такой уж и большой участок суши. Все реки, озера и даже пруды в результате этого оказались очень скоро полностью заполненными призраками. Призраки, еще невидимые, проникали в тыл защитников, после чего поглощали органику и нападали. И хотя вооруженные силы Новой Зеландии сражались не

менее храбро чем австралийцы, но все же они были слишком малочисленны, чтобы удержать то мощное разрастающееся цунами, которое неумолимой волной расползлось по их территориям.

Призраки были безжалостны. Там где они проходили, не оставалось никого в живых. Единственным местом, где люди могли еще хоть как-то укрыться, были все те же постройки из «легкого стекла», в которые призраки никак не могли попасть. Ведь, как это ни странно, но они не пользовались никакими видами оружия и даже самых примитивных инструментов в руки не брали, предпочитая полагаться лишь на собственные силы. Так прошло еще около трех часов. И сообщения к тому времени стали поступать уже о нападениях призраков и с Ближнего Востока, и из Центральной России, а Новая Зеландия все сражалась. Но наконец связь с ней окончательно прервалась и люди даже не узнали, что же там такое в итоге произошло.

Следующий тяжелый удар был нанесен по Европе. И вот здесь жертвы среди людей были действительно ужасающими. Призраки, как и с самого утра еще, стали массово выбираться из всевозможных низменностей, затем поглощать органику и уже потом действовать. Но тут они применили и несколько иную тактику. Они стали нападать в первую очередь на безоружное население, что заставляло регулярные части экстренно менять порядок дислокации и тактику. Это вносило в их действия большой элемент хаоса и сумятицы.

А призраки этим успешно пользовались. Они, например, напали на какой-нибудь небольшой городок в малонаселенной местности, после чего жители этого городка, естественно, просили о помощи. И горе было той воинской части, которая туда направлялась. Призраки напали на нее со всех сторон и уничтожали. А затем уничтожался и сам город. Так прошло еще несколько часов. Некто, кто следил за всем происходящим с воздуха и координировал действия людей с высоты, передал информацию, разошедшуюся затем по всему миру, что потери призраков и людей в этих столкновениях были примерно десять к одному. То есть совсем неплохо. Однако, знающие люди тут же подсчитали, что даже такими темпами полностью всех призраков уничтожить не удастся, поскольку к тому времени как силы их иссякнут и все население Земли будет истреблено.

И все же у людей случались и победы. Особенно, причем с самой лучшей стороны, проявили себя в тот день жители туманного Альбиона. Не все конечно, а только некоторые из них, самые молодые. Как оказалось, Правительство этой страны вовсе не препятствовало, а наоборот способствовало созданию в их вооруженных силах особых молодежных подразделений, в которые входили в основном подростки лет десяти, шестнадцати. Руководителем же таких подразделений был назначен как раз тот самый мальчишка, Джон Бой, которого Антон некогда вылечил в психиатрической больнице в Суссексе. Этот парень мог прекрасно видеть «невидимых»

призраков, а оттого и легко распознавал их маневры. Ведь призраки, как и всегда до этого, почти никогда не атаковали в лоб. Они пробирались в тыл защитников и только потом действовали. Но с этим парнем у них вышла промашка ужасная. Из-за чего они и понесли в Англии в тот день свои самые большие потери. Поскольку, едва пробравшись за спину обороняющихся, и поглотив органику, готовы были привычно уже бить в спину, как к своему ужасу обнаруживали, что их ждали, отчего и попадали под настоящий ливень из пуль, гранат и снарядов из «легкого стекла» со свинцовыми сердечниками.

Наконец военные действия переместились на американский континент. И здесь, как это ни странно, не произошло ничего особенного. А ведь страны Северной Америки были, пожалуй, более других готовы к обороне. Но призраки почему-то проигнорировали их, ограничившись лишь опустошением нескольких, не слишком крупных городов Южной Америки и полной зачисткой всей дельты Амазонки.

И когда на американском континенте все еще только завершалось, то на Дальнем Востоке была уже поздняя ночь. Возможно последняя ночь всей человеческой цивилизации. И люди словно бы чувствовали это. Они, конечно, подсчитывали теперь свои потери, которые пока еще поддавались подсчету, да прикидывали сколько всего призраков погибло и сколько еще осталось. Два дня они худо-бедно продержались. Были, конечно, и у них успехи, но были и провалы,

приведшие к чудовищным, не слыханным никогда прежде жертвам. Ведь теперь уже не то чтобы единицы, а десятки городов Земли были полностью опустошены призраками. Везде была кровь, множество трупов и останков человеческих тел. Однако страха почему-то не было. Люди в большинстве своем то ли не хотели, то ли просто не могли пока осознать масштабов происходящей трагедии. Многие, конечно, оплакивали своих близких, но так всегда бывало на всех войнах. Вот только то, что эта война в истории человеческой цивилизации будет последней, люди пока еще не знали.

А на следующий день разверзся настоящий ад. Призраки более уже не придерживались никакой тактики. Они просто шли в лоб, стеной, навалом, буквально задавливая обороняющихся численным превосходством. Австралия, причем именно таким вот способом была просто-таки опустошена. И что удивительно, применяя такую, самую примитивную тактику, призраки отчего-то несли теперь куда меньше потерь. А вот люди наоборот гибли миллионами. Канберра, Сидней и прочие города зеленого континента были превращены в залитые кровью пустыни. Российский Дальний Восток обезлюдел. И далее этот гигантский апокалиптический каток начал свое кровавое шествие уже по всей Земле. Призраки громоздились друг на друга в два, в три ряда, наступая на раненых и убитых, которые даже не успевали стечь полупрозрачной эктоплазмой под землю. Кто-то из людей успевал, конечно, укрыться и в стеклянных домах, но таких бы-

ло меньшинство, потому что строений из легкого стекла на всех не хватало.

Пущено было наконец в ход ядерное оружие. Но призраки, похоже, были уже готовы к этому, поскольку в океанах и морях, где оно было применено, тут же ушли под воду на большую глубину. Применять же такое оружие на континентах было бессмысленно. Вот уже и весь Китай, за исключением лишь самых высоких гор был захвачен призраками. Индия пала. А в прочих азиатских странах началась настоящая паника. И не было там оказано уже никакого, хоть сколько-нибудь значимого сопротивления, отчего все происходящее более походило даже не на сражение, а безжалостное поголовное истребление.

Следующими на очереди были запад России, Европа и Африка. Однако, зная с кем столкнутся в центре России, а именно в Москве, призраки отчего-то не слишком усердствовали в этом городе, по крайней мере в южной его части. С Африкой же у них, напротив, никаких проблем не возникло. А вот с Европой – да. И еще какие. В особенности с теми же молодежными подразделениями, что действовали на большей части территории Англии. И сражались эти подразделения отчаянно. Парни и девушки бились так, что даже у самих призраков иногда от изумления открывались рты. Был даже такой момент, когда призраки решили ненадолго остановить наступление в этой области, сосредоточившись на континентальной Европе. И этой временной передышкой

воспользовался тогда Антон, которому передали по рации, что в Англии все вроде как стало немного налаживаться, ну, или по крайней мере там все было не настолько плохо, как в других областях. Отчего он оставил Люн одну защищать их башню и, не обращая уже внимания на окружавших его людей, призвал огненную птицу, которая в это время парила где-то на большой высоте и уже на ней стремглав отправился на помощь. Там он быстро нашел Джона и, приземлившись возле него, стал изо всех сил помогать.

Автоматы, которыми снабдили его военные этим утром, были давно уже пусты, и поэтому Антон пользовался лишь двумя длинными стеклянными мечами, с которыми научился к тому времени более или менее сносно управляться. А призраки, понеся в стычках с ним в Москве огромный урон, и поняв наконец с кем имеют дело, вскоре и вовсе перестали к нему приближаться, выбирая себе других, более уязвимых противников. Однако в Англии призраки его не ждали, отчего он и устроил им там настоящую бойню. Тысячи, если не десятки тысяч, ничего не подозревавших призраков были разрублены им на части. А Джон, который теперь все время находился подле него, пользовался уже своими автоматами, боеприпасов к которым у него оказалось бесчисленное множество. И вот так одновременно, в ближнем и дальнем бою, они действовали очень успешно. Через некоторое время поле битвы вокруг них стало напоминать огромный растекшийся мутный бассейн или озеро из полупрозрачной эк-

топлазмы, которая просто не успевала стекать под землю. И этот бассейн лишь пополнялся. Даже ноги Антона были теперь уже едва ли не по колено в этой липкой, скользкой жиже.

Однако, что значил весь их успех в масштабах целой планеты. И что могли они вдвоем. Люн вот тоже из-за своего защитного костюма, представляла для призраков очень серьезную угрозу. Но что могла и она. Тысячу, ну две уничтожить. А ведь за это время призраки уничтожали по всей Земле миллионы людей. Приходили, правда, сообщения и о том буддийском монахе, который, укрывшись в горах Тибета, все еще был жив и сражался. Но это также мало что значило.

И вот наступил момент, когда призраки, взгромоздившись друг на друга уже чуть ли не в пять рядов, обрушились всей этой огромной волной на Антона. Отчего он, все-таки не выдержав нарастающего давления, слегка поскользнулся и упал. А когда поднялся, то не обнаружил рядом с собой никого. Очевидно, что все парни и девушки из молодежных подразделений, которые сражались рядом с ним, в том числе и сам Джон, погибли. И Антон не увидел вокруг даже следов крови, поскольку призраки, будучи теперь в таком несметном количестве, поглощали в качестве органики и кровь.

Тогда он вновь подозвал свою огненную птицу и со слезами на глазах полетел обратно к Люн. Там он нашел ее буквально по плечи заваленную ранеными призраками, которых у нее просто не было сил добивать. Так они и оставили по-

зади себя всю эту копошащуюся гору полуживых, обретших плоть душ, когда понутив головы, пошли назад в свою пирамиду. Ведь они теперь уже все понимали, что битва проиграна и сражаться далее было просто бессмысленно. Вскоре смолкли почти все земные радиостанции. И только из таких же стеклянных строений по всему миру люди все еще продолжали посылать друг другу редкие сигналы.

Антон с Люн смотрели теперь уже изнутри через стекло пирамиды на все эти бесчисленные толпы видимых и невидимых призраков, которые носились вокруг них туда и сюда, и теперь уже вовсе без дела. Наконец Люн сказала:

– Знаешь что, кротик, полетели со мной на Луну, помнишь мою хижину с обратной ее стороны. Так вот, у меня там осталось кое-какое оружие с Сатурна. Оно много мощнее ваших мечей и автоматов. И хотя теперь уже все равно, но ведь нам надо еще как-то защищать всю эту пирамиду и твою Катю, а у меня просто руки от усталости не поднимаются.

– Полетели, – согласился с ней Антон, – который хотя и отупел слегка от всего увиденного за последнее время, но все же и не очерствел совсем. – Мне надо развеяться. Только ты погоди немного, я Кате скажу.

– Что ты ей скажешь? – остановила его Люн, – что улетаешь с призрачной девушкой на Луну? Не надо, кротик, не стоит ее смущать еще и этим.

Антон с ней согласился и они вместе пошли в тот самый

парк, откуда все время взлетали. Вот только не знал Антон, что никогда более не увидит своей Кати. Отчего и страшно сожалел потом, что даже не попрощался с ней по-человечески.

До Луны долетели быстро. Поскольку огненной птице, теперь уже вполне отдохнувшей, просто не терпелось размять свои крылья. Однако, подлетая к домику Люн, Антон вновь обратил внимание на ту черную область, из которой – и уже по информации полученной от элов – вылетел некогда демон. Вот только теперь эта область была не такой, как в прошлый раз. Она казалась не матово-темной, а напротив блестящей, словно бы отражавшей свет. И когда они приземлились, то Люн пошла к себе в дом, а Антон к этой области. Подойдя же к ней, он сначала потрогал ее ногой, отчего ее поверхность, словно это была не твердая почва, а похожая на расплавленный гудрон жижа, слегка заколыхалась. А затем вдруг возник и голос:

– Проходи Бессмертный, мы давно ждем тебя.

И этот голос показался Антону очень знакомым, отчего он и сделал шаг вперед.

44. Диск

Он не знал почему так легко и совсем не задумываясь решился войти в этот черный омут. Возможно, ему сейчас было как-то и все равно. Ведь после всех тех ужасов, что он совсем недавно наблюдал на Земле, ему просто и в голову не пришло заботиться о своей собственной безопасности. Да и что могло ему повредить? Ведь он же – Бессмертный, как, собственно, к нему и обратился тот странный голос из омута. Вот только то, что ожидало его там внутри и то, что он там увидел, мгновенно отрезвило его разум и буквально выдернуло из того расслабленного состояния легкого полужабытья последних нескольких часов. И это были тела. А точнее: полупрозрачные, живые, но словно бы погруженные в твердое флюоресцирующее железо оболочки миллионов и миллионов человеческих душ, которые окружали его со всех сторон. Они были почти наполовину вплавлены в это железо, которое ровным слоем покрывало все то огромное сумеречное пространство, внутри которого он очутился. И это также была сфера или полый изнутри безразмерно-гигантский железный шар.

Антон огляделся. Он заметил, что все эти тела или души все еще немного шевелились, но очень слабо. Увидел он также и глаза этих призраков. И то были глаза пустые, холодные, полные безграничного отчаяния, лишённые каких

бы то ни было мыслей или даже памяти. И не было в них ничего ни живого, ни теплого, а только лишь безграничная, неизбывная тоска. Где-то вдалеке, уже ближе к центру этого огромного сумеречного пространства находилась высокая гора или холм, сложенный – Антон пригляделся – из частей тех же самых призраков, которые были замурованы в стенах. Там были их и руки, и ноги, и головы, причем все это было не того полупрозрачного, словно бы покрытого легкой окалиной сероватого цвета, а напротив черного, как будто обугленного. Словно эти тела жгли перед тем как разрубить на части. Посмотрел он и чуть выше. На самой вершине этой страшной горы, более уже не шевелящихся частей мертвых призраков он увидел некий едва различимый огонек, который чуть заметно мерцал. Однако, поскольку это место было очень далеко, то и разглядеть в точности, что там находилось он не сумел. Посмотрел Антон и на себя. Сам он совершенно не изменился, а просто висел в воздухе неподвижно, совсем близко и спиной к внутренней поверхности гигантской сферы. Рядом с ним находились все те же призраки. Но они отчего-то совсем не обращали на него никакого внимания и даже не вытягивали вперед своих рук.

И только лишь Антон решил было двинуться с места, чтобы получше все рассмотреть, как вновь услышал тот странный голос, который, теперь уже многократно отразившись гулким эхом, заполнил все внутреннее сумеречное пространство:

– Проходи, Бессмертный, мы давно ждем тебя. Но почему ты не явился к нам раньше, мы же приглашали.

Антон так растерялся, что вместо ответа даже закашлялся. Однако, через несколько секунд все же собрался с мыслями и, стараясь говорить спокойно, произнес:

– Я не понимаю вас, о каком приглашении вы говорите, да и где вы? – он огляделся по сторонам.

– Мы здесь, в центре, – ответил ему голос, – лети на свет.

Антон подчинился. И ему пришлось еще некоторое время лететь вперед, а летел он довольно быстро, чтобы приблизиться к этому свету. И этим светом оказался небольшого размера костер, в центре которого вертикально стоял пустотелый крест двухметровой высоты. У этого креста совершенно отсутствовали стороны, а были видны лишь одни тонкие прямые ребра, отчего он напоминал некую странной конфигурации причудливую клетку. Вокруг костра, метрах в двух, сидели какое-то существа. Было их восемь и одеты они были в длинные серые плащи с капюшонами. Однако эти капюшоны были сейчас сняты, отчего Антон сразу сумел разглядеть их лица. И эти лица были абсолютно одинаковыми, словно сделанными по единому образцу. Даже выражения их ничем не отличались. Антон пригляделся повнимательней к одному из них и вдруг замер в ужасе, потому что точно вспомнил, где уже видел его. Это лицо было точь в точь таким, как и у того незнакомца, с которым он столкнулся неподалеку от своего тихого подмосковного поселка. Того страшного, же-

стокого демона, который причинил ему столько боли и страданий. А значит и все эти существа, – он окинул взглядом сидевших возле костра – тоже были демонами. «Но зачем я им понадобился, с какой целью они меня звали? – лихорадочно задавал он себе эти, самые очевидные в данной ситуации вопросы, – и как? Ведь я не получал от них никаких сообщений». Он еще немного помолчал, но все же решился повторить свой вопрос и уже вслух:

– Я не понимаю, – произнес он тихо, – я не получал от вас никаких приглашений, да и когда?

– А ты разве не получал приглашения от призраков, там наверху? – задал ему встречный вопрос один из демонов.

– Да, но... – Антон начал уже догадываться о чем идет речь, – там было еще какое-то послесловие, от руки написанное, в котором говорилось про Луну.

– Идиоты, – спокойно произнес демон, – они даже послания нашего перевести не смогли. У вас что, никто не знает арамейского? Так я тебе скажу. Послание это изначально было написано теми жалкими тварями, что находятся сейчас наверху над нами. А мы дописали послесловие. И тебе был предоставлен выбор: встретиться с ними или идти сюда. Но ты даже не сумел ничего понять. И теперь миллиарды людей погибли из-за простой ошибки в переводе.

– Но, – у Антона задрожал голос, – если бы я пришел сюда, разве что-то могло пойти по-другому?

– Да, – ответил демон, – большинство людей уцелело бы.

Но даже и тогда все полностью зависело бы от твоего решения, Бессмертный.

– Какого решения? – Антон теперь уже по-настоящему испугался, потому что знал, что такие решения никогда не бывают легкими.

– Очень простого решения. Ты должен и сейчас его принять и что-то выбрать. – Тут демон ненадолго замолчал, но продолжил, – ты видишь этот крест, – он указал рукой на крест посередине костра, – это то немногое, что осталось теперь от Аластора. Да-да, – как раз того самого, который погиб при столкновении с тобой несколько лет тому назад.

Тут демон весь как-то съежился словно от холода и рявкнул: «Нийя, – сколько уже можно ждать, неси еще дров». На это некая призрачная девушка, которую Антон даже сначала и не заметил, быстро метнулась откуда-то снизу из-под горы горы и подлетела к железной стене сферы. Там она довольно грубо, помогая себе и ногами, отломала кусок одного из призраков, вплавленных в стену и быстро полетела назад к костру. Там она услужливо подложила этот обломок в огонь, после чего низко поклонилась и вновь удалилась куда-то вниз в тень. А Антон тем временем, оглядевшись еще раз, подумал, что он точно находился в центре теперь уже умирающей звезды, раз вокруг было столько железа.

– Вот так, – произнес демон, протягивая руки к разгорающемуся пламени, – но я продолжу. Этот крест, что ты видишь, – дело твоих рук. Так же как и все, что происходит

сейчас на поверхности. И я, конечно, не виню тебя за то, что Аластор погиб. Но, понимаешь, в чем дело: нас было девять. Девять таких же как и он сам. А теперь нас восемь. И мы просто не можем удерживать гравитационный баланс звезды, у нас не хватает для этого сил. А оттого она начала расширяться. И ты, вольно или невольно, нарушил этот баланс, а значит и ответственен за то, что происходит сейчас на поверхности. Но ты можешь еще все исправить, хотя и цена высока. В этом как раз и состоит твой выбор.

– Но я до сих пор еще не понимаю, – тихо проговорил Антон, которому этот голос демона, словно настоящий адский холод начинал проникать в самую душу, – что я могу сделать и чем пожертвовать? Ведь большинство людей на Земле и так уже погибло, не могу же я их воскресить?

– Нет, конечно, – ответил демон все так же спокойно, – но ты можешь спасти остальных. И их не так мало как ты полагаешь. Поэтому жертва все же стоит того.

– Какая жертва? – спросил Антон понуриив голову, потому что понимал, что это будет нечто ужасное.

– Твоя свобода, – ответил демон. – Заметь, не жизнь даже, а всего лишь свобода. Ведь ты бессмертный и убить тебя нельзя, но можно навсегда лишиться свободы. Как скажешь, согласен ты на такой обмен? Свобода одного, пусть и выдающегося человека, на жизни миллиарда людей, а именно столько сейчас еще остается в живых на поверхности. Ну, что скажешь?

Антон не знал, что сказать, потому что условия были действительно страшными. Его свобода, его личная, собственная, вечная. Но на другой чаше весов были жизни сотен миллионов людей. Его Кати жизнь. Он посмотрел по сторонам. Однако везде увидел одно и то же. Недвижимые, опустошенные души, безразличные глаза призраков и никакого сочувствия. Даже капельки. Что ему оставалось, – он медленно поднял голову и почти неслышно спросил:

– Что я должен делать?

– Иди в крест, – ответил ему демон.

– Как это, – не понял Антон, – на него влезть что ли? А руки в стороны расставить, как на распятии?

– Не-ет, – на этот раз демон даже проявил некое подобие эмоций, – этот фокус больше не пройдет. Внутрь иди. А руки просунь в горизонтальные перекладины. И так стой. Тогда крест вновь обретет сначала свои грани, а затем станет таким как прежде. Но ты будешь навечно заключен в нем и никогда не сможешь выйти наружу.

«Вот и все мое бессмертие, – с горьким отчаянием подумал Антон. – Зачем жить вечно, если навсегда будешь заключен в такой тюрьме, в которой ни походить, ни пошевелиться даже нельзя. Ужас какой. Уж лучше бы я действительно сам погиб в тот поздний вечер вместо того демона. Ведь тогда и не случилось бы всех тех чудовищных потрясений и люди были бы живы. Нет, это все моя вина. И я сам виноват в гибели пяти миллиардов людей на Земле, а значит быть мне

теперь навеки проклятым и я этого вполне заслужил».

Он сделал шаг в костер, а потом встал одной ногой на нижнее ребро креста. После чего, почти в отчаянной попытке увидеть хоть что-то, хоть каплю человеческого сочувствия, посмотрел по сторонам. Но нет, везде одни и те же лица: серые, равнодушные. Холод и мрак. В этом проклятом месте искать помощи было бесполезно. И вдруг, он обратил внимание на тот обломок призрака, который девушка отломала от стены, а затем и бросила в огонь. Этот обломок состоял всего лишь из одного торса несчастного, его рук и головы. Но не это было самым главным, – главным были его глаза. И они были живыми. То ли это яркий огонь немного растопил их, то ли сам этот призрак смог пронести сюда, в самый центр чистилища, в то место, где постоянно находились демоны, пусть и исчезающе малую, но все же настоящую искорку простого человеческого тепла. И Антон увидел эту искру, а также маленькую слезинку, которая медленно скатилась из глаз замученного, истерзанного, но все еще живого призрака.

И он принял тогда свое решение и убрал ногу с креста. После чего развернулся и, не говоря больше ни слова, полетел назад к тому месту рядом с которым появился здесь изначально. Единственное, что Антон еще помнил, и эта картина не покидала его уже до конца дней, так это страх, самый настоящий, ничем не прикрытый ужас, что он заметил на лице не только того демона, с которым разговаривал, но

и всех остальных, сидевших вокруг начинавшего теперь разгораться все сильней и сильней костра.

Подлетев к нужному месту, Антон легко отыскал такой же, но уже светлый округлый омут, в который тут же и вошел. После чего увидел рядом с собой Люн. Да, он вновь находился на поверхности Луны, где девушка его лихорадочно искала. Когда же она заметила Антона, то просто вскрикнула от счастья и кинулась к нему на шею.

– Я видела, – шептала она, – я все видела, как ты вошел в портал. Но я не успела тебя остановить. И я, конечно, не знаю где ты был, но я так испугалась. В первый раз и по-настоящему испугалась за тебя. У меня было такое предчувствие, что ты никогда больше не вернешься назад.

– Люн, – Антон погладил ее по голове, – ведь я же бессмертный. Что могло со мной произойти?

– Молчи, молчи, – девушка целовала его в щеки и губы, – я знала, я чувствовала, что с тобой может случиться беда. Но, слава богу, я ошиблась и теперь все будет хорошо.

Антон промолчал. Он все еще держал Люн в своих объятиях, хотя и немного отстранился от нее. Он понимал, конечно, что она тоже его любит, но также понимал, что и Катю свою он бросить не сможет. Но Люн была достаточно умной, да и взрослой теперь уже, а оттого сказала:

– Я не буду вам мешать, просто знай, что я тоже тебя люблю, кротик. И я буду счастлива даже если просто буду рядом, – она улыбнулась.

– Люн, спасибо тебе, – Антон вновь крепко обнял ее, – спасибо тебе за все.

Наконец он отпустил девушку и сел. У него почему-то не было сейчас никаких сил, чтобы стоять. А Люн, видя что он страшно, и прежде всего морально измотан, села рядом с ним. Они до сих пор все еще находились в центре той округлой черной области, которая совсем недавно была порталом между двумя мирами, а теперь стала твердой как камень, а по фактуре – какой-то матово-зернистой, отчего и совершенно не отражала свет.

45. Свет

И это действительно был свет. Это был такой свет, что обыкновенному человеку и представить себе невозможно. А портал, на котором Антон с Люн сейчас сидели, оторвался от поверхности Луны и, закрыв их тела как чехол со всех сторон, был выброшен в бесконечное темное космическое пространство. Однако, все это случилось лишь через некоторое время, а сейчас эти двое просто сидели друг возле друга и наслаждались видом звездного неба. А ведь они даже еще не знали, что никогда больше не увидят ни Землю, ни Луну, ни даже само Солнце, поскольку вспышка Сверхновой унесет их так далеко, что они просто не смогут отыскать пути назад. Но и это было через некоторое время. А в настоящий момент Антон с Люн слышали нарастающий гул, живой раскатистый грохот, который простые смертные слышать не могли, и который доносился до них со стороны Земли. И знали они, что это такое. Это огромная, горячая, неизмеримая по своей внутренней духовной мощи звезда начала свое ускоренное и последнее теперь расширение.

На самой же Земле люди, которые наглухо забаррикадировались в своих стеклянных домах, также наблюдали нечто необычное. Тот, едва различимый светящийся туман, который до сих пор расплзался лишь по разного рода изменностям, стал прямо у них на глазах подниматься. Он полз

все выше и выше, пока не достиг уровня их домов, а затем и поднялся над ними. Люди видели также и сильно растерянных, и теперь уже напрочь лишенных своего прежнего боевого настроения призраков, которые поднимались вверх вместе с этим туманом. Некоторые из них были очень напуганы, а иным было и просто интересно, что это такое происходит. Наконец световой туман поднялся до уровня облаков, то есть примерно километра на два над землей, отчего даже в самых высоких строениях люди стали волноваться, что же с ними будет, если он полностью поглотит их. Наблюдала за всем происходящим и Катя. Она, правда, не очень сильно беспокоилась именно за себя, а скорее за Антона, который снова куда-то запропал. Но при этом она все же и чувствовала или скорее надеялась, что он все еще жив и что с ним все в порядке.

Наконец световой туман достиг уровня ее квартиры, а затем и превысил его. Теперь он поднялся выше всей этой высоченной четырехугольной пирамиды из невесомого стекла, в которой эта квартира находилась. Но не остановился при этом, а продолжил подниматься. Вот он уже достиг верхних слоев атмосферы Земли, а вот и открытого космоса. Еще через пару часов он достиг и Луны, которую миновал очень быстро. В этот момент Антон, который прекрасно все видел и понимал что происходит, спросил у Люн, как там Катя. А та сказала, что световой туман не мог ей ничем повредить и что она до самого последнего момента будет в безопасности.

На это Антон лишь молча обнял девушку за плечо и притянул к себе. Они, конечно, и сами теперь не знали, что с ними самими будет. Безусловно, с одной стороны Антон обладал невероятными способностями, да и защитный костюм Люн был также очень прочным, что вполне доказала та бойня, которую она устроила нападавшим на нее призракам на Земле. Однако они не были полностью уверены в своей безопасности и, естественно, готовились к самому худшему.

И вот призрачный туман, который в последние несколько часов расширялся все с большим ускорением, достиг расстояния миллиона километров от Земли. После чего его расширение стало быстро замедляться и вскоре совсем прекратилось. Впрочем и того, что сейчас представляла из себя эта живая звезда, было более чем достаточно, чтобы поразить любого, кто только мог ее видеть. Она по своему размеру уже ничем не отличалась от обычных, неживых звезд. Огромная, яркая, пылающая, она светила так, что с учетом живого диапазона, затмевала даже Солнце. Воистину чудовищные теперь, изогнутые протуберанцы вырывались с кипящей ее поверхности, а световой ветер отрывал некоторые из них и уносил далеко в космос. Арон, подчиняясь пробудившимся наконец неизмеримым внутренним силам, предстал во всем своем великолепии, во всей красе, уравнив огромные физические размеры и до сего времени скрытую духовную мощь. Звезду эту можно было теперь увидеть с совершенно гигантских расстояний, хотя и свет ее стал каким-то красноватым.

И все же, состояние этой, по-настоящему огромной теперь звезды не было стабильным. И Антон это знал, впрочем, как и Люн, которая все так и продолжала сидеть рядом с ним и почти в полубабытши нашептывать ему что-то на ухо. Антон прислушался. Это были какие-то слова про него самого и про нее, а также про эту звезду и Луну. Наконец он разобрал, что это было: «Мы теперь с тобой как Арон и Луна, – шептала девушка, – Антон и Лууна. И мы всегда будем вместе, даже если и погибнем». И Антон не нашел ничего другого, кроме как поцеловать ее, и теперь уже по-настоящему в губы, потому что ему и самому было сейчас очень страшно.

Наконец они почувствовали, что состояние звезды стало совсем нестабильным. И хотя во время предшествовавшей этому паузы, которая длилась несколько часов, почти ничего не происходило, однако нарастающие внутренние вибрации и приглушенные раскаты, ясно давали понять, что вскоре все закончится. А затем началось падение. И падение это было стремительным. Падало туда, назад, к центру звезды все: и световой туман, и словно бы взбесившиеся теперь протуберанцы, и призраки, которые к этому моменту оказались довольно далеко от Земли. И это был настоящий, плотный и очень горячий световой поток, который даже Антона с Люн повалил на черную ткань портала. Причем Антон оказался под девушкой. Все это происходило так быстро и стремительно, и силы ответственные за этот обратный процессе были настолько мощными, что никто не успевал не то чтобы за

чем-то следить, но даже и подумать.

А поток тем временем лишь нарастал. И сжатие звезды происходило куда быстрее, чем ее расширение. Даже призраки теперь уже в полной мере ощутили под какое давление попали. И это давление с каждой секундой лишь увеличивалось. Что стало, причем очень скоро, приводить их в состояние панического, ну просто-таки вселенского ужаса. Потому что попав в этот поток живого вещества, они испытывали за очень короткое время все то, что испытывали другие призраки, которые опускались прежде к центру Арона, за сотни лет. Сейчас же этот процесс был сжат всего-лишь до нескольких минут, а на последних стадиях и секунд. Однако и этого времени было более чем достаточно, чтобы несчастные призраки в полной мере ощутили все невообразимые боль и ужас погружения в раскаленную бездну. Вот они уже начинали плотнее прижиматься друг к другу, а вот чувствовать сильнейший жар, шедший со всех сторон. Стадию кристаллических разветвлений они проходили за несколько десятков секунд, а вот начинали покрываться твердой непробиваемой оболочкой. Уровня коконов они достигали, когда верхняя граница светового тумана почти сравнялась с атмосферой Земли. А нескончаемый и все более разогреваемый трением водопад живого вещества никак не останавливался.

На самой же Земле, конечно, никто также не мог уцелеть в условиях такого страшного катаклизма. Все постройки из «легкого стекла» почти мгновенно расплавились, а люди, из

тех, что еще оставались в них, погибли. Души их, лишённые теперь уже физической оболочки, уносились все тем же потоком падающего вещества к центру Арона. И легкой была эта смерть, и никто из людей не мог тогда ничего ни понять, ни почувствовать, поскольку происходило все на этих, последних стадиях сжатия звезды в сотые доли секунды.

И вот наконец внешняя оболочка звезды полностью скрылась под земной поверхностью. Однако вещество Арона, неизмеримое по своей живой массе, не сколлапсировало тогда окончательно. И трудно было назвать причину этого. То ли вещества звезды все же немного не хватило, чтобы силы притяжения возобладали над всеми прочими. То ли тот поступок Антона, когда он отказался послушать демонов и не отрекся от своей свободы, как-то повлиял на весь процесс. Однако, буквально через несколько миллионных долей секунды после падения вещества к центру гравитации, произошла вспышка.

И эта была такая вспышка, какой даже и близко представить себе никто не мог. Все исчезало в ней и все менялось. Само вещество, которое падало к центру этой бывшей теперь уже звезды стало другим. И преобразилось оно. Несчастные же призраки, невероятной силой прижатые к гравитационному центру прямо на стадии коконов, на этот раз не сгорели, как прежде и не стали светом. Они преобразились. Невероятно и удивительно. Так, как даже в самых смелых своих фантазиях не могли бы. Они переступили ту черту эволю-

ции, которую не смогли бы преодолеть ни при каких иных обстоятельствах. Они стали другими.

Те страшные и уродливого вида коконы, в которых они находились под самый конец, теперь бесследно исчезли. Они будто бы сначала раскрылись, подобно куколкам у простых земных бабочек, а затем и были развеяны невероятной мощи световым ветром. И из этих коконов вылетела красота. И это были совершенно иные существа, преобразенные, не люди. Они, конечно, еще чем-то напоминали своих бывших теперь уже далеких предков, но только внешне и то лишь отчасти. У них были все те же руки и ноги, туловища и головы. Но были и крылья. Большие и полупрозрачные, переливающиеся в потоках света радужным сиянием. И эти новые, преобразенные существа были также выброшены вспышкой Сверхновой в беспредельное пространство и рассеяны в нем.

Сама же вспышка была просто фантастической. По яркости она могла затмить в тот момент свечение целой Галактики с ее сотнями миллиардов живых и неживых звезд. Но не видел всего этого Антон. Поскольку так же как и Люн, был выброшен этой вспышкой с невероятной скоростью прочь, далеко за пределы Солнечной системы. И не то чтобы его бессмертная сущность или защитный костюм Люн не смогли бы им тогда помочь. Ничто бы не смогло. И они без сомнения бы погибли, если бы не та затвердевшая ткань портала между двумя мирами, на которой они совершенно случайно находились в последний момент. Эта ткань, как почти нераз-

рушимая эластичная мембрана, окутала их со всех сторон и приняла на себя всю силу первого удара. И хотя она потом все же распалась, однако Антону с Люн, к тому времени уже ничто не угрожало. Отчего они, все так же обнявшись, летели теперь с невероятной скоростью неизвестно куда живые, хотя и лишённые сознания.

Наконец, спустя несколько десятков часов, первым пришел в себя Антон, отчего, открыв глаза, стал осторожно, потому что все еще чувствовал сильную боль, осматриваться по сторонам. Он уже успел заметить, что Люн была с ним. Она крепко вцепилась в его одежду мертвой хваткой и даже в бессознательном состоянии не разжимала ее. А еще он увидел, что летели они с сумасшедшей скоростью. И хотя они находились в межзвездном пространстве, где-то очень далеко за пределами Солнечной системы, однако движение это было заметно даже на фоне самых отдаленных звезд.

Наконец пришла в себя и Люн. Девушка, как и он сам, еще некоторое время озиралась по сторонам, словно бы не в силах поверить, что все еще жива, а потом и обратилась к Антону:

– Мы живы? – спросила она, глядя ему в глаза, – кротик, ответь мне, мы живы или это сон?

– Нет, не сон, – ответил ей Антон, улыбнувшись, – я уже несколько часов тут любуюсь на всю эту красоту, – он повел рукой, указывая на расширяющееся вещество Сверхновой.

Девушка также посмотрела вокруг и тоже поняла, что ле-

тели они с невероятной скоростью. Отчего и спросила, когда же они начнут останавливаться. А Антон сказал, что на это потребуется еще очень много времени и что он уже начал этот процесс, удерживая ее саму руками. «Но, – произнес он задумчиво, – я пока не увидел и намека на то, что мы замедляемся».

– Ничего, – сказала ему Люн, – главное, что мы живы и мы вместе. А времени у нас теперь с тобой сколько угодно, почти целая вечность.

– Но ведь мы тут одни, – Антон снова повел рукой, – сможем ли мы отыскать здесь хоть кого-то, чтобы почувствовать себя в обществе. Ведь не можем же мы сами вот так изолированно существовать.

– Не бойся, кротик, не бойся. Мы уже столько с тобой всего пережили, что и эту проблему как-нибудь разрешим, – она положила ему голову на плечо. – Но сначала нам надо остановиться или хотя бы выбрать направление, куда лететь.

И долго они потом еще путешествовали по бескрайним просторам космоса, пока не нашли для себя одну небольшую, но вполне подходящую планету. И эта планета была необитаемой. Лишь иногда, очень странные космические корабли останавливались рядом с ней, а иные, что поменьше и приземлялись. Антон с Люн познакомились с экипажами этих кораблей, а потом и с жителями других планет той звездной системы, которые оказались вполне дружелюбными. Это были очень развитые существа, куда более развитые

чем прежние люди или даже элы. И именно они, кстати, и рассказали Антону с Люн, что после вспышки Сверхновой в Солнечной системе в их Галактике появились новые обитатели, которых все называли Странниками. Ведь эти существа, несмотря на свое невероятное и даже не вполне постижимое развитие, отчего-то редко когда задерживались на одном месте. И пользуясь своими крыльями, все время путешествовали между разными мирами. Причем летали они очень быстро, много быстрее самых скоростных звездолетов. Но жили всегда уединенно, лишь иногда, крайне редко объединяясь в пары. Гендерное разделение на мужчин и женщин у них присутствовало, однако детей их никто и никогда не видел.

Но, что самое интересное, Антону и самому пару раз удалось увидеть одного из таких странников. Это была женщина. Она прилетала к ним ночью. И поначалу Антон ее даже сильно испугался. Но потом понял, что женщина эта не замышляла ничего дурного. Она просто смотрела, причем именно на Люн, когда та спала, словно бы изучая ее. А однажды сделала еще и довольно странный жест, который самому Антону показался очень знакомым. Она вытянула вперед свою полупрозрачную руку и дотронулась пальцем до кончика носа Люн. Точь в точь как Катя когда-то, еще в своей квартире, когда Люн ходила за ней по пятам. И когда Антон это увидел, то не удержавшись, спросил прямо вслух: «Катя это ты?» Но «женщина» ничего ему не ответила и даже не посмотрела в его сторону. Когда же Люн наконец просну-

лась, Антон рассказал ей все, отчего девушка долго и горько плакала, все время повторяя: «Это была она, она. Я почувствовала ее во сне». А Антон лишь успокаивал ее и думал: «Кто может понять женское сердце? Вот уж действительно величайшая загадка природы, не то что всякие там полеты без посторонней помощи».

46. Заключение

Антон с Люн так и жили потом вместе. Как ни странно, но все эти невероятные путешествия вне пространства и взрыв Сверхновой подействовали на Люн примерно так же, как и на Антона его долгое пребывание вблизи черной бездны, отчего она совершенно перестала стареть. Через некоторое время у них родились и дети, двойня: мальчик и девочка. Мальчика они называли Джоном, в честь того парнишки из Восточного Суссекса, а девочку, естественно, Катей.

На самой Земле жизнь не погибла. Она, правда, словно бы замерла на некоторое время. И этот период был довольно долгим, но затем продолжила развиваться. Многие виды животных и растений возобновили тогда свою эволюцию, которая теперь пошла по уже совершенно иному пути. Через несколько тысяч лет некоторые из животных обрели даже дар речи, а затем еще и освоили самые примитивные орудия труда. И все же они так никогда и не стали такими же умными, как и жившие здесь раньше люди. Потому что на Земле оставался один объект, который все время незаметно мешал им. Он словно бы затормаживал их интеллектуальное развитие, не позволяя уже довольно большому и сложному мозгу в полной мере проявить свой творческий потенциал. И этим объектом была пирамида. Треугольная в основании и метра два в высоту. Она была примерно такой по величине, как и

тот костер, что горел в центре вспыхнувшей здесь некогда Сверхновой. Теперь же эта пирамида просто парила в воздухе, метрах в пяти над поверхностью, медленно поднявшись прежде с очень большой глубины. И все, что не было унесено той невероятной вспышкой в открытый космос, было сосредоточено теперь в ней. И страшным был этот объект, хотя внешне он и выглядел совершенно нейтрально. Вот только то, что было скрыто внутри него, вряд ли можно было описать хоть какими-нибудь словами.